

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
наука 4 *2020*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2020

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешикина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешикина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научный редактор: д-р ист. наук *Л.А. Фадеева*

Литературный редактор: канд. полит. наук *О.А. Толтыгина*

Технический редактор: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*

Выпускающий редактор: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2020.04.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.),

research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер..... 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.</i> Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий	13
<i>Мухарямов Н.М., Януш О.Б.</i> О комбинаторике языка, политики и идентичности.....	36
<i>Романова А.П., Черничкин Д.А.</i> Проблемы виртуальной религиозной идентичности	59

ИНТЕРВЬЮ

Перспективы исследований идентичности в социальных науках: продвижение неконфликтной публичной дискуссии (беседа профессора Л.А. Фадеевой с член-корреспондентом РАН И.С. Семененко)	74
--	----

НАУЧНЫЕ ДЕБАТЫ

<i>Попова О.В.</i> О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии.....	86
<i>Чернышов Ю.Г.</i> Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии)	111

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Алексеев А.В., Фомин И.В.</i> «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения»)	128
<i>Грабевник М.В.</i> Европейская идентичность Шотландии в контексте Брекзита.....	157
<i>Мартынов М.Ю., Пуртова В.С.</i> Политика идентичности как основа межнационального согласия в полиэтничном регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа)	178
<i>Назукина М.В.</i> Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов	200

КОНТЕКСТ

<i>Фомин И.В.</i> Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального)	221
<i>Михайлов Д.А., Тернов Н.М.</i> «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве	246
<i>Михалёва А.А.</i> Язык кланов: политическое воображение и идентичность на Дальнем Востоке России	269

РЕТРОСПЕКТИВА

<i>Зазнаев О.И., Сидоров В.В.</i> Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту?	290
<i>Фэй Хайтин.</i> Разрушение режима, государства и распад СССР	309

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Mchedlova M., Kazarinova D.</i> The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies.....	13
<i>Mukharyamov N.M., Yanush O.B.</i> About the combinatorics of language, politics and identity	36
<i>Romanova A.P., Chernichkin D.A.</i> Problems of virtual religious identity	59

INTERVIEW

Prospects for identity research in the social sciences: promoting non-conflict public discussion (interview of professor Lyubov' A. Fadeeva with corresponding member of RAS Irina S. Semenenko).....	74
--	----

SCIENTIFIC DEBATE

<i>Popova O.V.</i> Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science	86
<i>Chernyshov Yu.G.</i> Identities and national options of politics of memory (to the results of discussion).....	111

IDEAS AND PRACTICE

<i>Alekseev A.V., Fomin I.V.</i> “We, the defenders of nations and liberties”. How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National.....	128
<i>Grabevnik M.V.</i> European identity of Scotland in the context of Brexit	157
<i>Martynov M. Yu., Purtova V.S.</i> Identity politics as the basis for interethnic accord in a multiethnic region (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)	178
<i>Nazukina M.V.</i> Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions.....	200

CONTEXT

<i>Fomin I.V.</i> Narratives about the Soviet Past in the Discourse of the Russian Non-Parliamentary Opposition (Example of Alexei Navalny’s Texts)	221
<i>Mikhailov D.A., Ternov N.M.</i> “Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s nation-building	246
<i>Mikhaleva A.A.</i> Clan language: political imagination and identity in the Russian Far East.....	

RETROSPECTIVE

<i>Zaznaev O.I., Sidorov V.V.</i> Presidential or parliamentary system: what hinders an ethnic conflict	290
<i>Fei Haiting.</i> Regime and state breakdown: dissolution of the Soviet Union	309

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

В журнале «Политическая наука», как и в самой политической науке России, наметилась интересная тенденция представлять тематическое направление через обращение к опыту отечественных исследователей: почему, кто, когда и с каким результатом обращается к данной проблематике. Разумеется, с опорой на *state of the art*, на концептуальный арсенал, наработанный учеными ведущих научных центров мира, но все же акцентируя внимание, прежде всего, на российском академическом бэкграунде, на актуализации тех аспектов тематического направления, которые являются наиболее значимыми для российского общества и где отечественные авторы предлагают собственные интерпретации, трактовки и перспективы исследований.

Институционализация идентитарных исследований как направления в рамках политической науки в России охарактеризована в № 1 данного журнала за этот год [Фадеева, Назукина, 2020]. Развитие научного направления по исследованию политической идентичности выражается как в анализе того, каким образом осуществляются проекции разных идентичностей в политическую сферу, так и в отношении процесса наделения идентичностей политическими качествами в результате взаимодействий и изменения контекста.

Это в полной мере относится к теме политической идентичности и представлено в статьях данного номера. Разные аспекты состояния дисциплины отражены в одноименной рубрике. М.М. Мchedлова и Д.Б. Казаринова, обращаясь к разнообразию теоретического инструментария идентитарных исследований, ставят вопрос о том, как конкурируют понятия и концепты, будучи по-

мешенными в конкретный контекст политических смыслов и стратегий. Они расширяют интерпретативный пул концептуальных схем и понятийных конструкций, пересекающихся с понятиями идентичности и политики идентичности. Н.М. Мухарямов и О.Б. Януш анализируют комбинаторику языка, политики и идентичности, сопрягая языковые практики с отношениями по поводу идентичности и с политическими измерениями. А.П. Романова и Д.А. Черничкин, отмечая высокую степень дискуссионности понятия «религиозная идентичность», предлагают рассмотреть данную категорию в современной цифровой среде и апробируют понятие «виртуальной религиозной идентичности» для того, чтобы соотнести трансгрессию религиозности с институциональной трансформацией.

Перспективы исследований идентичности в современных социальных науках обсуждаются в моей беседе-интервью с И.С. Семеновым, член-корреспондентом РАН, безусловным лидером исследований идентичности в российской политической науке. Мы несколько вышли за пределы интервью, поскольку речь шла не столько об ответах на вопросы, сколько об обсуждении ключевых проблем идентитарных исследований: вкладе предшественников, специфике понимания ряда терминов, потребности в публичной дискуссии, которая при сохранении высокого полемического потенциала утрачивала бы черты конфликта, борьбы и клинча идентичностей.

Рубрика «Научные дебаты» включает постановку вопроса о нерешенных проблемах теории в том, что ее автор О.В. Попова предлагает называть государственной политикой идентичности. Она считает, что для такой теории созданы все предпосылки, хотя большинство исследователей предпочитают использовать иные термины и понятия. Представляется, что данная статья спровоцирует новый вал научной дискуссии по политике идентичности, национально-государственной идентичности и возможностям государственной политики идентичности.

Статья Ю.Г. Чернышова посвящена итогам научной дискуссии «Идентичности и национальные варианты политики памяти», которая развернулась с 1 апреля по 30 июня 2020 г. в рамках ежегодной интернет-конференции Алтайской школы политических исследований. Автор характеризует подходы участников к наиболее острым и политизированным темам национального прошлого, постколониального наследия, а также включение политики памяти в современный пандемический контекст.

Раздел «Идеи и практика» вместил разнородные по тематике тексты, посвященные конкретной манифестации идентичности и ее использованию в политической практике. А.В. Алексеев и И.В. Фомин провели анализ выступлений Марин Ле Пен как яркого представителя новых правых популистов Европы, выявив, как в ее риторике использовано обращение к проблематике гражданских прав и свобод для участия в интерпретативных битвах за их переосмысление. М.В. Грабевник анализирует европейский компонент в матрице шотландской идентичности, определяя факторы актуализации европейской идентичности шотландцев в контексте Брекзита. Он объясняет такой идентификационный поворот прагматичной стратегией шотландского сообщества и региональных политических акторов по нейтрализации негативных экономических и социальных эффектов Брекзита. М.Ю. Мартынов и В.С. Пуртова обращаются к политике идентичности как целенаправленному курсу региональных властей на примере ХМАО в конкретном ракурсе влияния на межнациональное согласие в регионе. Авторы приводят аргументы в пользу того, что политика, основанная на национально-государственной (макрополитической) идентичности в современной социально-политической ситуации, оказалась более эффективной, нежели предшествующая модель политики идентичности с опорой на этнические компоненты. М.В. Назукина характеризует идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов на примере пяти проектов: «Семь чудес России» (2007), «Россия 10» (2013), «Аллея России» (2014), «Народная банкнота» (2016), «Великие имена России» (2018). На основе экспертных интервью автор оценивает регионалистский дискурс и стратегию региональных акторов.

Рубрика «Контекст» представлена статьями, показывающими способы включения в разные контексты смыслов идентичности. В статье И.А. Фомина анализируется, как в дискурсе одного из лидеров российской внепарламентской оппозиции Алексея Навального используются нарративы об основных периодах советской истории. Политику удастся задействовать набор дискурсивных стратегий, которые позволяют ему эффективно использовать активы нарративов о советском прошлом. В работе Д.А. Михайлова и Н.М. Тернова рассматривается феномен ислама в Казахстане, его трансформация в светскую религию, которая призвана стать важным элементом политической идентификации и казахстанского национального строи-

тельства. А.А. Михалева соединяет контексты социального трайбализма и конструирования идентичности региональных политических лидеров на примере Якутии и Бурятии. Она оценивает воспроизводство трайбалистского дискурса в регионе в качестве способа описания политического.

В рубрике «Ретроспектива» представлены две работы, затрагивающие темы, которые поднимались на страницах журнала в прошлых номерах. В статье О.И. Зазнаева и В.В. Сидорова анализируется проблема взаимосвязи между формой правления и этническими конфликтами. Авторы отвечают на вопрос о том, какая из форм правления создает риски возникновения конфликтов на этнической почве. Китайский автор Фей Хайтин рассмотрел механизм причинности между разрушением режима и распадом государства (на примере СССР), обосновав тезис о том, что дестабилизация режима в результате межэлитной борьбы приводит к разрушению государства.

При всей разноплановости тем и разнообразии подходов авторов статей данный номер журнала «Политическая наука» вносит вклад в продвижение идентитарных исследований и в понимание политической идентичности и проекции идентичностей в сферу политического.

Л.А. Фадеева

Литература

Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>

References

Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

М.М. МЧЕДЛОВА, Д.Б. КАЗАРИНОВА*

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ:
КОНКУРЕНЦИЯ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ¹**

Аннотация. Хрупкость современного мира породила теоретико-методологические кризисы, но и открыла возможности для дискурсивного и политико-прагматического выхода за границы линейных нормативных конструкций Модерна. Включение в парадигмы интерпретации политической реальности понятий идентичности и политики идентичности, а в инструментальные практики – соответствующих стратегий и технологий приводит, с одной стороны, к повышению результативности научного поиска, с другой – к усугублению неопределенности и деструктивности вследствие применения соответствующих политических практик. Предметное поле данных понятий диверсифицировано, отражает множественность референтов и порождает концептуальную и политико-инструментальную конкуренцию.

Цель исследования – проследить теоретический ответ на изменение реальности, плохо описываемой традиционной институциональной парадигмой политической науки, с помощью включения социокультурных смыслов, способных выступить катализатором и легитимирующим основанием политических практик.

*** Мchedlova Мария Мирановна**, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru; **Казаринова Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31777 «Религиозные институты в эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества»

© Мchedlova М.М., Казаринова Д.Б., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.01

Авторы обращаются к концептуальным положениям теорий протестной идентичности (М. Кастельс), ресентимента (Ф. Фукуяма), псевдополитики (М. Лилла), политики жизни (Э. Гидденс), tribes и нового трайбализма (М. Маффесоли) и ретропии (З. Бауман).

Ключевые слова: политика идентичности; идентичность; множество; ретропия; антиполитика; политика жизни; ресентимент; новый трайбализм; неравенство; солидарность.

Для цитирования: Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>

Архитектура политического устройства формируется онтологическими параметрами логики власти и понимания причинности, порождая соответствующий образ мысли и способы рефлексии. Понятийный инструментарий традиционно-действенных концептуальных схем «знакомого мира» не только отражал, но и порождал специфику политической прагматики и идеологической риторики, а формировавшийся вокруг теоретических конструкций дискурс задавал векторы познания, нормативную структуру политических конструкций и предпочитаемых стратегий. Однако «ускользающий из рук мир» поставил вопрос методологического порядка о познавательной адекватности политических теорий и понятийных массивов, начав разрушать доминирующий нарратив Модерна, изменяя параметры целеполагания, представления о прогрессе, инструментальные практики. Гносеологическая ограниченность классических парадигм поставила политическую науку перед проблемой концептуализации нового понимания политики, поиска интерпретации и легитимации политических инструментальных практик. Множество возникающих и мультиплицирующихся прецедентов в реальной политике, объяснение которых невозможно в рамках классических теоретических подходов и практик, решается и интерпретируется *ad hoc*, а политические референции современности, денотаты и сигнификты понятий теряют определенность, порождая множественные, конкурирующие между собой значения, далеко не тождественные устоявшимся представлениям. Наиболее ярко звучат интеллектуальные баталии вокруг понятий идентичности и политики идентичности, преломляющиеся в неоднозначных и разнообразно ценностно окрашен-

ных практиках: в условиях деструктуризации социальности и де-легитимации политических учреждений поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур [Castells, 1999].

Принято считать, что с момента избрания президентом Д. Трампа и британского голосования по Брекзиту началась новая эпоха в мировой политике. Интерпретация ее новизны зависит от акцента на тех или иных новых составляющих: эпоха подъема популизма / иллиберальной демократии и «эра популизма» [Katz, Nowak, 2017; Ricci, 2020], эпоха политики идентичности и ресентимента [Фукуяма, 2019], «ретротопии» [Бауман, 2019], время «антиполитики» [Lilla, 2017], «политики страха» [Дуткевич, Казаринова, 2017], «политики гнева»¹ и «цивилизация блефа» [Капустин, 2020]. Общей точкой отсчета можно считать актуализацию референций понятия идентичности. Однако различные (концептуальная, ценностная и идеологическая) оптики усугубляют состязательный характер этого концепта [Фадеева, 2017]. Негативная окрашенность предлагаемых интерпретаций свидетельствует об актуализации протестной / оппозиционной идентичности или «идентичности сопротивления» как самого распространенного инструмента политики идентичности [Castells, 2006]. Аналогичным по смысловой нагруженности является концепт «защитной коллективной идентичности» [Семененко, 2017, с. 649], отражающий доминирующий выбор политических стратегий. По мнению Б.Г. Капустина, «цивилизационные проекты можно представить как разновидности политики идентичности и борьбы за признание... Она направлена на защиту и экспансию существующей идентичности, а не на ее отрицание в пользу новой нравственно более богатой» [Капустин, 2010, с. 111].

Политический пафос Модерна, основанный на триаде «свобода, равенство, братство», громче звучал в утверждении свободы и равенства, тогда как солидарность получила наименьшее отражение в институциональных и внеинституциональных нормах. Это создало ситуацию, когда современные поиски справедливости вывели на авансцену не только теоретический конструкт идентично-

¹ Rodrik D. The Politics of anger. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-politics-of-anger-by-dani-rodrik-2016-03> (accessed: 30.07.2020).

сти, но и соответствующие практики, в основе которых имплицитное стремление к солидарности и преодоление экзистенциальной недостаточности.

Политика идентичности: концептуальные подходы к определению понятия

Большинство гуманитарных понятий являются многозначными, однако значения понятий не всегда вступают в теоретическую или ценностно-идеологическую конкуренцию. Возникновение последней происходит вследствие исчерпания генерализированных объяснительных схем и появления новых референтов, несводимых к единому знаменателю. Онтологическое разнообразие референтов легитимирует равноправие существующих значений и, как следствие, разнообразных, но уже равноположенных политических практик: «...конкурирующие модели ориентиров развития, порождающие конкурирующие и альтернативные концептуальные пространства и онтологии» [Мчедлова, 2018, с. 95]. Расширяемое и переопределяемое предметное поле понятия идентичности, одновременное сосуществование солидаризирующихся и противоположных денотатов и сигнификатов делают данное понятие не только многозначным, но и высококонкурентным как внутренне, так и в вариантах использования. Это умножается на различные ценностные установки и целеполагание исследователей [Миллер, 2020]. Не случайно понятия «политика идентичности» и «политика памяти» включаются в арсенал идеологической борьбы, а историческая память и определение идентичности становятся полем специфической политической конкуренции.

Термин «Identity politics», введенный в научный оборот в конце 1960-х годов, получил широкое распространение в начале 1980-х и в последующие десятилетия использовался очень часто и с радикально различными коннотациями, зависящими от контекста. В настоящее время в западной литературе сложилось довольно устойчивое понимание этого термина как политики, основанной на общности людей по различным идентификационным факторам (религия, раса, класс и др.), которые образуют эксклюзивные социально-политические союзы и политически действуют исключительно на этом основании, в противовес широкой коали-

ционной политике, основанной на пересечении интересов различных групп. Такое понимание понятия «политика идентичности» носит нормативный характер и исходит из интерпретации конкретного американского опыта (И. Семененко)¹: устоявшегося понимания в США «политики идентичности» как курса этнических и других меньшинств, направленного на самоутверждение [A soul for Europe ..., 2001, p. 2].

Подход к термину «политика идентичности», преодолевающий нормативную линейность, сложился в отечественной научной традиции благодаря одному из ведущих исследователей в данной области И. Семененко: «Политика идентичности используется государством как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных идейных позиций, политических убеждений и культурных предпочтений. На этой основе воспроизводится политическая нация, проводится тот “ежедневный плебисцит”» [Семененко, 2011]².

В развитие подобного подхода под «Identity politics» предлагается понимать «деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности... формированию общих ценностей... развитию групповых солидарностей...» [Современная политическая наука ..., 2019, с. 454]. Таким образом, политика идентичности становится «механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за политико-правовое признание права на инаковость» [там же, с. 457]. При этом, по мнению И. Семененко, «различия есть... в identity politics и identity policy. В соответствии с тем, о чем идет речь – о сфере деятельности или о способах, методах, проектах»³. (Нужно учитывать и наличие узкого понимания «identity policy» как деятельности по идентификации граждан, пользователей Интернета и т.д., присвоения ID).

¹ См. беседу с И.С. Семененко в этом номере журнала.

² Концептуальная логика эволюции и понятий «идентичность» и «политика идентичности» в стороны расширения предметного поля и многообразия референций отражена в фундаментальных исследованиях «Идентичность: Личность, общество, политика» [Семененко, 2017], «Современная политическая наука. Методология» [Современная политическая наука ..., 2019].

³ См. беседу с И.С. Семененко в этом номере журнала.

Хотя «утверждение концепта “политики идентичности”, происходившее на протяжении последних трех десятилетий, в арсенале политического анализа ведет к синергии двух его толкований» [Семененко, 2017, с. 653], русскоязычная и англоязычная трактовки термина «Identity politics / Политика идентичности» приводят к совершенно противоположному результату: речь идет о конструировании (в случае с отечественной трактовкой) и деконструкции (в англоязычном варианте) определенной политики. Согласно широко распространенному представлению, политика идентичности в западном понимании хотя и не направлена напрямую на разобщение общества и государства, замыканию в собственном кругу и на собственной повестке, но на практике приводит именно к этому. По мнению Ф. Фукуямы, «политика идентичности направлена на изменение культуры и поведения» [Фукуяма, 2019, с. 148], ее цель – «широкий нормативный сдвиг» в области общественной морали и в законодательстве. В данной логике Ф. Фукуяма выступает не против *политики идентичности*, но указывает на негативные эффекты *политики идентичностей* справа и слева, которые подрывают национальную идентичность: «...самая значительная проблема политики идентичности в том виде, в котором она сегодня практикуется левыми, заключается в том, что она стимулирует рост политики идентичности правого толка» [там же, с. 152]. Перетекая в пространство реальной политики, политика идентичности вызывает критику слева с конца 1990-х годов: Т. Джитлин называл ее «гигантской ошибкой» американской политики, уводящей ее в сторону от решения реальных проблем [Gitlin, 1996]. Политика идентичности раскачивает общество как маятник со все большей амплитудой, порождая более радикальные ответы. Таким образом, проблемы вызывает не столько сама политика идентичности, сколько эффекты от ее интенсивного распространения.

От общего к частному: судьба солидарности и политика жизни

Нацеленность политики идентичности на трансформацию социальных норм, притязания на формирование новой морали становятся мощным аттрактором для общества и для медийного про-

странства, структурирующего общественный и политический дискурс. Связь личностной идентификации с референтными общественными институтами заменяется трансформацией в сторону идентичностей на основе собственных желаний и исчисления вероятностей. Разрушение модернистской веры в линейный прогресс привело к отказу от утопии как мечты о лучшем будущем в пользу ретротопии (З. Бауман): современное крушение солидарностей и традиционных ценностных иерархий повернуло человека к себе, своему внутреннему миру, своему достоинству (платоновскому тимосу), своим чувствам и жизненному опыту (краеугольным понятиям политики идентичности), к «экспрессивному индивидуализму» [Фукуяма, 2019, с. 83]: «...новая мораль из центробежной превратилась в центростремительную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва» [Бауман, 2019, с. 127]. Подобная аксиология онтологизирует отторжение «чужого» в качестве воспроизводящего культурного и политического механизма, вплетаясь в «анатомию человеческой деструктивности» [Фромм, 2009].

З. Бауман связывает универсальность депривации (чувства несправедливости, лежащего в основе политики идентичности) с малоизвестной в отечественной науке концепцией «политики жизни» [Бауман, 2019, с. 101] и дает неутешительный диагноз современности: «В нашем глубоко индивидуализированном и дерегулированном обществе исключительно *ad hoc*, неустойчивых, временных и бесконечно множащихся союзов и коалиций (...) в обществе, отравленном “делегированием” задач социетальной политики на индивидуальный уровень “политики жизни”, в господствующей философии и соответствующем ей образе жизни можно увидеть стратегию, нацеленную на обесценивание и очернение человеческой солидарности на всех уровнях, кроме уровня “самых родных и близких”» [там же, с. 99]¹.

¹ Данное положение подтверждается социологическими исследованиями. Согласно лонгитюдным исследованиям ФНИСЦ РАН, на уровне семьи и близких в основном формируется я-идентичность россиян, что проявляется в жизненных стратегиях и социальных практиках и отражает происходящее дробление идентичностей до предельного уровня выживаемости. Можно утверждать, что данное

Политика жизни (life politics) – концепция политики нового типа, предложенная Э. Гидденсом, которая вытекает из вопросов о самореализации индивида, о том, как жить в современности. Она противопоставляется традиционной «эмансипационной политике», связанной с борьбой против «эксплуатации и угнетения» [Giddens, 1991], когда современный индивид эмансипируется от традиционно предписанной идентичности и воспринимает себя как рефлексивный проект для самоактуализации. Таким образом, Э. Гидденс определяет политику жизни двумя основными способами: 1) политика жизни касается политических вопросов, вытекающих из процессов самореализации в посттрадиционных контекстах; 2) политика жизни – это политика жизненных решений [Giddens, 1991]. Тезис Э. Гидденса «частное – это политическое» дает ключ к пониманию концепции «политики жизни» [Kavaliauskas, 2011] и ее политическим импликациям, отражая условия позднего Модерна. Поскольку политика жизни – это политика жизненных решений, затрагивающих саму самоидентификацию, то оторванные от традиционных сценариев люди теперь должны рефлексивно создавать свои собственные биографии в мире большого риска, неуверенности и беспокойства¹.

Смысловой дрейф в целеполагании от общего блага к благу индивида как главной цели политики делает ее сложно осуществимой. Если политика в традиционном понимании – это деятельность по согласованию интересов различных групп, то в концепции «политики жизни» все переворачивается: на основе политики жизни реализуется политика идентичности, основанная на квантификации, а сама идентичность уже не находится под жесткототальным влиянием универсализирующих норм и институций.

В интерпретативный потенциал концепта политики идентичности понятие жизненного опыта было инкорпорировано через представление о неразделяемом жизненном опыте (*L'expérience vécue*) женщины в философии С. де Бовуар. Ф. Фукуяма подробно останавливается на проблеме жизненного опыта, вслед за европейскими мыслителями XIX в., различая *Erfahrung* (опыт, которым

обстоятельство актуализирует проблемы ценностной аномии и национальной безопасности. См., например: [Двадцать пять лет ..., 2018].

¹ *Welton M. Anthony Giddens and the Emergence of Life Politics. – Mode of access <https://www.counterpunch.org/2016/03/18/anthony-giddens-and-the-emergence-of-life-politics/> (accessed: 30.07.2020).*

можно поделиться) и Erlebnis (неразделяемый, уникальный жизненный опыт) [Фукуяма, 2019, с. 141–142]. В таком контексте даже «сама природа современной идентичности с ее акцентом на жизненном опыте создает конфликты внутри либеральной коалиции»: [там же, с. 152], если жизненный опыт определенных групп, как правило, депривированных, принципиально признается неразделимым, то нет условий для какого-либо диалога.

Диалогу не способствует и акцент на эмоциях и чувствах, которые нельзя оскорблять по правилам политкорректности. Вопросы идентичности начинают восприниматься так же не критично, как вопросы веры. Как говорит З. Бауман, «цель споров, касающихся вопросов веры, заключается не в достижении согласия, а в стремлении объяснить противнику, что он непроходимо слеп и глух к сути вопроса и руководствуется недобрыми намерениями» [Бауман, 2019, с. 70]. Таким образом, в общественном пространстве не остается почвы для диалога: «Мы теряем смысл политики: не за что бороться кроме своих мелких, частных интересов, соответственно, нет основы для политической консолидации, агрегации интересов» [Дуткевич, 2020, с. 171].

Так, в США изначально левая политика идентичности апеллировала к наиболее широким классам американского общества, афроамериканцам или женщинам, мобилизуя их политическую поддержку под лозунгом борьбы за права. Но это, по словам М. Лилла, открыло путь к псевдополитике (pseudopolitics), эксклюзивной, ориентированной на все более дифференцирующиеся и закрытые группы. Перенесение объекта политической борьбы с социально-экономической на социокультурную сферу М. Лилла называет «великим отречением либералов» (The Abdication) [Lilla, 2017].

Социокультурные доминанты политики вытеснили традиционный спектр структурирования политических идеологий и практик и перспективы возвращения к «нормальной политике» как полемике сил право-левого политического спектра: «До тех пор, пока Запад не организуется в новых политических категориях – категориях, которые отразят глобализацию как основной фактор политической жизни (...) – общество будет представлять собой бурлящий котел левых и правых идей, и партий, не отличающихся ничем,

кроме идентичности»¹. Таким образом, политика идентичности отождествляется с псевдо- (или у некоторых авторов) антиполитикой – явлением, по сути противоположным политике как сфере согласования различных интересов и диалоговой по своей природе, и вытесняет возможности проектной идентичности в пространство идейных мечтаний.

Политика идентичности, справедливость и неравенство

На знаменах политики идентичности основным лозунгом является справедливость, легитимирующая разнообразные системы аргументаций и практические стратегии. «В политике идентичности как таковой нет ничего плохого, – заявляет Ф. Фукуяма, – это естественный и неизбежный ответ на несправедливость» [Фукуяма, 2019, с. 149]. Исчерпанность прежней парадигмы общественного развития, новые особенности социальной структуры, экономика посттруда, отсутствие адекватных альтернатив государству благосостояния порождают политику идентичности, обладающую большим потенциалом деструкции.

Справедливость как в эгалитаристской логике, так и в координатах «создания институтов, призванных наилучшим образом обеспечивать реальную свободу всем» [Van Parijs, 2001], связывается с проблемой преодоления неравенства, все более усиливающегося в национальных и глобальных координатах. В 2019 г., согласно докладу Oxfam, состояние миллиардеров выросло на 12% за год, или на 2,5 млрд долларов в день, в то время как благосостояние 3,8 млрд человек, составляющих беднейшую половину человечества, сократилось на 11%². Очевидно, что кризисный 2020 год покажет еще более значимое падение доходов средних, бедных и беднейших слоев, а трансформации рынка труда поражают воображение грядущими цифрами безработицы.

¹ *Simpson E.* The two-hundred-year era of 'left' and 'right' is over. – 2016. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2016/11/14/the-two-hundred-year-era-of-left-and-right-is-over/> (accessed: 30.07.2020).

² Billionaire fortunes grew by \$2.5 billion a day last year as poorest saw their wealth fall // OXFAM International. – 2019. – Mode of access: <https://www.oxfam.org/en/press-releases/billionaire-fortunes-grew-25-billion-day-last-year-poorest-saw-their-wealth-fall> (accessed: 30.07.2020).

Однако масштабного протеста по социально-экономической повестке почти не происходит, за исключением быстро свернувшегося движения Occupy Wall Street и чуть более длительной активности «желтых жилетов» во Франции. Гораздо заметнее протесты «достоинства» (по аналогии с «революциями достоинства»), основанные на таксонах социокультурной идентичности. Сегодня «люди не всегда голосуют в своих интересах. Они голосуют за свою идентичность. Голосуют за свои ценности. За тех, с кем себя отождествляют» [Lakoff, 2014], поскольку некому и не с кем солидаризироваться. Нет ни базы, ни лидеров, ни знамен, а «политика идентичности ведет к отчуждению от мировой системы. Она буквально разрывает вагоны второго и третьего класса. Они расходятся по своим этническим и религиозным купе и не могут договориться об общих целях и действиях по защите общих интересов. Лидер уже не может их мобилизовать ни для каких политических целей» [Дуткевич, 2020, с. 171].

Ф. Фукуяма утверждает, что политика идентичности в том виде, в котором она существует сейчас, – это более легкий путь, по которому левые направили общественное обсуждение: «тенденция политики идентичности сосредоточиться на культурных проблемах отвлекла энергию и внимание от серьезного мышления со стороны прогрессивных людей о том, как повернуть вспять тридцатилетнюю тенденцию в большинстве либеральных демократий к большему социально-экономическому неравенству. Легче спорить по культурным вопросам, чем менять политику»¹.

В результате политика, которая приводит к противостоянию поляризующихся культурных идентичностей, усугубляется социально-экономическими разногласиями, заводя в тупики, подобные ситуации Брекзита или президентской кампании в США в 2020 г. З. Бауман счел возможным использовать для анализа современной ситуации образ «Двух наций» – имущих и неимущих, предложенный Б. Дизраэли в романе 1845 г., а в США – сенатором-демократом Дж. Эдвардсом в 2019 г. [Бауман, 2019, с. 89]. «Две нации» – люди со сверхдоходами, с одной стороны, и представители среднего и низшего классов – с другой, практически не пере-

¹ Фукуяма: Политика идентичности и предпосылки гражданской войны в США. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/11/14/fukuyama-politika-identichnosti-i-predposylki-grazhdanskoy-voyny-v-ssha> (дата посещения: 30.07.2020).

секаются, существуют изолированно, и даже «создают и используют взаимно непередаваемые языки... Это еще одно доказательство, что разделение общества на две нации состоялось» [Бауман, 2019, с. 105]. Однако тезис о разделении нации чаще используется не в социально-экономическом, а в политико-культурном контексте. Как справедливо утверждает В. Мартьянов, в ситуации позднего модерна «в обществе возникают новые страты, не связанные с идентичностью ранее доминирующих классов, появляются значимые группы населения, объединенные внеэкономической идентичностью» [Мартьянов, 2017, с. 548].

Термин «Холодная гражданская война»¹ как эпитет противостояния в американском обществе появился уже несколько лет назад. В XXI в., во время культурной войны между американскими консерваторами и либералами из-за противостояния культурным, моральным и религиозным идеалам, некоторые политические комментаторы характеризовали политический дискурс либо как фактическую вторую гражданскую войну, либо как потенциальную прелюдию к ней. Согласно опросу Расмуссена в 2018 г., 31% американских избирателей опасались, что интенсивное партийное противостояние после президентских выборов 2016 г. и победы Дональда Трампа вызовет вторую гражданскую войну в ближайшие пять лет².

Брекзит в Британии вскрыл старые проблемы, которые казались решенными или вообще снятыми с повестки дня историей. Спор о Брексите – по сути спор о трещинах в социокультурном основании нации, которые были до поры до времени сглажены и проявились в ходе референдума, приведя к разделению на два общества – *Brexitland* и *Remainia*. Нетерпимость к оппонентам по вопросу о судьбе страны значительно превышает любой другой вид существующих в британском обществе предубеждений, в том

¹ Codevilla A. The Cold Civil War. Statecraft in a divided country. Claremont Review of Books, 2017. – Mode of access: <https://claremontreviewofbooks.com/the-cold-civil-war/> (accessed: 30.07.2020).

² Rasmussen Reports: 31% Think U.S. Civil War Likely Soon. – 2018. – Mode of access: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/general_politics/june_2018/31_think_u_s_civil_war_likely_soon (accessed: 30.07.2020).

числе расовых¹. И эта ситуация меняет облик британской политической системы, до недавнего времени одной из самых стабильных. Похожие расколы идентичности демонстрирует испанско-каталонский политический кризис.

Политика идентичности: в теоретических поисках организации множества

Поляризация в современном американском обществе объясняется разными причинами: неспособностью к гражданскому соглашению между двумя основными политическими партиями [Mason, 2018], активизацией неполитических идентичностей и трансформацией их в политические «мегаидентичности». Автор книги «Почему мы поляризуемся» Э. Клейн предложил концепт «сквозных идентичностей», которые удерживают национальное единство и уменьшают шансы гражданской войны. Он видит проблему в том, что замыкание в своих «информационных пузырях» оставляет все меньше возможностей для пересечения идентичностей. В контексте нашего исследования важен тезис, что поляризация происходит между большими социальными группами – не столько экономическими, сколько между социокультурными, в широком смысле культурными либералами и консерваторами, к которым равно относятся и правые, и левые, часто называемые «tribes» (tribus).

Понятие «tribes» все активнее проникает в англоязычную политическую повестку, и на русский язык переводится в зависимости от контекста. В русском языке термины «племена» или «кланы» носят отпечаток некой заложенной в них родственной основы, а понятие «трибы» имеет историческую окраску, хотя в нем заложен глубокий смысл разделения на части, подразделения, объединенные определенным признаком. В современном социально-политическом дискурсе под понятием «tribes» часто понимаются достаточно широкие поляризующиеся общественные группы. Так, например, Chatam House на основе опроса общест-

¹ Казаринова Д. Борис, борись! // Россия в глобальной политике. – 2019. – 23.07. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Boris-boris-20108> (дата посещения: 30.07.2020).

венного мнения разбил все население ЕС на несколько групп – tribes: «неуверенных европейцев», «довольных европейцев», «евроскептиков», «фрустрированных проевропейцев», «бунтарей» и «федералистов»¹. Понятием «tribes» описываются две части британского общества, разделившегося на «leavers» – сторонников Брекзита, и «remainers» – сторонников членства Великобритании в ЕС. В Америке под «tribes» подразумеваются сторонники демократов и республиканцев. Причем разделение это на «две нации» социокультурного характера настолько очевидно, что авторы книги «Prius or Pickup?: How the Answers to Four Simple Questions Explain America's Great Divide» М. Хетерингтон и Дж. Вейлер [Hetherington, Weiler, 2018], предельно упрощая ситуацию, предлагают всего по нескольким вопросам (Prius или пикап? Кофе из Старбакс или Данкин Донатс? Кошка или собака?) протестировать американцев на принадлежность к одному из двух лагерей – прогрессистов или консерваторов, между которыми и происходит все более углубляющийся раскол.

Система отношений между «tribes» получает название «новый трибализм» (трибализм); выстроенная вокруг него концептуальная схема постулирует переход от массового общества к социальным группам, при котором естественным образом формируются социальные сети, образующие новые «племена». Французский социолог М. Маффесоли [Maffesoli, 1996] был одним из первых, кто использовал термин «неотрибализм» для объяснения происходящих трансформаций. В его интерпретации «новые трибы», гибкие, эгалитарные, бесклассовые, «летучие», нестабильные, объединяются на основе общности духа, интересов, мировоззрения, жизненного стиля, т.е. субкультуры. По мере того как культура и институты Модерна будут приходить в упадок, общества будут испытывать ностальгию и искать ориентиры в организационных принципах далекого прошлого, и поэтому постмодернистская эпоха станет эпохой неотрибализма. По мнению М. Маффесоли, в современном мире происходит оживление определенных архаизмов, отодвинутых на второй план в обществе Модерна. Он предложил для анализа понятия социальности, «tribus émotionnelles» (эмоционального сообщества) и «reliance» (взаимосвязи, опоры) [Шубрт, 2018].

¹ Tribes of Europe. – Mode of access: <https://tribes.chathamhouse.org/the-tribes/> (accessed: 30.07.2020).

Расширение смысловых границ понятия «tribes» призвано преодолеть субкультурные коннотации, быть релевантным для описания более широких общностей и политических событий. Однако определенный оттенок архаики этот термин сохраняет. В то же время он способствует утверждению множественности как ключевого параметра, преодолевающего универсализм и линейность философии и политики Модерна.

Невозможность строгого определения данного понятия при интуитивной понятности его прикладного значения приводит к его употреблению с различными сигнификатами и денотатами. Так, понятие «новый трайбализм» используется Ф. Фукуямой в эссе «Против политики идентичности. Новый трайбализм и кризис демократии»¹. Эссе стало основанием книги «Идентичность», но уточнения понятия там нет. Профессор Йельского университета Э. Чуа [Chua, 2018] под трайбализмом понимает борьбу групп интересов и призывает соотечественников лучше разбираться в групповых идентичностях. Понятие «tribes» появляется и в последней книге З. Баумана «Ретротопия», одна из глав которой называется «Назад к племенам». Он пишет о «глобальной эпидемии ностальгии», которая в отсутствие прогрессистской универсалистской перспективы заставляет общества обернуться назад и двигаться в сторону естественного состояния войны всех против всех («Назад к Гоббсу»), общностям по идентичностям («Назад к племенам»), изолированным «двум нациям» богатых и бедных («Назад к неравенству») и к предельно индивидуалистическому, нарциссичному уходу от общества с помощью интернет-технологий («Назад в утробу»).

Современность меняет пространство, производящее политические и культурные смыслы и нормы, а включение человека в сеть множественных безличных связей ослабляет его соотнесенность с традиционными институтами и ценностными иерархиями. Индивидуализация идентичностей и ценностная аномия стимулируют возникновение новых сообществ, не компенсирующих нехватку солидарности и плохо описываемых традиционными по-

¹ Fukuyama F. Against identity politics. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. – 2018. – Mode of acces: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama> (accessed: 11.08.2020).

нятиями, иницируют политики идентичности, поддерживающие и стимулирующие технологии взаимодействия архаичных или возникающих подвижных общностей в параметрах конкуренции и «войны всех против всех».

Ресентимент и архаизация: закономерность или алармизм?

Состояние хаоса и утраты ориентиров, ощущение неравенства и несправедливости на глобальном и локальном уровнях вызывают страх, неуверенность, тревогу, требование достоинства, определяемое общим понятием «ресентимент». Ресентимент в психологии и философии определяется как сознание тщетности попыток повысить свой статус, неприятные чувства, враждебность к субъектам, которые воспринимаются как виновники несправедливости [Казаринова, 2020]. Однако сегодня ресентимент становится категорией политической теории и алгоритмом, в соотнесении с которым выстраиваются политические стратегии и технологии, а «идея справедливости становится своеобразным синонимом ресентимента» [Козлов, 2017]. Как подчеркивает А. Миллер, «новая “политика идентичности” стала активно использовать сферу культурной памяти для артикулирования и агрессивного утверждения “достоинства”, “травматического опыта” групп, добывающихся преимуществ (или компенсации (...)) за прежние несправедливости, для защиты оскорбленных чувств» [Миллер, 2020, с. 12]. Ресентимент выступает одновременно как причина и следствие политики идентичности, результат несправедливого распределения положительных и отрицательных эффектов глобализации. В социальном плане «формируется социальная группа из отчаявшихся, смирившихся и просто лишних работников, которая уже не является механической компиляцией временных безработных из разных слоев, а превращается в реальный класс со своими особыми интересами, менталитетом и образом жизни» [Мартьянов, 2017, с. 549], который борется за свои интересы через политику идентичности.

Ресентимент предстает в качестве группового феномена, обладающего большим мобилизационным и объединительным потенциалом. Он напоминает «мину замедленного действия; его реактивность до поры до времени поддается контролю, может быть растянута во времени, отложена на будущее, до появления усло-

вий, более подходящих для выброса вовне накопившейся темной, деструктивной энергии» [Козлов, 2017, с. 89]. Его энергия канализируется политическими силами, лидерами и партиями, набирающими популярность во всем мире, и приводит к популистской волне и всплеску антилиберальных, антимигрантских, антиевропейских, антиистеблишментских и прочих антинастроений. Ресентимент, влияющий на переопределение мотиваций, ценностных иерархий, социальных и политических практик, – это наиболее обобщающий и мощный ресурс политики идентичности как в контексте легитимации различных консолидирующих идентичностей во внутривнутриполитическом процессе, так и внешнеполитических процессах [Семененко, 2017, с. 647–648]. Направленность и результат подобных политик зависят как от целеполагания заинтересованных субъектов, так и от референтной базы конкретного общества, однако их равноположенность актуализирует одинаковую легитимность каждого из возможных путей.

Реакция на пандемию COVID-19 отразила амбивалентные процессы, приводящие к гиперцентрализации и к бесконечной фрагментации: с одной стороны – сила национального государства (вернее, слабость всех политических акторов иного уровня) в выполнении своей ключевой функции продуцирования безопасности, с другой – малоконтролируемая «социальная фрагментация, которой способствует Интернет»¹. Эти пока сложно определяемые фрагменты, или *tribes*, в условиях одновременных глобальных переходов (сдвигов парадигм) от Производства к Цифре и от Западных империй к Азии² образуют некое новое состояние хаоса во внешней и внутренней политике, который вполне может стать началом новой социальной организации. Традиционные политии Модерна сталкиваются с социально-политическими размежеваниями на несколько «наций» и в результате «новые вызовы современной эпохи (особенно в условиях «больших вызовов». – М. М., Д. К.)...

¹ Fukuyama F. Against identity politics. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. – 2018. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama> (accessed: 11.08.2020).

² Kessler J. Not tribes, just chaos: Review of: Chua A. Political Tribes: Group Instinct and the Fate of Nations, 2019. – Mode of access: https://www.amazon.com/Political-Tribes-Group-Instinct-Nations/dp/0399562877/ref=sr_1_10?dchild=1&keywords=tribes&qid=1595531471&sr=8-10 (accessed: 30.07.2020).

становятся питательной средой алармизма и страхов, которые, в свою очередь, запускают маховик архаизации» [Семененко, Морозова, 2017, с. 82], актуализируя деструктивные политические практики протестной идентичности. Деструктивная архаизация в технологиях политического взаимодействия отражает деструктивный потенциал привлекательных лозунгов современной политики: «*Make America Great Again*» (Д. Трамп), «*America Must Lead Again*» и «*Build Back Better*» (Д. Байден), «*Take Back Control*» (Брекзит).

Заключение

Предметное поле понятия политики идентичности включает в себя денотаты, порождаемые огромным количеством эффектов, создающих новую политическую реальность. Формирующийся вокруг данного понятия дискурс, высококонкурентный в силу различия смыслов и значений, порождает различные теоретические подходы и конкурентные политические практики. Фиксируемое дробление общего, несводимость множественности общностей к консенсусным основаниям классификации предопределяют конкуренцию как между значениями понятий, так и между субъектами политического целеполагания, преодолевающую в своей легитимности нормативную логику линейного нарратива Модерна. Истончающиеся солидарности в меняющемся мире и еще большее их дробление в результате политики идентичности, видоизменение иерархии традиционных ценностных приоритетов, фиксировавшихся в политических институтах и солидарностях, не только акцентуируют протестные идентичности, потенциал развития которых далеко не очевиден, но и конструируют туманно-мозаичное зеркало будущего.

Список литературы

- Бауман З. Ретротопия. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 160 с.
Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь мир, 2018. – 384 с.
Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 8–21. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>

- Дуткевич П. Сила гегемона: роль дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 167–178. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178>
- Казаринова Д.Б. Политическая наука в эпоху ресентимента // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 169–183. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183>
- Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации». Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – 630 с.
- Капустин Б.Г. Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3. – С. 82–85.
- Козлов Д.В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 85–98. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.08>
- Мартьянов В.С. Социальная стратификация и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 545–552.
- Миллер А.И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–15.
- Мчедлова М.М. Будущее как предчувствие (к дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 93–104.
- Семенов И.С. Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 647–655.
- Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5–24.
- Семенов И.С., Морозова Е.В. Идентичности в меняющемся мире: ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 77–88.
- Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
- Фадеева Л.А. Идентичность как «состязательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 70–76.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 635 с.
- Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Шубрт И. Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 24–32. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002155-3>
- A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans. A Reader / Cerutti R., Rudolph E. (eds). – Leuven: Peeters, 2001. – Vol. 1: (On the making of Europe). – 214 p.

- Castells M.* L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité. – Paris: Fayard, 1999. – 538 p.
- Castells M.* Globalization and identity: a comparative perspective // *Transfer*. – 2006. – N 1. – P. 56–65.
- Chua A.* Political tribes: group instinct and the fate of nations. – N.Y.: Penguin Press, 2018. – 304 p.
- Giddens A.* Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – 256 p.
- Gitlin T.* The twilight of common dreams: why America is wracked by culture wars. – N.Y.: Henry Holt and Company, 1996. – 288 p.
- Hetherington M., Weiler J.* Prius or Pickup?: How the answers to four simple questions explain America's great divide. – Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2018. – 288 p.
- Katz B., Nowak J.* The new localism: how cities can thrive in the age of populism. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2017. – 288 p.
- Kavaliuskas T.* Life Politics and ideology // The individual in business ethics. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 73–82. – DOI: https://doi.org/10.1057/9780230295261_5
- Lakoff G.* The all new don't think of the elephant: know your values and frame the debate. – White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014. – 192 p.
- Lilla M.* The once and future liberal: after identity politics. – N.Y.: Harper Collins, 2017. – 143 p.
- Maffesoli M.* The time of the tribes: the decline of individualism in mass society. – London: Sage, 1996. – xii+176 p. – DOI: <http://ddoi.org/10.4135/9781446222133>
- Mason L.* Uncivil agreement: how politics became our identity. – Chicago, IL: Chicago University Press, 2018. – 192 p.
- Ricci D.* A Political science manifesto for the age of populism: challenging growth, markets, inequality and resentment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 204 p.
- Van Parijs Ph.* What's wrong with a free lunch? – Boston: Beacon Press, 2001. – 156 p.

M.M. Mchedlova, D.B. Kazarinova*

**The identity politics: competition of new theoretical meanings
and political strategies¹**

Abstract. The fragility of the modern unstable world has created both theoretical and methodological crises, and opened up opportunities for discursive and political-pragmatic transcending the boundaries of linear normative constructions of Modernity.

* **Mchedlova Maria**, RUDN University; the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru; **Kazarinova Daria**, RUDN University (Moscow, Russia), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru

¹ The article is supported by RFBR and EISR No. 20–011–31777 «Religious institutions in an era of social upheaval: strategies, transformation of legitimacy and society's expectations».

The inclusion of the concepts of identity and identity politics paradigm in the interpretation of political reality, and in instrumental practice appropriate strategies and technologies that lead to improving the performance of scientific research, and at the same time – to the aggravation of the uncertainty and destructive due to the use of political practices, guided around them. The subject field of these concepts is diversified and fragmented, reflecting the multiplicity of referents and generating conceptual and political-instrumental competition.

The aim of the research is to trace the theoretical response to changing reality, which is poorly described by the traditional institutional paradigm of political science and requires the incorporation of socio-cultural meanings, which then becomes a catalyst and legitimizing basis for certain political practices. The authors address the conceptual positions of the theories of protest identity (M. Castells) resentment (F. Fukuyama), pseudo-politics (M. Lilla), politics of life (A. Giddens), tribes and new tribalism (M. Maffesoli) and retrotopia (Z. Bauman).

Keywords: identity politics; politics of fear; retrotopia; politics of anger; anti-politics; politics of life; resentment; new tribalism; inequality; deprivation; polarization; cross-cutting identities; archaization.

For citation: Mchedlova M., Kazarinova D. The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>

References

- Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: Russian public opinion research center, 2019, 160 p. (In Russ.)
- Castells M. Globalization and identity: a comparative perspective. *Transfer*. 2006, N 1, P. 56–65.
- Castells M. *The information age. The power of identity*. Paris: Fayard, 1999, 538 p. (In French)
- Cerutti R., Rudolph E. (eds). *A soul for Europe. On the political and cultural identity of the europeans. A Reader*. Leuven: Peeters. 2001, Vol. 1 (On the making of Europe), 214 p.
- Chua A. *Political tribes: group instinct and the fate of nations*. N.Y.: Penguin Press, 2018, 304 p.
- Dutkiewicz P. The power of hegemon: the role of discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2020, Vol. 22, N 2. P. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178> (In Russ.)
- Dutkiewicz P., Kazarinova D. Fear as politics. *Polis. Political Studies*. 2017, N 4, P. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02> (in Russ.)
- Fadeeva L. Identity as a “contentious concept” in political science. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 70–76. (In Russ.)
- Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST Moscow, 2009, 635 p. (In Russ.)

- Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O., Nikitin A. (eds). *Contemporary political science: methodology*. Moscow: Aspekt Press, 2019, 776 p. (In Russ.)
- Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991, 256 p.
- Gitlin T. *The Twilight of common dreams: why America is wracked by culture wars*. N.Y.: Henry Holt and Company, 1996, 288 p.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds). *Twenty-five years of Russian transformations: experience of sociological analysis*. Moscow: Ves Mir, 2018, 384 p. (In Russ.)
- Hetherington M., Weiler J. *Prius or pickup?: How the answers to four simple questions explain America's great divide*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2018, 288 p.
- Kapustin B.G. Civilization of bluff. *Russia in global affairs*. 2020, N 3 (103), P. 82–85. (In Russ.)
- Kapustin B.G. *Political senses of "civilization". Critique of political philosophy: selected essays*. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 630 p. (in Russ.)
- Katz B., Nowak J. *The new localism: how cities can thrive in the age of populism*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2017, 288 p.
- Kavaliauskas T. Life politics and ideology. In: the individual in business ethics. London: Palgrave Macmillan, 2011, P. 73–82. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230295261_5
- Kazarinova D.B. Political science in the age of resentment. *MGIMO Review of International Relations*. 2020, Vol. 13, N 1, P. 169–183. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183> (In Russ.)
- Kozlov D.V. Political behavior in modern Russia in the light of the resentment concept. *Polis. Political Studies*. 2017, N. 1, P. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.08> (In Russ.)
- Lakoff G. *The all new don't think of the elephant: know your values and frame the debate*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014, 192 p.
- Lilla M. *The once and future liberal: after identity politics*. N.Y.: Harper Collins, 2017, 143 p.
- Maffesoli M. *The time of the tribes: the decline of individualism in mass society*. London: Sage, 1996. xii+176 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446222133>
- Martyanov V. Social stratification and identity. In: *Identity: The individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 545–552. (In Russ.)
- Mason L. *Uncivil agreement: how politics became our identity*. Chicago, IL: Chicago University Press, 2018, 192 p.
- Mchedlova M. The future as apprehension (debate about the crisis of political science). *Political science (RU)*. 2018, N 1, P. 93–104. (In Russ.)
- Miller A. An introduction. big changes. what's new in memory politics and it's studies? In: Miller A., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press, 2020, P. 8–15. (In Russ.)
- Ricci D. *A Political science manifesto for the age of populism: challenging growth, markets, inequality and resentment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 204 p.

- Semenenko I. Identity politics. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 647–655. (In Russ.)
- Semenenko I. Political identity in the context of identity politics. *Political expertise: POLITEX*. 2011, Vol. 7, N 2, P. 5–24. (In Russ.)
- Semenenko I., Morozova E. Identities in a changing world. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 77–88 (In Russ.)
- Šubrt J. Postmodern world in sociology of Michel Maffesoli. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2018, N 10, P. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002155-3> (In Russ.)
- Van Parijs Ph. *What's wrong with a free lunch?* Boston: Beacon Press, 2001. – 156 p.

Н.М. МУХАРЯМОВ, О.Б. ЯНУШ*
**О КОМБИНАТОРИКЕ ЯЗЫКА,
ПОЛИТИКИ И ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные способы взаимодействия познавательных структур, отражающих многообразные формы соприсутствия явлений языка, идентичности и политики, их сочетаемости как в онтологическом, так и гносеологическом смыслах. Типы сопряжения языкового функционирования (коммуникативных практик и ситуаций, индивидуального и группового поведения) с отношениями по поводу идентичности и с политическими измерениями, возникающими на этой основе, образуют сложный комплекс с многосторонней оборачиваемостью ролей. Аналитические рефлексии в этой области также образуют фрагментированную и даже поляризованную картину. На одном фланге такое сопряжение интерпретируется в духе изоморфизма (в логике взаимного замещения и однозначного отображения), в виде синтеза, в основе которого подразумевается общая аскриптивная природа, или эссенциалистские принципы понимания. Идентичность задана еще до того, как предпринимается идентификация, а язык присутствует при этом в качестве атрибута, т.е. неотделимо. Диаметральная позиция заключается в дивергенции языка и идентичности, поскольку абстрактное видение «языка» как системы отнюдь не предполагает осознанного единства участников коммуникации и носителей вербального поведения. В «средней» зоне располагается обширный спектр суждений относительно

*** Мухарямов Наиль Мидхатович**, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; **Януш Ольга Борисовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: yanush_ob@yahoo.com

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31601 «“Политика языка”: геолнгвистические контексты и модулы участия».

того, что язык и идентичность могут взаимодействовать на уровне модусов (но не атрибутов). Языковая субъектность отражает как мотивацию взаимопонимания, так и потребности в идентификации. Отсюда вытекают логические следствия – языки и идентичность соприкасаются, прежде всего, в плоскостях символического, а политическое воздействие может происходить как в плане традиционно и «классически» понимаемой языковой политики, так и «политики языка». Последняя отличается существенно меньшей институциональностью, отсутствием «жестких» формально-процедурных оснований и решений. Смысловые свойства в данном случае предполагают значительно более широкий агентивный состав и многоуровневые структуры (макро-, мезо- и микромасштабов).

Целесообразность аналитического освоения этой разновидности политик связана с возможностью гибкого реагирования на корреляцию языка и политики в их ситуативной динамике, в том числе – на «низовом» уровне.

Ключевые слова: язык; идентичность; символическое; языковая политика; политика языка.

Для цитирования: Мухарямов Н.М., Януш О.Б. О комбинаторике языка, политики и идентичности // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 36–58. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.02>

Введение

Предметы, о которых пойдет речь в статье, отличаются столь очевидным устойчивым соприсутствием в социальной реальности, что может складываться ощущение самоочевидности и аксиоматичности, которые не нуждаются в особом аналитическом обосновании. Однако в этой области подготовлен и готовится обширнейший массив академических публикаций, с трудом поддающийся науковедческому обзору. Здесь есть, разумеется, о чем говорить.

Язык во всех своих элементах и способах применения – от идеоэтнических языков, социолектов до акцентов и интонаций говорящих, от функций репрезентации и конструирования до семантики доктринации – присутствует в практике идентификации, в рефлексиях по поводу идентичности.

На всех образующихся здесь пересечениях возникают политические смыслы и эффекты. Математическая метафора комбинаторики помогает рассматривать множественные варианты «соединений» – как простейших терминологических сочетаний и перестановок, так и более сложных концептуальных построений. Язык и идентичность сходны в том, что становятся составляющими единых когнитивных процессов, имеют коммуникативную, интересубъектную

природу. И на то и на другое устремлены политические интенции. И там, и там возникают политически значимые последствия, преднамеренные или нет.

Язык и идентичность: атрибуты и модусы взаимодействия

Сам тематический круг, очерчиваемый концептуальными сочетаниями «язык – идентичность – политика», образуется обобщаемыми и меняющимися местами субъектно-предикатными ролями и функциями от многих переменных. Каждый концепт в той или иной ситуации может становиться логическим подлежащим или логическим сказуемым. Отсюда – крайне фрагментированная познавательная ситуация в социальной гуманитаристике, определенная анархия в выборе инструментов концептуализации и шире – самих дискурсивных стилистик.

Способы сопряжения языковой жизни конкретных обществ, группового и индивидуального языкового поведения, всего, что связано с социально-коммуникативными системами и средами, с одной стороны, и отношениями по поводу идентификации – с другой, – это калейдоскоп очень сложного строения.

Можно, однако, попытаться прибегнуть к приему, позволяющему (с известной долей упрощения) выделить некоторые основные смысловые векторы освоения названного тематического комплекса. Иногда такие линии исследовательского внимания имеют направленность, зависящую от некоторых различительных процедур (дистинкций).

Начать можно с того, что исследовательский дискурс в рассматриваемом тематическом поле выглядит не просто глубоко фрагментированным, но и с очевидностью поляризованным.

Одно из наиболее заметных направлений теоретизирования по поводу языка и идентичности исходит из их фундаментального отождествления. И то и другое в самом деле немислимо вне контекста коммуникации. Один из «классических» примеров представлен суждениями Роберта Ле Пажа: «Каждый должен выстроить собственную идентичность путем соотнесения себя – в позитивном или негативном смысле – с людьми или группами людей, в которых он распознает себя, наделяя их лингвистическими харак-

теристиками. Притяжение и отталкивание *проецируется* посредством использования языка... мы идентифицируем себя, создавая свой собственный неповторимый тип лингвистического (и иного) поведения и одновременно используем его для определения своего места среди других. Затем мы получаем от других информацию, в какой мере они приняли наш мир и совместим он или не совместим с их собственными мирами... Таким способом в реальном мире формируются лингвистические группы, сходные с теми, которые существуют в сознании их членов» [Ле Паж, 2015, с. 150]. Концептуальным кредо в рамках такого способа видения становится тезис «языковой акт есть акт идентичности», или «идентичность как перформативный акт» [Tabouret-Keller, 1997; The sociolinguistics of identity, 2006, p. 12; Joseph, 2004, p. 20].

В несколько иных жанровых (часто дидактических), более редуцированных форматах этот подход постулируется в виде тезиса: *«Без языка нет и народа. Язык – это важнейший механизм в формировании и функционировании культуры, важный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. Так считают многие политики и ученые. ...Государственная языковая политика проводится в гармонии с государственной культурной политикой»* [Пиневич, Стародубцев, 2011, с. 100, 107] (курсив авторов).

Эта парадигма может быть обозначена при помощи общенаучной терминологии – как **синтез** (взаимная связь частей единого целого) или естественно-научной терминологии – как **изоморфизм** (отношения взаимного замещения, взаимного же однозначного отображения).

Вектор, направленный в сторону противоположного полюса по отношению к синтезу и изоморфизму, можно определить как **дивергентный**.

Здесь присутствуют – контрарные по смыслам – отправные точки. В этом направлении происходит кристаллизация парадигм философии языка, коммуникативного знания, исследований идентичности и соответствующих политологических импликаций. Рефлексия по поводу связи языка и идентичности строится на радикальном разрыве с традиционной аксиоматикой, с эссенциалистскими представлениями, с натурализацией предмета. Заметно при этом, что предпринимаемые интеллектуальные усилия выходят за рамки тривиальных антиномий, таких как соотнесение примордиализма с конструктивизмом или инструментализмом.

Альтернативные позиции формируются как переосмысление самих онтологических оснований вербальных фактов и процессов в рамках объектной (или предметной) модели языка как чего-то монолитного, очерченного определяемыми границами. В контексте идентичности об этом пишет А.В. Вдовиченко: «Язык как лингвистический объект и как традиционное именование единого инструмента общения нередко мыслится **фактором создания** (возникновения) **идентичности** в широком спектре научной гуманитарной и обыденной аргументации... Как более специализированные (лингвистические и лингвофилософские) рассуждения, так и менее тяжеловесные жанровые зарисовки позволяют утверждать, что **понятие “язык” не эффективно для моделирования процесса естественного говорения (письма)**, и не может играть прежней доминирующей роли в формировании идентичности, понимаемой как осознанное и признанное неким сообществом единство». Предлагаемая субъектная (дискурсивная) модель «вербальной материи» строится на коммуникативных действиях, а не на модели абстрактного «языка», лишенного субъекта. Онтологической (не утилитарной) ценностью обладает не сам по себе «язык» как знаковая система. «...говорящему на “родном языке” известен не “язык”, а **типология коммуникативных синтагм, или ситуаций**». И напротив: «Употребление одних и тех же слов не обязательно означает присутствия одних и тех же концептов» в сознании, и наоборот, – употребление различных слов не означает обязательного присутствия различных “концептов”. ... Границы сообществ (в том числе этнических) независимы от имеющихся языковых навыков» [Вдовиченко, 2017, с. 22, 26]. Согласно этой линии суждений, «миф» о роли языка в формировании идентичности относится к категории предрассудков, на которых паразитирует гомогенная ему националистическая риторика [там же].

Между этими полярными позициями располагается обширный массив суждений относительно того, что языковые явления и способы идентификации соотносятся друг с другом не тотально, но через определенные структурные взаимодействия.

В реальной практике соединение явлений языковой реальности с практикой идентификации во всех ее проявлениях происходит, по-видимому, в виде конгломерации, но не в режиме конгруэнтности или полного совпадения при совмещении.

В языковом функционировании есть такие свойства и стороны, которые не предполагают какой-то необходимой связанности и идентичности и *viceversa* – идентификация не всегда выражена вербально. Сцепление онтологических элементов того и другого и тем более возникновение при этом политически значимых смыслов и эффектов происходит по-разному. Одни стороны при этом обладают имманентной природой и являются неотъемлемыми свойствами (*атрибутами*) предмета, другие – предстают в виде *модусов*, т.е. обладают свойствами непостоянности и возникают лишь в некоторых состояниях [Кондаков, 1976, с. 361].

На уровне обоюдно направленной и обращающейся роли друг по отношению к другу – на уровне модусов взаимного пересечения – язык и идентичность образуют общую феноменологию, в том числе – взаимное конструирование, языковую идентичность, нарративы идентичности, дискурсивную идентичность и проч. [Семененко, 2017, с. 23; Ellis, 2007].

Идентичность одновременно интерпретируется и прокламируется, что, разумеется, предполагает центральную роль языка [Sociolinguistics of Identity]. Притом что идентификация может производиться в мультимодальных вариантах (в том числе – невербальных), она так или иначе артикулируется, бывает эксплицитно выражена в тех или иных словесных формулах.

В лингвистическом знании, пожалуй, наиболее распространен подход, согласно которому идентичность связана не с самим языком как системным целым, а с его определенными свойствами и качественными параметрами. Языковое функционирование видится в дифференцированном плане – как инструмент обмена информацией, с одной стороны, и как средство самовыражения говорящего – с другой. Относительно роли моментов идентичности формулируются решения с той или иной детализацией.

Так, Дж. Джозеф оставляет открытым вопрос о том, составляет ли идентичность самостоятельную функцию (и цель) языкового употребления, или она представляет собой часть оснований, лежащих в основе коммуникативной стороны языковой реальности и репрезентации (второй фундаментальной стороны языкового функционирования), а также перформативной и фатической (контактоустанавливающей) функций. Это, по мнению автора, переводит концептуализацию языка в его соотнесенности с идентичностью из лингвофилософской плоскости в политическую плоскость.

Абстрактное видение «больших репрезентативных систем» не должно оставлять за рамками внимания судьбу «малых» языков. Лингвистическое знание должно быть реконфигурировано в контексте идентичности. Объект исследования в этом смысле обязан охватывать и «жизни человеческих существ» [Joseph, 2004, p. 20, 23].

Согласно авторитетной точке зрения академика В.М. Алпатова, в многоязычной среде взаимодействуют «две естественные для каждого человека, но противоположные потребности»:

- потребность взаимопонимания («каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своим собеседником»);

- потребность идентичности (стремление «пользоваться в любой ситуации общения полностью “своим” языком, освоенным в первые два-три года жизни») [Алпатов, 2000, с. 11, 12].

Вероятно, наиболее распространенный способ видения состоит в том, что соединение обоих начал в качестве атрибутов одного и другого (язык в идентичности – идентичность в языке) происходит в измерениях символического. Такие измерения трактуются по-разному – и как некоторые стороны обоих предметов, и как мотивации языкового использования, и как присущие языку самостоятельные функции.

На уровне лингвофилософских рефлексий язык в рамках традиции, заложенной Эдвардом Сепиром почти столетие тому назад, трактуется как «совершенная символическая система». Функция, отражающая это свойство, наделяется первенствующей ролью по сравнению с коммуникативной функцией. Правда, теперь, согласно современным лингвистическим представлениям, символическую функцию языка «чаще называют когнитивной, т.е. познавательной» [Алпатов, 2018, с. 149].

Бинарная логика, типичная для лингвистической теории, дифференцирует собственно коммуникативные аспекты языкового использования и те стороны, которые интегрированы с идентичностью (с восприятием мира, с маркировкой социокультурных границ, с исключением) [Ives, 2015, p. 100].

На уровне большей конкретизации символическая функция языка и деятельность, связанная с идентичностью (прежде всего – как с самопониманием), сходятся в принципиально неутилитарной природе того и другого. «“Идентичность”, понимаемую как основание или базис социального или политического действия, часто

противопоставляют “интересу”, с тем чтобы вывести на первый план и осмыслить *неинструментальные* модальности социального и политического действия» [Брубейкер, 2012, с. 74].

Это, разумеется, один из возможных объяснительных подходов. Он выводит рассматриваемые материи за логические рамки проблематики символического господства и подчинения, о котором писал П. Бурдьё. Кстати, редкая зарубежная публикация, исследующая языковые измерения идентичности, обходится без ссылки на его классическую работу о «легитимном языке» [Бурдьё, 2005]. Также язык может мыслиться и как практика «символического насилия», в том числе через институты образования [Joseph, 2004, p. 47–49].

Политологические проекции рассматриваемой темы, естественно, достаточно множественны и разнонаправлены, что можно продемонстрировать на нескольких примерах.

Во-первых, в отечественных работах по социолингвистике представлены интерпретации символической функции языка на основании критериев властно-управленческого порядка. Это свойство языка иногда раскрывается в логике *ad hoc* и выражается в том, что «язык играет роль символа внутригосударственной интеграции в ситуации, при которой фактически данный язык не является средством межэтнического и общегосударственного общения, напр. малайский язык является официальным языком Сингапура, однако при этом выполняет лишь символическую функцию – на нем исполняется государственный гимн. В основных же сферах общения функционируют другие языки (английский, китайский, тамильский» [Язык и общество, 2016, с. 425]. Этот пример показывает, видимо, довольно редко встречающийся случай модуса взаимодействия языка и идентичности на политико-символическом уровне.

Во-вторых, момент символического рассматривается в качестве одного из двух способов обоснования проводимой языковой политики в ее системных качествах. Первый способ мотивирован *функционально* и ориентирован на удовлетворение интересов и получение индивидом быстрых и конкретных выгод – доступа к информации, преодоления лингвистических препятствий для получения каких-то благ, предотвращения коммуникативных угроз... Символические интересы связаны не с конкретными выгодами, а с потребностями самоидентификации. Символическая природа языковой политики нацелена на укрепление чувства принадлежности к

этнической группе, на использование соответствующих маркеров в качестве определяющих. С другой стороны, символические аспекты и те, что связаны с идентичностью, имеют общую социетальную и общегосударственную направленность [Johnson, 2013, p. 86–87].

В-третьих, языковые политики на «низовом уровне» исследуются в виде дихотомии:

- прагматически ориентированные стратегии и курсы, которые основаны «на опасениях социального и экономического исключения по причине невладения официальным языком»;

- идентитарно ориентированные (основанные «на опасении аккультурации, утраты культурной самобытности и родного языка»).

Использование соответствующего аналитического инструментария – перспективное направление исследования политико-языковых отношений в тех измерениях, которые характерны для рестриктивных шагов властей на постсоветском пространстве по отношению к нетитульным языкам, с одной стороны, и в российской ситуации языкового выбора на уровне обычных граждан (исключая фактор «этнических активистов») – с другой. На передний план выходят то прагматические, то идентитарные соображения [Соколовский, Филиппова, 2020, с. 11–13].

В-четвертых, заметным сегментом академического дискурса выглядят исследования перспектив консолидации сообществ языковой идентичности на не- и надэтнической основе (включая, кстати, разделяемые символические ценности), а также перспектив превращения этих сообществ в политический ресурс и приобретения ими политической субъектности. Этому была в свое время посвящена, к примеру, обстоятельно выполненная монография Дэвида Лейтина, в которой рассматриваются дилеммы русскоязычных жителей (ассимиляция / консолидация) соседних с Россией государств Балтии, Украины, Казахстана [Latin, 1998].

Пересечения языка и идентичности в контексте различающихся политик

Политически значимое содержание при взаимном наложении языковых процессов и отношений с идентичностью возникает на самых разных уровнях и в многообразных формах. На одних контурах такое содержание получает статус институционально оформ-

ленного в корпусе официальных текстов – *de jure* – атрибута в том смысле, о котором было сказано выше. На других – действуют модусы взаимодействия: соответствующие смыслы могут быть проявлены эксплицитно, *de facto*, вне какого-то формального обрамления.

Такие горизонты можно обозначить путем соотнесения двух концептуальных конструкторов – «языковой политики» и «политики языка» [Мухарямов, 2017].

«Языковая политика» генетически восходит к своему классическому концептуальному предшественнику в лице «языкового планирования» (учитывающему, кстати, советский опыт языкового строительства 1920–1930-х годов) [Jernudd, Nekvapil, 2012]. В когнитивных основаниях при этом находились оптимистические представления и практика, концентрирующиеся вокруг категорий рационального, политически полномочного, охватывающего общегосударственный масштаб и общество целиком, исходящего из стратегического целеполагания, рассчитанного на эффективность воздействия на языковые ситуации. Эти основания были исполнены пафосом модернизации, претендовали на идеологическую нейтральность и были во многом продиктованы постколониальными реалиями. После 1960-х годов под воздействием многих экстралингвистических факторов и постмодернистской интеллектуальной ситуации, но также и под влиянием политической науки стали чаще пользоваться категориями «языковой политики», «языкового менеджмента», «языкового культивирования» [ibid.].

Стратегии и меры языковой политики ориентированы на особый образ проектируемого целедостижения – на языковую пурификацию, реформы, распространение языка, языковое возрождение, стандартизацию, модернизацию лексики, совершенствование стилистики, поддержание языка, унификацию терминологии, межкультурную коммуникацию [Kaplan, Baldauf, 1997, p. 82]. По своему генезису, это – решения и меры, принимаемые сверху. Это каким-то образом должно быть открыто провозглашено, документировано и письменно закреплено в политических текстах, официальных актах [Johnson, 2013, p. 10].

В рассматриваемом контексте можно предположить, что проблематика идентичности на этом – высокоформализованном – горизонте если и присутствует, то чаще в декларативном ключе.

Определить место идентичности в предметном поле языковой политики можно через соотнесение двух сторон оппозиции –

субстантивные аспекты vs *символические* аспекты властно-управленческого регулирования лингвокоммуникативными и этнолингвистическими отношениями.

Одна часть в такой бинарной логике нацелена на закрепление или изменение реальных параметров функционирования языка и языковых ситуаций – правового статуса, корпуса (кодификация, стандартизация, графические основы, грамматика, лексический строй и т.п.). Другая часть, или «символическая языковая политика», по своим смыслам больше тяготеет к манифестации социокультурной или этнокультурной «самости» сообществ различной природы. Академические суждения на этот предмет заметно варьируются в оценках и в определении меры политизированности.

Одно из направлений исследовательской активности связано с тем, что идентичность рассматривается в виде переменной языкового регулирования в контексте интерлингвальных ситуаций, языкового многообразия и усилий, предпринимаемых по отношению к миноритарным языкам (табл. 1).

Еще одна сюжетная грань в этом тематическом комплексе имеет более общий концептуальный вид. Язык, будучи предметом сознательного и целенаправленного политико-правового воздействия, в западных исследованиях рассматривается в виде триангуляции – как ресурс, как проблема и как право. Это может быть распространено также и на то, чтобы квалифицировать символические типы языкового регулирования в политико-идеологических терминах. Культурно-языковое многообразие и в российском официальном дискурсе, и в экспертных выступлениях, как правило, декларируется как благо, «богатство», «достояние». При этом, однако, усилия по укреплению позиций миноритарных *de facto* языков («титულных» республиканских языков, прежде всего) интерпретируются, чаще всего, в несколько иных коннотациях, через концепт «вызова», а подчас и через инвективы [Марусенко, 2015]. Соответственно, и символическая языковая политика расценивается в виде «воплощения сецессионистских требований», «языковой сегрегации» [Борисова, 2017, с. 37; Борисова, Бородина, 2017, с. 173].

Вопрос о том, представляет ли символическая политика самостоятельное направление языкового регулирования в традиционном социолингвистическом понимании, далек от общепризнанного разрешения. В любом случае, идет ли речь об отдельном тренде или об аспектах всех способов властно-управленческого

воздействия на языковую жизнь общества, символическое характеризует не функциональные (субстантивные) параметры предмета. В центре внимания здесь, скорее, «аффективные» составляющие и, как бы пренебрежительно это ни звучало, – «лингвистический сентиментализм» [De Swaan, 2004, p. 567–580].

Таблица 1

**Градация компонентов этноязыковой идентичности
и языковой политики [García, 2012, p. 89]**

	УСПЕШНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА		МЕНЕЕ УСПЕШНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА	
Этноязыковая идентичность	сильная	сильная	сильная	умеренная
Представления о языке	сильные	сильные	умеренные	слабые
Язык в частной сфере	сильный	умеренный	сильный	слабый
Язык в публичной сфере	сильный	умеренный	сильный	слабый
Внутригрупповой языковой менедж- мент	сильный	сильный	слабый	слабый
Внешний языковой менеджмент	сильный	сильный	слабый	слабый
Примеры языковых групп	Баски Каталонцы	Маори Валлийцы	Языки индейцев Мексики Кечуа Берберы	Язык галло Бретонцы
РЕЗУЛЬТАТЫ	Поддержание и развитие языка	Ревитализация и развитие языка	Угрожаемый язык	Языковой сдвиг

Применительно к интерференции языка, политики и идентичности свои исследовательские перспективы открываются на

качественно ином контуре, который очерчивается при помощи понятия «*политика языка*».

Естественным и уместным будет вопрос – почему «политика языка»? Не есть ли это простая калька с англоязычного «*political-soflanguage*» или надуманное замещение привычного термина «языковая политика»? Однако, как видится, непривычное (и пока пребывающее в нетерминологическом состоянии в российском академическом дискурсе) для отечественного обществоведческого слуха словосочетание «политика языка» обладает эвристической перспективой. Имеются определенные основания для наделения этого инструмента правами на существование подобно его семантическим аналогам – «политике идентичности», «политике признания», «политике памяти», «политике прошлого» и проч.

Один из доводов в пользу этого утверждения по-особому звучит в контексте предметного ракурса данной статьи. Язык служит своеобразным связующим звеном между индивидуальными, групповыми и общими социетальными горизонтами идентификации. Это – и средство интерпретации, и способ артикуляции, и форма вербальной манифестации (репрезентации) идентичности, которая может быть рассмотрена в виде когнитивного процесса и дискурсивной деятельности на указанных уровнях. «Политика же языка» как лексический прием анализа позволяет видеть многообразие структурных характеристик, в том числе – на макро-, мезо- и микроуровнях, во-первых.

Во-вторых, большинство современных разработок на предмет политико-языковых отношений (а не только языковых ситуаций и языковых режимов) сходятся в том, что моноцентрическое видение властно-управленческого воздействия на языковую жизнь должно уступать место значительно более дифференцированному рассмотрению состава агентов этих отношений [Соколовский, Филиппова, 2018; Соколовский, Филиппова, 2020].

Такой аналитический инструмент, как «политика языка», обладает собственной эвристикой, позволяющей выходить за ограничения, присущие «языковой политике». Последняя, как было сказано, отражает нормативную сторону предмета и, следовательно, принятие решений в режиме дискретности. Когда же говорится о «политике языка», в орбиту внимания вовлекаются такие обстоятельства, как процессуальный характер политико-языкового *участия* и поведения, ситуативность, контексты. Речь идет уже не о

решениях, но о повседневном выборе вербальных моделей действия – и в плане использования идеоэтнических языков (субязыковых кодов), и в смысле использования коммуникативных ресурсов в самом широком смысле (жанров, стилей, дискурсов...).

В отличие от формально организованной и официальной языковой политики, политика языка может генерироваться «снизу», в том числе – на микроуровнях, функционировать в локальных и повседневных обстоятельствах общения и языкового выбора, включая ситуации дву- и многоязычия. Такого рода практика, чаще всего, подразумевает имплицитные способы организации. В процессе общения обычные люди, разумеется, не преследуют цели «реализации языкового законодательства» и не руководствуются какими-то декларациями. Вместе с тем они живут и действуют в конкретных социально- и этнокоммуникативных средах, испытывая воздействие как рационально-прагматических мотиваций, так и символических тяготений (манифестация идентичности).

Самое же принципиальное состоит в том, что политика языка представляет собой формы практик и гносеологических процедур, значительно более тесно связанных идентичностью, деятельностью и отношениями по ее поводу. Всякое проявление идентификации на персональном, групповом или общем социальном уровне – это не только когнитивный и коммуникативный процесс. Всем вообще идентичностям, включая политическую идентичность, присущ интерсубъектный характер [Муфф, 2008], чего не скажешь о языковом регулировании «сверху».

В связи с лингвистическими факторами и измерениями идентичности сложно говорить о формализованном властно-управленческом, нормативном воздействии в рамках моноцентричной языковой политики. Это, скорее всего, будет оставаться в жанровых рамках официальной (квазиофициальной) риторики.

Таким образом, политика языка как совокупность самых разнообразных форм участия на индивидуальном и коллективном уровнях имеет более естественный доступ к оперированию проблематикой идентичности (имплицитно и эксплицитно) в ее ситуативной динамике. На уровне властных установок вполне уместно говорить о «сохранении» или «формировании» идентичности. Политика языка в ее «низовых» измерениях – это непосредственное воплощение тождественности и самости, референ-

ции в координатах «мы – они», «узнавания и узнаваемости» посредством ресурсов коммуникативного участия [Вахтин, Головкин, 2004, с. 262].

То обстоятельство, что этнокультурная идентичность не включает в качестве чего-то безальтернативного также и социально-лингвистическую лояльность, выражается в отечественной практике проведения переписей населения.

Ответы на близкие по смыслу вопросы, когда указывается родной язык и владение этим языком, совпадают не всегда. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., татарский язык назвали родным 79,2% граждан соответствующей национальности (минус 6,4% по сравнению с 1989 г.), а о владении татарским языком заявили 69,0% татар. Получается, что 10% опрошенных продемонстрировали «разрыв» между восприятием языка в качестве родного и владением этим языком. Аналогичная ситуация характерна для аварского, кабардинского, кумыкского, лезгинского, осетинского, чувашского, марийского языков. У ингушского языка такая разница показателей составляет приблизительно 20%. Бурятский язык продемонстрировал тогда двукратный «разрыв» по этому параметру. Характерно, далее, и то, что владение языком «своей» национальности может превышать показатели его признания в качестве родного. Перепись 2010 г. показала такую ситуацию среди украинцев: украинский язык признали родным 24,2% российских граждан украинской этнической принадлежности, тогда как владение им – 34,7%.

Указанная рассогласованность выражается и в том, что заявления об этнической принадлежности могут исключать момент языковой лояльности. Это заметно, к примеру, в «Алфавитном перечне возможных ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Перечисного листа формы Л» (приказ Росстата № 74 от 2010 г.), или номенклатуры фигурировавших ранее вариантов индивидуального этнического самоопределения опрашиваемых¹. В документе можно встретить «экзотические» (скорее, игровые) ответы, которые никак не предполагают языковой идентификации:

¹ Алфавитный перечень вариантов ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Перечисного листа формы Л Всероссийской переписи населения 2010 года (Утверждено приказом Росстата от 27.01.2010 года). – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/wnigi/alfavit/alfavit_nacion10.php (дата посещения: 15.07.2020).

«граждане земли», «граждане мира», «иностранцы», «интернационалисты», «нацмены», «полукровки», «сложная национальность», «советские» и проч.

Показательно, что в перечне фиксируются около трех десятков случаев этнолингвистического самоопределения участников переписей, заявивших о своей специфической национальной идентификации в своеобразном варианте «от противного», когда подчеркивается негативное позиционирование к языкам (по большей части, видимо, близкородственным).

Это, в частности, такие примеры, как:

- «адыге» / «адыги» / «адыгэ» (с любым языком, кроме кабардинского, черкесского и шапсугского) притом что представлены варианты, когда эти языки указывались как родные для людей с этими этническими самоназваниями;

- «алтай» с кумандинским, теленгитским, тубаларским и челканскими родными языками и «алтай» (с любыми языками, кроме названных);

- «башкиро-татары» (с любым языком, кроме татарского) и «башкиро-татары» (с языком татарским);

- «татаро-башкиры» (с любым языком, кроме башкирского);

- «казаки» (с калмыцким языком и украинским языком) и «казаки» (с любым языком, кроме названных);

- «кипчак» (с алтайским языком, с языком башкирским, с языком казахским, с языком ногайским) и «кипчак» (с любым языком, кроме названных);

- «литваки» / «литвины» / «литвяки» (с языком литовским) и с любым языком, кроме литовского);

- «поляки» (с языком белорусским) и «поляки» (с любым языком, кроме белорусского);

- «удэ» (с языком китайским и русским) и «удэ» (с любым языком, кроме китайского и русского).

Такие действия самоидентификации имеют символически-ритуальный смысл и не становятся частью реальной коммуникативной практики.

Приведенные данные показывают: самоидентификация по параметру «родной язык» и практики языкового использования заметно разнятся. Это свидетельствует о «разрывах» между символическими и коммуникативными аспектами политики языка на микроуровнях ее функционирования. Политические смыслы при

совмещении проблематики языка и идентичности возникают, далее, в структурно-организационных измерениях образовательной языковой политики.

Таблица 2

Население отдельных национальностей, принявшее участие в Микрорепериси 2015 г., по владению языками, по языкам, используемым в повседневной жизни, по родному языку¹

Регион	Национальность	Всего указавших владение языками	Указанные населением языки	Численность владеющих	Численность указавших язык, используемый в повседневной жизни	Численность указавших родной язык
Республика Бурятия	Буряты	4841	Бурятский	3195	2704	3727
Республика Карелия	Карелы	1156	Карельский	520	230	386
Республика Коми	Коми	4267	Коми	3301	2689	3085
Республика Татарстан	Татары	28 782	Татарский	27 609	25 781	27 718
Удмуртская Республика	Удмурты	6368	Удмуртский	4832	3971	4570
Республика Хакасия	Хакасы	1182	Хакасский	718	566	807
Ханты-Мансийский АО – Югра	Ханты	470	Языки коренных малочисленных народов РФ (мансийский, ненецкий, хантыйский)	46	27	80
	Манси	302		20	4	19
Чувашская Республика	Чуваши	12 448	Чувашский	10 478	8682	10 027

¹ Таблица подготовлена по материалам Микрорепериси 2015 г. Итоги Микрорепериси населения 2015 года. Таблицы 10.5, 10.7, 10.9. Население отдельных национальностей, принявшее участие в микрорепериси, по владению языками, использованию в повседневной жизни, по родному языку. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата посещения: 07.08.2020).

Заключение

Политика языка как реляционная (связанная лингвокоммуникативными отношениями) практика позволяет выявить *корреляцию* языкового выбора и языкового поведения на макро-, мезо- и микроуровне с процессами идентификации. Языковая политика в традиционном («жестком») понимании в этом смысле более, так сказать, неповоротлива. Язык и идентичность в обоюдном направлении в меняющихся этно- и социально-коммуникативных средах не поддается. Смысловые акценты будут, видимо, расставляться с учетом этого обстоятельства. «Мы видим свое будущее в сохранении родного языка, культуры, традиционных духовных ценностей и нравственных ориентиров, религии, – пишет президент Татарстана Рустам Минниханов. – И неважно, хорошо ли ты говоришь на родном языке, практикуешь ли религиозные обряды. Быть татаринком – это чувствовать связь со своим народом. И если ты захочешь изучить язык, на котором говорили твои деды и прадеды, мы всегда поможем и поддержим. Мы будем делать все для его сохранения, и, может, когда-нибудь ты тоже захочешь принять в этом участие»¹.

Список литературы

- Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+: Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.
- Алпатов В. Реформа алфавита: латиница или кириллица? // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 2 (20). – С. 134–144.
- Алпатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.
- Борисова Н.В. Когда язык в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межатнических отношениях. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с.
- Борисова Н.В., Бородин Л.С. Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межатнических отношениях // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 164–181.

¹ Республика Татарстан. – 25 августа 2020 г.

- Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Бурдые П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (дата посещения: 10.07.2020).
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
- Вдовиченко А.В.* «Русский язык» и «Русский мир» на фоне коммуникативной модели вербального процесса // ФОРУМ-ДИАЛОГ. Языковая политика: общероссийская экспертиза: сборник докладов. – М.: ФАДН, 2017. – С. 21–27.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
- Марусенко М.А.* Язык и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М.: Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.
- Муфф Ш.* Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2008. – № 1. – Режим доступа: https://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppru_1/6.pdf (дата посещения: 20.08.2020).
- Мухарьямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 677–684.
- Ле Паж Р.Б.* «Никогда нельзя сказать, откуда какое слово пришло»: языковые контакты в диффузной среде // Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия / отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – Т. 2. – С. 150–182.
- Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф.* Социоллингвистика: учебное пособие. – М.: Экономика, 2011. – 215 с.
- Семенов И.С.* Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 18–32.
- Соколовский С., Филиппова Е.* Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. – М.: ИЭАРАН, 2018. – С. iv–vi.
- Соколовский С.В., Филиппова Е.И.* Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / отв. ред. Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: Горячая линия – Телеком, 2020. – 260 с.
- Язык и общество: энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 872 с.
- Ellis D.* A Discourse theory of ethnic identity // Discursive construction of identity in European politics / R.C.M. Mole (ed). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 25–44.
- De Swaan A.* Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism // European Review. – 2004. – Vol. 12, N 4. – P. 567–580.

- Garcia O.* Ethnic identity and language policy // The Cambridge handbook of language policy / B. Spolsky (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – P. 79–99.
- Ives P.* Language policies, globalization, and global English: bringing the state back in // State traditions and language regimes / L. Cardinal, S.K. Sonntag (eds). – Montreal; L.; Ithaca: McGill-Queen's Univ., 2015. – P. 97–118.
- Johnson D.C.* Language policy. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.
- Jernudd B., Nekvapil J.* History of the field: a sketch // The Cambridge handbook of language policy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 16–36.
- Joseph J.* Language and identity: national, ethnic, religious. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
- Kaplan R., Baldauf Jr.R.* Language planning. From practice to theory. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1997. – 403 p.
- Latin D.* Identity in formation. The Russian-speaking populations in the near abroad. – Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1998. – 417 p.
- The sociolinguistics of identity / T. Omoniyi, G. White (eds). – L.; N.Y.: Continuum, 2006. – 239 p.
- Tabouret-Keller A.* Language and identity // The handbook of sociolinguistics / F. Coulmas (ed.). – 1-st ed. – L.: Blackwell Publishing, 1997. – P. 315–326.

N.M. Mukharyamov, O.B. Yanush*

About the combinatorics of language, politics and identity

Abstract. The article discusses the conceptual ways of interaction of cognitive structures reflecting the diverse forms of co-presence of the phenomena of language, identity and politics in their peculiar combinatorics – variants of compatibility in both ontological and epistemological senses. The types of conjugation of linguistic functioning (communicative practices and situations, individual and group behavior) with relations about identity and with political dimensions that arise on this basis, form a complex with a multilateral turnover of roles. Analytical reflections in this area, understandably, also form a fragmented and even polarized picture. On one flank, such conjugation is interpreted in the spirit of isomorphism (in the logic of mutual substitution and unambiguous mapping), in the form of a synthesis, which is based on a certain general ascriptive nature, or essentialist principles of understanding. Identity is set even before identification is attempted, and language is present as an attribute, that is, inseparable. The diametrical position lies in the divergence of language and identity, since the abstract vision of “language” as a system does not at all presuppose a conscious unity of the participants in communication and the carriers of verbal behavior. In the “middle” zone, there is a wide range of judgments regarding the fact that language and identity can interact at the level of modi (but not attributes). Linguistic subjectivity reflects

* **Mukharyamov Nail**, Kazan state power engineering university (Kazan, Russia), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; **Yanush Olga**, Kazan state power engineering university (Kazan, Russia), e-mail: yanush_ob@yahoo.com

both the motivation for mutual understanding (communicative function) and the need for identification. This leads to logical consequences – languages and identity touch in the plane of the symbolic, and political influence can occur both in terms of traditionally understood language policy, and language politics. The article is distinguished by significantly less institutionalization, the absence of “hard” formal procedural grounds and decisions. Semantic properties in this case suggest a much wider agent composition, and multilevel structures (macro-, meso- and microscales). The expediency of analytical development of this type of politics is associated with the possibility of flexible response to the correlation of language and politics in their situational dynamics, including at the “grassroots” level.

Keywords: language; identity; symbolic; language policy; politics of language.

For citation: Mukharyamov N.M., Yanush O.B. About the combinatorics of language, politics and identity. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 36–58. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.02>

References

- Alpatov V.M. *150 languages and politics. 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. Moscow: Craft+, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000, 224 p. (In Russ.)
- Alpatov V. Alphabet reform: Latin or Cyrillic? *Central Asia and the Caucasus*. 2002, N 2 (20). P. 134–144. (In Russ.)
- Alpatov V. *Linguistics: from Aristotle to computer linguistics*. Moscow: Alpina non-fiction, 2018, 253 p. (In Russ.)
- Borisova N.V. *When language is on fire: contestation language regimes as a challenge to inter-ethnic balance*. Moscow: Political encyclopedia, 2017, 189 p. (In Russ.)
- Borisova N.V., Borodina L.S. Language preferential policy as a topic and arena of balance / imbalance in interethnic relations. In: Panov P.V. (ed). *Balancing claims: ethnic regional autonomy, state integrity, and ethnic minority rights*. Moscow: Political encyclopedia, 2017, P. 164–181. (In Russ.)
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2012, 408 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. The production and reproduction of legitimate language. *Otechestvennye zapiski*. 2005, N 2. – Mode of access: http://magazines.russ.ru/oz/2005/_2_9-pr.html (accessed: 10.07.2020.) (In Russ.)
- Ellis D. A discourse theory of ethnic identity. In: Mole R.C.M. (ed.). *Discursive construction of identity in European politics*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007, P. 25–44.
- De Swaan A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism. *European Review*. 2004, Vol. 12, N 4, P. 567–580.
- Garcia O. Ethnic identity and language policy In: Spolsky B. (ed.). *The Cambridge handbook of language policy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, P. 79–99.
- Ives P. Language Policies, globalization, and global English: bringing the state back in. In: Cardinal L., Sonntag S.K. *State traditions and language regimes*. Montreal, London, Ithaca: McGill-Queen’s University, 2015, P. 97–118.

- Johnson D.C. *Language policy*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013, 291 p.
- Jernudd B., Nekvapil J. History of the field: a sketch. In: Spolsky B. (ed.). *The Cambridge handbook of language policy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, P. 16–36.
- Joseph J. *Language and identity. National, ethnic, religious*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004, 268 p.
- Kaplan R., Baldauf Jr. R. *Language planning. From practice to theory*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1997, 403 p.
- Kondakov N.I. *Logical dictionary-reference*. Moscow: Science, 1976, 720 p. (In Russ.)
- Language and society. Encyclopedia*. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”, 2016, 872 p. (In Russ.)
- LatinD. *Identity in formation. The Russian-speaking populations in the near abroad*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1998, 417 p.
- Le Pazh R.B. “You can never say where which word came from”: linguistic contacts in a diffuse environment. In: Vakhtin N.B. (ed.). *Sociolinguistics and sociology of language. Chrestomathy*. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2015, Vol. 2, P. 150–182. (In Russ.)
- Marusenko M.A. *Language and national identity: contemporary challenges to national unity and territorial integrity*. Moscow: Scientific and political book, 2015, 575 p. (In Russ.)
- Muff Sh. *Politics and political*. Political and philosophical yearbook, 2008, N 1. Mode of access: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppy_1/6.pdf (accessed: 09.08.2020.) (In Russ.)
- Mukhariamov N.M. Language policy and language policy. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Vesmir, 2017, P. 677–684. (In Russ.)
- Omoniyi T., White G. (eds). *The sociolinguistics of identity*. London; N.Y.: Continuum, 2006, 239 p.
- Pinevich E.V., Starodubtsev V.F. *Sociolinguistics. Textbook*. Moscow: Economics, 2011, 215 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Identity category in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Publishing house “Ves Mir”, 2017, P. 18–32. (In Russ.)
- Sokolovskii S., Filippova E. Linguistic diversity and social harmony: a difficult balance. In: Sokolovskii S., Filippova E. (eds). *Language policy, conflicts and consent*. Moscow: Institute of anthropology and ethnology of the Russian academy of sciences, 2018, P. iv–vi. (In Russ.)
- Sokolovskii S.V., Filippova E.I. Laws and ideologies: politics and management of language situations. In: Filippova E.I., Sokolovskii S.V. (eds). *Death of a language – death of a people? Language situations and language rights in Russia and neighboring states*. Moscow: Institute of ethnology and anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS, Hotline – Telecom, 2020, 260 p. (In Russ.)
- Tabouret-Keller A. Language and identity. In: Coulmas F. (ed.). *The handbook of sociolinguistics*. 1-st ed. London: Blackwell Publishing, 1997, P. 315–326.

- Vakhtin N.B., Golovko E.V. Sociolinguistics and sociology of language. Saint Petersburg: Publishing Center "Humanitarian Academy"; Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2004, 336 p.
- Vdovichenko A.V. "Russian language" and "Russian world" against the background of the communicative model of the verbal process. In: *Collection of reports of the forum-dialogue Language policy: an all-Russian expertise*. Moscow, 2017. Moscow: Federal Agency for Ethnic Affairs, 2017, P. 21–27. (In Russ.)

А.П. РОМАНОВА, Д.А. ЧЕРНИЧКИН*

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. В современном мире религиозная идентичность продолжает оставаться одним из важнейших маркеров места человека в социуме. Однако она уже не является только обязательной предписанной идентичностью, а активно трансgressирует под влиянием многочисленных проблем современного мира. Под трансgressией религиозной идентичности авторы статьи понимают ее трансформацию как в сторону изменения уровня религиозности, так и смены конфессиональной принадлежности. Такая трансgressия связана с целым рядом социумных факторов – глобализацией, постоянными миграционными процессами, ценностными изменениями, активными духовными поисками. С появлением виртуального пространства и виртуальной идентичности возникает еще один вектор трансgressии – в сторону виртуализации религиозности. Основной целью данной статьи является выявление и систематизация мейнстримных проблем, связанных с влиянием виртуального религиозного пространства на трансgressию религиозной идентичности в реальном мире и формирование нового типа – виртуальной религиозной идентичности. Основным методом является комплексный анализ. В статье показано, что проблемы с виртуальной религиозной идентичностью на-

* **Романова Анна Петровна**, доктор философских наук, профессор, директор Института исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия), e-mail: aromanova_mail@mail.ru; **Черничкин Дмитрий Алексеевич**, аспирант, младший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия), e-mail: chernichkin95@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования посттрансgressионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

© Романова А.П., Черничкин Д.А., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.03

чинаются на категориальном уровне, поскольку являются отражением многообразия векторов трансгрессивных процессов. В современном социуме трансгрессия религиозной идентичности становится частым и вариативным явлением, поскольку за свою жизнь современный человек может несколько раз сменить как конфессиональную принадлежность, так и характер религиозности. Но только виртуальное пространство предполагает неограниченные возможности – от сотворения новых религиозных виртуальных объединений до появления множества новых фэнтезийных религиозных идентичностей. Главной проблемой дальнейшего развития виртуальной идентичности станет трансформация уровня сакральности, которая приведет либо к дальнейшей секуляризации виртуального религиозного пространства, либо к поискам новых форм виртуальной сакральности.

Ключевые слова: религиозная идентичность; научный дискурс; религиозная трансгрессия; виртуальная идентичность; виртуальное религиозное пространство; виртуальная религиозная идентичность.

Для цитирования: Романова А.П., Черничкин Д.А. Проблемы виртуальной религиозной идентичности // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 59–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.03>

Процессы глобализации и интенсивной миграции в современном обществе приводят все к большим проблемам с идентификацией. Возникает огромное количество модифицированных, гибридных и новых идентичностей, которые требуют специальных идентитарных исследований [Идентичность: личность, общество, политика, 2017]. Не избежала сей участи и религиозная идентичность. Глобализация, как прогнозировалось в фантастических романах или идеологических утопиях XX в., не привела к стиранию или унификации религиозной веры и религиозной идентичности, а обострила уже имеющиеся проблемы и создала новые. Зарубежный научный дискурс в области исследования религиозной идентичности в последние десятилетия был направлен, преимущественно, на анализ узкоспециальных проблем, характерных как для конкретных религиозных сообществ – миграционные потоки, гибридная идентичность, специфика религиозной идентичности [García-Muñoz, Neuman, 2012; Bloom, Arıkan, Courtemanche, 2015; Kettell, 2016], так и для их виртуальных воплощений – виртуальная идентичность и возможность репрезентации религиозных сообществ в виртуальном пространстве [Cheruvallil, Shakkour, 2015; Sadowski, Lomanowska, 2018]. Российский научный дискурс был часто привязан к общетеоретическим проблемам, связанным с состоянием религиозной и конфессиональной идентичности в Рос-

сии [Шахбанова, Нурилова, 2017; Юрасов, Павлова, 2020; Прони-на, 2015]. Во всем многообразии проблем религиозной идентичности особое место начинают занимать вопросы, связанные с самоидентификацией в виртуальном пространстве. Нарастающие трансгрессивные процессы способствуют тому, что часть из них реализуется именно там.

Данная статья посвящена выявлению и систематизации мейн-стримных проблем, связанных с влиянием виртуального религиозного пространства на трансгрессию религиозной идентичности в реальном мире и формирование нового типа идентичности – виртуальной религиозной идентичности.

От предписанной религиозной идентичности к виртуальной

Религиозная идентичность всегда играла одну из основополагающих ролей в личной и групповой идентификации. Практически с самого рождения человек обретал ее вместе с этнической идентичностью, она являлась так называемой «предписанной идентичностью» [Religious identity in the workplace ..., 2019], неизменной частью его «персональных данных». В последнее время, когда религиозная идентичность перестает быть предписанной и практически неизменной до конца жизни и начинает активно трансформироваться, вокруг нее возникает и научный дискурс, анализирующий такие трансформации. Но это влечет за собой и некоторую терминологическую неопределенность. Наряду с общепотребимым понятием «религиозная идентичность» в отечественной науке активно используется понятие «конфессиональная идентичность» либо как его составная часть [Мчедлова, 2017], либо как синоним [Намруева, 2012], поскольку все чаще в гуманитарном дискурсе религия и конфессия используются как замещающие понятия. Но даже употребление одного и того же термина еще не говорит о его смысловом единообразии. Хотя основу большинства дефиниций в отечественном дискурсе составляет фактор отождествления индивида с определенным религиозным учением или сообществом, акценты делаются то на процесс [Крылов, 2014], то на результат [Мчедлова, 2016], то на состояние [Тощенко, 2008]. В западном научном дискурсе термин «religious identity» обозначает не только отождествление с какой-либо рели-

гиозной группой [Arweck, Nesbitt, 2010], но и фактор *формирования себя* под влиянием тех или иных религиозных аспектов [Religious identity, 2010]. Таким образом, термин «религиозная идентичность» подчеркивает момент общности с определенной группой или учением, а «religious identity», наоборот, – ощущение собственной уникальности, непохожести на других [Бичарова, 2020]. Это еще раз указывает на многозначность понятия, которое допускает вариативность свободного самоотождествления с определенным религиозным сообществом. Появление виртуального пространства расширяет эти возможности. Оно формирует так называемую виртуальную идентичность¹, под которой понимается часть социокультурной идентичности, обретаемой только в виртуальном пространстве [Ковалева, 2019], формирующейся в процессе осознания своей принадлежности к определенной, не всегда фиксируемой в реальном социуме виртуальной общности [Астафьева, 2007], обрести которую может любой пользователь.

Религиозные сообщества, становясь частью виртуального пространства, обеспечивают религиозную информационную поддержку пользователей, укрепляют осознание принадлежности к сообществу людей, разделяющих одинаковые религиозные взгляды как в виртуальном, так и в реальном мире. Все это помогает участникам того или иного религиозного сообщества выстраивать свою новую идентичность, которую можно назвать «виртуальной религиозной идентичностью». Несмотря на то что существует достаточное количество исследований репрезентации религии в Интернете, работ, посвященных непосредственно виртуальной религиозной идентичности, очень мало. Возможно, это связано с тем, что чаще всего под религиозным виртуальным пространством понимается «религия-онлайн» [Helland, 2002], где Интернет используется преимущественно как инструмент менеджмента и связи с паствой. Но уже существование обозначенной К. Хелландом «онлайн-религии» позволяет нам говорить о формировании новой виртуальной религиозной идентичности. Под виртуальной религиозной идентичностью авторы статьи понимают самоотождествле-

¹ Мы считаем этот термин наиболее широким, хотя в научном дискурсе используются и его эквиваленты: «киберидентичность», «сетевая идентичность», «идентичность в виртуальном пространстве», «мобильная идентичность», «электронная идентичность».

ние индивида как с определенным религиозным сообществом в Сети, так и с системой совокупных идей, ценностей, норм и ритуалов с последующей их репрезентацией в виртуальном пространстве и с возможностью их экстраполяции в реальное пространство. Виртуальная религиозная идентичность – изменчивый, синтетический продукт или результат, отражающий личностные мотивы и религиозные ценности конкретного пользователя, представляющего себя в виде различных комбинаторных конфигураций (аватаров). Она может не иметь четкой фиксации, так как аватар (образ человека в Сети) направлен на создание эффекта подобия и вполне может рассматриваться как образ, в некоторых случаях лишенный сходства с реальностью. Появление виртуальной религиозной идентичности является показателем растущей трансгрессивности современного общества.

Проблемы религиозной трансгрессии и виртуальная идентичность

Если в доиндустриальном обществе смена религиозной идентичности была возможна, чаще всего, либо насильственным путем, в результате военных завоеваний, либо вынужденно, как спасение от гонений, то в современном полисемантическом и динамичном мире религиозный ландшафт той или иной страны постоянно корректируется, а с ним и статус религиозной идентичности. Продолжая оставаться частью социальной идентичности [Schmidt, Miles, 2017], она перестала рассматриваться как ее основа, хотя до сих пор является одним из узнаваемых маркеров чужести и поводом для крупных социальных конфликтов [Многоликий другой ..., 2018].

Современный мир превращается в поле постоянной религиозной трансгрессии¹. Это связано как с объективными обстоятельствами (глобализация, миграционные процессы, развитие сети Интернет), так и с субъективными (трансформация ценностей, личная мобильность, уменьшение давления социальной иерархии и т.д.), а

¹ Термин «трансгрессия» введен в гуманитарный научный дискурс пост-модернистами и понимается достаточно широко, как выход за пределы, нарушение границ и барьеров

также с постоянным расширением вариантов религиозной идентичности.

Религиозная трансгрессия влияет на идентичность по-разному: усложняется религиозный ландшафт, а миграционные процессы, превращая общины мигрантов в религиозные меньшинства, меняют статус их религиозной идентичности [Duderija, 2007]. Чаше и проще совершаются религиозные переходы, причем не только из одной религии в другую, но и к разной степени ее принятия и даже отрицания.

Условно можно выделить две траектории трансгрессии, одна связана с уровнем религиозности – от атеизма до фундаментализма, другая – со сменой конкретной конфессии. Обе траектории приводят к выходу за свои пределы и, соответственно, трансформации религиозной идентичности. В данном случае мы говорим только об индивидуальной религиозной идентичности, поскольку групповая идентичность трансгрессирует несколько иначе. Такая нестабильность и потенциальная латентная возможность трансгрессии становятся обоюдоострым фактором. С одной стороны, это декларируемые и реализуемые «демократические», не скованные сословной или социальной иерархией возможности реализации своих латентных склонностей вне зависимости от предписанной идентичности, с другой – это возможность быстрой трансформации религиозной идентичности в сторону фундаментализма и экстремизма. Такая трансгрессия усиливается в период кризисов, связанных, в том числе, и с миграционными процессами. Волны инорелигиозных мигрантов с более активной религиозной позицией приводят к трансгрессии доминирующей религиозной идентичности, причем векторы трансгрессии могут быть направлены как в сторону фундаментализма, так и к размыванию идентичности, тем более что уровень секулярности принимающих стран с доминирующей христианской идентичностью специалисты оценивают очень высоко [Day, 2011]. Британский правовед Р. МакКри отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной, поскольку увеличение количества мигрантов с их фундаменталистской религиозностью заставит лидеров ЕС еще больше загнать религию в рамки частной сферы¹.

¹ McCrea R. How to hobble religion // Aeon. – 2013. – Mode of access: <https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular> (accessed: 27.06.2020).

Однако существует еще одно, как прогнозируют авторы нашумевшего сериала «Черное зеркало» (Чарли Брукер 2011–2019), направление трансгрессии – уход в виртуальное пространство. Расширение и упрочение виртуальной реальности приводит к появлению виртуальной идентичности и соответственно, еще с конца прошлого века, научного дискурса, осмысливающего как саму виртуальную реальность, так и феномен виртуальной идентичности [Turkle, 1995; Balsamo, 1995; Bechar-Israeli, 1995]. Причины появления виртуальной идентичности исследователи видят в неудовлетворенности индивида реальной идентичностью, что является следствием усугубляющегося кризиса идентификации, когда индивид утрачивает некую целостность, внутренний стержень, и его идентичность предстает пазлом случайных элементов. В качестве важного фактора формирования виртуальной идентичности рассматриваются особые свойства виртуальной среды: ее нематериальность, относительная анонимность, быстрота распространения информации, ее «протейность», когда «виртуальная среда может подстраиваться под нужды пользователя и меняться в зависимости от решаемых задач» [Дремлюга, Крипакова, 2019], «открытость, усложненность и поиск альтернатив дальнейшего развития» [Летов, 2013], что дает увеличение возможностей для самопознания и выбора ролей и смены идентичности.

Виртуальная идентичность формируется, с одной стороны, когда пользователь начинает отождествлять себя с определенным реальным виртуальным сообществом, с другой стороны – фэнтезийным. Этот процесс начинается со входа в цифровую платформу. Каждая игровая платформа имеет свой вид цифрового тела со своими физическими характеристиками. Здесь можно создать персонажа реализации своей виртуальной идентичности: эльфа, человека, орка, демона преисподней, существа из других галактик и т.п. Можно моделировать свою внешность и физические данные. Такие широкие возможности гарантируют, что каждый сможет реализовать свои самые смелые фантазии, осуществить свою «мечту». Важно отметить, что виртуальная идентичность не является стабильной. Трансгрессии подвержена как она сама, так и возможность ее смены.

Разработка и поддержание виртуальной личности является ключевой задачей каждого игрока многопользовательской ролевой онлайн-игры (MMORPG). Благодаря определенным действиям,

аватар может получить больше возможностей и привилегий: силу, инструменты для манипуляций, навыки. Аватар может приобрести новые грани идентичности, присоединившись к различным группам. Репутация и идентичность в этих группах имеют большое значение для внутренних взаимоотношений и положения аватара в данной группе [Korkeila, Namari, 2020].

Таким образом, процесс формирования идентичности в виртуальном пространстве предполагает больше возможностей как телесных, так и личностных. Концепция «telepresence» объясняет это «...степенью, в которой человек чувствует себя присутствующим скорее в опосредованной виртуальной среде, чем в непосредственной физической реальности» [Wood, Smith, 2005]. «Телеприсутствие» зависит как от степени интерактивности в виртуальном пространстве, так и от того, насколько «реальной» является воспринимаемая игроком среда. Этот процесс позволяет пользователю развить ту часть своей идентичности, которую он не мог успешно репрезентировать в реальном мире.

Однако виртуальная идентичность зачастую является отражением реальной (личностной, коллективной) идентичности, усиливая ее в сфере виртуальной коммуникации. Поэтому в большинстве случаев она не может рассматриваться как самостоятельная сущность, как субъект поведения или деятельности, как альтернатива реальной (персональной) идентичности. Тем не менее некоторые исследования показывают, что в определенных случаях в виртуальном пространстве может создаваться оригинальная виртуальная идентичность, не тождественная реальной [Chuan, Li, Jiao, 2014]. Это связано, прежде всего, со сферой компьютерных игр, практикующих включение фэнтезийных, в том числе и религиозных, сообществ, где может формироваться, собственно, новая виртуальная религиозная идентичность. Таких игр достаточно много – от простых шуттеров (например, Waco Resurrection, где игровое поле представляет собой реконструкцию трагедии, произошедшей с последователями секты «Ветвь Давидова» в 1993 г.) до сложных параллельных миров, которые ориентируются как на общение между пользователями (Second Life, VRChat), так и на игровую составляющую (Far Cry 5, Outlast 2, Dead Space). В большинстве случаев религиозные миры являются только частью виртуального мира игры как в Second Life. Однако есть и те игры, где религиозная реальность является основной. Все эти игры зачастую

формируют у пользователя новую виртуальную религиозную идентичность. Виртуальная идентичность операционально рассматривается как «расширение повседневной жизни и инструмент культурных изменений» [Zajmi-Rugova, 2015]. Соответственно виртуальная религиозная идентичность становится полем расширения возможностей и в религиозной сфере.

Постоянную трангрессивность виртуальной религиозной идентичности и сложность ее фиксации можно объяснить перманентной сменой мейнстримных мировоззренческих трендов в виртуальном пространстве, оказывающих наибольшее влияние на молодое поколение, являющееся активным пользователем Глобальной сети и основным потребителем продуктов массовой культуры.

Итак, изменения, происходящие с религиозной идентичностью в современном обществе, становятся достаточно обычным явлением. Причем смена идентичности может происходить не единожды, человек начинает искать себя в религии как в профессии или хобби. Современное состояние религиозной идентичности определяется, среди многих других факторов, двумя процессами. С одной стороны, это предоставляемая современным обществом возможность в течение жизни многовекторной трангрессии как в сторону изменения уровня религиозности, так и в области смены конфессии. Это обусловлено во многом глобализацией, активными миграционными процессами.

С другой стороны, формирование все более устойчивого и обширного многослойного виртуального пространства, в том числе со значительным религиозным сегментом, расширяет возможности трангрессии уже в сторону выхода за рамки реальности, не только присоединяясь к чисто виртуальным религиозным сообществам (онлайн-религии), но и создавая новые, с новыми виртуальными религиозными идентичностями.

Одновременно стремительное совершенствование виртуального пространства дает произвести выбор без «реального выбора», примерить платье «на манекен», т.е. безболезненно осуществить множество трангрессий, «играя» в христианина, мусульманина, буддиста и т.д. В связи с появлением виртуального пространства, создающего параллельные ландшафты и возможности, характер реального религиозного ландшафта уже перестает быть единственным определяющим фактором в формировании религиозной

идентичности, несмотря на то что виртуальная религиозная идентичность еще не стала чем-то обыденным.

Каковы же дальнейшие перспективы ее развития? С одной стороны, ее вариативность, универсальность, гибкость открывают широкие возможности для дальнейшего совершенствования. Создавая любое, даже фэнтезийное религиозное объединение в Сети, моделируя религиозную идентичность его последователей, мы можем реализовать свои стремления и потребности. С другой стороны, возникает вопрос, сохраняется ли в виртуальной религиозной идентичности фактор сакральности, являющийся основополагающим для любой религиозной идентичности и обязательным маркером наличия религиозности. Является ли виртуальная религиозная идентичность только муляжом, игрушкой, временным атрибутом, или в перспективе появится новая форма восприятия сакрального – виртуальная. На данном этапе говорить об этом пока достаточно сложно. Сам феномен виртуальной религиозной идентичности – пока больше интенция, чем полностью реализованный проект. Однако если институционализация религии и формализация основных функций религиозного института свела фактор сакральности к минимуму и дала простор секуляризации, то появление виртуальной религиозной идентичности – это продолжение данного процесса или альтернативная возможность ее восстановления? Но это уже тема дальнейшего исследования.

Список литературы

- Астафьева О.Н.* Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. – 2007. – № 776. – С. 120–133.
- Бичарова М.М.* Репрезентация концептов «религиозная идентичность» и «religious identity» в российской и западной лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 4. – С. 147–155. – DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30>
- Дремлюга Р.И., Крипакова А.В.* Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы Российского права. – 2019. – № 3 (100). – С. 161–169. – DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: Вест Мир, 2017. – 992 с.

- Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 4. – С. 89–103. – DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7>
- Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИКАР, 2014. – 356 с.
- Летов Е.В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 4 (54). – С. 62–65.
- Многоликий другой. Инвариантность образов Другого / Чужого: Коллективная монография / А.П. Романова, С.Н. Якушников, Е.В. Хлыщева, Н.С. Канатьева, О.С. Якушенкова, М.С. Топчиев, Р.Т. Алиев, О.В. Джененко, Э.А. Саракеева, Л.Г. Золотых, Е.В. Морозова. – Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 334 с.
- Мчедлова М.М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: Весь Мир, 2017. – С. 334–339.
- Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 157–170. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11>
- Намруева Л.В. Конфессиональная идентичность монголоязычных народов // Социологические исследования. – 2012. – № 2 (334). – С. 124–128.
- Пронина Т.С. Вера и конфессиональная самоидентификация в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 5 (145). – С. 62–74.
- Тоценко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 62–85.
- Шахбанова М.М., Нурилова А.З. Конфессиональная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 113–117.
- Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 195 с.
- Arweck E., Nesbitt E. Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? // Journal of Contemporary Religion. – 2010. – Vol. 25, N 1. – P. 67–87. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537900903416820>
- Balsamo A. Signal to noise: on the meaning of cyberpunk subculture // Communication in the age of virtual reality / F. Biocca, M. Levy (eds). – N.Y.: Routledge, 1995. – P. 347–368.
- Bechar-Israeli H. From <Bonehead> to <cLoNehEad> : nicknames, play, and identity on internet relay chat // Journal of computer-mediated communication. – 1995. – Vol. 2, N 1. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
- Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. Religious social identity, religious belief, and anti-immigration sentiment // American political science review. – 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 203–221. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055415000143>

- Cheruvallil C., Shakkour S.* Digital methodologies in the sociology of religion. – London: Bloomsbury Publishing, 2015. – 256 p.
- Chuan H., Li Z., Jiao H.* Exploring online identity re-construction in social networks communities: a qualitative study // PACIS 2014 Proceedings. – 2014. – N 36. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/c709/678c5349b4a3bd92a796def9943082fc0c35.pdf> (accessed: 24.07.2020)
- Day A.* Believing in belonging: belief and social identity in the modern world. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 230 p.
- Duderija A.* Literature review: Identity construction in the context of being a minority immigrant religion: the case of Westernborn Muslims // Immigrants & Minorities. – 2007. – Vol. 25, N 2. – P. 141–162. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02619280802018132>
- García-Muñoz T., Neuman S.* Is religiosity of immigrants a bridge or a buffer in the process of integration? A comparative study of Europe and the United States. – Bonn: IZA, 2012. – DP N 6384. – 42 p.
- Helland C.* Surfing for salvation // Religion. – 2002. – Vol. 32, N 4. – P. 293–303. – DOI: <https://doi.org/10.1006/reli.2002.0406>
- Religious identity // Encyclopedia of identity / R.L. Jackson II, M.A. Hogg (eds). – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2010. – DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412979306.n203>
- Kettell S.* Always read the label: the identity and strategy of Britain's 'Christian right' // Politics, religion & ideology. – 2016. – Vol. 17, N 1. – P. 1–17. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1157073>
- Korkeila H., Hamari J.* Avatar capital: the relationships between player orientation and their avatar's social, symbolic, economic and cultural capital // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 102. – P. 14–21. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.036>
- Religious identity in the workplace: a systematic review, research agenda, and practical implications / Y. Héliot, I.H. Gleibs, A. Coyle, D.M. Rousseau, C. Rojon // Human resource management. – 2019. – Vol. 59, N 2. – P. 1–21. – DOI: <https://doi.org/10.1002/hrm.21983>
- Sadowski A.S., Lomanowska A.M.* Virtual intimacy: propensity for physical contact between avatars in an online virtual environment // Computers in human behavior. – 2018. – N 78. – P. 1–9. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.011>
- Schmidt W., Miles M.R.* Religious identity and descriptive representation // Politics and religion. – 2017. – Vol. 10, N 1. – P. 186–221. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755048316000468>
- Turkle Sh.* Life on the screen: identity in the age of the internet. – N.Y.: Simon and Schuster, 1995. – 347 p.
- Wood A.F., Smith M.J.* Online communication: linking technology, identity, and culture. – London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. – 265 p.
- Zajmi-Rugova I.* Online identity // Thesis. – 2015. – Vol. 4, N 2. – P. 331–341.

A.P. Romanova, D.A. Chernichkin*
Problems of virtual religious identity¹

Abstract. In the modern world, religious identity continues to be one of the most important markers of a person's place in society. However, it is no longer just a mandatory prescribed identity, but actively transgresses under the influence of numerous problems of the modern world. By transgression of religious identity, the authors of the article understand its transformation, both in the direction of changing the level of religiosity as the confessional affiliation. This transgression is associated with a number of social factors – globalization, constant migration processes, value changes, and active spiritual search. With the advent of virtual space and virtual identity, there is another vector of transgression – towards the virtualization of religiosity. The main purpose of this article is to identify and systematize the main problems, related to the influence of virtual religious space on the transgression of religious identity in the real world and the formation of a new type – virtual religious identity. The main method is complex analysis. The article shows that problems with virtual religious identity begin at the categorical level, since they reflect the diversity of vectors of transgressive processes. In modern society, the transgression of religious identity is becoming a frequent phenomenon and variable, since a modern person can change both their religious affiliation and the nature of their religiosity several times during their life. But only virtual space offers unlimited possibilities—from the creation of new religious virtual associations to the appearance of many new fantasy religious identities. The main problem of further development of virtual identity will be the transformation of the level of sacredness, which will either lead to further secularization of the virtual religious space – or to the search for new forms of virtual sacredness.

Keywords: religious identity; scientific discourse; religious transgression; virtual identity; virtual religious space; virtual religious identity.

For citation: Romanova A.P., Chernichkin D.A. Problems of virtual religious identity. *Political science (RU)*. 2020, № 4, P. 59–73. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.03>

References

Arweck E., Nesbitt E. Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*. 2010, Vol. 25, N 1, P. 67–87. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537900903416820>

* **Romanova Anna**, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia), e-mail: aromanova_mail@mail.ru; **Chernichkin Dmitriy**, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia), e-mail: chernichkin95@mail.ru

¹ The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 18-78-10064) “Transformation of mechanisms of formation of post-transgress model of religious identity in the modern information space”.

- Astaf'eva O.N. Virtual communities: network identity and personality development in network spaces. *Bulletin of Kharkiv National University: Theory of Culture and Philosophy of Science*. 2007, N 776, P. 120–133. (In Ukrainian)
- Balsamo A. Signal to noise: on the meaning of cyberpunk subculture. In: Biocca F., Levy M. (eds.). *Communication in the age of virtual reality*. N.Y.: Routledge, 1995. P. 347–368.
- Bechar-Israeli H. From «Bonehead» to «cLoNehEad»: nicknames, play, and identity on internet relay chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1995, Vol. 2, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
- Bicharova M.M. Representation of the Concept religious identity in the Russian and Western Linguo-Cultures. *Philology. Theory & Practice*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 147–155. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30> (In Russ.)
- Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. Religious social identity, religious belief, and anti-immigration sentiment. *American Political Science Review*. 2015, Vol. 109, N 2, P. 203–221. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055415000143>
- Cheruvallil C., Shakkour S. *Digital methodologies in the sociology of religion*. London: Bloomsbury Publishing, 2015, 256 p.
- Chuan H., Li Z., Jiao H. Exploring online identity re-construction in social networks communities: a qualitative study. *PACIS 2014 Proceedings*, 2014, N 36. Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/c709/678c5349b4a3bd92a796def9943082fc0c35.pdf> (accessed: 24.07.2020)
- Day A. *Believing in belonging: belief and social identity in the modern world*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 230 p.
- Dremlyuga R.I., Kripakova A.V. Virtual reality crime: myth or reality? *Actual problems of Russian law*. 2019, N 3 (100), P. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169> (In Russ.)
- Duderija A. Literature review: identity construction in the context of being a minority immigrant religion: the case of Westernborn Muslims. *Immigrants & Minorities*. 2007, Vol. 25, N 2, P. 141–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/02619280802018132>
- García-Muñoz T., Neuman S. *Is religiosity of immigrants a bridge or a buffer in the process of integration? A comparative study of Europe and the United States*. Bonn: IZA, 2012, DP N 6384, 42 p.
- Helland C. Surfing for salvation. *Religion*. 200, Vol. 32, N 4, P. 293–303. DOI: <https://doi.org/10.1006/reli.2002.0406>
- Héliot Y. et al. Religious identity in the workplace: A systematic review, research agenda, and practical implications. *Human Resource Management*. 2019, Vol. 59, N 2, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrm.21983>
- Religious identity. In: Jackson II R.L., Hogg M.A. (eds). *Encyclopedia of identity*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2010. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412979306.n203>
- Kettell S. Always read the label: The identity and strategy of Britain's 'Christian right'. *Politics, Religion & Ideology*. 2016, Vol. 17, N 1, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1157073>
- Korkeila H., Hamari J. Avatar capital: The relationships between player orientation and their avatar's social, symbolic, economic and cultural capital. *Computers in Human Behavior*. 2020, Vol. 102, P. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.036>

- Kovaleva A.I. Kinds of social identity: approaches to classification. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2019, N 4, P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7> (In Russ.)
- Krylov A.N. *Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space*. 3 rd ed. Moscow: IKAR, 2014, 356 p. (In Russ.)
- Letov E.V. Network identity in the culture of the modern information society. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2013, N 4 (54), P. 62–65. (In Russ.)
- Mchedlova M.M. Religious and confessional identity. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: “Ves mir”, 2017, P. 334–339. (In Russ.)
- Mchedlova M.M. Sociocultural meanings of politics: new logic of interpretation and religious references. *Polis. Political Studies*. 2016, N 1, P. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11> (In Russ.)
- Namrueva L.V. Confessional identity of Mongolian-speaking peoples. *Sotsiologicheskoe Issledovaniya*. 2012, N 2 (334), P. 124–128. (In Russ.)
- Pronina T.S. Faith and confessional self-identification in the structure of religious identity of modern Russians. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015, N 5 (145), P. 62–74. (In Russ.)
- Romanova A.P. et al. *Many-sided other. Invariance of other / alien images. Collective monograph*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasil'evich, 2018, 334 p. (In Russ.)
- Sadowski A.S., Lomanowska A.M. Virtual intimacy: propensity for physical contact between avatars in an online virtual environment. *Computers in human behavior*. 2018, N 78, P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.011>
- Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Ves mir, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Shahbanova M.M., Nurilova A.Z. Confessional identity of the Dagestani peoples in the structure of social identity. *Success of Modern Science and Education*. 2017, Vol. 7, N 2, P. 113–117. (In Russ.)
- Schmidt W., Miles M.R. Religious identity and descriptive representation. *Politics and Religion*. 2017, Vol. 10, N 1. P. 186–221. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755048316000468>
- Toshchenko Zh.T. Religious identity and bureaucracy. In: Mchedlova M.P. (ed.). *Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2008, P. 62–85. (In Russ.)
- Turkle Sh. *Life on the screen: identity in the age of the internet*. N.Y.: Simon and Schuster, 1995, 347 p.
- Wood A.F., Smith M.J. *Online communication: linking technology, identity, and culture*. London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005, 265 p.
- Yurasov I.A., Pavlova O.A. *A discursive study of Orthodox religious identity*. Moscow: INFRA-M, 2020, 195 c. (In Russ.)
- Zajmi-Rugova I. Online identity. *Thesis*. 2015, Vol. 4, N 2, P. 331–341.

ИНТЕРВЬЮ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ПРОДВИЖЕНИЕ НЕКОНФЛИКТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИСКУССИИ (БЕСЕДА ПРОФЕССОРА Л.А. ФАДЕЕВОЙ С ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТОМ РАН И.С. СЕМЕНЕНКО)

Для цитирования: Перспективы исследований идентичности в социальных науках: продвижение неконфликтной публичной дискуссии (беседа профессора Л.А. Фадеевой с член-корреспондентом РАН И.С. Семененко) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 74–85. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.04>

Л.А. Фадеева¹. Ирина Станиславовна, Вы много писали о предпосылках и факторах поворота к проблематике идентичности в политической науке. У каждого из пришедших в это поле ученых был свой поворот и своя мотивация. В Вашей научной судьбе тоже были неоднократные повороты. Я хорошо помню заинтересованное обсуждение в ИМЭМО в середине 1980-х – начале 1990-х Ваших выступлений по политическим процессам в Италии. Затем Ваше внимание было сосредоточено на анализе групп интересов, корпоративной социальной ответственности в сравнительном контексте. Широкий резонанс, и не только в научном сообществе, имела книга «Россия XX – начала XXI в. Культура и общество». Что повлияло лично на Вас в становлении Вашего интереса к проблематике идентичности?

¹ **Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).

И.С. Семененко¹. С ИМЭМО и коллективом Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований связана вся моя сознательная научная жизнь. Я поступила в аспирантуру Института в 1979 г., тогда в Отделе социально-политических проблем развитых капиталистических стран, которым руководил Герман Германович Дилигенский, активно изучалась динамика массового сознания. Работы Германа Германовича и общение с ним задали контуры нынешнего исследовательского поля. Многие идеи, которые мы сегодня разрабатываем, проросли из школы Дилигенского. Он занимался проблематикой социальной психологии классов с 1960-х годов. На меня сильное впечатление произвела его книга «Рабочий на капиталистическом предприятии: исследование по социальной психологии французского рабочего класса», изданная в 1969 г. Особенно впечатлило то, что можно перейти в анализе от класса к конкретному человеку. В 2002 г. Дилигенский издал свою последнюю книгу «Люди среднего класса». Почему именно такое название? Не средний класс, но люди? Опять эта связь и переход от анализа массового сознания к индивиду, к личности. Сегодня такие связки выявляются в поле исследований идентичности. Во всех работах Дилигенского были теоретические и эмпирические составляющие, он искал связующие звенья между ними. Отсылки к самому концепту есть в работах Г.Г. Дилигенского. Он прозревал будущие исследовательские повороты, видел неясные еще для науки контуры научного поля, мыслил «социально-политически».

Л.А. Фадеева. Да, книга Дилигенского по социальной психологии французского рабочего стала классикой. В особенности для историков основанной Львом Ефимовичем Кертманом пермской школы, которые работали в этом же поле. Моя кандидатская диссертация была посвящена социальной психологии английских рабочих в 1945–1951 гг. Именно поэтому я и оказалась в ИМЭМО первый раз в 1988 г., когда мы и познакомились. Я хорошо помню то впечатление, которое производили публикации Дилигенского по массовому сознанию переходного периода. Он писал об утрате

¹ **Семененко Ирина Stanisлавовна**, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН; руководитель исследовательского комитета РАПН по политической идентичности (Москва, Россия).

когнитивных ориентиров, о когнитивном вакууме в постсоветской России. На деле речь шла в том числе об утрате идентификационных ориентиров. В Отделе Дилигенского работали замечательные исследователи – Сергей Петрович Перегудов, Кирилл Георгиевич Холодковский, Валентин Владимирович Песчанский, каждый из них в той или иной степени затрагивал проблематику идентичности – идейно-политической, классовой, партийной.

И.С. Семененко. Все, кого Вы упомянули, – это мои учителя и старшие коллеги. В первую очередь – Кирилл Георгиевич Холодковский, наш ведущий италовед, под его руководством я писала кандидатскую диссертацию о левых партиях в политической системе Италии и об «историческом компромиссе». Кирилл Георгиевич научил меня многомерно смотреть на социальные процессы, выявлять разнонаправленные тенденции, анализировать и сопоставлять идейные установки и интересы политических игроков. На рубеже 1990-х вышло его капитальное исследование «Италия: массы и политика», он писал об эволюции социально-политического сознания и во многом предвосхитил произошедшие в Италии политические потрясения. Для меня это исследование стало примером системного политического анализа и научного прорыва в изучении политического сознания. В таком подходе содержится большой прогностический потенциал.

Сергей Петрович Перегудов – мой многолетний соавтор, группы интересов – тема, которую он для меня «открыл», по сути – наметил программу будущих исследований. Мы вместе разрабатывали тематику взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества, «корпоративного гражданства». У Сергея Петровича острое, удивительно точное ощущение нового, он с удовольствием включился в изучение влияния идентичности на формирование гражданской и политической нации. Валентин Владимирович Песчанский, к сожалению, уже ушедший от нас, – один из наших ведущих англоведов (как и Сергей Петрович), он научил меня скрупулезному отношению к фактам и к теоретическим обобщениям на основе эмпирического анализа.

В исследованиях идентичности важно соединение макро- и микроуровней. Одним из важных для меня поворотных моментов была дискуссия в 2001 г. на защите моей докторской диссертации «Группы интересов в политическом и социокультурном пространстве. Концепции и практика на Западе и в России». Я включила в

работу несколько кейсов по конфликтному взаимодействию групп интересов в сфере культуры – острых тогда ситуаций вокруг обустройства Патриарших прудов, установки новых памятников в Москве. Тогда сформировались активные сообщества граждан, возражавших против ряда проектов московской администрации. Представители власти поняли, что им не нужен открытый конфликт, и от ряда спорных решений отказались. На защите были заданы вопросы о механизмах продвижения интересов и о мотивации участников (помню, что о влиянии мотиваций на продвижение групповых интересов спросил Андрей Алексеевич Дегтярев, была интересная дискуссия). Действительно, без учета мотивов заинтересованных сторон вряд ли возможно понять, почему одни группы консолидируются и добиваются своих целей, а другие – нет. Размышляя над этими вопросами, я пришла к мысли, что можно прояснить ее через концептуализацию идентичности.

Л.А. Фадеева. Я вспоминаю, что первые Ваши работы и презентации по идентичности были связаны с проблематикой развития. Это был неожиданный заход в идентитарную сферу, который дал очевидные и значимые результаты.

И.С. Семененко. Сегодня в ИМЭМО оформилось научное направление, трактующее идентичность как ресурс общественного развития. В нашем Центре активно разрабатывается эта тематика, в первую очередь во взаимодействии и в соавторстве с коллегами Владимиром Валентиновичем Лапкиным и Владимиром Игоревичем Пантиним, вовлечены и молодые коллеги, недавно пришедшие в наш Институт. А первое мое выступление в Институте по тематике идентичности было в 2005 г. на теоретическом семинаре, который основал и вел В.А. Мартынов, тогдашний директор ИМЭМО. Помню, что была дискуссия о правомерности использования концепта идентичности для анализа социальных и экономических процессов и было много критических откликов, для экономистов это была непривычная постановка вопроса. В западной науке тогда намечалось изучение экономики идентичности, появился ряд публикаций, правда, их и сегодня не назовешь мейнстримом.

В ИМЭМО изучение идентичности как ресурса развития получило в начале 2010-х годов всемерную поддержку директора Александра Александровича Дынкина, нынешнего научного руководителя Института. Именно тогда оно оформилось как самостоя-

тельное и стратегически значимое направление исследований. Сегодня это уже мейнстрим. Наряду с другими новыми направлениями тематика идентичности стремительно завоевывает позиции в рамках анализа и прогнозирования изменений в структуре мироустройства, чем активно занимается коллектив ИМЭМО.

В целом уже можно говорить, думаю, о плодотворном творческом взаимодействии политических исследователей, причем как тех, кто занимается политической теорией и политическими процессами, так и международных, социологов, этнологов и географов. И тех коллег, кто занимается анализом социально-экономических аспектов развития – проблем бедности и неравенства, миграции, тенденций в социальной сфере и в развитии новейших технологий, – и тех, кто работает в поле социальной философии. Особенно плодотворное взаимодействие в сфере исследований идентичности у нас с коллегами из Института социологии РАН, в первую очередь – с Леонидией Михайловной Дробижевой, авторитетнейшим специалистом по проблемам межэтнических отношений. Хотелось бы больше «перекрестного опыления» с психологами, историками и культурологами, надеюсь, что научные контакты будут интенсивнее. Особенно – в осмыслении разных аспектов политики идентичности, это наш приоритет как политических исследователей.

Л.А. Фадеева. В последние несколько лет начала размышляться однозначная трактовка политики идентичности, с 1960-х годов она понималась как продвижение интересов и защита идентичности угнетенных и депривированных групп. В публичном политическом дискурсе и в академических штудиях политику идентичности стали определять как курс на формирование / укрепление макрополитической идентичности. Вы являетесь инициатором такой интерпретации политики идентичности в отечественном исследовательском поле. Казалось, что схлынула острота этой проблематики. Однако летние события в США и волна массовых протестов, направленных на продвижение идентичности расовых меньшинств, актуализируют именно то, традиционное понимание политики идентичности. Как Вы считаете, не будет ли это препятствием для укоренения современной широкой интерпретации политики идентичности? Как оцениваете перспективы разработки политики идентичности в научном плане?

И.С. Семененко. На Западе тоже нет единого понимания политики идентичности. Нормативная интерпретация, о которой

Вы говорите, исходит, прежде всего, из американского опыта. Она распространена в исследованиях американских реалий. В Европе реже используют термин «политика идентичности», а предпочитают говорить о разного рода мерах, программах, проектах, нацеленных на защиту разных сообществ. Что касается больших сообществ, то скорее принято говорить о политике многообразия. Но, по сути, это и есть политика идентичности определенного идейного и культурного наполнения.

Я думаю, что одна трактовка не противоположна другой и отнюдь не исключает другую. Более узкая интерпретация политики идентичности нормативна. Широкое ее понимание не носит нормативного характера. На мой взгляд, в политической науке важны отход от нормативности и продвижение альтернативных подходов в том, что касается концептуализации текущей политической реальности. Другое дело – вопрос о перспективах развития, здесь, напротив, важно продвижение в научном дискурсе позитивных ориентиров и ценностей, особенно – ценностей диалога, ценностей доверия и ответственности.

Л.А. Фадеева. Это бесспорно значимо, но это и очень трудно. В российской политической науке налицо не просто дифференциация, но конфронтация относительно того, какую идентичность и как формировать. Политика идентичности в ее широкой трактовке тоже становится сферой противостояния и борьбы, и не только разных научных позиций.

И.С. Семененко. В целом политика идентичности – это любая политика, направленная на формирование разных идентичностей. Городской или сельской (в смысле сопричастности к развитию того сообщества, где человек живет), семейной или профессиональной, например. Эти приоритеты отражаются в образовательной сфере, в символической политике и политике памяти, в языковой политике. И не менее отчетливо, хотя и опосредованным образом – в социальной политике и в политике развития, в формировании и продвижении позитивных ориентиров развития. В публичной сфере говорят о политике формирования идентичности, но ведь не всегда речь идет о формировании, в других ситуациях – о развитии, сохранении, изменении.

Политику идентичности важно трактовать и оценивать в контексте реальных социально-политических процессов и их результатов, влияния на социальный климат, в котором человек

живет. Такая политика может быть целевым образом направлена на закрепление разделенных сообществ, на углубление линий социальных и идейных размежеваний. Мы живем в разделенном мире, в мире, где конфликты зачастую принимают деструктивные формы. Одни различия накладываются на другие, в том числе и идентификационные различия. И позитивными ориентирами будут ценности эмпатии, социального творчества, взаимодействия вокруг приоритетов развития.

Различия есть и в отношении того, идет ли речь об identity politics или об identity policy. В соответствии с тем, что находится в центре внимания, – сфера деятельности или механизмы, инструменты, проекты. В наших исследованиях речь идет преимущественно о identity politics, которая реализуется с помощью разных практик и инструментов (policies). Последние – предмет эмпирических исследований, в изучении идентичности принципиально важно, как мы с Вами уже говорили, соединять и сопрягать эти два уровня. Только что мы с коллегами из Кубанского университета провели захватывающее, без преувеличения, исследование потенциала политики идентичности в развитии сельских местных сообществ на примере сравнения опыта «успешных» и «неуспешных» кубанских станиц. И результаты позволили, в том числе, подтвердить вывод о том, что эффективность политики идентичности определяется ориентацией на развитие конкретного сообщества. Она может измеряться нацеленностью на преодоление разделений, на социальную консолидацию. И тогда общество ориентируется на развитие, в противном случае его уделом становится рост социальной аномии.

Л.А. Фадеева. Ирина Станиславовна, энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика» по признанию академического сообщества стало важной вехой в развитии направления, связанного с изучением идентичности в социальных науках. Как член редколлегии я помню интенсивность работы, остроту обсуждения подходов и содержания понятий. С позиций сегодняшнего дня, что бы Вы изменили в книге, спланировали бы по-другому?

И.С. Семененко. Я бы уделила больше внимания рассмотрению процессов политизации неполитического с использованием идентичности, анализу факторов политизации идентичности. Интересно посмотреть, как влияет на эти процессы культура в ши-

роком смысле, в том числе художественная культура, как в теоретико-методологическом плане изучение идентичности вписывается в культуральные исследования (в поле cultural studies). И насколько содержательно оправданно использование понятия «культурная идентичность», оно очевидно нуждается в концептуальной проработке (потому что любая идентичность социальна по природе и имеет культурное наполнение). Меня очень интересует изучение неполитических инструментов и механизмов политики идентичности, которые постепенно занимают место в поле политической науки. Например, школьных учебников или музеев как встречи разных идентичностей, сетевых взаимодействий и их влияния на социальный и культурный ландшафт, изменений, происходящих в городских публичных пространствах. Нынешняя «война памятникам», развернувшаяся не только в США, но и в «традиционалистской» Великобритании (есть попытки поднять волну и в ряде других стран) – это в том числе свидетельство межпоколенческих разрывов. Меняется отношение к истории как значимому идентификационному ориентиру, в авторитетных зарубежных СМИ появились жесткие высказывания о том, что сама идея памятника исторической личности или событию не отвечает стремительно меняющимся современным реалиям... Нужно иметь в виду, что в быстрой смене ориентиров идентичности отражаются ценностные разрывы, поэтому важно изучать механизмы таких изменений и оценивать перспективы политической мобилизации на их основе. Это важная для политического прогнозирования тематика.

Сегодня я бы выделила специальный раздел, посвященный идентичности и развитию, идентичности в контексте политики развития. Важно понимание развития как сочетания общественного и личностного. Такого развития, которое ориентировано на человека, на его духовный рост, на перспективы формирования общества, где важны не материальные, а в первую очередь – духовные ценности, где идут поиски путей примирения человека с миром, в котором он живет.

Думаю, очень важно оценить морально-этические и психологические аспекты динамики политической идентичности. Отчасти об этом доводилось писать в публикациях о «человеке политическом». Особенно в свете нынешнего коронакризиса, хотя задача глубже, об интеграции разных областей социального знания я уже упоминала в начале нашего разговора. У российских исследовате-

лей идентичности есть для этого свой сетевой ресурс. Нашей Сети по исследованию идентичности исполнилось десять лет, работу на сайте Сети бесценно координирует Мария Викторовна Назукина.

В подготовке книги, о которой Вы говорили, и ряда предшествовавших ей изданий взаимодействие в рамках Сети сыграло большую роль. Интересные и плодотворные обсуждения проходят у нас на тематических заседаниях Исследовательского комитета по политической идентичности Российской ассоциации политической науки, инициатива создать словарь терминов и понятий по нашей тематике и организовать сетевое взаимодействие оформилась в ходе такой дискуссии более 10 лет назад. В написании монографии «Идентичность...» участвовали более полусотни (55, если быть точной) авторов из разных научных центров страны. Сегодня у нас в российском исследовательском поле сложилось несколько изучающих идентичность научных школ – в нашем институте, в Санкт-Петербургском государственном университете, в Пермском и Кубанском университетах, у каждой свое лицо. Исследования целенаправленно ведутся в целом ряде российских научных центров, только в нашей книге было представлено восемь институтов РАН и 12 университетских центров.

Л.А. Фадеева. Мы знаем, что сам концепт идентичности подвергается постоянной критике, подобно тому, как ранее было много противников у концепта политической культуры. Критика, начиная с В.С. Малахова, Ф. Купера и Р. Брубейкера, исходит из посыла, что концептуализация идентичности затруднена, а верификация вообще едва ли возможна. Особенно критическое отношение к политике идентичности, и часто обращается внимание на ее негативные стороны. Каковы, на ваш взгляд, вызовы и перспективы исследований идентичности и политики идентичности?

И.С. Семененко. Я не думаю, что в этом поле можно добиться концептуальной строгости, тем более что исследования идентичности расширяются на смежные поля, это неизбежно, и это позитивный процесс. Но можно, думаю, разговаривать на общем для исследователей языке. Важно изучать, что принято в политическом дискурсе и как это соотносится с научным дискурсом. Например, в постсоветских странах – в Беларуси, Казахстане, Армении – политика идентичности – это интегральная часть государственного строительства. Политика такая будет, даже если действующие политики не будут ее так именовать. Дело – за коллегам

ми-исследователями. Появились, например, интересные работы армянских коллег о глобальных диаспорах и роли идентичности в их формировании.

Меня очень занимает вопрос о «новых» и «старых» субъектах политики идентичности. Оценки такой вовлеченности тесно связаны с оценками динамики политического режима и политических институтов. У многосубъектной политики идентичности или односубъектной разная эффективность, это становится очевидным в среднесрочной и долгосрочной перспективе. У таких исследований немалый прогностический потенциал. Надо типологизировать дискурсы, в которых присутствует идентичность, посмотреть, на что они направлены, как они вписываются или не вписываются в политику развития. Ключевой вопрос – об этической составляющей развития, особенно в условиях новейших технологических и информационных вызовов. Об ответственности тех, кто формирует повестку дня развития, перспективах перехода к парадигме ответственного развития, такого, которое ориентировано на широкое использование нематериальных ресурсов.

Надо работать над уточнением понятийного ряда, над разработкой идентичности как «зонтичного» понятия и содержательно-го наполнения ее отдельных измерений и категорий. Выясняется, например, что недостаточно разработана категория расовой идентичности. В западной литературе есть некоторая политкорректная фигура умолчания по этому поводу. Между тем события последних месяцев показывают, что расовая идентичность – это не просто социально значимый ориентир, важно оценить его место в структуре современной политической идентичности. Что стоит за понятием «государственная идентичность», кто и кого наделяет такой идентичностью – тоже требующий прояснения вопрос. Государственная идентичность предполагала бы понимание государства как монолита, что проблематично. Внешнеполитическая идентичность – это сугубо дискурсивное понятие? И не происходит ли в этом контексте реификации (т.е. овеществления) концептуальных подходов? Как избежать этой опасности, о которой настойчиво напоминают критики идентичности?

Идентичность стоит в центре современных конфликтов, в которых отстаивается «право на идентичность», сегодня она вытеснила классовый конфликт, стала своего рода преемником в структурировании социальных размежеваний. Может быть, пред-

ложенное пермскими политологами понятие «борьба за идентичность» не идеальное, но я его часто использую (обычно беру в кавычки). Замены ему пока никто не предложил, а важно иметь в виду, что идентичность продвигается разными путями, с помощью разных механизмов и в столкновении разных субъектов и дискурсов.

Л.А. Фадеева. Исследования идентичности – это та сфера, где у отечественных ученых есть серьезный задел, наработки, достижения, которые представляют ценность и для мировой науки. Отечественные исследователи могут опереться на то, что сделано предшественниками, когда проблематика идентичности поднималась прямо – как идентификационный уровень классового сознания у Дилигенского, или опосредованно – применительно к субъективной стороне политических процессов. Если использовать политико-культурные подходы, то нет иерархии политических культур, как нет и иерархии культур вообще. И политическая идентичность не может быть выстроена в иерархии, когда одни модели превосходят другие и, следовательно, одни должны «догонять» другие. Нормативный подход в этом случае просто не работает. Как Вы полагаете, можно ли говорить об аккумулировании в этом поле объективного научного знания?

И.С. Семененко. Объективность связана с адекватным аналитическим инструментарием. И, конечно, в первую очередь – с ответственностью самого исследователя. Есть широкое поле для научной мысли, для поиска адекватных подходов к социальной реальности. В том числе в осмыслении идентичности как ключевой категории социального знания (не случайно наш коллег-философ Х.Г. Тхагапсоев рассматривает идентичность как форму категориального синтеза).

Ключевая исследовательская задача – выяснять, на что направлены дискурсы, в которых присутствует идентичность, каково их целеполагание. И выявить позитивные альтернативы для политики идентичности, ресурсы формирования «идентичности развития» (за неимением опять же лучшего термина). Думаю, что нам предстоит переосмыслить наш понятийный арсенал. Изобретение новых понятий – иногда возможный, но не всегда плодотворный путь. Сегодня важно продвигать неконфликтную публичную дискуссию по вопросам развития человека и общества, перехода от «борьбы за идентичность» к «диалогу идентичностей». В форми-

ровании такой повестки дня видится и наша ключевая задача как работающих в поле социальных наук исследователей.

**Prospects for identity research in the social sciences:
promoting non-conflict public discussion
(interview of professor Lyubov' A. Fadeeva
with corresponding member of RAS Irina S. Semenenko)**

For citation: Prospects for identity research in the social sciences: promoting non-conflict public discussion (interview of professor Lyubov' A. Fadeeva with corresponding member of RAS Irina S. Semenenko). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 74–85. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.04>

НАУЧНЫЕ ДЕБАТЫ

О.В. ПОПОВА*

О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ¹

Аннотация. В статье анализируется состояние исследований государственной политики идентичности в российской политологии как одной из значимых в теоретическом и политико-практическом отношении тем междисциплинарного свода знаний об идентичности. Автор выделяет этапы развития этой проблематики в российской политологии, приводит доказательства институционализации этого направления исследований. В статье представлен обзор «научного ландшафта» российских исследований по проблеме государственной политики идентичности, выявлены сильные и слабые стороны в становлении этой темы, определены наиболее значимые рассогласования в представлениях российских исследователей. Особое внимание обращено на проблему соотношения гражданской и национально-государственной идентичности, которое может быть изменено в результате реализации государственной политики идентичности. Акцентируется вопрос о снижении роли традиционных и политических институтов в процессе формирования политических установок граждан. В работе приводятся фрагменты экспертных интервью для характеристики различий во взглядах ученых. Автор акцентирует внимание на системных проблемах развития современной российской политологии, которые ограничивают возможности развития от-

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: pov_64@mail.ru o.porova@spbu.ru

¹Статья написана по итогам завершенного Гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

© Попова О.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

дельных ее направлений. Среди них – субъективное ощущение вторичности исследований и теоретических установок российских ученых, неоправданная популяризация отдельных тем, «мода» на конкретные научные подходы, развитие практик цитирования по «региональному» принципу. Кроме того, результаты наработок ученых востребованы в реальной политике, что также может иметь свои побочные негативные эффекты, например, в виде развития представлений о принципиальной возможности формирования унифицированной национально-государственной идентичности с заданными параметрами у значительных по размеру социальных групп и политических сообществ.

Ключевые слова: политическая наука; развитие отечественных политологических исследований; теория идентичности; политическая идентичность; государственная политика идентичности; экспертный опрос.

Для цитирования: Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–110. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

Введение.

Постановка проблемы и эмпирическая база

Период освоения новых теорий и знакомства с методологиями и методиками западных коллег в области политической науки завершился два десятилетия назад, но до сих пор периодически наблюдается неоправданный «синдром ученика» в представлениях многих отечественных обществоведов о вторичности собственных разработок, что не в последнюю очередь является следствием европо- и америкоцентричности политологического знания. Не умаляя значения теоретических разработок научных светил мирового уровня, отметим, что «прорывные» теории в политической науке встречаются крайне редко, а любое продвижение вперед базируется на кропотливом труде многих исследователей.

Другая проблема в том, что избыточная популяризация какой-либо темы подчас приводит к расширительной трактовке понятий, поверхностному описанию исследуемой проблемы, появлению вала малозначимых в научном плане публикаций реферативного характера, отсутствию реального прироста знаний. Кроме того, у исследователей периодически возникает синдром «тоннельного видения» лишь определенных авторов, занимающихся той или иной проблемой. Последнее является следствием склонности некоторых ученых цитировать лишь высокорейтинговых исследователей или тех авторов, с идеями которых они согласны,

формирования своеобразных «научных клик» в условиях перекоса требований учета научной активности по формальным показателям.

Одно из успешно развивающихся направлений в отечественной политологии – основанное на междисциплинарном подходе изучение политической идентичности [Идентичность: личность, общество, политика, 2017]. К настоящему времени в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Краснодаре, Майкопе, Перми сложились взаимодействующие по сетевому принципу исследовательские группы по изучению идентичности; научное лидерство принадлежит Центру сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Состояние и тенденции развития этой субдисциплины периодически обсуждаются [Попова, 2013; Ророва, 2015; Фадеева, Назукина, 2020]. В последнее десятилетие заметное место занимают работы, связанные с политикой идентичности [Идентичность: личность, общество, политика, 2017; Семененко, 2016; 2020; Цумарова, 2012; Semenenko, 2015], в научный оборот введены проблемы сознательного конструирования политической идентичности [Евгеньева, Титов, 2010; Малинова, 2010] и стратегия анализа политики идентичности в контексте общецивилизационных процессов [Семененко, Лапкин, Пантин, 2010]. Ряд ученых все более интересуют проблемы государственной политики идентичности [Ачкасов, 2012; Ачкасов, 2013; Баранов, 2019; Гришин, 2019; 2020; Гриценко, 2016; Лагутин, 2019; Лукин, Мусиенко, 2018; Попова, 2016 b; Попова, 2019 a; Попова 2019 b; Попова 2019 c; Шентякова, 2019; Ророва, 2019] и национально-государственной идентичности как результата реализации государственной политики идентичности [Комаровский, 2017 a; Комаровский, 2017 b; Титов, 2017 a; Титов, 2019 b].

Представляется актуальной необходимость обсуждения состояния в российской науке одной из тем политологической идентитаристики, отражающей теории и оценку реальных политических практик, – государственной политики идентичности. Этой цели и посвящена предлагаемая статья; в ней решаются три задачи: 1) дается обзор «научного ландшафта» российских исследований и выявляются особенности трактовки государственной политики идентичности; 2) предлагается видение институционализации исследований государственной политики идентичности и концептуализации этой темы; 3) определяются наиболее значимые расхождения в представлениях российских исследователей в этой теме.

Первые две задачи решаются на основании анализа научных публикаций, третья – еще и на результатах экспертного опроса 23 ключевых российских ученых-политологов, занимающихся проблемами политической идентичности и политики идентичности¹. Экспертный опрос (неформализованное, нестандартизированное интервью) был проведен летом-осенью 2019 г. участниками проекта РФФИ и АНО ИЭСИ № 19–011–31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

От категории «политика идентичности» к понятию «государственная политика идентичности»

Прочно вошедшая на рубеже 1990–2000-х годов в зарубежную политическую науку категория «политика идентичности» (англ. «identity politics» или «politics of identity») вызвала высокий интерес и у российских ученых². Политика идентичности связывается с процессами сознательного конструирования определенных форм и моделей коллективной идентичности. В научный дискурс эта категория введена в 1979 г. Р. Анспачем, который определял этот феномен как движение, выступающее за изменение самовосприятия людей с ограниченными возможностями и отношения к ним социума [Anspach, 1979]. До середины 1990-х годов понятие «политика идентичности» (identity politics) использовалось преимущественно для описания социальных движений различных меньшинств и поиска этими группами моральных и идеологических оснований борьбы за свои «особые» права. В начале 2000-х годов появилась трактовка политики идентичности как одного из важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима. Постепенно формируются предпосылки характеристики государственной политики идентичности с

¹ Некоторые материалы опроса, которые не дублируются в предлагаемой статье, представлены в трех публикациях 2019 г. [Попова, 2019 а; Попова, 2019 б; Шентякова, 2019].

² Одна из первых статей на русском языке по этой теме белорусского коллеги опубликована в «Политической науке» 15 лет назад [Миненков, 2005].

использованием англоязычного policy, хотя отечественные авторы, апеллируя к традиции, продолжают настаивать на использовании «politics» [Цумарова, 2012].

Исследования политики идентичности обладают мощным эвристическим потенциалом, поскольку этот феномен выступает в роли регулятора действий и решений институтов, групп и индивидов, определяет стратегические цели, открывает доступ к целой группе ресурсов, регламентирующих стратегию и тактику действий, объясняет деструктивное поведение по отношению к «другим» социальным группам – политическим, этническим, культурным и т.д. Исследования устойчивых дискурсивных практик самоутверждения малых групп остаются актуальными, но все чаще звучит тезис о неоправданно гипертрофированном интересе к запросам меньшинств в ущерб реализации прав большинства.

Широко обсуждаются размышления Ф. Фукуямы, который предостерегает: «Для некоторых прогрессистов политика идентичности оказалась дешевой заменой серьезных размышлений о том, как обратить вспять тенденцию роста социально-экономического неравенства, развивавшуюся в большинстве либеральных демократий на протяжении 30 лет» [Фукуяма, 2019, с. 149]. По мнению Ф. Фукуямы, смещение фокуса исследований и трактовки политики идентичности произошло потому, что первоначально теория политики идентичности была ориентирована на решение проблем малых социальных групп в англосаксонских государствах с либеральным режимом.

В российской науке категория «политика идентичности» все чаще определяется как политический курс по сознательному, целенаправленному и систематическому формированию (конструированию), утверждению и корректировке национально-государственной идентичности. Этот процесс начался в России в начале 2000-х годов. Разработанные за два десятилетия документы формируют достаточно стройную систему представлений российской политической элиты об идеальном результате, связанном преимущественно с гражданским и патриотическим воспитанием новых поколений.

На наш взгляд, есть основания выделять два этапа в развитии проблематики государственной политики идентичности в российской политологии в XXI в.: первое десятилетие связано с этапом накопления знаний и формирования авторских позиций при одновременном привлечении внимания политиков к этой теме, а второе характеризу-

ется заметными тенденциями ее институционализации. Заслуживают внимания следующие факты: а) рост числа защит диссертаций по этой тематике или тесно сопряженных с ней (Ш.А. Алибегиллов, А.С. Гаева, В.Н. Ефремова, А.Н. Иохим, М.В. Руткаускайте, Л.В. Сагитова, Я.А. Сирюкова, Е.Е. Уразбаев, Н.С. Ширяев); часто за названием «формирование национально-государственной / политической идентичности» скрывается описание как результата, так и стратегий действий органов власти в области политики идентичности; б) заинтересованность российских научных фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ) в поддержке грантов по теме государственной политики идентичности; в) проведение тематических научных конференций¹ и увеличение числа докладов по данной проблематике в рамках политологических конференций; г) издание специализированных тематических сборников [см., например: Символическая политика, 2017]; е) появление учебных пособий, в которых упор сделан именно на государственную политику в области формирования идентичности граждан [см., например: Капицын, 2018]; д) введение соответствующих тем в учебный процесс в вузах (они представлены, например, в на факультетах политологии МГУ и СПбГУ); ж) популяризация темы на образовательных порталах² в Интернете.

Российские авторы определяют практический и символический характер государственной политики идентичности [см., например: Гигаури, 2015; Малинова, 2010; Титов, 2019 а], анализируют различные аспекты ее проявления, в том числе в языковой политике [Ветренко, Дубицкий, 2017; Мухарямов, 2018; Мухарямов, Януш, Шакурова, 2019; Сагитова, 2012], политике государственных праздников на федеральном уровне [Ефремова, 2013; 2016], практиках региональных властей по организации коллективных праздничных мероприятий на субфедеральном уровне [Попова, 2017] и т.д., образовательной и исторической политике [Семененко, 2018 б], политике памяти [Титов, 2017 б; Титов, 2019 а] и топонимике [Сорокин, 2019]. Анализ реализации государственной политики идентичности осуществляется как на примере страновых кейсов [Госу-

¹ См., например, тематику докладов Исследовательского комитета ИК18 РАПН на ежегодных конференциях.

² См., например: Мнения экспертов ПостНауки о перспективах развития политики в сфере экологии в России // ПостНаука. – 2014. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/talks/19910> (дата посещения: 01.07.2020).

дарственная политика идентичности в Узбекистане ..., 2018; Российская идентичность и политика ..., 2018], так и в различных группах стран [Между государством и нацией, 2017; Попова, 2019 с; Семененко, 2018 а].

В энциклопедическом издании 2017 г. «Идентичность: личность, общество, политика» напрямую категория «государственная политика идентичности» не выделена [см.: Идентичность: личность, общество, политика, 2017, с. 127, 159, 351, 648–654, 666–684], но проблематика присутствует. «Под политикой идентичности... понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности... Государство – ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной политики» [Идентичность: личность, общество, политика, 2017, с. 647–648].

Отечественные авторы часто используют понятие «национально-государственная идентичность» [Комаровский, 2017 а; Комаровский, 2017 b] для описания результата реализации государственной политики идентичности «как полномасштабного конструкта, целостного образа “мы” во всех его измерениях» [Титов, 2017 b, с. 41]. В научной литературе встречаются попытки отождествления этого феномена с опирающейся на этническую национальную идентичность [Ачкасов, 2012; 2013] и / или гражданской идентичностью [Политическая идентичность, 2011]. Применительно к российскому кейсу наряду с понятием «российская идентичность» [Гриценко, 2016] используются термины «гражданственно-государственная» или «национально-гражданская идентичность», «комбинация этнического и наднационального» или «цивилизационного начал», а также «цивилизационная идентичность» (последний вариант камуфлирует роль государства в процессе реализации политики идентичности). Российские исследователи неизбежно наталкиваются на позицию политиков-практиков, трактующих «российскую идентичность» как идейный (идеологический) конструкт, который может быть использован политическим классом в качестве аналога «национальной идеи», и рассчитывающих вследствие этого на частичное снятие остроты противоречий между классами и социальными группами в стране. На наш взгляд, тер-

минологическое разнообразие при описании государственной политики идентичности свидетельствует о недостаточно устоявшейся теоретической конструкции.

Представляется, что государственную политику идентичности следует понимать как определенный набор чаще всего закреплённых в юридических актах, но имеющих символическое и идеологическое наполнение политических проектов, практик и инструментов формирования и развития заданной системы политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров основной массы населения, направленных на создание строго регламентированных образов «мы – граждане» и «мое государство». Государственная политика идентичности, реализуемая в любой стране (безотносительно характера политического режима), выполняет функции формирования государственной, национальной (национально-государственной) и гражданской идентичности населения, символического объединения граждан, предложения более-менее унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства и т.д. Те или иные объекты и образы становятся элементами идентичности в той степени, в которой могут быть проинтерпретированы самим субъектом и его окружением, наделены значимым для него личностным или социальным смыслом, применимым для определения людей или их групп в рамках существующего дискурса.

Вместе с тем государства с демократическим режимом, проводя политику идентичности в отношении своих граждан, предоставляют большую возможность поливариантного взгляда на предлагаемые элитой основные компоненты государственной матрицы идентичности и, в отличие от стран с авторитарным и тем более тоталитарным режимом, не требуют полного принятия стратегий и максимизации лояльности в отношении предлагаемых «сверху» образов своего государства, «нас» и «других». Государственная политика идентичности может быть направлена на поддержание и / или оспаривание любых политизированных форм социальной и политической идентичности граждан «своей» страны.

Проводимая любым государством политика идентичности формирует и «макрополитическую идентичность» населения страны, обеспечивает интеграцию стоящих «за» государством сообществ, поощряет солидарность, формирует определенные представления о «нас», которые опираются на сознательно задаваемые

интерпретации истории и культуры. Представляется, что государственная политика идентичности выступает как разновидность проводимого политическими, экономическими или культурными элитами (но, прежде всего, политико-административными элитами) политического курса (policy). Государственная политика идентичности является процессом сознательного конструирования идентичности в границах политического сообщества (от малых групп до регионов и национальных государств). В условиях глобализации выстраивание государством определенной политики идентичности может рассматриваться как своего рода реакция на процессы унификации с целью самосохранения.

Методологические основания анализа, акторы и компоненты государственной политики идентичности

Если первоначально в анализе идентичности ученые в основном обращались к теориям среднего уровня или делали отсылку к традиции ее изучения в рамках конструктивизма, затем акцент заметно сместился в сторону неоинституционализма [см., например: Борьба за идентичность ..., 2012], что напрямую вытекает из необходимости учета состояния и взаимосвязи формальных и неформальных практик в деятельности социальных и политических акторов по формированию желательных для них моделей идентичности. Последнее, казалось бы, однозначно подталкивает исследователей к ориентации на постмодернистские версии методологий, в частности конструктивизма.

Однако при некритическом использовании только конструктивистской методологии или постмодернистских идей в оценке политики идентичности можно прийти к весьма далекой от истины идее возможности и необходимости формирования индивида, якобы абсолютно свободного, независимого от общества и связанного лишь со свободной волей. Противоположная версия заикливания на детерминистских методологических подходах также может привести к весьма нереалистичной идее достижимости формирования практически любого варианта государственной и политической идентичности масс [Лукин, Мусиенко, 2018]. В последнее время явно намечается тенденция к использованию мультиметодологического и поливариантного подхода при изучении государст-

венной политики идентичности [см., например: Титов, 2019 b, с. 79; Попова, 2019, с. 763]. На наш взгляд, максимально эффективным методологическим основанием исследований этого феномена является сочетание исторических версий неoinституционализма, постструктурализма и конструктивизма [Попова, 2019 b].

Самыми значимыми акторами государственной политики идентичности, безусловно, являются глава государства и органы госуправления, которые делегируют на региональный и локальный уровни как соответствующие нормативные законодательные документы, проекты и программы, так и формальные и неформальные политические практики.

Государство, в отличие от других политических акторов, обладает максимальным набором самых разнообразных материальных и символических ресурсов и может использовать большинство институтов социализации и инструментов публичной политики с целью сформировать выбранную политической элитой модель государственной, национально-государственной, гражданской идентичности. В большинстве случаев эта претензия государства на легитимную символическую власть социумом принимается. Вместе с тем государство вынуждено делегировать полномочия и иным политическим акторам и институтам гражданского общества. Лидеры общественного мнения различного типа могут играть существенную роль. Религиозные организации важны для реализации государственной политики идентичности, чтобы связать воедино конфессиональную, этническую и государственную принадлежность.

Государство имеет больше возможностей сконструировать и продвинуть в массовое сознание свою модель государственной идентичности, но только в тоталитарной стране она является безальтернативной. Даже в авторитарных государствах органам власти приходится предлагать свою модель на условиях конкуренции с другими моделями, поскольку в социуме на различных уровнях (индивидуальном, групповом, массовом) существует и проявляет себя определенный набор альтернативных идентичностей.

Государственная политика идентичности, используя символические средства, выполняет и такую функцию, как отвлечение граждан от конфликта внутри самих элит и от реальных проблем социума и государства. При этом усилия политических акторов направлены на создание и популяризацию определенных вариан-

тов понимания сути происходящих или происходивших социальных и политических процессов.

В обязательный набор компонентов, механизмов и средств государственной политики идентичности входят: идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами, акцентирование исторической миссии своего государства с использованием моралистской риторики; комплексная инфраструктура для поддержания исторической памяти; официальный дискурс обращений и посланий глав государств; интерпретация содержания и символики государственных праздников; образовательная политика, символическое привлечение в осуществлении политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, руководителей международных организаций. Важным фактором политики государственной идентичности является самоопределение относительно значимых «других» государств и международных организаций.

Стандартные технологии формирования государственной политики идентичности традиционно опираются на историческую политику или политику памяти как некий политический конструкт. Главное в политике памяти – не историческая правда, а выстраивание комплексного образа прошлого, включающего эмоциональный, когнитивный и символический компоненты.

Важнейшим компонентом государственной политики идентичности выступает предлагаемая политическими акторами (прежде всего в этом заинтересованы политико-административные элиты) базовая матрица государственной идентичности. Исследователями она проанализирована в двух вариантах: в рамках собственно политологической парадигмы [см., например: Ророва, 2019] и в варианте политико-психологического подхода [см., например: Титов, 2019 б].

На наш взгляд, матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться и только одно из них (таблица) [подробно см. авторскую позицию по поводу ее компонентов, «наполнения» в современной России и реакции различных групп населения: Попова, 2016 а; 2017; 2018 а; 2018 б; Ророва, 2019].

Таблица

Структура матрицы государственной идентичности

Параметр 1. Образ «нашего» государства (8 измерений)	• «правильные» границы территории страны: 1) пределы государства / границы; 2) восприятие отдельных территорий государства;
	• «правильное» время создания государственности
	• «правильная» государственная символика (герб, гимн, флаг и т.д.)
	• «правильный» исторический герой (родоначальник государства, герой, спасший государство, и т.д.)
	• современный национальный лидер – герой
	• образ идеального / героического / катастрофического прошлого «нашего» государства
	• образ «нашего» государства в настоящем
	• привлекательное неопределенное будущее «нашего» государства
Параметр 2. Образ «мы – граждане» (3 аспекта)	• тип цивилизации
	• способ обозначения народа / населения / граждан
	• самоопределение социальной / политической группы относительно значимых и знаковых групп
Параметр 3. «Они» (3 измерения)	• доминирующая модель идентификации «других»
	• внешние «они» (враги, союзники)
	• внутренние «они» (враги, союзники)

Дискуссионные вопросы

Основное выявленное расхождение в оценках экспертов касается результата реализации государственной политики идентичности. Чаще всего эксперты говорили в этом качестве о национально-государственной или гражданской идентичности.

Национально-государственная идентичность понимается рядом российских авторов как конструкт, характеризующий образ граждан России в качестве политической нации вовне в ответ на геополитические вызовы, и одновременно как состояние массового сознания [см.: Белоконов, Титов, Усманова, 2019, с. 91]. По мнению некоторых экспертов, важным компонентом формирования государством государственно-национальной идентичности является *«необходимость выстраивания, “отстраивания” одного государства*

от другого» (канд. полит. наук, доцент, м.). Но политическая элита весьма своеобразно понимает и гражданскую идентичность; идеал гражданственности в глазах этой группы – *«потенциально активный гражданин... не ломится в двери власти, но может продемонстрировать свою активность... Государству надо, чтобы он хотя бы знал законы и платил налоги. И свою лояльность демонстрировал практическим образом: участвуя в выборах, уплачивая налоги, следуя законам государства»* (д-р ист. наук, проф., ж.).

Эксперты считают необходимым различать такие гражданскую и государственно-национальную идентичность как результат соответствующей государственной политики, но при этом часть из них склонны рассматривать гражданскую идентичность как разновидность национально-государственной (*«гражданская идентичность, на мой субъективный взгляд, я знаю, что многие эксперты не согласятся, все-таки есть разновидность национально-государственной идентичности»* (канд. полит. наук, доцент)).

Участвовавшие в экспертном опросе российские политологи убеждены, что гражданская идентичность предполагает формирование такого гражданина, который *«в принципе достаточно знает и понимает, чтобы проявить свою активность, если он считает, что что-то угрожает ему лично, гражданам. Если государство начинает нарушать правила, то он готов напомнить власти о том, что есть правила»* (д-р полит. наук, проф., ж.).

Среди российских экспертов существуют расхождения и в представлениях об основании процесса реализации государственной политики идентичности. Условно можно выделить два варианта понимания этого процесса. Ряд исследователей склоняются к «технологическому», манипулятивному пониманию проблемы (*«конструирование часто сейчас понимается как манипулирование»*) (д-р полит. наук., проф., м.), полагая, что традиционные каналы (обучение) утрачивают свое приоритетное значение (*«институционально через школу; в университетах это намного меньше, но через политику в отношении средств массовой информации, безусловно»*) (д-р ист. наук., проф., ж.), большее значение и влияние имеют развлекательные средства и игра в самых разных своих проявлениях (*«намного более важно это то, что они получают через Интернет, через разного рода каналы развлекательные»; «если у вас нет эффективного собственного продвижения в*

пространстве Интернета, вы, конечно, не сможете продвигать никакую политику идентичности») (д-р полит. наук, проф., м.).

Вопрос об участии интеллектуалов и лидеров общественного мнения в реализации государственной политики идентичности остается достаточно острым, поскольку их взгляды с большой долей вероятности не совпадают с представлением «политического класса»: *«Лояльные власти интеллектуалы, публицисты и прочее... они в это пространство включаются весьма активно, с дискуссией включаются, они это пространство так или иначе отвоевывают, пытаются его использовать в качестве арены борьбы за ту идентичность и те символы, значимые вещи, принципы, которые они считают необходимым продвигать»* (д-р полит. наук, проф., ж.). Однако власть интеллектуалов ограничена «культурным кодом населения»; конечно, у разных социальных групп – совершенно разные лидеры общественного мнения, *«культурные символы, культурное пространство»* (д-р полит. наук, проф., м.).

Примечательно, что эксперты декларируют различия символических оснований формирования идентичности в разных странах, что связано с несовпадением политической культуры, традиций и в целом – политической истории в разных странах: *«В этом смысле культурные основания идентичности во Франции достаточно сильны. Англосаксы в большей степени сосредоточены на политических символах, связанных с формированием наций, государств, историческими особенностями. Сложнее всегда тем странам, у которых оказывалось бремя истории – немцы, итальянцы. Специфика такая, что у немцев основой национально-государственной идентичности был конституционный патриотизм, но потом все равно после воссоединения деление на “осси”, “весси” затрудняет формирование единой идентичности и политики по ее формированию»* (д-р истор. наук, проф., ж.).

Можно выделить несколько дискуссионных точек о матрице государственной идентичности.

Во-первых, речь идет о стремлении некоторых авторов отождествить категории и содержание матриц государственной и национально-государственной идентичности, предположении, что государственная матрица идентичности входит в состав национально-государственной идентичности. В частности, тождественность этих категорий «прочитывается» у В.С. Комаровского. На наш взгляд (в этом случае мы согласны с позицией И.С. Семененко), отождеств-

ление этих двух категорий неправомерно, поскольку набор компонентов не совпадает, а образ «мы», даже если он и охватывает население страны, то лишь в отношении граждан государства. В случае с конструктом национально-государственной идентичности (национально-гражданской идентичности) в ее базовую матрицу неизбежно включается многообразие национально-этнических групп, проживающих на территории страны, и восприятие образа Родины, а не только государства с его формальными институциональными признаками. В конструкте государственной идентичности применительно к «политической нации» акцент на специфике этнических групп, проживающих в одной стране, из базовой матрицы государственной идентичности изымается, камуфлируется или интерпретируется как «общий вклад» в построение современного сильного и перспективного государства.

В известном смысле для исследователей разделение конструктов государственной и национально-государственной идентичности связано с акцентированием значения для первого на сознательно проводимой политическими акторами политике и для второго – на политических образах, формирующихся на основе политических стереотипов, нередко спонтанно, и не является непосредственно производной от пропагандистских политических кампаний. При этом декларируемые составные компоненты государственной и национально-государственной идентичности почти совпадают; так, например, В.С. Комаровский относит к основным компонентам национально-государственной идентичности «коллективное “мы” – представление о нации и стране, где в качестве институциональных скреп выступает государство (“моя страна”, родина предков и т.д.), а в качестве гуманитарных – “моральное сообщество” – доверие, солидарность, обязательства в отношении других членов общества; “значимые другие” – страны и народы, постоянное взаимодействие с которыми позволяет лучше понимать свое отличие, самобытность; интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории; проект желаемого будущего» [Комаровский, 2017 b, с. 7].

Во-вторых, речь идет о стремлении некоторых исследователей включить непосредственно в матрицу государственной идентичности эмоциональный компонент [см.: Титов, 2017 а, с. 45]. На наш взгляд, символическое содержание основных компонентов матрицы государственной идентичности не содержит собственно психологические

составляющие, хотя эмоциональное восприятие предлагаемых образов, пространственно-временного изменения функционирования государства людьми неизбежно. В-третьих, содержание матрицы государственной идентичности существенно изменяется, особенно если речь идет о выборе какой-то из задающих рамки версий пространственно-временного измерения «своего» государства.

С одной стороны, все политологи признают, что государство было и остается в условиях глобализации и становления информационного общества одним из наиболее влиятельных институтов политической социализации, обладающим колоссальными материальными, организационными и техническими ресурсами формирования национальной, политической, гражданской идентичности. С другой стороны, исследователи считают, что даже в тоталитарном государстве его мощнейшие ресурсы и возможности не позволяют унифицировать политические взгляды людей, в том числе и установки в отношении органов власти и политической элиты, истории, настоящего и будущего своей страны и т.д. Даже при доминировании государственно-центричного подхода в вопросе о взаимоотношениях государства и институтов гражданского общества нет ни малейших оснований для отрицания субъектности негосударственных участников процесса формирования идентичности.

Однако у основного субъекта формирования и реализации государственной политики идентичности *«главная задача – удержаться у власти, главная задача – использовать потенциал идентичности, потенциал политики памяти, эксплуатируя его для того, чтобы укрепить собственную монополию на власть, а все остальное: хорошо, если получится, а если нет – это вторично»* (д-р филос. наук, доц., ж.). Как следствие, в реальной политической практике элиты многих государств *«воспринимают политику идентичности как “историческую политику”, как политику манипулирования, переписывания, создания неких не очень понятных конструктов прошлого и настоящего для того, чтобы более эффективно управлять социальными настроениями, политическими настроениями»* (д-р полит. наук, проф., м.).

Обозначенные расхождения в позициях российских исследователей являются основными, но не исчерпывающими.

Вместо заключения

Проблематика государственной политики идентичности разрабатывается в отечественной политологии активно, но наличие различных методологических подходов и определенных научных школ, включенных в разные традиции и контексты понимания идентичности, провоцирует рост многозначности использования термина, а вследствие этого, и риски размывания ключевых понятий. Можно с уверенностью говорить, что к настоящему времени в отечественной научной литературе достаточно четко определены методологические подходы, сформулировано определение, символические основания, компоненты, акторы и технологии формирования государственной политики идентичности, активно анализируются кейсы отдельных государств, предпринимаются попытки выявления общих закономерностей для различных групп государств, что позволяет говорить о постепенной концептуализации этой темы.

На наш взгляд, в российской политологии сформулировано и апробировано понимание сущности государственной политики идентичности, предложена схема анализа этого явления, выявлены основные элементы, технологии и акторы, сформулированы основные различия реализации государственной политики идентичности в странах с различным типом политического режима, есть определенные наработки в изучении как отдельных кейсов, так и групп государств; на повестке дня – разработка критериев эффективности, индикаторы их оценки и выявление факторов, способствующих и препятствующих успеху реализации этой политики.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. – 2013. – Вып. 4. – С. 71–77.
- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 232 с.
- Российская идентичность и политика идентичности: конструкция / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, В.А. Васильченко, Г.С. Денисова; отв. ред. В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.
- Баранов Н.А.* Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века

- (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: сборник научных трудов / гл. ред. О.А. Сотникова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 88–94.
- Белоконов С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. № 1. – С. 90–98. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98>
- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
- Ветренко И.А., Дубицкий В.В. Государственная языковая политика в контексте формирования политической идентичности граждан // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 3 (15). – С. 368–374.
- Гигаури Д.И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15. – С. 83–87.
- Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости / А. Даудов, Б. Алимджанов, А. Андреев, В. Шорохов, Д. Янченко // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5. – С. 146–161. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9>
- Гриценко Г.Д. Политика идентичности как условие формирования российской идентичности // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. – 2016. – № 12 (30). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4020> (дата посещения: 01.07.2020).
- Гришин Н.В. Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.
- Гришин Н.В. Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3. – С. 66–72. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-60-3-066-072>
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.
- Ефремова В.Н. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2016. – № 5. – С. 93–98.
- Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 227–236.
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
- Капицын В.М. Теория и политика идентичности: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 219 с.
- Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. – 2017 а. – Т. 25, № 1. – С. 5–11.
- Комаровский В.С. Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России // Власть. – 2017 б. – Т. 25, № 10. – С. 7–15.

- Лагутин О.В.* Принципы государственной политики формирования идентичности в современной России // Конфликтология. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 44–55. – DOI: <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55>
- Лукин В., Мусиенко Т.* Формирование идентичности как государственная задача // Credo New. – 2018. – № 1. – С. 10.
- Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 1. – С. 5–28.
- Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Миненков Г.Я.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 21–38.
- Мухарямов Н.М.* Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы / отв. ред. М.А. Омаров. – М.: РГГУ, 2018. – С. 68–75.
- Мухарямов Н.М., Януш О.Б., Шакурова Г.З.* О некоторых дискурсивных аспектах языковой политики в российских регионах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4 (61). – С. 56–66. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-056-066>
- Политическая идентичность и политика идентичности / под ред. О.И. Зазнаева. – Казань: Поволжский (Казанский) государственный университет, 2011. – 230 с.
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019 а. – № 4 (61). – С. 50–55. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019 б. – Т. 20, № 4. – С. 74–91. – DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
- Попова О.В.* Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // Социальные изменения в глобальном мире: Шестая международная научная конференция: сборник материалов. – Штиг: Издательство университета Гоце Делчева, 2019 с. – С. 757–772.
- Попова О.В.* Анализ базовой матрицы государственной идентичности // Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018 а. – С. 119–128.
- Попова О.В.* Расколы в отношении политико-административной матрицы государственной идентичности и запрос на проект развития // Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018 б. – С. 119–128, 210–217.
- Попова О.В.* Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 37–48.

- Попова О.В.* Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время / под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016 а. – С. 160–165.
- Попова О.В.* Эффективность политики идентичности современного полиэтнического государства // Политическое пространство и социальное время / под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016 б. – С. 157–160.
- Попова О.В.* Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – Т. 9, № 2. – С. 205–219.
- Сагитова Л.В.* Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства и социально-экономическая конъюнктура // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – С. 26–46.
- Семененко И.* Новые ракурсы политики идентичности: Трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 16–32. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>
- Семененко И.С.* Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. – 2018 а. – № 5. – С. 70–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>
- Семененко И.С.* Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018 б. – Т. 62, № 11. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
- Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40–59.
- Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит науки; ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – 356 с. – (Политология).
- Сорокин А.С.* Топонимика как средство реализации политики государственной идентичности // Дневник науки. – 2019. – № 9 (33). – С. 7–14.
- Титов В.В.* Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019 а. – № 10. – С. 20–25.
- Титов В.В.* Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019 б. – Т. 25, № 3. – С. 78–83.
- Титов В.В.* Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017 а. – № 1. – С. 42–54.

- Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.: Типография «Ваш формат», 2017 б. – 184 с.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В.* Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>
- Фукуяма Ф.М.* Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия: пер. с англ. – М.: Альпина Пабlisher, 2019. – 256 с.
- Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–16.
- Шентякова А.В.* Консолидация элит и лидерство как факторы эффективности политики идентичности (по оценкам экспертов) // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 9–17. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31311>
- Ansach R.R.* From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients // Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology. – 1979. – Vol. 13. – P. 765–773. – DOI: [https://doi.org/10.1016/0271-7123\(79\)90123-8](https://doi.org/10.1016/0271-7123(79)90123-8)
- Popova O.V.* The development of political science in modern Russia // Political science in Europe. – Krakow: Jagiellonian University Press, 2015. – P. 425–447.
- Popova O.* State identity policy: the limits of efficiency // Balkan Social science review. – 2019. – N 4. – P. 141–157.
- Semenenko I.* Ethnicities, nationalism and the politics of identity: shaping the nation in Russia // Europe-Asia Studies. – 2015. – Vol. 67, N 2. – P. 306–326. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681>

O.V. Popova*

Unresolved problems in the theory of state identity politics in Russian political science¹

Abstract. The article analyzes the state of research of the state policy of identity in Russian political science as one of the most significant in the theoretical and political-practical terms of the topics of interdisciplinary body of knowledge about identity. The author shows two stages in the development of this issue in Russian political science, brings evidence of the institutionalization of this area of research. The article provides an overview of the scientific landscape of Russian research on the problem of state policy of identity, uncovers the strengths and weaknesses, as well as the stages of the formation of this topic, and determines the most significant discrepancies in the views of Russian researchers. Special attention has been given to the problem of the relationship between civil and national-state identity as a result of the implementation

* **Popova Olga**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: pov_64@mail.ru o.popova@spbu.ru

¹ Research project of RFBR and ANO EISR № 19–011–31616 “State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects”

of the state policy of identity, the change in the role of traditional social and political institutions in this process. The problems of reducing the role of traditional and political institutions in the process of forming the political attitudes of citizens are stressed. The paper cites selected excerpts from expert interviews to confirm the differences in the views of scientists. The author focuses on the systemic problems of the development of modern Russian political science, which limit the possibilities of development of its individual directions. Among them there are unjustified subjective feelings of the secondary nature of research and theoretical attitudes of Russian scientists, unfounded popularization of certain topics, “fashion” for specific scientific approaches, the development of citation practices on the “regional” principle. In addition, the results of the developments of scientists are in demand in real politics, which can also have its side negative effects, for example, in the form of the development of ideas about the fundamental possibility of forming a unified national-state identity with given parameters in large social groups and political communities.

Keywords: political science; the development of political science research in Russia; identity theory; political identity; state identity policy; expert survey.

For citation: Popova O.V. Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

References

- Achkasov V.A. Identity politics in the modern world. *Saint Petersburg State University Bulletin. Series 6*. 2013, N 4, P. 71–77. (In Russ.)
- Achkasov V.A. *The identity policy of multi-ethnic states in the context of solving the security problem*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House, 2012, 232 p. (In Russ.)
- Anspach R.R. From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients. *Social science and medicine. medical psychology and medical sociology*. 1979, Vol. 13, P. 765–773. DOI: [https://doi.org/10.1016/0271-7123\(79\)90123-8](https://doi.org/10.1016/0271-7123(79)90123-8)
- Avksentyev V.A. (ed.) *Russian identity and identity politics: construction and deconstruction*. Stavropol: NCFU Publishing House, 2018. 214 p.
- Baranov N.A. Russian civic identity in the political and cultural context. In: Sotnikova O.V. (ed.) *Pitirim Sorokin and the paradigms of global development of the XXI century (to the 130 th anniversary of his birth)*. Syktyvkar: Publishing House of the Syktyvkar State University named after Pitirima Sorokina, 2019, P. 88–94. (In Russ.)
- Belokonev S. Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R. Russian national-state identity: facing challenges of the early 21 st century. *RUDN Journal of Political Science*. 2019, Vol. 21, N 1, P. 90–98 DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98>(In Russ.)
- Daudov A., Alimdzhanov B., Andreev A. et al. The state policy of identity in Uzbekistan during the late Soviet period and the age of independence. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018, N 5, P. 146–161. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9> (In Russ.)

- Efremova V.N. Public holidays as an ideological construct. *Political Science (RU)*. 2013, N 4, P. 227–236. (In Russ.)
- Efremova V.N. State holidays policy in Russia: revision of identity grounds? *Perm Federal Research Centre Journal*. 2016, N 5, P. 93–98. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. Nation-state identity formation of the Russian youth. *Politics. Political Studies*. 2010, N 4, P. 122–134. (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identity research). *Political Science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russ.)
- Fukuyama F.M. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gigauri D.I. The symbolic dimensions of the identity politics. *The theory and practice of social development*. 2015, N 15, P. 83–87. (In Russ.)
- Grishin N.V. The state identity policy: a new bet in the political struggle? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020, N 55, P. 231–239. (In Russ.)
- Grishin N.V. A state as an actor of identity construction policy. *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2019, N 3, P. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-60-3-066-072> (In Russ.)
- Gritsenko G.D. Identity politics as a condition for the formation of Russian identity. *Universum: social sciences: an electronic scientific journal*. 2016, N 12 (30). Mode of access: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4020> (accessed: 07.01.2020). (In Russ.)
- Kapitsyn V.M. *Identity theory and politics: textbook*. Moscow: INFRA-M, 2018, 219 p. (In Russ.)
- Komarovsky V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of the civil nation of Russia. *The Power*. 2017 a, Vol. 25, N 1, P. 5–11. (In Russ.)
- Komarovsky V.S. The legacy of the 1917 revolution in the formation of the identity of modern Russia. *The Power*. 2017 b, Vol. 25, N 10, P. 7–15.
- Lagutin O.V. Principles of state policy of identity formation in modern Russia. *Konfliktologia*. 2019, Vol. 14, N 3, P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55> (In Russ.)
- Lukin V., Musienko T. Formation of identity as a state task. *Credo New*. 2018, N 1, P. 10. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Constructing macropolitical identity in post-soviet Russia. *Political Expertise: POLITEX*. 2010, T. 6, N 1, P. 5–28. (In Russ.)
- Minenkov G. Ya. Identity politics: a view of modern social theory. *Political Science (RU)*. 2005, N 3, P. 21–38. (In Russ.)
- Mukharyamov N.M. Language politics and nation-building in changing contexts. In: Omarov M.A. (ed). *Nation-building: state, problems, prospects*. Moscow: RGGU, 2018, P. 68–75. (In Russ.)
- Mukharyamov N.M., Yanush O.B., Shakurova G.Z. About some discursive aspects of language policy in the Russian regions. *The Caspian region: politics, economics, cul-*

- ture. 2019, N 4 (61), P. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-056-066> (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A., Fadeeva L.A. (eds). *Struggle for identity and new communication institutions*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 263 p. (In Russ.)
- Popova O. State identity policy: the limits of efficiency. *Balkan Social science review*. 2019, N 4, P. 141–157.
- Popova O.V. State identity policy in expert evaluations of Russian political scientists. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2019 a. N 4 (61), P. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056> (In Russ.)
- Popova O.V. Identity policy at national level as a theoretical construct and real practice: expert assessments attempt. *South-Russian journal of social sciences*. 2019 b, Vol. 20, N 4, P. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91> (In Russ.)
- Popova O.V. Models and technologies for the formation of identity politics in the “new” states. In: *Social changes in the global world. Sixth international scientific conference: collection of materials*. Shtip: Gotse Delchev University Publishing House, 2019 c, P. 757–772. (In Russ.)
- Popova O.V. Analysis of the basic matrix of state identity. In: Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems*. Moscow: Political Encyclopedia, 2018 a, P. 119–128. (In Russ.)
- Popova O.V. Splits over the political-administrative matrix of state identity and the demand for a development project. In: *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems*. Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). Moscow: Political Encyclopedia, 2018 b, P. 210–217. (In Russ.)
- Popova O.V. Identity politics: the attitude of Petersburg citizens to the festive events in the city. *Political Expertise: POLITEX*. 2017. Vol. 13, N 4, P. 37–48. (In Russ.)
- Popova O.V. The basic matrix of state identity policy in modern Russia. In: *Political space and social time*. Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds.). Simferopol: IT “ARIAL”, 2016 a, P. 160–165. (In Russ.)
- Popova O.V. The effectiveness of the identity policy of a modern multi-ethnic state. In: Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds). *Political space and social time*. Simferopol: IT “ARIAL”, 2016 b, P. 157–160. (In Russ.)
- Popova O.V. The development of political science in modern Russia. In: *Political science in Europe*. Krakow: Jagiellonian University Press, 2015, P. 425–447.
- Popova O.V. Study of the problems of political identity in Russia. *Political Expertise: POLITEX*. 2013, Vol. 9, N 2, P. 205–219. (In Russ.)
- Sagitova L.V. Dynamics of bilingualism in Tatarstan: the results of the government's language policy and the socio-economic conjuncture. In: *Consolidating identities and a modernization resource in Tatarstan*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2012, P. 26–46. (In Russ.)
- Semenenko I. New Dimensions of identity politics: contested memories in history museums of the 20 th century. *World economy and international relations*. 2020, Vol. 64, N 5, P. 16–32. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32> (In Russ.)
- Semenenko I.S. Nationalism, separatism, and democracy. New patterns of national identity in “Old” Europe. *Polis. Political Studies*. 2018 a, N 5, P. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07> (In Russ.)

- Semenenko I.S. History on the frontline of identity politics. *World Economy and International Relations*. 2018 b, Vol. 62, N 11, P. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76> (In Russ.)
- Semenenko I.S. (ed). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: “Ves mir”, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Identity politics and identities in politics: interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*. 2016, N 4, P. 8–28. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russ.)
- Semenenko I. Ethnicities, nationalism and the politics of identity: shaping the nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2015, Vol. 67, N 2, P. 306–326. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681>
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L. et al. Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-Soviet societies. *Polis. Political Studies*. 2017, N 5, P. 54–78. DOI: DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the coordinate system of world development. *Polis. Political Studies*. 2010, N 3, P. 40–59. (In Russ.)
- Shentyakova A.V. Consolidation of elites and leadership as the factors of identity politics effectiveness. *Sociodynamics*. 2019, N 12, P. 9–17. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31311> (In Russ.)
- Symbolic politics: Collection of scientific papers*. Moscow: RAS. INION, 2017, Vol. 5, Identity politics, 356 p. (Ser.: Political science).
- Sorokin A.S. Logrolling in the modern legislative process. *Dnevnik nauki*. 2019, N 9 (33), P. 7–14. (In Russ.)
- Titov V.V. National and state identity as a space of political senses and images. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*. 2017 a, N 1, P. 42–54. (In Russ.)
- Titov V.V. *The politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Printing house “Vash format”, 2017 b, 184 p. (In Russ.)
- Titov V.V. The state politics of memory in the Russian federation: transformation vector. *State Power and Local Self-government*. 2019 a, N 10, P. 20–25. (In Russ.)
- Titov V.V. Political technologies of the national-state identity formation in contemporary Russia. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2019 b, Vol. 25, N 3, P. 78–83. (In Russ.)
- Tsumarova E. Yu. Identity politics: politics or policy? *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. 2012, N 2, P. 5–16. (In Russ.)
- Vetrenko I.A., Dubitsky V.V. State language policy in the context of the formation of political identity of citizens. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2017, N 3 (15), P. 368–374. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. (ed). *Political identity and identity politics*. Kazan: Kazan State University, 2011, 230 p. (In Russ.)

Ю.Г. ЧЕРНЫШОВ*

ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ (К ИТОГАМ ДИСКУССИИ)

Аннотация. В статье обобщены основные результаты недавней дискуссии по вопросу о том, как взаимосвязаны национальные идентичности и национальные варианты политики памяти в отношении глобальных исторических событий XX в. Данная дискуссия проходила с 1 апреля по 30 июня 2020 г. в рамках ежегодной интернет-конференции Алтайской школы политических исследований. Во введении к статье приведен краткий обзор основных направлений уже существующих исследований по данной тематике в отечественной и зарубежной литературе. Характеризуется содержание поступивших на интернет-конференцию 30 докладов, в которых рассматривается осмысление событий, оставивших глубокий след в общественном сознании (мировые войны, революции, распад империй и многонациональных государств, процессы деколонизации, «холодная война» и т.д.). Для конкретного анализа выбраны доклады, наиболее близкие к избранной теме. Они разделены на три смысловых блока: 1) Идентичности и осмысление прошлого в условиях пандемии; 2) Постколониальные идентичности и «проработка прошлого»; 3) Травма геноцида: идентичности «преступников» и «жертв». Анализ показывает, что осмысление и «историческое освоение» ряда событий еще далеко не завершено. Во многих странах «политика памяти» в отношении важнейших исторических событий и символов используется при конструировании национальных идентичностей, при легитимации важнейших шагов во внутренней и внешней политике. Вместе с тем сформировавшаяся национальная идентичность может существенно влиять на проводимую в стране политику памяти. Поэтому дальнейшее сравнительное изучение используемых в мире вариантов «политики памяти», связанных с формированием идентичностей, является актуальной научной задачей.

* Чернышов Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; директор, Алтайская школа политических исследований (Барнаул, Россия), e-mail: ashpi@ya.ru

Ключевые слова: политика памяти; национальная идентичность; коллективная память; интерпретации истории; историческая политика; геноцид; колониализм; пандемия; травматическое прошлое.

Для цитирования: Чернышов Ю.Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 111–127. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06>

Введение

В последние десятилетия темы, связанные с политикой памяти и формированием идентичностей, довольно часто привлекали внимание и отечественных, и зарубежных исследователей. Этот интерес, несомненно, связан с трансформациями, происходящими в современном глобализированном мире. XX век был насыщен событиями, не только оказавшими фундаментальное влияние на ход мировой истории, но и оставившими глубокий след в общественном сознании (мировые войны, революции, массовые репрессии, распад империй и многонациональных государств, процессы деколонизации, «холодная война» и т.д.). Осмысление и «историческое освоение» этих событий еще не завершено. Во многих странах «политика памяти» в отношении важнейших исторических событий и символов используется при формировании национальных идентичностей, при легитимации важнейших шагов во внутренней и внешней политике. Поэтому важно проводить сравнительно-историческое изучение используемых в мире вариантов «политики памяти», связанных с формированием идентичностей. В данной статье предпринимается попытка обобщить (с учетом общего историографического фона) основные результаты недавней дискуссии, прошедшей в рамках интернет-конференции в апреле – июне 2020 г.

Если пытаться вкратце охарактеризовать степень изученности темы, можно отметить разноплановость встречающихся в литературе подходов, что констатируют авторы уже существующих обзоров (см., например: [Джонсон, Малинова, 2020; Ефременко, Малинова, Миллер, 2018; Методологические вопросы ..., 2018; Семененко, 2018; Сыров, Головашина, Линченко, 2016]). Основную массу работ при этом составляют конкретные case-studies, характеризующие «политику памяти» отдельных стран (преимущественно в русле конструктивизма) или интерпретации в рамках «политики памяти» отдельных исторических символов и событий.

В литературе уже сложились определенные приоритетные направления: от осмысления и «проработки» трагического опыта нацистской Германии и Холокоста (см., например: [Forest, Johnson, Till, 2004; Coakley, 2007; Hartman, Assmann, 2012]) до постколониального развития стран Азии и Африки (см., например: [Ranger, 2012; Давидсон, Филатова, 2009]), постсоциалистического транзита в странах Восточной Европы (см., например: [The politics of memory in postwar Europe, 2006; Mälksoo, 2009; Nijakowski, 2008; Миллер, 2016]), «войн памяти» в республиках, входивших в СССР (см., например: [Smith, 2002; Бордюгов, 2011; Копосов, 2011; Политика памяти в современной России ..., 2020; Тимофеев, 2010]), и т.д. При этом пока все еще мало научных исследований, в которых данные явления рассматриваются на широком фоне, с учетом международного опыта и в комплексе с такими «сопредельными» темами, как, например, имидж страны и национально-государственные идентичности.

Отдельно стоит отметить работы, в которых политика памяти и интерпретации прошлого рассматриваются в непосредственной связи с проблематикой идентичности. Вопрос «Кто мы?» всегда, еще с глубокой древности, приводил человеческие сообщества к поискам ответов в нарративах собственной истории, в ее символах и в значимых событиях. Данная тема достаточно широко освещена в зарубежной литературе (см., например: [Anderson, 2006; Erikson, 1968; Hobsbaum, 2012]). В последнее время появились интересные обобщающие исследования и отечественных ученых (см., например: [Евгеньева, Селезнева, 2016; Ефременко, 2018; Зевако, 2019; Малинова, 2015; Семененко, 2017; Тимофеев, 2010; Титов, 2017]). Все больше публикуется серьезных работ не только по России, но и по зарубежным странам (см., например: [Игнатович, 2019; Фадеева, Плотников, 2017]), что создает базу для проведения масштабных сравнительных исследований.

В целом сложившееся в литературе разграничение форм репрезентации прошлого (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) исходит из того, что все они являются важным способом самопознания общества, определяющего свою идентичность через осмысление истории [Репина, 2013]. Разумеется, практически всякая «национальная» историография испытывает на себе в той или иной степени влияние пропаганды и «войн памяти», однако вместе с тем

многие ученые считают необходимым объективное изучение данных процессов, осмысление их во всей сложности и противоречивости.

Общая характеристика дискуссии

Дискуссия, об основных итогах которой будет сказано далее, проходила в формате интернет-конференции с 1 апреля по 30 июня 2020 г. Такие интернет-конференции проводятся Алтайской школой политических исследований (АШПИ) ежегодно с 2002 г. при поддержке Алтайского государственного университета (кафедра всеобщей истории и международных отношений (ВИМО)) и Российской ассоциации политической науки (РАПН). На предыдущих конференциях также затрагивались близкие темы. Так, например, обсуждались темы «Национальная, региональная идентичность и международные отношения» (2005), «Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения» (2010), «Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях» (2017)¹. Результаты рассмотрения проблем идентичности на конференциях АШПИ были обобщены в специальной статье [Козулин, Чернышов, 2014]. В 2019 г. конференция была посвящена теме «Политика памяти и формирование международного имиджа страны» (см.: [Дневник ..., 2019]). Поэтому интернет-конференция 2020 г. («Глобальные исторические события XX в. и национальные варианты политики памяти») стала логическим продолжением предыдущих обсуждений.

На данную конференцию поступило 30 докладов². Среди авторов есть зарубежные ученые – из Канады (г. Торонто), Республики Армения (г. Ереван) и Республики Казахстан (г. Нур-Султан, г. Усть-Каменогорск); российские города представлены Барнаулом, Москвой, Нижним Новгородом, Омском, Пермью, Санкт-Петербургом, Саранском, Томском и Улан-Удэ.

¹ С полным перечнем тем конференций АШПИ и с их материалами, опубликованными в серийном издании [Дневник Алтайской школы политических исследований ..., 2019], можно ознакомиться на сайте: Режим доступа: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=819 (дата посещения: 20.08.2020).

² Тексты всех докладов можно посмотреть, пройдя по ссылке: Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18221> (дата посещения: 20.08.2020).

Интересные сюжеты и оригинальные подходы есть во многих поступивших докладах, причем некоторые из авторов рассматривают общетеоретические проблемы (Н.А. Коровникова, В.В. Миронов, И.С. Семененко и др.). Представлены также самые разнообразные в географическом плане экскурсии: по Армении (Г.П. Григорян, Республика Армения), Африке (О.А. Богатова, А.В. Митрофанова), Беларуси (Е.А. Бикетова), Великобритании (О.А. Аршинцева, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов), Венгрии (А.М. Бетмакаев), Гонконгу (Г.З. Папашвили), Греции (К.А. Чураков), Европейскому союзу (Е.В. Хахалкина), Израилю (В.П. Румянцев), Индии (О.Ю. Курныкин), исламскому миру (С.В. Голунов), Сербии (А.М. Савоськин), США (И.И. Курилла), Турции (С.Д. Кленова, Ю.Г. Чернышов), Франции (Н.С. Малышева, В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова) и другим странам и регионам.

Отечественная политика памяти также анализируется в разных аспектах – например, через обращение к интерпретации различных исторических явлений и событий, таких как политический терроризм в Российской империи (Т. Рокки, Канада) и конец царизма (В.Н. Козулин), а также гражданская война на Алтае и японская интервенция на Дальнем Востоке (Н. В. Дьяченко, А.В. Михалев), Карибский кризис (В.Е. Дергачева, Ю.Г. Чернышов), вспышка холеры в СССР в 1970 г. (В.А. Смирнова) и др. Рассмотрены также и конкретные практики продвижения политики памяти с помощью школьных учебников по истории (А.Б. Суслов, Е.В. Шуйская), с помощью политики региональных элит на примере Нижнего Новгорода (М.А. Казаков, М.С. Лысцев, М.С. Северова). По ряду докладов произошел обмен мнениями в комментариях (их тоже можно посмотреть на сайте).

Это разнообразие сюжетов дает хороший материал для сравнений и обобщений. Учитывая ограниченность объема данной статьи, мы остановимся лишь на некоторых докладах, наиболее близких к рассматриваемой проблематике и образовавших три основных «смысловых блока», связанных с темами пандемии, деколонизации и геноцида.

Идентичности и осмысление прошлого в условиях пандемии

Самый новый, пожалуй, из глобальных вызовов, последствия которых еще не до конца изучены, – эпидемия коронавируса,

вспыхнувшая в китайском городе Ухань в декабре 2019 г. и за несколько месяцев охватившая практически все страны мира. Какие подвижки в общественном сознании, в интерпретациях прошлого и в идентичностях актуализировала пандемия? Эта тема была затронута в трех докладах.

Известный специалист по проблемам идентичности, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН И.С. Семененко представила доклад на тему «Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры». Новизна подходов проявилась здесь, в частности, в том, что автор проанализировала новые приоритеты политики памяти и те трудности, которые встают перед Европейским союзом в условиях кризиса, связанного с распространением пандемии COVID-19. Первой реакцией многих стран стало закрытие границ и сокращение контактов даже с соседями по ЕС, что стало еще одним серьезным испытанием для европейской идентичности и перспектив евроинтеграции. Среди традиционных проблем сохраняется и «разделенная память». В связи с этим в ЕС сейчас поддерживаются проекты, направленные на «общую память»: школьные исследовательские проекты, посвященные местной истории как части общеевропейской истории, «Исторический Эразмус» для взрослых, сетевая платформа EUROPEANA, Дом европейской истории (House of European History) и т.д. Для преодоления накопившихся проблем, справедливо отмечает автор, необходима ответственная неконфронтационная политика памяти, ищущая пути диалога, причем ведущую роль в проведении такой политики в ближайшее время будут играть национальные государства.

Как связаны с пандемией происходящие сейчас изменения в общественном сознании и, в частности, процессы актуализации исторических примеров борьбы с подобными вызовами? Этот вопрос рассматривает кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН Н.А. Коровникова («Политика памяти в (пост)пандемическом контексте»). Новые вызовы ведут к регенерации базовых элементов исторической памяти, обращения и к наднациональному, глобальному измерению политики памяти. Пандемия напомнила об угрозах, которые могут иметь не локальные, а общемировые масштабы. При этом, считает автор, в современных условиях цифровизации мирового пространства следует

учитывать опасность распространения не только физиологических, но и ментальных «вирусов» (психоэмоциональные девиантные состояния индивидуального и массового сознания), которые могут подрывать ментальный «иммунитет» и сложившиеся идентичности в обществе.

Еще в одном докладе рассматривается конкретный исторический опыт борьбы с эпидемией: «Воспоминания о вспышке холеры в СССР в 1970 г.: свидетельства советской эпохи и нарративы эры COVID-19». Автор – В.А. Смирнова, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Она отмечает, что довольно популярным в России сейчас оказался нарратив эффективного преодоления эпидемий в советское время. Сторонники государственного патернализма заявляют, что в СССР уверенно побеждались все эпидемии благодаря выделяемым на это ресурсам, системной и жесткой политике. Однако их оппоненты, напротив, обращают внимание на проявившиеся изъяны бюрократической системы – в частности, формализм, закрытость информации и порожденная ею нервозность, вызвавшая самые невероятные слухи. Историческая память, делает вывод автор, нуждается в осмыслении ее обусловленности региональной идентичностью в культурном, климатическом и ландшафтном измерениях, а также с точки зрения местного производства, родовых отношений.

К последнему выводу можно добавить, конечно, и обусловленность интерпретаций истории политической идентичностью. Даже в тех «теориях заговора», которые появились сразу после начала пандемии, отчетливо проявились уже сложившиеся до этого ориентации. Так, люди, опасющиеся усиления экспансии Китая, восприняли версию о том, что вирус был выведен в Центре новых инфекционных заболеваний Уханьского института вирусологии. А противники «западного империализма», как и в советские времена, списали эту эпидемию на «происки из-за океана». Подтвердилась давно отмеченная закономерность: многие люди не склонны проверять достоверность информации, а склонны верить в то, что соответствует сложившейся у них картине мира. Подтвердилось и то, что закрытие границ в глобализированном мире уже не спасает от новых угроз. Пандемия напомнила: человечество сможет выжить, если наряду с национальными интересами будут соблюдаться и общие условия выживания всех людей, рода *homo sapiens*.

Постколониальные идентичности и «проработка прошлого»

Еще одна ставшая актуальной в последнее время тема – коллективная память о колониализме и использовании африканских рабов. Частный случай (гибель 25 мая 2020 г. в Миннеаполисе афроамериканца, задержанного полицейскими за использование фальшивой купюры) неожиданно привел к мощной волне протестов и погромов, к сносу памятников и публичным покаяниям за то, что происходило задолго до рождения кающихся. Этот выплеск эмоций явно свидетельствует о незаживающей «травме» и о том, что расовая идентичность, вопреки всем цивилизованным нормам и законам, может подталкивать ее носителей к идее «коллективной ответственности» людей иной расы. О том, как в разных странах пытаются решать такие проблемы, говорилось в нескольких докладах.

Осмысление колониализма в постколониальном мире и эволюция национальной идентичности в бывших метрополиях рассмотрены в докладе «Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики». Его авторы – Е.И. Филиппова (доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) и В.Р. Филиппов (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН). По их мнению, политика памяти во Франции в этом отношении ситуативна и противоречива, что связано, по-видимому, и с разными подходами к национальной идентичности. Есть официальная, апологетически-патриотическая версия, которая со времен Шарля де Голля подкрепляла проводимую политику в отношении «Франсафрик», и есть критическая позиция некоторых гражданских активистов, рассматривающих колониализм как преступление против человечества, а африканскую политику Елисейского дворца – как особую форму неоколониализма (например, Франсуа-Ксавье Вершав и организация *Survie* – «Выживание»).

Взгляды на колониализм с «обратной стороны» анализируются в докладе «Музеефикация травматического прошлого в Южной Африке: конкуренция нарративов» (авторы – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева и доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН А.В. Митрофанова). Рассмотрены три

мемориала: Музей апартеида, музей Лилислиф Фарм и Мемориал африканерским первопроходцам. Репрезентации коллективной травмы и вооруженной борьбы выполняют, по мнению авторов, легитимирующую функцию, обосновывая права этнических и расовых групп на территорию и государственное строительство в условиях разделенного общества. При этом идея героической жертвы служит основой самоидентификации групп, выступающих субъектами национально-государственного строительства.

Целый ряд докладов посвящен теме осмысления опыта Британской империи. Оценки колониальной политики в работах историков Английской школы международных отношений освещены в докладе кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и теории международных отношений ОмГУ В.В. Миронова, защитившего недавно докторскую диссертацию по данной тематике [Миронов, 2019]. На фоне процесса деколонизации менялись оценки учеными роли колоний в «международном обществе», участниками которого теперь признаются все страны, а не только «цивилизованные». Благодаря гибкости оценок и апелляции к принципам справедливости британские ученые сумели со временем, по оценке автора, обеспечить большее доверие к своей науке со стороны ряда бывших колоний, чем те ученые, которые отрицали колониализм в истории и внешней политике своих стран. Своеобразная «проработка» темы колониализма привела к оценке его как закономерно завершенного процесса в ходе становления глобального международного общества XXI в.

Тема наследия Британской империи затронута и в докладах двух аспирантов кафедры ВИМО АлтГУ – Н.Ю. Самойлова и Г.З. Папашвили. Первый из авторов проанализировал «колониальный дискурс» в британских документальных фильмах и пришел к выводу, что Brexit обнажил расколотость британского общества в отношении имперского прошлого и идеи Global Britain. В рассмотренных фильмах не замалчиваются негативные страницы истории, однако зрителей подводят к выводу, что существование империи принесло пользу не только Великобритании, но и ее колониям. Второй докладчик коснулся близкой темы – британское влияние рассмотрено им как фактор формирования современной идентичности жителей Гонконга. Гонконгская идентичность не является продуктом простого смешения китайской и британской культурных традиций. Характерные для китайской традиции ме-

ханизмы самосохранения сыграли здесь роль своеобразных «фильтров», придавших заимствованиям национальную интерпретацию.

Своеобразным обобщением по данной теме стал доклад, который представила доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ Е.В. Хахалкина («Политика памяти ЕС в контексте осмысления процессов деколонизации и европейской идентичности»). В докладе сделан вывод, что в ряде европейских стран осмысление деколонизации не только не завершилось, но на идейно-политическом и институциональном уровне еще даже не начиналось. Автор считает, что следует продолжать диалог между разными сторонами о признании взаимной ответственности друг перед другом, с тем чтобы не допускать как спекуляций на теме колониального прошлого, так и деструктивных решений по миграционным и другим вопросам, наносящим ущерб идее «Единой Европы» и философии помощи и развития. Таким образом, еще раз подтверждается: феномен деколонизации действительно пока не стал достоянием прошлого.

Травма геноцида: идентичности «преступников» и «жертв»

Геноцид – еще одна сложная тема, тесно связанная с меморизацией травматического прошлого. Трактовки этой темы особенно часто оказываются продиктованными эмоциями или «политической целесообразностью», причем это относится не только к наиболее известному и масштабному историческому прецеденту (Холокосту), но и к другим драматическим событиям, история которых получает самые разные интерпретации.

Доклад на тему «Трианон, Хорти, Холокост: “спор историков” в контексте политики памяти в Венгрии» был представлен кандидатом исторических наук, доцентом кафедры ВИМО АлтГУ А.М. Бетмакаевым. Он анализирует дискуссию между венгерскими историками, состоявшуюся в 2012 г. на фоне попытки правительства Виктора Орбана сконструировать новый «большой нарратив» национальной истории. При этом, отмечает автор, если в общественно-политическом дискурсе ФРГ в результате дискуссии историков укрепилось представление о коллективной вине за нацистские преступления, то в Венгрии большинство граждан не

чувствуют, что они имеют какое-либо отношение к Холокосту. Характерно в этом отношении, например, такое суждение: без немецкой оккупации массовое убийство евреев в Венгрии не состоялось бы [Romsics, 2014, p. 1353].

По теме геноцида часто высказываются «крайние» позиции, от стремления «заклеймить» оппонента до попыток уйти от всякой ответственности. Уже многие десятилетия продолжаются споры о признании или непризнании геноцида армян в 1915 г. в Османской империи. Позиция армянской стороны представлена докладом магистрат международных отношений, соискателя Ереванского государственного университета Г.П. Григоряна. Согласно выводам автора, для дополнения коллективной идентичности армян в XX в. оказалась важной память о Великой Отечественной войне. Они прошли через ужасы геноцида и начали формировать идентичность жертвы, однако война «стала толчком для преодоления комплекса жертвы и нахождения сил для борьбы, во имя выживания и против дискриминации». Сегодня, считает автор, в условиях нерешенности карабахского конфликта и прямой вовлеченности Азербайджана и Турции в антиармянскую политику в Армении распространено восприятие политики Турции в качестве прямой наследницы политики Османской империи.

Следуя принципу «*audiatur et altera pars*», очевидно, стоит рассматривать аргументы и другой стороны, не признающей факт геноцида. Эта тема освещена в докладе «Позиция Турции в отношении признания геноцида армян» (авторы – студентка кафедры ВИМО АлтГУ С.Д. Кленова и доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ВИМО АлтГУ Ю.Г. Чернышов). На основе данных социологических опросов и оценок экспертов в статье анализируется восприятие геноцида армян в турецком обществе, рассматриваются аргументы турецкой стороны в поддержку отрицания геноцида и методы продвижения данной позиции на международной арене. Отмечен целый ряд факторов, повлиявших на формирование позиции Турции в данном вопросе (сложившаяся идентичность, нежелание нести ответственность, проводимая политика по отношению к национальным меньшинствам и т.д.).

* * *

Итак, в целом по итогам дискуссии можно констатировать, что особенности национальных вариантов политики памяти в значительной степени зависят от сложившихся в том или ином социуме идентичностей. Однако политика памяти формируется под влиянием еще многих других факторов, причем иногда она и сама активно формирует идентичности. Так, например, можно заметить, что некоторые политические режимы в очень малой степени склонны признавать реальные ошибки и преступления прошлого (будь то события, связанные с эпидемиями, с колониализмом, с репрессиями или геноцидом). За этим стоят опасения правящих элит, что такие признания могут «подорвать веру» в них и бросить тень на проводимую ими политику. Как правило, идентичность «кающихся в преступлениях прошлого» импонирует им гораздо меньше, чем идентичность «победителей», которые «всегда правы». Соответственно выстраивается и «политика памяти», направленная на воспевание побед и замалчивание темных, неудобных страниц истории (а такие страницы есть, конечно, в истории любого государства). В итоге замалчивание приводит к тому, что травматические переживания лишь загоняются вглубь общественного сознания, откуда они могут потом с разрушительной силой вырваться при любой кризисной ситуации. И напротив, в тех обществах, где допускается плюрализм мнений, где каждая социальная группа имеет возможность вынести на публичное обсуждение свое видение «исторической правды», происходит постепенное «переживание» острых травм и оставление их в прошлом. Гибкая, умная и ответственная политика памяти снижает вероятность повторения трагедий прошлого, повышает возможности для стабильного развития в будущем.

Список литературы

- Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
- Давидсон А.Б., Филатов И.И. Исторические пласты афроцентризма // *RaхAfrica*na: континент и диаспора в поисках себя. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – С. 6–40.
- Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого

- в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Дневник Алтайской школы политических исследований. № 35. Сентябрь 2019 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (политика памяти и формирование международного имиджа страны): сб. ст. / редколлегия: Ю.Г. Чернышов (отв. ред.) [и др.]. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – 226 с.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25–39. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.04>
- Ефременко Д.В. Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сб. ст. / под ред. Е.В. Викторовой. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 67–74.
- Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128–140. – DOI: <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6>
- Зевако Ю.В. Российская идентичность, политика памяти и «эпоха политических репрессий»: к постановке проблемы // Вопросы всеобщей истории. – 2019. – № 22. – С. 272–281.
- Иванович Е.А. Историческая политика как политика памяти и проблемы идентичности в современной Испании // Российский журнал исследований национализма. – 2019. – № 1/2. – С. 123–129.
- Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Проблемы национальной и региональной идентичности: Алтайская школа политических исследований // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 172–195.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
- Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко – М.; СПб: Нестор История, 2018. – 224 с.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. – 2016. – № 1. – С. 111–121. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>
- Миронов В.В. Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Томск: [б. и.], 2019. – 42 с.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.
- Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле // История и историки в прошлом и настоящем. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 5–22.

- Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 18–32.
- Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 135–143. – DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/407/21>
- Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 3. – С. 51–59.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции – М.: Ваш формат, 2017. – 184 с.
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // Современная Европа. – 2017. – № 6 (78). – С. 132–143.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – London; N.Y.: Verso, 2006. – 240 p.
- Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – Vol. 10, N 4. – P. 531–560. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>
- Erikson E. Identity: youth and crisis. – N.Y.: W.W. Norton & Co, 1968. – 336 p.
- Forest B., Johnson J., Till K. Post totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia // Social & cultural geography. – 2004. – Vol. 5, N 3. – P. 357–380. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Hartman G., Assmann A. Die Zukunft der Erinnerung und der Holocaust. – Constance: Konstanz University Press, 2012. – 143 S.
- Hobsbaum E. Inventing traditions // The invention of tradition / E. Hobsbaum, R. Terence (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
- Mälksoo M. The memory politics of becoming European: the East European subalterns and the collective memory of Europe // European journal of international relations. – 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109345049>
- Nijakowski L.M. Polska polityka pamięci: esej socjologiczny. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 270 s.
- The politics of memory in postwar Europe / R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu (eds). – Durham; NC; London: Duke University Press, 2006. – 366 p.
- Ranger T. The invention of tradition in colonial Africa // The invention of tradition / E. Hobsbaum, R. Terence (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 211–262. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.006>
- Romsics I. A Numerus Clausustól a Holokausztig // Századok. – 2014. – N 6. – P. 1343–1354.
- Smith K.E. Mythmaking in the new Russia. Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. – 223 p.

Yu.G. Chernyshov*
Identities and national options
of politics of memory (to the results of discussion)

Abstract. The article summarizes the main results of a recent discussion on the relationship between national identities and national variants of the politics of memory in relation to global historical events of the 20 th century. This discussion took place from April 1 to June 30, 2020 as part of the annual Internet conference of the Altai School of Political Studies. The introduction to the article provides a brief overview of the main directions of already existing research on this topic in Russian and foreign literature. The content of the 30 reports submitted to the Internet conference is characterized, in which the comprehension of events that have left a deep imprint on the public consciousness (world wars, revolutions, the collapse of empires and multinational states, processes of decolonization, Cold War, etc.) is considered. For a specific analysis, the reports are selected that are closest to the chosen topic. They are divided into three semantic blocks: 1) Identities and comprehension of the past in the context of a pandemic; 2) Postcolonial identities and working through the past; 3) The trauma of genocide: the identities of “perpetrators” and “victims”. The analysis shows that the comprehension and historical assimilation of a number of events is still far from complete. In many countries, the “politics of memory” in relation to the most important historical events and symbols is used in the construction of national identities, in the legitimization of the most important steps in domestic and foreign policy. On the other hand, the formed national identity can significantly influence the memory policy pursued in the country. Therefore, further comparative study of the variants of “memory politics” used in the world, associated with the formation of identities, is an urgent scientific task.

Keywords: politics of memory; national identity; collective memory; interpretations of history; history politics; genocide; colonialism; pandemic; traumatic past.

For citation: Chernyshov Yu.G. Identities and national options of politics of memory (to the results of discussion). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 111–127. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; N.Y.: Verso, 2006, 240 p.
- Bordugov G.A. “Wars of memory” in the post-Soviet space. Moscow: AIRO-XXI, 2011, 256 p. (In Russ.)
- Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2007, Vol. 10, N 4, P. 531–560. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>

* **Chernyshov Yury**, Altai state university; Altai school of political studies (Barnaul, Russia), e-mail: ashpi@ya.ru

- Davidson A.B., Filatov I.I. Historical layers of Afrocentrism. In: *PaxAfricana: continent and diaspora in search of themselves*. Moscow: SU-HSE, 2009, P. 6–40. (In Russ.)
- Diary of the Altai school of political studies*. № 35. September 2019. *Modern Russia and the world: alternatives of development (politics of memory and the formation of the country's international image): a collection of scientific articles*. Barnaul: Publishing house of Altai state university, 2019, 226 p. (In Russ.)
- Efremenko D.V. The politics of memory and its role in the formation of European identity. In: Viktorova E.V. (ed.). *Formation of modern European identity in the framework of EU integration: social and cultural dimensions: collection of scientific articles*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2018, P. 67–74. (In Russ.)
- Efremenko D.V., Malinova O. Yu., Miller A.I. Politics of memory and historical science. *Russian History*. 2018, N 5, P. 128–140. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6> (In Russ.)
- Erikson E. *Identity: youth and crisis*. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1968, 336 p.
- Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. Soviet past in value, image and symbolic space of Russian identity. *Polis. Political Studies*. 2016, N 3, P. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.04> (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problematic European identity of Moldova: “battles for history”. *Contemporary Europe*. 2017, N 6 (78), P. 132–143. (In Russ.)
- Forest B., Johnson J., Till K. Post-totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia. *Social & cultural geography*. 2004, Vol. 5, N 3, P. 357–380. DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Hartman G., Assmann A. *The future of memory and the Holocaust*. Konstanz: Konstanz university press, 2012, 143 p. (In Germ.)
- Hobsbaum E. Inventing traditions. In: Hobsbaum E., Terence R. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
- Ignatovich E.A. Historical politics as a politics of memory and problems of identity in modern Spain. *Russian journal of nationalism research*. 2019, N 1–2, P. 123–129. (In Russ.)
- Johnson J., Malinova O. Yu. Symbolic politics in political science and Russian studies: research on the political uses of the past in post-soviet Russia. *Political Science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Koposov N.E. *Memory of a strict regime. History and politics in Russia*. Moscow: NLO, 2011, 320 p. (In Russ.)
- Kozulin V.N., Tchernyshov Yu.G. Problems of national and regional identity: Altai school of political studies. *PolitBook*. 2014, N 1, P. 172–195. (In Russ.)
- Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds). *The politics of memory in postwar Europe*. Durham; NC; London: Duke university press, 2006, 366 p.
- Malinova O. Yu. *The actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity*. Moscow: Political encyclopedia, 2015, 207 p. (In Russ.)
- Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe. *European journal of international relations*. 2009, Vol. 15, N 4, P. 653–680. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109345049>

- Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *Methodological issues of studying the politics of memory*: Collection of scientific works. Moscow; Saint Petersburg: Nestor history, 2018, 224 p. (In Russ.)
- Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe: actors, institutions, narratives*. Saint Petersburg: Publishing house of the European university at Saint Petersburg, 2020, 632 p. (In Russ.)
- Miller A.I. Politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politeia*. 2016, N 1, P. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121> (In Russ.)
- Mironov V.V. *The English school of international relations: formation and evolution of the scientific community*: thesis abstract for the degree of Doctor of historical sciences. Tomsk, 2019, 42 p. (In Russ.)
- Nijkowski L.M. *Polish policy of memory: a sociological essay*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008, 270 p. (In Polish)
- Ranger T. The invention of tradition in colonial Africa. In: Hobsbaum E., Terence R. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, P. 211–262. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.006>
- Repina L.P. Historical science in the subject field. In: *History and historians in the past and present*. Moscow: Institute of general history of the RAS, 2013, P. 5–22. (In Russ.)
- Romsics I. From Numerus Clausus to the Holocaust. *Századok*. 2014, N 6, P. 1343–1354. (In Hungarian)
- Semenenko I.S. History on the frontline of identity politics. *World economy and international relations*. 2018, Vol. 62, N 11, P. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76> (In Russ.)
- Semenenko I.S. The category of identity in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities. In: Semenenko I.S. (ed). *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 18–32. (In Russ.)
- Smith K.E. *Mythmaking in the new Russia. Politics and memory during the Yeltsin era*. Ithaca; London: Cornell university press, 2002, 223 p.
- Syrov V.N., Linchenko A.A., Golovashina O.V. The politics of memory in the theoretical and methodological reflection: the experience of foreign studies. *Tomsk State University Journal*. 2016, N 407, P. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/407/21> (In Russ.)
- Timofeev I.N. Russian political identity through the prism of history interpretation. *MGIMO Review of international relations*. 2010, № 3, P. 51–59. (In Russ.)
- Titov V.V. *Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Vash format, 2017, 184 p. (In Russ.)
- Zevako Yu.V. The Russian identity, politics of memory and the “era of political repression”: to the problemstatement. *Questions of general history*. 2019, N 22, P. 272–281. (In Russ.)

ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.В. АЛЕКСЕЕВ, И.В. ФОМИН*

**«МЫ, ЗАЩИТНИКИ НАЦИЙ И СВОБОД».
КАК ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ
КОНСТРУИРУЮТ ИДЕНТИЧНОСТИ
(СЛУЧАЙ «НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ»)¹**

Аннотация. В статье рассматривается, как европейские праворадикальные популисты, находящиеся в оппозиции к правительству, используют понятие прав и свобод при конструировании идентичностей. В основу исследования лег дискурс-анализ текстов выступлений лидера французского «Национального объединения» Марин Ле Пен в ходе предвыборной кампании в парламент Европейского союза 2019 г. Проведенный разбор дискурсивных стратегий, используемых в этих текстах, позволил эмпирически подкрепить и детализировать некоторые существующие теории по поводу ключевых идеологических и дискурсивных черт праворадикального популизма и его позиций в отношении прав и свобод. Вместе с тем анализ также продемонстрировал, что в целом ряде аспектов существующие модели праворадикального популизма могут быть детализированы или скорректированы. Проведенное исследование согласуется с существующими концепциями в том плане,

* **Алексеев Александр Владимирович**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; участник проекта «Образы Европы в дискурсе популистских партий стран ЕС», ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: avalekseev@hse.ru; **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ 075-15-2020-335).

DOI: 10.31249/poln/2020.04.07

что одним из центральных элементов праворадикального популистского дискурса оказывается противопоставление «своих» и «чужих»: в дискурсе Марин Ле Пен, когда речь идет о разнообразных правах и свободах, идентичность французского народа и европейских народов конструируется через соотнесение со значимыми негативными Другими по двум осям: по вертикали – через популистское противостояние элитам, по горизонтали – через нативистское противостояние разнообразным чужакам. Народу предсказывается обладание широким спектром прав, «Национальному объединению» – защита прав народа, а элиты и чужаки репрезентируются в качестве источника угрозы для этих прав. Это разделение, однако, зачастую четко не артикулируется, и в нем систематически создаются многочисленные «серые зоны»: существует целый ряд акторов, валентность которых изменяется в зависимости от контекста. Такой же амбивалентной представляется и конструируемая праворадикальными популистами европейская идентичность, от которой они не желают отказываться, даже отвергая существующий проект европейской интеграции в рамках ЕС как попирающий права и свободы. В целом проведенный анализ позволяет заключить, что праворадикальные популисты в странах ЕС выступают одним из активных участников интерпретативных битв за переосмысление понятия прав и свобод.

Ключевые слова: политический дискурс; идентичность; европейская идентичность; права и свободы; радикальные правые; популизм; нативизм; Марин Ле Пен; Национальное объединение.

Для цитирования: Алексеев А.В., Фомин И.В. «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «национального объединения» // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 128–156. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07>

В современных исследованиях, посвященных политике в странах Евросоюза, довольно много внимания уделяется феномену праворадикального популизма. Зачастую акцент при этом делается на том, что рост популизма угрожает укоренившимся в Европе демократическим ценностям и идеалам прав и свобод человека. Многие доводы о таких угрозах звучат обоснованно, но нельзя не обратить внимание на одну странность: даже те, кого сегодня называют чуть ли главной угрозой правам человека и демократии в Европе, совсем не всегда склонны против этих ценностей высказываться. Напротив, в речах европейских правых популистов рассуждения о правах и свободах, как и аргументы о необходимости народовластия занимают весьма важное место. Впрочем, в ответ этих политиков чаще обвиняют в лицемерии¹

¹ Marine Le Pen et les libertés: une remise en cause derrière des déclarations de principe / Amnesty International. – 2017 – Mode of acces : <https://www.amnesty.fr/liberte-d-expression/actualites/lepen-libertes> (accessed: 01.06.2020).

и продолжают называть угрозой самому существованию прав и свобод [см., например: European populism and ..., 2020; Human rights in a time of populism ..., 2020]¹. Возникает вопрос: об одном ли и том же говорят праворадикальные популисты и их критики? Есть ли основание утверждать, что они имеют в виду одно и то же, употребляя понятие *прав* и *свобод*? Или это пример полисемии, когда одно слово имеет более одного значения, а значения эти систематически связаны между собой? Или это омонимия, при которой разные значения одного слова никак не связаны между собой по смыслу?² Исследование, которое представлено в настоящей статье, являет собой попытку прояснить эту ситуацию, проанализировав, каким именно образом в дискурсе европейских праворадикальных популистов строятся и используются рассуждения о правах и свободах.

Причина, по которой в политиках правопопулистского толка усматривают угрозу либерально-демократическому проекту, заключается в том, что зачастую в своей идеологии они делают ставку на политику идентичности, акцентируя национальные, расовые и религиозные групповые идентификации и стремясь тем самым поделить весь мир на «своих» и «чужих». В нашем исследовании мы фокусируемся на том, как в стратегии конструирования идентичностей оказывается встроено понятие *прав* и *свобод* на примере речей лидера французской праворадикальной популистской партии «Национальное объединение» (ранее – «Национальный фронт»)³ Марин Ле Пен в ходе предвыборной кампании в Европарламент в 2019 г.

¹ Roth K. The dangerous rise of populism. global attacks on human rights values // Human Rights Watch World Report 2017. – 2017. – Mode of access: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/global-4> (accessed: 01.06.2020).

² Как показал еще Аристотель, порой полисемию и омонимию развести бывает нелегко [Аристотель, 1976].

³ В фокусе нашего исследования находится именно современное «Национальное объединение». Вопрос о том, какие именно метаморфозы претерпела партия на протяжении своей почти полувековой истории, рассматривается в: [Dézé, 2015], а то, как изменялся ее дискурс, подробно проанализировано в: [Le Pen, les mots ..., 1997; Alduy, Wahnich, 2015].

Популизм, авторитаризм и нативизм

При исследовании «Национального объединения» как праворадикальной популистской партии мы опираемся на концептуализацию феномена праворадикального популизма, предложенную Касом Мюдде [Mudde, 2007, p. 26], который определил, что, несмотря на множество различий и особенностей отдельных стран, все без исключения праворадикальные популисты разделяют идеи *популизма*, *авторитаризма* и *нативизма*, составляющие сущностное наполнение понятия праворадикального популизма.

Под *нативизмом* при этом понимается «идеология, согласно которой в пределах государства должны жить исключительно представители коренного населения (нации), а некоренные, пришлые элементы (как люди, так и идеи) представляют основную угрозу для однородного государства-нации» [Mudde, 2007, p. 19]. Основания для отделения коренного населения от некоренного могут быть самыми разнообразными, включая расу, этническое происхождение, язык, религию, но всегда это определение будет иметь культурный компонент.

Второй элемент идеологии – *авторитаризм* – определяется в духе концепций Франкфуртской школы как «вера в строго упорядоченное общество, в котором нарушения установленного порядка должны строго наказываться» [Mudde, 2007, p. 23]. В этом смысле авторитаризм, по Мюдде, противостоит либерализму как идеологии, стремящейся обеспечить наиболее полную свободу индивида во всех сферах жизни общества.

Наконец, *популизм* оценивается как идеология, согласно которой «общество понимается глубоко разделенным на две однородные противостоящие друг другу группы – “невинный, чистый народ” и “испорченные элиты”, а политика должна быть выражением общей воли народа» [Mudde, 2004, p. 543].

Материалы и методы

В методологическом плане представленное исследование ориентировано на анализ вербального дискурса. При этом мы исходим из

понимания *дискурса* как социально суженного лангажа¹, т.е. язык и речь, связанные с конкретными общественными обстоятельствами [Беседа с Ю.С. Степановым ..., 2012, с. 387; Фомин, 2015]. В терминах социальной семиотики такой дискурс можно представить как язык и речь, ограниченные рядом *логономических правил*, которые предписывают режимы производства смыслов и их рецепции [Hodge, Kress, 1988, p. 4–5]: данные правила в зависимости от ситуации общения ограничивают круг возможных участников коммуникации, набор сюжетов, которые допустимо обсуждать, и средств, которые при этом следует использовать.

Для выявления логономических правил, которые действуют в дискурсе «Национального объединения», а точнее в субдискурсе, выделенном по принципу отнесенности высказываний к теме прав и свобод, в качестве формального критерия для отбора текстов мы использовали упоминание в них двух ключевых слов: *droit* (*право*) или *liberté* (*свобода*). Анализировались только те случаи, когда слова *droit* (право) и *liberté* (свобода) использовались во множественном числе (*droits, libertés*) и / или в словосочетаниях с зависимыми словами (напр.: *droit d'asile* «право убежища», *libertés politiques* «политические свободы»), поскольку именно они обычно используются в рамках французской философской традиции, когда речь идет о концепциях *прав и свобод*².

¹ Французское слово *langage* (лангаж) основатель структуралистской семиотики Ф. де Соссюр использовал для обозначения языка в самом широком значении – в отличие от более узких по значению понятий *langue* (языка как знаковой системы) и *parole* (речи как конкретных индивидуальных проявлений языковой деятельности) [Saussure, 1995, p. 20–24]. В переводах на русский язык соссюрсовское понятие «лангаж» иногда передают традиционно принятым, но не очень удачным словосочетанием «речевая деятельность» [Соссюр, 1977, с. 44–47].

² Во французской философско-правовой традиции нет устоявшегося консенсуса относительно определения *прав и свобод*. Вместе с тем, как правило, *права и свободы* в ней концептуально разводятся: *права* понимаются как «прерогативы одного индивида по отношению другим, требующие от него совершить определенное действие или воздержаться от него» [Levinet, 2010, p. 5], в то время как *свободы* рассматриваются как «области автономии индивида, где он может действовать так, как посчитает нужным» [Levinet, 2010, p. 5]. В то же время *права и свободы* взаимосвязаны: всякая *свобода* сопряжена с *правом* на эту *свободу*, эта связь отражена, например, в ст. 2 Декларации прав человека и гражданина. В актуальной французской политике отделить одно понятие от другого тоже вряд

На основе таких критериев нами был отобран 21 текст выступлений председательницы французского «Национального объединения» Марин Ле Пен из корпуса вербальных текстов представителей этой партии в рамках агитационной кампании перед выборами в парламент Европейского союза в 2019 г. Всего в корпус вошло 88 видеозаписей выступлений 23 представителей «Национального объединения». Все видеозаписи были сделаны на 22 митингах в 22 различных городах и селах Франции в период с 13 января по 24 мая 2019 г. и размещены на официальном канале партии на *YouTube*¹. Подлежащие анализу фрагменты устных текстов, не имеющие доступных расшифровок, были транскрибированы специально для этого исследования.

Весь корпус отобранных таким образом текстов был проанализирован нами в пять этапов. На *первом* этапе было проведено макросемантическое кодирование всех текстов корпуса, которое позволило установить, какую долю в общем объеме исследуемых текстов составляют тематические блоки, связанные с правами и свободами. На *втором* этапе все встречающиеся в текстах случаи упоминания социальных акторов, а также прав и свобод были обобщены до перечня типичных групп акторов и групп прав. На *третьем* этапе были определены типичные способы использования отсылок к каждой группе прав при дискурсивном конструировании идентичностей² различных групп акторов. Наконец, на *четвертом* этапе были проинтерпретированы наиболее показательные случаи такого использования.

При анализе мы использовали ряд аналитических категорий и приемов, разработанных в рамках дискурс-исторического подхода к критическому дискурс-анализу: технику обобщенного описания тематического содержания анализируемых текстов на начальном этапе анализа – через выделение в них макросемантических единиц (тематических блоков), связанных с *правами и свободами*,

ли возможно. По крайней мере, именно такое представление у нас сложилось еще на пилотных этапах анализа.

¹ Chaîne officielle du Rassemblement National – Mouvement politique français, patriote et souverainiste présidé par Marine Le Pen // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/user/fnofficiel/undefined> (accessed: 01.06.2020).

² Идентичность мы понимаем как социальный конструкт, посредством которого индивиды и группы индивидов определяют себя похожими или отличными друг от друга. (При выработке этого определения мы ориентировались на описание категории идентичности, предложенное в [Sherry, 2008, p. 415].)

а также категорию *дискурсивных стратегий*, понимаемых как типовой набор практик, «выбранных для достижения некоторых социальных, политических, психологических или языковых целей» [Reisigl, Wodak, 2016, p. 33].

В нашем исследовании выделены дискурсивные стратегии трех типов: 1) *референциальные стратегии* (практики конструирования социальных акторов, объектов, явлений, событий, процессов и действий через различные способы их именования), 2) *предикационные стратегии* (практики атрибутирования позитивных или негативных характеристик социальным акторам, объектам, явлениям, событиям, процессам и действиям), 3) *аргументативные стратегии* (практики нормативного обоснования тех или иных тезисов) [Reisigl, Wodak, 2016, p. 32–33]. Различение этих стратегий позволило нам более точно описать различные способы использования отсылок к правам и свободам при конструировании идентичностей. В частности, каждая из выделенных нами групп прав и групп социальных акторов фактически была определена через специфический набор тематически сходных референциальных стратегий.

Результаты

Права и идентичности: народ, элиты, чужаки

Как показал наш анализ, слова *право (droit)* и *свобода (liberté)* в различных своих формах встречаются в политическом дискурсе Марин Ле Пен весьма часто. В ходе агитационной кампании перед выборами в Европейский парламент в 2019 г. она выступила на 22 митингах в различных городах и селах Франции – при этом слово *droit* было использовано в 17, а *liberté* – в 18 ее речах. Всего в интересующих нас формах слово *droit* было употреблено 67 раз, *liberté* – 40 раз, причем на тематические блоки, содержащие эти лексемы, пришлось в среднем 7,60% от общего хронометража выступлений (см. рис. 1). Более детальный анализ референциальных стратегий, используемых лидером «Национального объединения», позволил нам выявить круг конкретных понятий, в состав которых входят слова *droit* и *liberté*, а также реконструировать основные типы социальных акторов, идентичность которых конструируется через отсылки к этим понятиям.

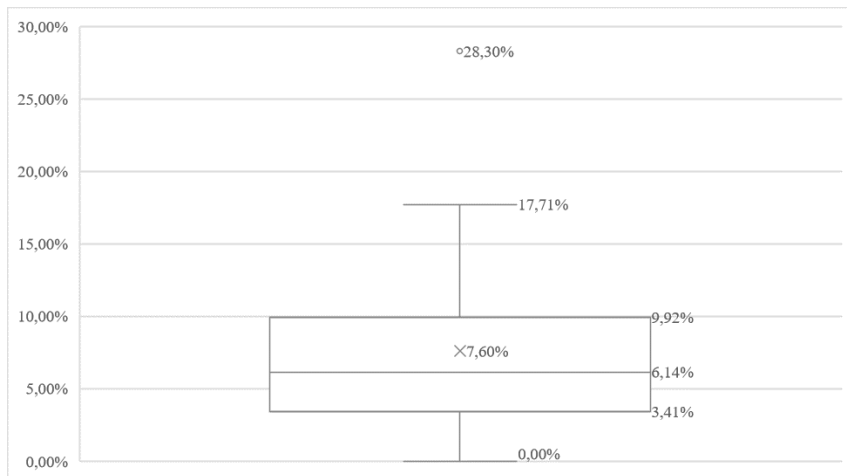

Рис. 1.

**Доля фрагментов, содержащих слова *droit* и *liberté*
во множественном числе и / или с зависимыми словами,
от общего хронометража проанализированных речей
Марин Ле Пен**

В подавляющем большинстве случаев в своих речах Марин Ле Пен использует слова *droit* и *liberté* в качестве взаимозаменяемых синонимов при обозначении конкретных *прав* и *свобод*. Всё разнообразие их употребления можно свести к пяти типовым группам прав, каждая из которых характеризуется набором тематически сходных референциальных стратегий¹:

1) *право на суверенитет* (возможность народа как совокупности граждан реализовать свою коллективную волю, напр.: *свобода наций присоединяться или не присоединяться к проектам по сотрудничеству; свобода граждан демократически решать, в какой форме будет протекать сотрудничество*),

2) *гражданские права* (признаваемая и гарантируемая государством возможность реализации воли конкретного гражданина, напр.: *право протестовать*),

¹ Референциальные стратегии выделяются нами по критерию использования спикером понятий, ассоциативно связанных в рамках общего тематического блока.

3) *фундаментальные права* (признаваемая и гарантируемая государством возможность реализации воли конкретного индивида вне зависимости от его положения как гражданина или иностранца, напр.: *свобода выражения мнения*),

4) *социальные права* (предоставляемая государством поддержка, способствующая повышению уровня жизни конкретного индивида вне зависимости от его положения как гражданина или иностранца, напр.: *право на минимальную пенсию по старости*),

5) *экономические права* (обеспечение государством условий, способствующих наиболее полному раскрытию предпринимательского потенциала конкретного экономического агента, напр.: *право компаний самостоятельно устанавливать внутренние правила*)¹.

Наиболее часто – как в процентном отношении от количества речей, содержащих слова *droit* и *liberté*, так и в абсолютных значениях – встречаются отсылки к *фундаментальным правам* (более чем в 80% речей) и *праву на суверенитет* (более чем в 40% речей). Далее в порядке от более часто встречающихся референций к менее частотным следуют *социальные, гражданские и экономические права* (см. рис. 2).

Анализируя референциальные стратегии, а также стратегии предикации и аргументации, используемые Ле Пен, мы установили, что *права и свободы* не просто атрибутируются конкретному социальному актору, но зачастую репрезентуются как предмет борьбы между несколькими из них. При этом конструируется конфигурация идентичностей, которая в общих чертах сводится к противопоставлению *народа*, который обладает правами (или должен ими обладать), и сливающегося с ним «*Национального объединения*», которое защищает права *народа*, с одной стороны, и *чужаков и элит*, которые угрожают правам *народа*, – с другой².

¹ Подробнее см. таблицу А в приложении: Alekseev A. Приложение. Права и акторы // Harvard Dataverse. – 2020. – Version 1. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/17K3QV> (дата посещения: 30.08.2020).

² Подробнее о референциальных стратегиях, используемых при конструировании каждой группы акторов, см. таб. в: Alekseev A. Приложение. Права и акторы // Harvard Dataverse. – 2020. – Version 1. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/17K3QV> (accessed: 30.08.2020).

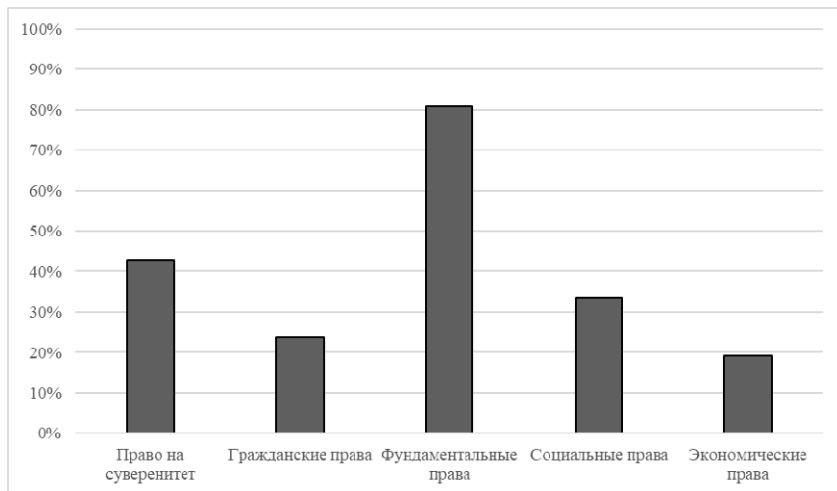

Рис. 2.

Доля речей, содержащих референции к правам из указанных групп, от общего количества проанализированных речей Марин Ле Пен, содержащих слова *droit* и *liberté*

Народ конструируется одновременно в популистском и нати-вистском ключе через его противостояние с изначально принадлежащими к *нации*, но предавшими интересы *народа* и попирающими его *права элитами* (по вертикальной оси) и с вторгающимися извне, изначально чуждыми *нации*, угрожающими *правам народа чужаками* (по горизонтальной оси). *Элиты* провозглашаются представителями интересов *чужаков*, в то время как «*Национальное объединение*», порой сливающееся с *народом*, репрезентируется как защитник его *прав* от *элит* и *чужаков* (см. рис. 3).

В целом эта схема достаточно хорошо описывает взаимоотношения основных групп социальных акторов, репрезентуемые в дискурсе Марин Ле Пен, однако более детальное рассмотрение того, как отсылки к *правам* и *свободам* используются для конструирования идентичности различных акторов позволило нам отметить ряд важных нюансов, а также выявить существование «серых зон», когда отдельные аспекты репрезентации социальных акторов не в полной мере укладываются в жесткое противопоставление *народа*, с одной стороны, и *элит* и *чужаков* – с другой. В обоб-

шенном виде результаты нашего анализа представлены в табл. 1. В ней показано, как типовые группы социальных акторов (*народ*, «*Национальное объединение*», *элиты*, *чужаки*) сопрягаются с типовыми стратегиями предикации им действий в отношении *прав* и *свобод* или с другими тезисами по поводу их идентичностей, которые аргументируются через отсылки к *правам* и *свободам*.

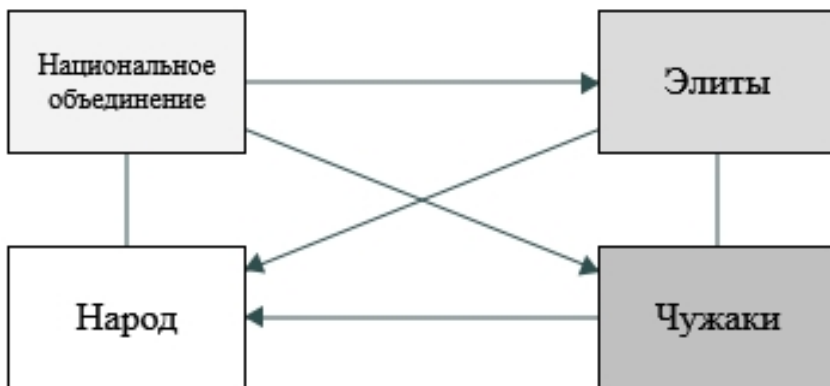

Рис. 3.

**Общая схема взаимоотношений групп социальных акторов
в дискурсе Марин Ле Пен**

Эта таблица позволяет увидеть, что отделение *народа* от *элит* и *чужаков* имеет сквозной характер: их противопоставление конструируется посредством отсылок ко всем выделенным нами группам прав. По большей части во всех группах прав повторяется упомянутый типовой сюжет: *народу* предикается обладание разнообразными правами, «*Национальному объединению*» – защита прав *народа*, а *элиты* и *чужаки* репрезентируются в качестве акторов, которые выступают в качестве источника угрозы для реализации этих прав. Ниже мы рассмотрим на примерах особенности типичных референциальных, аргументативных и предикационных стратегий, которые используются при конструировании этих сюжетов в контексте каждой группы прав.

Таблица 1

Акторы	Права				
	Право на суверенитет	Гражданские права	Фундаментальные права	Социальные права	Экономические права
1	2	3	4	5	6
Национальное объединение	Защищает <i>право народа на суверенитет</i>	Защищает право народа на <i>гражданские права</i> Обладает <i>гражданскими правами</i> , которым угрожают элиты	Защищает право народа и чужаков на <i>фундаментальные права</i> Выступает против <i>права чужаков</i> <i>мигрировать</i> и предлагает ограничить <i>право чужаков</i> на <i>убежище</i>	Защищает <i>социальные права народа и настоящих беженцев</i>	Защищает <i>экономические права народа</i>
Народ	Обладает <i>правом на суверенитет</i> , которому угрожают элиты	Обладает <i>гражданскими правами</i> , которым угрожают элиты	Обладает <i>фундаментальными правами</i> , которым угрожают элиты Страдает от того, что чужаки-исламысты злоупотребляют <i>свободой вероисповедания</i> Его фундаментальным правам (<i>правам женщины, свободе выражения мнения</i>) угрожают чужаки	Обладает <i>социальными правами</i> , которым угрожают элиты и чужаки	Обладает <i>экономическими правами</i> , которым угрожают элиты и чужаки-исламысты
Элиты	Угрожают <i>праву народа на суверенитет</i>	Угрожают <i>гражданским правам народа и «Национального объединения»</i>	Угрожают <i>фундаментальным правам народа (женщин)</i> Угрожают <i>фундаментальным правам чужаков (правам женщины-иностранок)</i>	Угрожают <i>социальным правам народа</i> Защищают <i>социальные права чужаков</i>	Угрожают <i>экономическим правам народа</i>

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Чужаки	—	—	Обладают <i>фундаментальными правами</i> , которым угрожают элиты Должны быть лишены <i>права мигрировать</i> Чужаки-исламисты злоупотребляют <i>свободой вероисповедания</i> Угрожают <i>правам женщин (правам женщин-иностранок)</i> Должны иметь <i>право на убежище</i> , если являются настоящими беженцами	Злоупотребляют <i>социальными правами</i> , если не являются настоящими беженцами Угрожают <i>социальным правам народа</i>	Чужаки-исламисты угрожают <i>экономическим правам народа</i>

Начнем с *права на суверенитет*. Обсуждая эту группу прав, важно обратить внимание на то, что Марин Ле Пен использует референциальную стратегию ассоциации, смежно упоминая права *народов* и права *народа*. Фактически лидер «Национального объединения» умышленно смешивает права, связанные с суверенитетом *народов*, – предполагающие, что все легитимные решения принимаются внутри стран, а не навязываются извне – и права, связанные с суверенитетом *народа*, – предполагающие, что решения принимаются *народом*, а не навязываются *элитами*¹. В текстах выстраивание такого рода ассоциаций происходит, например, вот так.

Пример 1

Мы защищаем *право народов, право граждан, свободу наций присоединяться или не присоединяться к проектам по сотрудничеству, свободу граждан решать демократическим пу-*

¹ Таким образом, Марин Ле Пен конструирует популистскую модель демократии – режима, при котором все легитимные решения исходят от большинства граждан, а большинство граждан отождествляется с народом, который в свою очередь объявляется сувереном [подробнее см.: Alekseev, forthcoming].

тем, в какой форме будет это сотрудничество. Иными словами, [мы защищаем] суверенитет¹.

Социальные акторы, которым предиктируется обладание этими правами, также оказываются ассоциированы. Так, идентичность французского *народа* конструируется через репрезентацию французов как *граждан* в нативистском и популистском смысле посредством ассоциирующей референции с другими европейскими народами.

Пример 2

Мы вернем **французам** и **500 миллионам европейцев** их политическую **свободу**, возможность самим принимать решения².

Реализация *права на суверенитет* напрямую увязывается с участием *граждан* в электоральном процессе, и именно в этом аспекте идентичность *элит* играет ключевую роль при конструировании идентичностей французского *народа* и *народов Европы*. *Элитам* предиктируется защита неприемлемой для *народа* (и *народов*) электоральной повестки на наднациональном (*Европейский союз* и отдельные его структуры) и национальном уровне (французские *политические элиты*, находящиеся у власти и поддерживающие существующий курс). *Чужаки*, в свою очередь, эксплицитно не упоминаются в таких контекстах, что позволяет нам предположить, что Марин Ле Пен исключает их из сообщества *граждан* и не рассматривает их как *народ*.

Ле Пен дискурсивно разделяет *коллективные права народов и граждан*, с одной стороны, и *индивидуальные права человека и гражданина* – с другой. Несмотря на то что в ее дискурсе, как и во французской философско-правовой традиции в целом, не проводится четкого разграничения между правами человека и правами гражданина, первые, как правило, отделены от вторых текстуально: обладание *фундаментальными правами* человека на территории Франции предиктируется всем людям – и *народу*, и *чужакам*, в то время как *гражданские права* прочно увязаны с конструированием репрезентации *народа* как совокупности французов-*граждан*. *Гражданские права* связаны с популистским компонен-

¹ Réunion publique à Saint-Ébremond-de-Bonfossé (50): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=R8UIFgbnL54> (accessed: 01.06.2020).

² Grande convention des élections européennes: discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=cd63I-29z20> (accessed: 01.06.2020).

том идеологии «Национального объединения»: в качестве основного источника угрозы этим правам репрезентируются находящиеся у власти во Франции *элиты*, которые ущемляют права *народа* на протест и его свободу слова.

Пример 3

И, кроме того, ограничиваются *общественные свободы*. Парадоксальным образом для того, чтобы обеспечить *право протестовать*, **правительство** с помощью так называемого закона против хулиганства недавно по сути установило административный запрет на проведение протестов. Под предлогом защиты **граждан** **правительство** собирается установить контроль за информацией, особенно в Интернете¹.

Фундаментальные права человека в целом и *права женщин* в частности ассоциируются с нативистским и авторитаристским идеологическими компонентами: уважение *прав человека* становится своеобразным цивилизационным маркером, приверженность им объявляется одной из базовых ценностей европейской цивилизации, отличающей ее от цивилизации исламской. При этом *чужакам* – в первую очередь исламистам и пришельцам – предсказывается попрание *прав человека* во Франции, они таким образом репрезентируются как наиболее серьезный вызов безопасности общества.

Пример 4

Преступность постоянно угрожает спокойствию и достоинству **граждан**, которые зачастую вынуждены или склонить голову перед **бандитами**, или придумывать, как избежать встречи с ними, или запираются у себя дома. Я уж не говорю о *свободе перемещения*, *свободе женщин гулять по улицам без того, чтобы к ним кто-то пристал*, *их свободе носить юбку без того, чтобы водитель, который возмнил себя представителем исламистской религиозной полиции, не пустил их в автобус в Париже*².

Здесь наиболее ярко проявляется мотив *предательства элит*, предлагающих неверную, с точки зрения Марин Ле Пен, трактовку *фундаментальных прав человека* в целом и *прав женщин* в частно-

¹ Réunion publique à Buzet-sur-Baïse (47): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=ZGt6dKe6TZE> (accessed: 01.06.2020).

² Réunion publique à Rocquigny (08): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=mFASDisJC_Y&t (accessed: 01.06.2020).

сти и попустительствующих попирающим их *чужакам* – приехавшим во Францию *преступникам* и *исламистам*. На национальном уровне главными антагонистами выступают политические *элиты* (президент *Макрон*, *правительство*, поддерживающие его политические силы, а также находящиеся в оппозиции к действующей власти *левые*, в особенности «*Непокоренная Франция*»), *журналисты*, *феминистки* и *суды*, на наднациональном – *Европейский суд по правам человека* и *Европейский союз*.

Пример 5

И *Луазо* нам что-то рассказывает о *правах женщин*. Эта *феминистка* из парижских гостиных, которая сравнивает в своей книге хиджаб с платком, который раньше католички повязывали в церкви, которая сравнивает суррогатных матерей с кормилицами в давние времена. **Мы** знаем, и **вы** знаете, что главная угроза для *свободы женщин* – это **исламизм**. [...] И, хотя *Луазо* нам рассказывает о *правах женщин*, она молчит, когда **Европейский суд по правам человека** вдруг ни с того ни с сего признает законность **шариата** в Европе и богохульство объявляет преступлением. Так же ничего не говорит *Луазо* по поводу заявлений второго человека в **Еврокомиссии** г-жи **Могерини** – она в 2015 г. заявила: «Я не боюсь сказать, что политический **ислам** должен быть частью пейзажа». Она выступала на семинаре об исламе в Европе. Политический **ислам** должен быть частью [политического] пейзажа! Политический ислам – это **шариат**¹.

В дискурсе Марин Ле Пен права *женщин* становятся настолько важным орудием борьбы против *исламизма*, что в рамках в целом отрицательно характеризуемой группы *чужаков* специально выделяются *иностранки*, которым во Франции «Национальное объединение» предписывает обладание такими же правами.

Пример 6

Мы, «Национальное объединение», – единственные настоящие защитники *прав женщин*. Конечно же [*прав*] *француженок*, но и

¹ Réunion publique à Cers (34): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 08.03. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=WeHL7BvXyWI> (accessed: 01.06.2020).

прав всех женщин, в том числе женщин иностранного происхождения, которые приехали во Францию за французскими законами¹.

С *правами женщин* в дискурсе Марин Ле Пен тесно связаны *права семей*, концептуальная инновация «Национального объединения», комбинирующая в себе элементы *прав женщин* и *социальные права*.

Пример 7

Кроме *прав женщин* есть еще *право наших семей*. А мы знаем, что все последние годы разные **правительства** урезали **семейные** пособия, что сокращение классов бьет по **сельским детям**, что исчезновение поддержки беременных беспокоит **будущих мам**, что на деле ничего не делается для **матерей-одиночек**².

Как и использование *социальных прав* в целом, инструментализация *прав семей* имеет четкую *антиэлитистскую* направленность. Вместе с тем понятие *социальных прав* получает дополнительное нативистское значение: *социальные права* репрезентируются в качестве ограниченного ресурса, за который по злому умыслу *политических и экономических элит народ* вынужден конкурировать с *чужаками – пришельцами*.

Пример 8

Для **них**, скажу **я вам**, люди – ничто. Без всяких слез можно заменить население. **Им** вообще плевать, кто живет в деревне – **французы, малийцы** или **марсиане**. А **нам** не плевать. **Мне** не плевать, когда **я** вижу, что **мигрант**, который приехал несколько недель назад, имеет больше *прав*, чем **вы**. **По-моему**, это ненормально. **По-моему**, ненормально, что какой-то **иностранец**, который приезжает из-за границы, сразу же получает *право на минимальную пенсию по старости*, если у него нужный возраст, как и **пенсионер**, у которого накопленная пенсия настолько смехотворная, что он вынужден подавать на минимальную пенсию по старости заявку³.

¹ Réunion publique à Richemont (76): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 11.03. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=0-MhJFpTbyk> (accessed: 01.06.2020).

² Там же.

³ Réunion publique à Chassors (16): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 13.04. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=xdRLi8hPPB0> (accessed: 01.06.2020).

Этими же соображениями объясняется крайне отрицательное отношение Марин Ле Пен к *правам мигрантов* и настороженное – к *праву на убежище*, воспринимаемым ею как расширение «*прав для иммиграции*». Сами *пришельцы* в ее дискурсе рассматриваются скорее в качестве инструмента в руках *политических* и *экономических элит* на национальном, европейском и глобальном уровне, несущих в ее представлении главную ответственность за появление в Марракешском пакте о миграции *права всякого человека мигрировать*, на деле являющегося концептуальной инновацией самого «Национального объединения».

Пример 9

ООН формализовала всеобщую **иммиграцию** в Марракешском пакте, [...] которым предполагается признать *право каждого человека мигрировать*. На деле **мы** видим этот Марракешский пакт и в других проявлениях философии, которой руководствуется **правительство**, – когда все стоит всего, ничто ничего не стоит. Нет больше различий между **беженцами** и **экономическим мигрантами**, нет больше разницы между **легальными мигрантами** и **нелегалами**. А если нет разницы между **легальными** и **нелегальными мигрантами**, незачем принимать законы и незачем соблюдать их. А это разрушение верховенства закона, которое держит **наше общество** на ногах¹.

Наконец, *экономические права и свободы*, ключевой из которых представляется *свобода предпринимать*, также инструментализируются в популистском и нативистском ключе. Французские работники и французские компании во Франции репрезентируются в качестве *народа* у себя на *родине* и противопоставляются не только хищническим *экономическим* и *политическим глобальным элитам*, стремящимся максимизировать прибыль, но и *чужакам-исламистам*, пытающимся, по мнению Марин Ле Пен, навязать свои правила игры французскому бизнесу.

Пример 10

Макрон несет за это всю полноту ответственности, потому что несколько дней назад [...] **он** заявил, что неправильно, что **компаниям** отказываются брать на работу **женщин в хиджабах**, что это

¹ Réunion publique à La Rochette (73): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 17.03. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=7qDDOoDffD4> (accessed: 01.06.2020).

дискриминация. Но представьте себе, в какое положение **он** ставит **глав компаний!** Для начала **Макрон** не знает, что есть внутренние правила **компаний**, что **они** имеют *право самостоятельно определять правила, которые должны выполняться*. А какой он посылает сигнал? **Он** посылает сигнал, что можно продолжать множить провокации. [...] **Вы** каждую неделю будете видеть такого рода провокации против **компаний**. Потому что **исламские фундаменталисты** так устроены. **Они** продвигаются с помощью провокаций¹.

«Серые зоны»

В целом представленный выше анализ подтверждает существующие в литературе теоретические концепции, согласно которым для популистов характерно «манихейское» деление мира на *народ* и его врагов – *элит* и *чужаков*. Однако проведенный нами детальный анализ дискурсивных стратегий, применяемых Марин Ле Пен для конструирования социальных акторов, позволяет нам выявить определенную размытость всех групп идентичностей и заметить, что на деле в ее дискурсе конструируется достаточно широкая «серая зона»: совсем не все авторы и не во всех отношениях четко разделяются на «своих» и «чужих».

В одних случаях используемое ею *nous* («мы») употребляется в отношении «Национального объединения», объявляемого защитником *прав и свобод народа*, т.е. лепеновское *мы* конструируется как отдельная от *народа* политическая сила. В других случаях *мы* появляется, когда Ле Пен выступает как представитель *народов / народа / граждан / женщин*, апроприруя и размывая каждую из идентичностей.

Элиты в дискурсе «Национального объединения» также находятся с *народом* в сложных взаимоотношениях, которые отнюдь не исчерпываются их реперезентацией в качестве некоего абсолютного зла. Скорее *элитам* предсказывается предательство интересов *народа*, что, впрочем, не исключает их автоматически из состава *нации*. Размытость и неконкретность конструируемых Марин Ле Пен *элит* следует рассматривать в контексте провозглашенной ей в 2011 г. стратегии де-демонизации тогда еще «Национального фронта»²,

¹ Réunion publique à La Rochette (73): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 17.03. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=7qDDOoDffD4> (accessed: 01.06.2020).

² См.: Congrès du FN à Tours: Discours d'investiture de Marine Le Pen // Front national. – 2011. – 17.01. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20110119092452/http://www.frontnational.com/?p=6295> (accessed: 01.06.2020).

предполагающей его обновление и превращение в мейнстримную партию, способную прийти к власти электоральным путем [Dézé, 2015]. Эта стратегия дает определенные плоды: например, в 2019 г. в Европейский парламент по спискам «Национального объединения» прошли не состоявшие в нем, но сочувствующие ему Тьерри Мариани и Жан-Поль Гаро, ранее избиравшиеся во французское Национальное собрание от правоконсервативного «Союза за народное движение» (Union pour le mouvement populaire), превратившегося затем в «Республиканцев» (Les Républicains)¹.

Некоторые из наиболее ярко проявленных «серых зон» мы выделили цветом в табл. 1. Так, в дискурсе Ле Пен *чужаки* оказываются не столь однозначно отделяемой от *народа* группой. Так же, как и *народу*, Марин Ле Пен предиктирует им обладание *фундаментальными правами*, а *права женщин*, в частности *иностранок*, вообще становятся ключевым инструментом борьбы против *исламистов* во Франции (пример 6). Более того, Ле Пен не решается полностью отбросить *права беженцев*, заявляя вместо этого о важности разделения «настоящих» *беженцев* и экономических *мигрантов* (пример 9).

Провозглашая «Национальное объединение» главным защитником *прав женщин*, Ле Пен не только активизирует нативистский компонент идеологии, но и символически апроприирует феминистский дискурс, превращая его в антиэлитистский инструмент. Марин Ле Пен противопоставляет конструируемую ею гендерную идентичность *француженки* альтернативным феминистским концепциям, исходящим от *элит*, и репрезентирует *женщину* как сексуализированный объект мужского вождения и / или в других контекстах верной соратницы мужчины и заботливой матери своих детей.

В контексте выборов в парламент Европейского союза наиболее ярко раскрывается важность *европейской* идентичности в дискурсе «Национального объединения». *Европейский альянс наций*, предлагаемый в качестве системной альтернативы *Европейскому союзу*, репрезентируется как проект *народов* в противовес проекту *элит*, т.е. выполняет функцию конструирования Европы как пространства

¹ Thierry Mariani quitte Les Républicains et rejoint le RN pour les européennes // Le Figaro. – 2019. – 07.01. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2019/01/07/25001-20190107ARTFIG00245-thierry-mariani-et-jean-paul-garraud-vont-quitter-lr-et-rallier-le-rn.php> (accessed: 01.06.2020).

граждан. При этом по своему наполнению – в рамках Европейского альянса наций сотрудничество стран не предполагает делегирования части суверенитета наднациональным органам – он мало чем отличается от европейского интеграционного проекта на первоначальных этапах его существования. Одновременно *Европа* номинируется Ле Пен как единое географическое, историческое и культурное пространство, как отдельная цивилизация, основанная на ценностях «свободы, демократии, разнообразия наций, суверенитета народа, равенства мужчин и женщин и свободы слова»¹. Иными словами, *Европа* конструируется как *народ* в нативистском смысле.

В целом существование «серых зон» и конструирование размытых идентичностей позволяет «Национальному объединению» не только сохранить верность своему праворадикальному популистскому идеологическому ядру, но и включиться в «интерпретативную борьбу»² за понятия, широко представленные во французском публичном поле. В функциональном плане формальная дерадикализация партийного дискурса делает его более приемлемым для более широкого избирателя и для потенциальных союзников по предвыборным коалициям из мейнстримных партий.

Обсуждение результатов

Проведенное нами исследование позволяет эмпирически подтвердить тезис о том, что одним из центральных элементов праворадикального популистского дискурса является противопоставление «своих» и «чужих». Говоря о правах и свободах, Марин Ле Пен конструирует идентичность французов и других народов Европы через их соотнесение со значимыми негативными Другими: по вертикали – через популистское противостояние *элитам* (близким народу в нативистском смысле, но предавшим его), по горизонтали – через нативистское противостояние с культурными, этническим или религиозными *чужаками* (никогда к *народу* не принадлежавшими). *Народу* предсказывается обладание разнообразными правами, «На-

¹ Réunion publique à Bruz (35): discours de Marine Le Pen // YouTube. – 2019. – 07.04. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=knH9kg28Rjk> (accessed: 01.06.2020)

² Это выражение мы заимствуем из: [Brubaker, 2006, p. 16–17].

циональному объединению» – защита прав *народа*, а *элиты* и *чужаки* репрезентируются в качестве источника угрозы для реализации этих прав. Вместе с тем более пристальное рассмотрение дискурсивных стратегий позволяет выявить существование целого ряда «серых зон», где дискурсивная репрезентация идентичностей не в полной мере укладывается в антагонистическое противопоставление *народа элитам* и *чужакам*, что свидетельствует об отклонении вербального дискурса французского «Национального объединения» от известных теоретических моделей праворадикального популизма.

В работах многих авторитетных исследователей повторяются рассуждения, что для праворадикальных популистов характерно не просто противопоставление *народа* и *элит*, а конструирование поляризованной «манихейской» картины мира, в которой вся политическая жизнь рисуется как антагонистическое противостояние сил добра и зла. Кас Мюдде в статье «Дух времени популизма» (*The Populist Zeitgeist*) сформулировал это так: «Существенное значение в дискурсе популистов имеет нормативное разграничение между «элитой» и «народом», а не эмпирическая разница в их поведении или установках. Популизм представляет собой манихейское мировоззрение, в котором есть только друзья и враги. Противники – это не просто люди с другими приоритетами и ценностями, они – зло!» [Mudde, 2004, p. 544] Тот же тезис встречается у видного теоретика критического дискурс-анализа Рут Водак, которая в работе «Политика страха» (*The Politics of Fear*) говорит о «поляризующей идеологии и манихейской риторике» правых популистов [Wodak, 2015, p. 29].

Наш анализ показывает несколько иную картину: хотя в дискурсе «Национального объединения» *народ* действительно противопоставляется *элитам* и *чужакам*, разделение это во многих случаях намеренно размывается. Конструируется картина мира с заметной серой зоной, куда попадают социальные акторы, которых в полной мере нельзя отнести ни к «хорошим», ни к «плохим». Причем одни и те же акторы в контексте различных сюжетов могут репрезентироваться как позитивно, так и негативно – не в последнюю очередь именно в зависимости от приписываемой им позиции в отношении тех или иных прав и свобод. Так, даже приезд не всегда оказываются в дискурсе «Национального объединения» в качестве «плохих» *чужаков*: из этой категории исключаются «настоящие» беженцы или нуждающиеся в защите от

исламистов «женщины иностранного происхождения». Более того, даже *элиты*, которые репрезентируются по большей части негативно, скорее не представляются в качестве некоего абсолютного «зла»: им предидируется предательство интересов *народа*, что, однако, не исключает их автоматически из состава *нации*. Не однозначно черно-белой видится и позиция «Национального объединения» в отношении европейского проекта. Резкая критика структур ЕС как наднациональных *элит* совсем не мешает представителям партии рассуждать в позитивном ключе о *европейцах* как о коллективной общности, подчеркивая важность права европейских народов на создание альтернативных форм интеграции в Европе.

Еще один аспект, в котором результаты нашего анализа отклоняются от существующих теоретических моделей праворадикального популизма, касается вопроса о том, насколько вообще такого рода идеологии совместимы с ценностями *прав* и *свобод*. Так, у Мюдде мы можем встретить тезис о том, что для правых популистов идея об особой важности индивидуальных прав и свобод либо неприемлема (если она противоречит «нативистским» интересам) [Mudde, 2007, p. 155], либо как минимум второстепенна (если она оказывается в противоречии с «общей волей» народа) [Mudde, 2007, p. 23]. Полученные же нами результаты дают веские основания для того, чтобы скорректировать такого рода обобщения.

Наше исследование демонстрирует, что, во-первых, в дискурсе французских праворадикальных популистов тема прав и свобод занимает одно из центральных мест и, во-вторых, апелляции к правам и свободам являются не ситуативным эпизодом, а достаточно когерентной стратегией, задействуемой в широком наборе сюжетов и по поводу широкого круга прав. В-третьих, – этот момент нам представляется одним из принципиально важных, – права и свободы в дискурсе «Национального движения» не противопоставляются «общей воле народа»: скорее, «общая воля» *концептуализируется на языке прав и свобод*. Именно с этим мы связываем столь заметное место прав и свобод в дискурсе «Национального объединения», которые мы объединили в категорию «права на суверенитет». Фактически это показывает, что партия Ле Пен не просто избирательно использует в своем дискурсе отсылки к правам и свободам, а активно участвует в интерпретативной борьбе за осмысление этих понятий и пытается выработать альтернативное

их понимание, которое конкурировало бы с более «либеральными» трактовками.

Важно также отметить, что французская и европейская идентичности в дискурсе Ле Пен конструируются именно через отсылку к правам и свободам. И хотя в проанализированных речах существенное место занимают специфические популистские концепции коллективных прав, рассуждениями о праве *народа* и свободе *наций* ее дискурс о правах и свободах совсем не ограничивается. Вполне либеральные индивидуальные права становятся важнейшим дискурсивным инструментом в арсенале нелиберальных праворадикальных популистов, которые не только инкорпорируют индивидуальные права в свои идеологические конструкции, но и активно участвуют в интерпретативной борьбе за их (пере)осмысление.

Наш анализ, разумеется, имеет ограничения в плане внешней валидности: едва ли можно ожидать, что такие же результаты будут получены при анализе любых других политических сил, причисляемых к праворадикальным популистам. Особенно существенно ситуация, вероятно, может отличаться в случае с неевропейскими правыми популистами, а также с правыми популистами, которые находятся у власти. Однако мы предполагаем, что для *оппозиционных* праворадикальных популистских партий, которые действуют в странах ЕС, наши выводы будут валидны. Кроме того, даже при всех ограничениях нашего исследования, оно определенно свидетельствует о том, что целый ряд теоретических положений, которые стали сегодня общим местом при исследовании феномена популизма, нуждается в существенном уточнении и пересмотре.

Заключение

Проведенный нами анализ дискурса Марин Ле Пен позволил зафиксировать, каким образом европейские праворадикальные популисты используют понятия *прав* и *свобод* для конструирования идентичностей различных социальных акторов. Полученные результаты, с одной стороны, позволяют эмпирически подкрепить и детализировать существующие в научной литературе теории по поводу ключевых идеологических и дискурсивных черт праворадикального популизма и его позиции в отношении прав и свобод. Так, рассуждения

председательницы «Национального объединения» Марин Ле Пен о правах и свободах служат в первую очередь для дискурсивного конструирования оппозиции «свой» – «чужой». *Народу*, которому преддицируется обладание правами и свободами, и защищающему права *народа* «Национальному объединению» по двум осям противостоят значимые негативные Другие: по вертикали – репрезентируемые в популистском ключе *элиты*, по горизонтали – понимаемые в нативистском ключе *чужаки*.

Вместе с тем наш анализ выявил целый ряд существенных ограничений распространенных в современной науке моделей идеологии праворадикальных популистов. Так, описанное выше разделение на «своих» и «чужих» зачастую четко не артикулируется в дискурсе французских праворадикальных популистов. Более того, в нем систематически создаются многочисленные «серые зоны» – целый ряд акторов может репрезентироваться как в положительном, так и в отрицательном ключе в зависимости от контекста. Амбивалентной представляется и конструируемая «Национальным объединением» европейская идентичность, которую они активно инструментализируют в своем дискурсе, несмотря на неприятие существующего проекта европейской интеграции в рамках ЕС как попирающего права и свободы европейцев.

Наше исследование позволяет по-новому взглянуть на меняющийся политический пейзаж не только Франции, но и Европейского союза в целом, показать, *как* «Национальное объединение»¹ и – шире – праворадикальные популистские партии в Европейском союзе – перестают быть аутсайдерами, вытесненными из поля актуальной политики. Во французском случае можно говорить о том, что взятый «Национальным объединением» курс на *де-демонизацию* дал свои плоды. А одним из наиболее важных его элементов было появление заметных полутонов в идеологическом противопоставлении «хорошего» *народа* «плохим» *элитам* и *чужакам* – эту тенденцию и зафиксировал наш анализ.

¹ Bernard, G. RN: ce tremblement de terre silencieux qui se cache dans les aspirations des Français à un gouvernement d'union nationale // Atlantico.fr.–2020/ – 28.04. – Mode of access: <https://www.atlantico.fr/decryptage/3589165/rn--ce-tremblement-de-terre-silencieux-qui-se-cache-dans-les-aspirations-des-francais-gouvernement-union-nationale-partis-crise-sanitaire-coronavirus-covid-19-marine-le-pen-rassemblement-national-opposition-guillaume-bernard> (accessed: 01.06.2020).

Говоря о роли понятия *прав и свобод* во французском и, шире, в общеевропейском политическом дискурсе, важно отметить, что мы имеем дело, вероятно, не столько с полисемией или омонимией, сколько с конкуренцией различных концепций прав и свобод, связанных с разными представлениями о идентичностях. И праворадикальные популисты сегодня выступают одними из наиболее активных участников интерпретативной борьбы за их переосмысление.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах / под ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 63–368.
- Беседа с Ю.С. Степановым 2002 года // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социально-гуманит. исслед.; ред. кол.: Ильин М.В., гл. ред., и др. – М., 2012. – Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / ред. и сост. вып. Ильин М.В. – С. 379–396.
- Соссюр Ф. де*. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 8–25.
- Alduy C., Wahnich S.* Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste. – Paris : Seuil, 2015. – 305 p.
- Alekseev A.* The concept of democracy in the discourse of the populist radical right: the case of the EU parliamentary elections // Journal of Language and Politics. – Forthcoming.
- Brubaker R.* Ethnicity without groups. – Cambridge; London: Harvard University Press, 2006. – 296 p.
- Dézé A.* La «dédiabolisation». Une nouvelle stratégie? // Les faux-semblants du Front national / S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer (dir). – Paris: Presses de Sciences Po, 2015. – P. 25–50.
- European populism and human rights / J. Vidmar (ed.). – Leiden; Boston: Brill, 2020. – 354 p.
- Hodge R., Kress G.* Social semiotics. – Cambridge: Polity, 1988. – 280 p.

¹Электронное приложение доступно по ссылке: Alekseev A. Приложение. Права и акторы // Harvard Dataverse. – 2020. – Version 1. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/17K3QV> (дата посещения: 30.08.2020).

- Human rights in a time of populism: challenges and responses / Neuman G. (ed). – Cambridge; New York; Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2020. – 250 p.
- Le Pen, les mots. Analyse d'un discours d'extrême droite / Souchart M., Wahnich S., Cuminal I., Wathier V. – Paris : Le Monde, 1997. – 280 p.
- Levinet M. Droits et libertés fondamentaux. – Paris: Presses Universitaires de France, 2010. – 128 p.
- Mudde C. Populist radical right parties in Europe. – Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo: Cambridge University Press, 2007. – 406 p.
- Mudde C. The populist Zeitgeist // Government and Opposition. – 2004. – Vol. 39, N 4. – P. 541–563. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Reisigl M., Wodak R. The Discourse-historical approach (DHA) // Methods of critical discourse studies / Wodak R., Meyer M. (eds). – 3 rd ed. – London: Sage, 2016. – P. 23–61.
- Saussure F. de. Cours de linguistique générale / publié par C. Bally et A. Sèchéhaye avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. – Paris: Payot, 1995. – 520 p.
- Sherry M. Identity // The SAGE encyclopedia of qualitative research methods / Given L. (ed). – Thousand Oaks; London; New Delhi; Singapore: Sage, 2008. – P. 415.
- Wodak R. The politics of fear. What right-wing populist discourses mean. – London; Thousand Oaks; New Delhi; Singapore: Sage, 2015. – 256 p.

A.V. Alekseev, I.V. Fomin*

“We, the defenders of nations and liberties”.

**How the EU populist radical right discursively constructs identities:
the case of the Rassemblement National¹**

Abstract. The article explores how the EU populist radical right in opposition to its national governments uses the concept of rights and freedoms when constructing identities. The research is based on a discourse analysis of speeches given by the leader of the French Rassemblement National Marine Le Pen in the run-up to the 2019 European parliamentary elections. The analysis of discursive strategies employed in these texts allows to empirically demonstrate and elaborate some of the existing theories on key ideological and discursive features of the populist radical right and its

* **Alekseev Alexander**, National Research University Higher School of Economics; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: avalekseev@hse.ru; **Fomin Ivan**, National Research University Higher School of Economics; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ The research was funded by young researchers grant of the President of the Russian Federation (№ 075-15-2020–335).

positions on rights and freedoms. It also shows, however, that these models need to be reviewed or altered in a number of aspects. The research corresponds to the existing models as it shows the opposition the Self vs. the Other to be one of the central elements in the populist radical right discourse. For instance, when speaking about rights and freedoms, Marine Le Pen constructs the identity of the French people and European peoples by opposing them to the negative Other along two axes: vertically – by constructing a populist opposition to the elites – and horizontally – by constructing a nativist opposition to alien identities. The people is predicated to possess various rights, the Rassemblement National is represented as the defender of these rights, while the elites and the aliens are depicted as a threat to these rights. Yet, these oppositions are not always clearly articulated with numerous ‘grey zones’ systematically constructed: the research demonstrates that the depiction of some actors in a positive or negative way depends on context. The European identity constructed by the populist radical right is also ambivalent: it is not completely rejected although the ongoing European integration project – the EU – is reproached for infringing rights and freedoms. In general, the analysis allows to conclude that the populist radical right in the EU should be regarded as an active contestator in the ongoing interpretive struggle over the concept of rights and freedoms rather than its enemy.

Keywords: political discourse; discourse analysis; identity; European identity; France; rights; freedoms; liberties; radical right; populist; populism; populist radical right; nativism; Marine Le Pen; National Front; Front National; Rassemblement National; National Rally.

For citation: Alekseev A.V., Fomin I.V. “We, the defenders of nations and liberties”. How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 128–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07>

References

- 2002 Conversation with Yu.S. Stepanov. In: *Metod: the Moscow yearbook of works on social sciences*. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Centre for Perspective Methodologies of Social and Humanities Research. Edited by Ilyin M.V. et al. Moscow, 2012. N 3: Possible and real in social practice and scientific research, P. 379–396. (In Russ.)
- Alduy C., Wahnich, S. *Marine Le Pen taken at words. Decryption of the new frontist discourse*. Paris : Seuil, 2015, 305 p. (In French.)
- Alekseev A. the concept of democracy in the discourse of the populist radical right: the case of the EU parliamentary elections. *Journal of Language and Politics*, forthcoming.
- Aristotle. *Metaphysics*. In: Aristotle. *works in four volumes. Vol. I*. Asmus V.F (ed). Moscow: Mysl', 1976, Vol. 1, P. 63. 63–368. (In Russ.)
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2006, 296 p.

- Dézé A. The “demonization”. A new strategy? In: *The pretenses of the National Front*. Crépon S., Dézé A., Mayer N. (eds). Paris: Presses de Sciences Po, 2015, P. 25–50. (In French.)
- Fomin I.V. Transdisciplinary perspectives in political studies: The potential of semiotics. *Political Science (RU)*. 2015, N 2, P. 8–25. (In Russ.)
- Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. Cambridge: Polity, 1988, 280 p.
- Souchard M., Wahnich S., Cuminal I. et al. *Le Pen, the words. Analysis of an extreme right-wing discourse*. Paris : Le Monde, 1997, 280 p. (In French)
- Levinet M. *Fundamental rights and freedoms*. Paris: Presses Universitaires de France, 2010, 128 p. (In French.)
- Mudde C. *Populist radical right parties in Europe*. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo: Cambridge Univeristy Press, 2007, 406 p.
- Mudde C. The populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004, Vol. 39, N 4, P. 541–563. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Neuman G. (ed). *Human rights in a time of populism: challenges and responses*. Cambridge; New York; Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2020, 250 p.
- Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach (DHA). In: Wodak R., Meyer M. (eds). *Methods of critical discourse studies*. 3 rd ed. London: Sage, 2016, P. 23–61.
- Saussure F. de. General linguistics course. In: Saussure, F. de. *Works on Linguistics*. Transl. from French. Edited by Kholodovich A.A. Moscow: Progress, 1977, P. 31–273. (In Russ.)
- Saussure F. de. *General linguistics course*. Paris: Payot, 1995, 520 p. (In French)
- Sherry M. Identity. In: Given L. (ed). *The SAGE encyclopedia of qualitative research methods*. Thousand Oaks; London; New Delhi; Singapore: Sage, 2008, P. 415.
- Vidmar J. (ed). *European populism and human rights*. Leiden; Boston: Brill, 2020, 354 p.
- Wodak R. *The Politics of fear. what right-wing populist discourses mean*. London; Thousand Oaks; New Delhi; Singapore: Sage, 2015, 256 p.

М.В. ГРАБЕВНИК*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ШОТЛАНДИИ В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА

Аннотация. Выход Соединенного Королевства из состава Европейского союза актуализировал вопрос размежевания британской государственности по европейскому критерию. Согласно результатам социологических исследований, распределение предпочтений в отношении Брексита устойчиво коррелирует с национальной идентификационной матрицей. Большинство шотландцев и североирландцев поддерживают сохранение членства в Европейском союзе, тогда как англичане в целом выступают с защитой Брексита в мягком или жестком формате. Однако глубину подобного раскола подчеркивает неопределенность в предпочтениях граждан, идентифицирующих себя как британцев.

В контексте выхода Соединенного Королевства из Европейского союза региональными политическими акторами Шотландии был актуализирован вопрос об европейской идентичности шотландцев. Настоящая статья посвящена анализу динамики европейской идентичности шотландского сообщества в период 2016–2020 гг. в условиях Брексита. Автор приходит к выводу, что доля шотландцев с европейской идентичностью возросла после 2016 г., а Brexit выступил ключевым фактором подобных изменений. При этом актуализация европейской идентичности среди шотландского сообщества связана с прагматичной стратегией шотландского сообщества и региональных политических акторов по нейтрализации негативных экономических и социальных эффектов Брексита и выполняет инструментальную роль на общенациональной и европейской аренах.

Статья начинается с экскурса в проблематику национальной идентичности в современном Соединенном Королевстве в исследованиях западных и российских авторов. На основе анализа социологических данных поставлен вопрос европейской идентичности шотландцев, а также охарактеризована роль национальной идентичности граждан Соединенного Королевства в вопросе членства в

* Грабевник Михаил Владимирович, старший преподаватель кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: m.grabevnik@gmail.com

Европейском союзе. В завершение статьи предлагается характеристика позиции и стратегии шотландского сообщества в вопросе Брекзита.

Ключевые слова: европейская идентичность; национальная идентичность; Соединенное Королевство; Шотландия; Брекзит; Европейский союз.

Для цитирования: Грабевник М.В. Европейская идентичность Шотландии в контексте Брекзита // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 157–177. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.08>

Референдум о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе 2016 г. остро поставил вопрос о конфигурации отношений «центр – регион» в Шотландии. Вновь был актуализирован вопрос о суверенитете Шотландии. Шотландское правительство с момента объявления организации референдума о членстве Соединенного Королевства в ЕС лоббирует право на проведение повторного референдума о независимости Шотландии в случае Брекзита. Первый министр Шотландии Н. Стерджен подчеркивает, что перспектива выхода Соединенного Королевства из ЕС против воли Шотландии «демократически неприемлема»¹. Большинство населения Шотландии (62% при региональной явке в 67,2%) уверенно высказалось в пользу сохранения членства в Евросоюзе, чем подчеркнуло серьезный государственный раскол по европейскому критерию².

В исследовании 2015 г. один из ведущих британских политологов М. Китинг справедливо отмечает, что среди всех стран Соединенного Королевства именно в Шотландии наблюдается наибольшая ориентация в сторону Европы, что находит отражение как в региональной партийно-идеологической структуре, так и в идентификации регионального общества. Шотландское правительство, формируемое в последнюю декаду регионалистской Шотландской национальной партией, подчеркивает собственный проевропейский статус. Вопрос, однако, заключается в том, насколько верно региональные политические институты и регионалистские акторы артикулируют позицию шотландского регионального со-

¹ Nicola Sturgeon: second Scottish independence poll highly likely // The Guardian. – 2016. – June 24. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/24/alex-salmond-second-scottish-independence-referendum-is-certain> (accessed: 29.06.2020).

² EU Referendum. Results // BBC. – 2016. – Mode of access: https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (accessed: 29.06.2020).

общества в отношении Европы. Ответы на подобные вопросы лежат не столько в повестке региональных политических акторов, сколько в позиции самого регионального сообщества, общественной повестке и идентификационной матрице шотландцев. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать динамику европейской идентичности шотландского регионального сообщества в контексте Брекзита и осветить стратегию шотландцев в отношении к Европейскому союзу.

Исследования идентичности граждан Соединенного Королевства

Ряд британских и европейских ученых еще в первой половине 2000-х годов подчеркивают важность национальной идентичности как предиктора евроскептицизма в странах Европейского союза и в Соединенном Королевстве [Carey, 2002; McLaren, 2004; Hooghe, Marks, 2005]. В 2002 г. на основе анализа опросных данных Eurobarometer III. Кэри продемонстрировал, что европейцы, которые чувствуют себя более привязанными к национальному государству, с большей долей вероятности будут выступать против членства в Европейском союзе [Carey, 2002]. Более того, он подчеркнул, что ослабление европейской идентичности среди граждан экономически развитых стран – членов Евросоюза может объяснить слабую поддержку с их стороны фискальной политики в еврозоне.

Фундаментальные исследования национальной и европейской идентичности в Соединенном Королевстве представлены работами Д. МакКрона, Ф. Бекхофера, Р. Кели, Д. Стюарта, М. Тэтама и М. Китинга [Markers and rules ..., 2001; McCrone, Bechhofer, 2015; Tatham, 2007]¹. Исследовательский фокус в данных работах наведен, прежде всего, на структуру, содержание и трансформацию шотландской идентичности в современный период, а также на

¹ Keating M. Scotland's European Challenge // Centre on Constitutional Change Researching the issues. – 2015. – Mode of access: <https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/scotlands-european-challenge> (accessed: 29.06.2020).

фактор Европейского союза и европейский элемент идентификационной матрицы современных шотландцев.

Вопрос национальной идентичности сыграл значительную роль в голосовании за выход Соединенного Королевства из состава Европейского союза [Hobolt, 2016; Curtice, 2017; How Brexit ..., 2017; Carl, 2018; Carl, Dennison, Evans, 2018]¹. Так, С. Хоболт по итогам референдума 2016 г. провела исследование, результаты которого продемонстрировали, что граждане Соединенного Королевства с сильным ощущением европейской идентичности намного реже голосовали за выход из состава Европейского союза, нежели граждане с низким уровнем европейской идентичности [Hobolt, 2016]. Вместе с тем работы Д. Деннисона и коллег поддерживают позицию Ш. Кэри о национальной идентичности как факторе евроскептицизма и эмпирически подтверждают, что доля граждан Соединенного Королевства с исключительно национальной идентичностью (Only national identity, not European) значительно выше, чем в других странах – членах Европейского союза². Дж. Кёртис доказывает, что доля британцев, идентифицирующих себя как европейцы, оставалась крайне низкой на протяжении последних 20–24 лет членства Соединенного Королевства в составе Европейского союза (исследуемый период – 1992–2016 гг.) [Curtice, 2017]. Команда британских исследователей во главе с А. Хендерсон, анализируя влияние идентичности на британский евроскептицизм, делает более конкретные выводы в отношении предикторов голосования за выход Соединенного Королевства из ЕС [How Brexit ..., 2017]. На их взгляд, именно английская идентичность является ключевым фактором, оказавшим влияние на голосование граждан против членства в Европейском союзе. Исследования показывают, что поддержка позиции выхода из состава ЕС намного превышала поддержку сохранения членства Соединенного Королевства в союзе именно среди тех граждан, которые определяют собственную идентичность как исключительно английскую (English, not British), нежели британскую или европейскую. Подобные исследо-

¹ Dennison J., Carl N. The ultimate causes of Brexit: history, culture and geography // LSE British Politics and Policy. – 2016. – July. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/explaining-brexit/> (accessed: 29.06.2020).

² Dennison J., Carl N. The ultimate causes of Brexit: history, culture and geography // LSE British Politics and Policy. – 2016. – July. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/explaining-brexit/> (accessed: 29.06.2020).

вания стали импульсом к актуализации анализа других национальных идентичностей Соединенного Королевства (шотландской, валлийской, североирландской / ирландской и других) в контексте выхода государства из состава Европейского союза.

Предметное поле национальной идентичности в рамках Соединенного Королевства в последние годы представляет интерес и для отечественных исследователей. Так, Л.А. Фадеева обращает внимание на комплексность матрицы идентичностей граждан Соединенного Королевства и акцентирует внимание на трансформации шотландской идентичности под влиянием ключевых макрополитических процессов – деволюции и интеграции [Фадеева, 2015]. Она отмечает, что шотландская идентичность, шотландское национальное самосознание и осознание шотландским сообществом собственной значимой роли внутри Великобритании и Европейского союза усиливается благодаря деволюционным процессам [Фадеева, 2015, с. 97].

Идею двойственности шотландской идентичности развивает Е.А. Тюрин. Он доказывает, что две идентичности (шотландская и британская) не столько противоположны друг другу, сколько исторически синтезированы [Тюрин, 2017 а]. Вместе с тем подобная структура шотландской идентичности может эффективно использоваться в качестве политического средства регионалистскими и националистическими силами Шотландии [Тюрин, 2017 b]. В совместном с Е.Н. Савиновой исследовании рассмотрена проблематика комплексности шотландской идентичности и ее факторной роли в отношении национального стиля развития политического процесса в современной Шотландии [Тюрин, Савинова, 2015].

Выход британского государства из состава Европейского союза актуализировал исследования, посвященные проблематике идентичности, – работы Н.В. Ереминой по изучению конфликта идентичностей в контексте Брекзита [Еремина, 2017], Е.В. Ананьевой [Ананьева, 2017; 2018] и Л.О. Бабыниной [Бабынина, 2018; 2019] по вопросу Брекзита, публикации Е.М. Харитоновой по проблематике идентичности в измерении общественного мнения граждан Великобритании [Харитонова, 2016; 2020].

«Европейскость» в матрице шотландской идентичности

Согласно результатам референдума о членстве Соединенного Королевства в составе Европейского союза может показаться очевидным, что шотландцы более европейцы, чем их южные соседи по Британским островам. Однако бинарный выбор референдума (в пользу членства ЕС / против членства в ЕС) маскирует более комплексную картину. Конечно, результаты референдума продемонстрировали более высокую долю поддержки членства Соединенного Королевства в ЕС со стороны шотландцев (62%), но отношение Шотландии к Европейскому союзу на самом деле не столь сильно отличается от отношения остальной Британии¹.

Данные опросов общественного мнения в Шотландии 2015 г. показывают уровень евроскептицизма в Шотландии в 60%, что лишь на 5% ниже британского показателя, хотя и значительно выше, чем в 2013 г. (48%). В связи с этим стоит подчеркнуть, что разница между Шотландией и Англией / Уэльсом лежит не столько в уровне поддержки ЕС, сколько в евроскептицизме: 25,4% англичан выступали за выход из ЕС, тогда как лишь 16,5% шотландцев желали того же в 2015 г.²

Вместе с тем в отличие от Англии и Уэльса, поддержка Европейского союза со стороны Шотландии была весьма стабильной в течение одного года до плебисцита 2016 г. Наблюдались лишь незначительные колебания предпочтений в 2015–2016 гг., а поддержка сохранения членства Соединенного Королевства в Европейском союзе в Шотландии в этот период превышала 50%³.

Интенции шотландцев в отношении Европейского союза не в полной мере соотносятся с европейской идентичностью регионального сообщества. Доля шотландцев, назвавших себя европейцами в

¹ Three things the latest British Social Attitudes survey tells us about Scotland // The Guardian. – 2015. – March. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk-news/scotland-blog/2015/mar/26/three-things-the-latest-british-social-attitudes-survey-tells-us-about-scotland> accessed: 29.06.2020).

² Is Scotland Really Keen on the EU? // What UK Thinks EU. – 2016. – February. – Mode of access: <https://whatukthinks.org/eu/is-scotland-really-keen-on-the-eu/> (accessed: 29.06.2020).

³ Should the United Kingdom remain a member of the European Union or leave the European Union? // What Scotland Thinks. ScotCen. – Mode of access: <http://whatscotlandthinks.org/questions/should-the-united-kingdom-remain-a-member-of-the-european-union-or-leave-the-eu#line> (accessed: 29.06.2020).

2010–2014 гг., колеблется в интервале 2–3%, тогда как доля проживающих на территории Шотландии граждан, охарактеризовавших себя как британцы, составляет 20–24% (национальная шотландская идентичность закономерно преобладает: 65–75% в 2010-х годах)¹.

Ситуация несколько изменилась в период 2016–2018 гг. В рамках проведенного агентством British Election Study² опроса о голосовании по вопросу членства Соединенного Королевства в Европейском союзе респондентам было предложено охарактеризовать степень / силу европейской и британской идентичности (по шкале от 1 до 7, где 1 - отсутствие европейской / британской идентификации респондента, а 7 – сильная и стабильная европейская / британская идентификация респондента). Результаты опроса показали, что шотландцы в целом менее склонны характеризовать себя как британцев (*less British*) по сравнению с английскими и валлийскими соседями. Более того, шотландцы более склонны характеризовать себя как европейцев (*more European*) по сравнению с южными британскими коллегами. Вместе с тем большинство шотландских респондентов, голосовавших за сохранение членства Соединенного Королевства в Европейском союзе, ощущают сильную значимость шотландскости в идентификационной матрице (*Scottishness*, средний показатель – 5,7/7), что существенно выше степени британскости (*Britishness*, средний показатель – 4,54/7)³.

При первом приближении среднестатистический житель Шотландии предпочитает национальную идентичность (*Scottish*) общенациональной (*British*), а также более склонен идентифицировать себя как европеец (*European*), нежели англичане и валлийцы. При этом неверным было бы утверждать, что уровень британской идентичности шотландцев на низком уровне – 15% опрошенных шотландцев в 2016 г. заявили, что значительно ощущают себя британцами (*very strongly*), а уровень британскости (*Britishness*) среди них был выше среднего (4,54/7)⁴. Более того,

¹ Forced choice national identity // What Scotland Thinks. ScotCen. – Mode of access: <https://whatscotlandthinks.org/questions/forced-choice-national-identity-5/#bar> (accessed: 29.06.2020).

² British Election Study. – Mode of access: <https://www.britishelectionstudy.com/data-objects/panel-study-data/> (accessed: 29.06.2020).

³ British Election Study. – Mode of access: <https://www.britishelectionstudy.com/data-objects/panel-study-data/> (accessed: 29.06.2020).

⁴ Ibid.

средняя оценка уровня британской идентичности шотландцев выше оценки уровня европейской идентичности (Europeanness, 3,87/7). Освещая соотношение европейской и британской идентичностей шотландцев, Ч. Пэтти и Р. Джонстон указывают, что большинство шотландцев (52%) определяют собственную идентичность как более британскую, нежели европейскую (more British than European)¹. При этом менее одной трети (30%) шотландцев оценивают собственную идентичность как более европейскую, нежели британскую (more European than British)².

По результатам массового опроса сообщества Шотландии (2018), менее половины респондентов (42%) никак не связывают себя с европейской идентичностью. Четверть шотландских респондентов (25%) определяют собственную связь с европейской идентичностью как не слишком сильную (not very strongly), примерно одна пятая доля (19%) – как устойчивую (fairly strongly) и еще 12% – как довольно сильную (very strongly)³. Это указывает на последовательный (хоть и незначительный) рост доли шотландцев, идентифицирующих себя как европейцев.

Европейская идентичность среди шотландцев действительно окрепла под влиянием референдума о членстве Соединенного Королевства в составе Европейского союза. Однако относительное самоопределение шотландцев как европейцев не является определяющим фактором в их позиции по вопросу Брекзита.

Национальная идентичность и предпочтения в отношении Брекзита

Различия в предпочтениях в отношении Брекзита между странами Соединенного Королевства проявляются вполне закономерно, учитывая региональные различия акторов, целей, страте-

¹ Scottish national identity: why the question of Europe could actually keep the UK together // LSE. British Politics and Policy. – 2018. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/could-europe-prevent-the-break-up-of-britain/> (accessed: 29.06.2020).

² Ibid.

³ How strongly if at all do you identify yourself as being european // What Scotland Thinks. ScotCen. – Mode of access: <https://whatscotlandthinks.org/questions/how-strongly-if-at-all-do-you-identify-yourself-as-being-european/> (accessed: 29.06.2020).

гий. Большинство жителей Шотландии и Северной Ирландии выступили за сохранение членства Соединенного Королевства в составе Европейского союза в то время, как жители Уэльса и Англии высказались в пользу выхода из ЕС.

Вопрос о членстве в ЕС был намного сложнее бинарного выбора и содержательно напоминал скорее шкалу предпочтений: выход из ЕС (Leave) – сохранение членства ЕС при сокращении полномочий союза (Stay and reduce EU powers) – сохранение статус-кво (Remain) – сохранение членства ЕС при расширении полномочий союза (Stay and increase EU powers)¹. По данным британского исследователя Д. МакКрона, британские граждане как в Шотландии, так и в Англии предпочитают вариант сохранения членства Соединенного Королевства в Европейском союзе при сокращении полномочий ЕС (около 40% в каждом случае)².

Идентичность граждан Соединенного Королевства представляет собой конфигурацию комбинаций бинарных или множественных идентичностей. Очевидно, подобные конфигурации идентичностей имеют политическое значение. Например, граждане с сильной британской идентичностью (как единой, так и вкуче с национальными идентичностями) с большей вероятностью поддерживают членство стран в Соединенном Королевстве и разделяют юнионистские настроения. Наоборот, те граждане, которые имеют исключительно национальную идентичность (шотландскую, североирландскую, валлийскую) вне привязки к британскости (Britishness), с большей вероятностью поддерживают регионалистские / сепаратистские тенденции (случай Шотландии и Уэльса) или воссоединение региона с другим государством (случай Северной Ирландии) [Heath, Smith, 2005, p. 144].

Долю граждан Соединенного Королевства с исключительной (или преобладающей) британской идентичностью нередко представляют как ключевую легитимизирующую силу, поскольку она

¹ McCrone D. Are Scots European? // Centre of Constitutional Change. – 2016. – July. – Mode of access: <https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/are-scots-european> (accessed: 29.06.2020).

² Ibid.

составляет значительное большинство населения¹. Вопрос членства в Европейском союзе не только вновь актуализировал размежевание по критерию национальной идентичности, но и стимулировал раскол внутри доминирующей доли населения, разделяющих британскую идентичность. В связи с этим важно отметить, что относительно малые сообщества, которые идентифицируют себя как шотландцы, ирландцы (североирландцы) или европейцы и не идентифицируют себя как британцы, значительно больше склонны выступать за сохранение членства Соединенного Королевства в ЕС. Примечательно, что граждане, которые идентифицируют себя как исключительно англичане (вне привязки к британскости), более склонны к жесткому Брекситу, нежели остальные группы, а предпочтения тех, кто определяет собственную идентичность как исключительно валлийскую, в целом совпадают с контурами предпочтений всех британцев в целом².

Таблица

Стратегии национальных групп Соединенного Королевства в отношении членства в Европейском союзе

Brexit Strategy	Leave		Stay and Reduce EU Powers	Remain Status-Quo	Stay and Increase EU powers
	Hard Brexit	Soft Brexit			
Identities	NA			European Identity	
	British Identity/ Welsh Identity				
	English Identity		Scottish and Irish Identities		NA

В подобных условиях неопределенности британцев (British) наблюдается противостояние национальных идентичностей, где англичане (English) защищают позиции Брексита (либо в мягком, либо в жестком формате), а шотландцы (Scottish) и ирландцы / североирландцы (Irish / Northern Irish) выступают за сохранение членства Соединенного Королевства в составе ЕС (либо в формате

¹ Scottish national identity: why the question of Europe could actually keep the UK together // LSE. British Politics and Policy. – 2018. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/could-europe-prevent-the-break-up-of-britain/> (accessed: 29.06.2020).

² CSI Brexit 3: National Identity and Support for Leave versus Remain // Centre of Social Investigation. – 2017. – Mode of access: <http://csi.nuff.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2017/11/CSI-Brexit-3-National-Identity.pdf> (accessed: 29.06.2020).

сохранения статус-кво, либо с ослаблением союзных компетенций). Результаты социологического исследования Центра социальных исследований Оксфордского университета подтверждают данную картину (рис. 1).

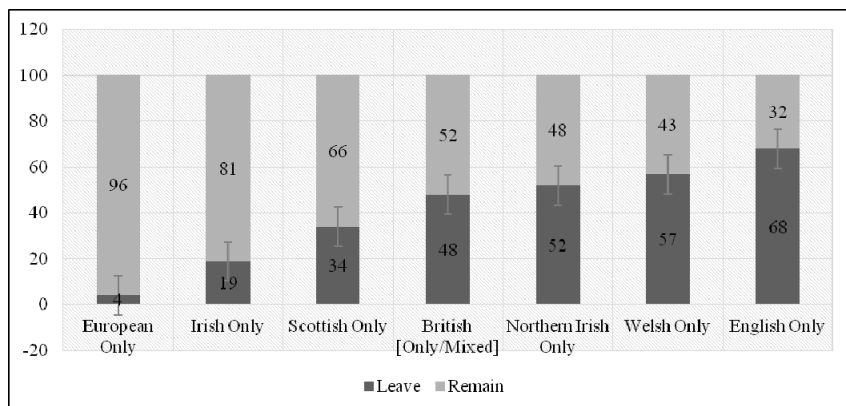

Рис. 1.

Национальная идентичность граждан Соединенного Королевства и позиция по вопросу членства в составе Европейского союза (CSI Brexit Panel Survey 3)¹

Исключительно европейцы (European Only), проживающие на территории Соединенного Королевства, не имели определяющего влияния на исход голосования, поскольку не обладали правом голоса ввиду отсутствия британского гражданства (лишь 19% тех, кто определил себя как европеец, отдал свой голос на референдуме 2016 г.)². В подобных условиях критическое влияние на результат голосования оказали граждане Соединенного Королевства, определившие себя как исключительно англичане (English Only).

При этом, как показывают результаты статистических исследований 2017–2018 гг., англичане предпочитают жесткий Брекзит, тогда как шотландцы и североирландцы намного менее уверены в необходимости установлений жестких ограничений.

¹ CSI Brexit 3: National Identity and Support for Leave versus Remain // Centre of Social Investigation. – 2017. – Mode of access: <http://csi.nuff.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2017/11/CSI-Brexit-3-National-Identity.pdf> (accessed: 29.06.2020).

² Ibid.

Так, среди исключительно англичан (English Only) велика доля тех, кто выступает за национальный контроль над законодательством («regain control of laws») (60%), свободу национальной торговли («regain freedom for trade deals») (63%), прекращение бюджетирования ЕС («end budget contributions to EU») (58%), а также за прекращение режима свободного передвижения граждан ЕС в Соединенном Королевстве («end free movement») (39%)¹. Вместе с тем шотландцы (Scottish Only) и ирландцы / североирландцы (Irish / N. Irish Only) в большинстве выступают против ограничений свободы передвижения, прекращения бюджетирования ЕС, возвращения исключительно национальной свободы торговли Соединенного Королевства (вне влияния Европейского союза).

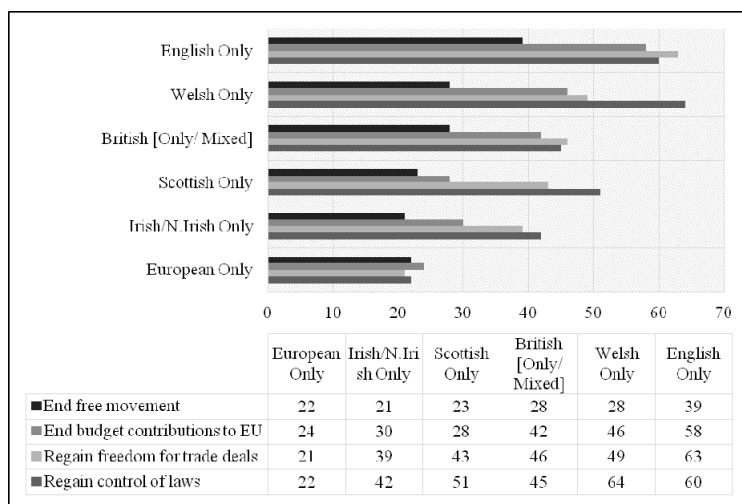

Рис. 2.

Национальная идентичность граждан Соединенного Королевства и позиция по вопросу ограничений Европейского союза (CSI Brexit Panel Survey 4)²

¹ CSI Brexit 4: People's Stated Reasons for Voting Leave or Remain // Centre of Social Investigation. – 2018. – Mode of access: <https://ukandeu.ac.uk/wp-content/uploads/2018/07/CSI-Brexit-4-People's-Stated-Reasons-for-Voting-Leave.pdf> (accessed: 29.06.2020).

² Ibid.

Стратегия шотландского сообщества в отношении Брекзита

Результаты референдума о членстве Соединенного Королевства в составе Европейского союза 2016 г. актуализировали вопрос о повторном референдуме о независимости Шотландии, учитывая проевропейскую повестку региональных шотландских властей и регионалистской ШНП. Данные шотландского агентства Scottish Social Attitudes не подтверждают уникальный статус шотландского сообщества как проевропейского – лишь 9% населения Шотландии определяют собственную идентичность как [в некоторой степени] европейскую, что ниже доли в целом по Великобритании (15%)¹. Однако вопрос европейской идентичности может быть не связан с прагматичной предрасположенностью шотландского сообщества к сотрудничеству с Европейским союзом. По мнению британского исследователя Дж. Кёртиса, вероятно, дебаты между шотландскостью (Scottishness) и британскостью (Britishness) затмевают вопрос о европейской идентичности².

Недовольство результатами референдума 2016 г. среди шотландцев продолжало усиливаться в 2017–2019 гг. По итогам социологического исследования 2017 г., доля шотландцев, не согласных с результатами референдума, повысилась до 56%³. При этом аргументация шотландцами собственной позиции в целом проявилась как преимущественно прагматичная – по мнению шотландцев, после выхода Соединенного Королевства из ЕС ухудшится экономическое состояние государства, понизится уровень жизни шотландцев, а британские и шотландские компании понесут серьезные убытки⁴. По состоянию на 2018 г., уже 62% шотландцев

¹ Scottish Social Attitudes // ScotCen. – Mode of access: <https://www.ssa.natcen.ac.uk/> (accessed: 29.06.2020).

² Curtice J. Britain Divided? Who Supports and Who Opposes EU membership // National Centre of Social Research. – 2015. – Mode of access: <https://whatukthinks.org/eu/wp-content/uploads/2015/10/Analysis-paper-1-Britain-divided.pdf> (accessed: 29.06.2020).

³ Survey Results // YouGov. – 2017. – October 19–20. – Mode of access: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/3vw6vbc6ji/Impact_ofBrexite_Results_171020.pdf (accessed: 29.06.2020).

⁴ Ibid.

оказались пессимистично настроены в отношении Брекзита¹ и более 66% шотландцев повторно проголосовали бы за сохранение членства Соединённого Королевства в составе ЕС².

В 2019 г. среди шотландцев усилилось недовольство действиями британских властей в рамках Брекзита как процесса. С января по апрель 2019 г. доля шотландцев, по мнению которых британское правительство довольно плохо справляется с переговорами по Брекзиту, выросла с 75 до 92%³. На момент запланированного выхода Соединенного Королевства из состава ЕС (31 октября 2019 г.) вероятность выхода «без сделки» была довольно велика, в связи с чем большинство шотландцев, выбирая между членством в ЕС и членством в Соединенном Королевстве, высказывались в пользу независимости Шотландии как радикального шага. В данных обстоятельствах проявляется прагматичная аргументация шотландского сообщества и использование европейского фактора для лоббирования регионалистских интересов. Наилучшим вариантом шотландцы считают заключение альтернативной сделки с Европейским союзом, которая бы включала в себя доступ на единый рынок и Таможенный союз⁴. В конце января 2020 г. Соединенное Королевство запустило процедуру выхода из состава Европейского союза, а доля недовольных процессом Брекзита шотландских граждан осталась стабильно высока.

Шотландское сообщество также демонстрирует собственное недовольство текущей сделкой с Европейским союзом. Конструируя значимую общественную повестку, шотландцы апеллируют как к региональным, так и общенациональным властям, указывая на многочисленные локальные и региональные проблемы, порожа-

¹ LBC Survey Results // YouGov. – 2018. – March 21–22. – Mode of access: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/bhy62x09m0/LBC_Results_180322_w.pdf (accessed: 29.06.2020).

² People's Vote Campaign Results // YouGov. – 2018. – August 8–14. – Mode of access: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/tulxamz6op/PeoplesVote_Scotland_180814_w.pdf (accessed: 29.06.2020).

³ Survey Results // YouGov. – 2019. – March 31 – April 1. – Mode of access: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ojewuniikg/Internal_190401_BrexitTrackers_w.pdf (accessed: 29.06.2020).

⁴ Acceptable Brexit Outcomes // YouGov. – 2019. – August 15–16. – Mode of access: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/gja4f57ex2/AcceptableBrexitOutcomes_190816.pdf (accessed: 29.06.2020).

денные Брекситом. Подобная общественная повестка встраивается в регионалистскую повестку Холируда и Шотландской национальной партии, что нередко выражается в реальных политических значимых продуктах и действиях.

Особым примером может послужить выпущенный шотландским правительством в 2018 г. официальный статут «Брекзит: неуслышанные голоса – взгляд заинтересованных сторон на выход ЕС по всей Шотландии» (Brexit: unheard voices – views from stakeholders across Scotland on leaving the EU), в котором детально изложены региональные проблемы и трудности, вызванные Брекситом, с позиции ключевых социальных групп простых шотландцев¹. Данный документ выступил иллюстрацией прагматичной аргументации шотландского сообщества по вопросу Брексита. Шотландская молодежь высказывает обеспокоенность трудностями и препятствиями, связанными с обучением и трудоустройством в государствах – членах Европейского союза². Пожилое население Шотландии выражает беспокойство в отношении доступности лекарственных препаратов и предоставления медицинской и социальной помощи (на конец 2019 г. в Соединенном Королевстве в сфере здравоохранения и социального обеспечения осуществляли трудовую деятельность около 13–14 тыс. граждан государств Европейского союза)³. По мнению групп шотландцев, занятых в сельскохозяйственных секторах экономики, Брексит усугубит проблемы малых (сельских) населенных пунктов, в решении которых посильную помощь оказывали структурные фонды ЕС⁴.

В защиту региональных интересов в рамках Брексита включается и гражданское общество Шотландии. Создаются новые некоммерческие организации для борьбы за возобновление членства региона в Европейском союзе – «Европейское движение в Шотландии» (European Movement in Scotland)⁵, «Шотландия для Евро-

¹ BREXIT: Unheard Voices Views from stakeholders across Scotland on leaving the EU. – Mode of access: <https://www.gov.scot/publications/brexit-unheard-voices-views-stakeholders-scotland-leaving-eu/pages/4/> (accessed: 29.06.2020).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ European Movement in Scotland. – Mode of access: <https://www.euromovesotland.org.uk/> (accessed: 29.06.2020).

пы» (Scotland for Europe)¹ и другие. Подобные организации призваны стимулировать дебаты в Соединенном Королевстве о месте Шотландии в европейском пространстве и используют в качестве аргументации позиции в пользу членства в Европейском союзе как идентификационные маркеры принадлежности шотландцев к европейцам («...through history, language and culture we are European...»), так и акцентирование на практических проблемах экономики, администрирования и социальной сферы².

Дополнительно шотландское сообщество выражает свою позицию посредством митингов и демонстраций против Брекзита, надеясь быть услышанными не только на региональном уровне, но и на национальном и супранациональном уровнях³. Вместе с тем именно на митингах и публичных мероприятиях используются темы европейской идентичности в качестве аргументов в пользу сохранения членства Соединенного Королевства в составе Европейского союза – «we are a European nation and we want to remain a European nation»⁴.

Заключение

Деволуционные процессы в Шотландии, параллельно с интеграционными процессами, стимулируют претензии на региональную автономию и подпитывают, по выражению Л.А. Фадеевой, «скромную и практичную шотландскую идентичность» [Фадеева, 2015, с. 96]. Вместе с тем контекст Брекзита демонстрирует, что и дезинтеграционные процессы на европейском уровне оказывают воздействие на идентификационную матрицу шотландцев.

Европейская идентичность среди шотландцев действительно упрочила собственные позиции, а референдум о членстве Соединенного Королевства в составе Европейского союза выступил

¹ Scotland for Europe. – Mode of access: <https://scotlandforeurope.scot/> (accessed: 29.06.2020).

² European Movement in Scotland. – Mode of access: <https://www.euromovescotland.org.uk/> (accessed: 29.06.2020).

³ Vigils and celebrations as Scots mark Brexit day // BBC. – 2020. – February 1. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-51325766> (accessed: 29.06.2020).

⁴ Ibid.

ключевым катализатором подобных изменений. Однако относительное самоопределение шотландцев как европейцев не является определяющим фактором в вопросе Брекзита.

Согласно социологическим исследованиям, распределение по национальной идентичности устойчиво коррелирует с результатами референдума 2016 г., где англичане уверенно придерживаются позиции Брекзита (в мягкой или жесткой форме), шотландцы и североирландцы выступают за сохранение членства Соединенного Королевства в составе ЕС, тогда как позиция британцев и валлийцев не определена. Актуализация европейской идентичности среди населения Шотландии связана преимущественно с прагматичной стратегией шотландского сообщества и региональных политических акторов по нейтрализации негативных экономических и социальных эффектов Брекзита и выполняет инструментальную роль на общенациональной и европейской аренах.

Подобным инструментом пользуются и региональные политические акторы. Шотландская национальная партия, возглавляя региональное правительство, планомерно пытается повысить шансы на проведение повторного референдума. Защита позиции шотландской независимости в условиях пост-Брекзита может приобрести дополнительную аргументацию. Относительная правительственная и парламентская устойчивость в Соединенном Королевстве и курс консервативного правительства Б. Джонсона позволили добиться результатов в переговорах с Европейским союзом, но дестабилизировали отношения с шотландским правительством. Напряженность по линии «центр – регион» наблюдается как по вопросу Брекзита, так и по вопросу шотландской независимости. Вместе с тем прерывистый темп Брекзита и его неоднозначные эффекты только подогревают дискуссии об идее независимости Шотландии среди шотландского сообщества.

Список литературы

- Ананьева Е.В. Непредсказуемый Брекзит // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 4 (4). – С. 99–105.
- Ананьева Е.В. Разобшенная Британия // Современная Европа. – 2017. – № 5 (77). – С. 5–15.
- Бабынина Л.О. Брекзит: соглашение о выходе подписано, проблемы остаются // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2018. – № 94. – С. 87–93.

- Бабынина Л.О. Угроза роста насилия в Северной Ирландии в контексте Брекзита // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – № 2 (8). – С. 33–38. – DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220193337>
- Еремина Н.В. Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 87–105. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105>
- Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017 а. – Т. 25, № 8. – С. 178–182.
- Тюрин Е.А. Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии // Управленческое консультирование. – 2017 б. – № 10 (106). – С. 118–127. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-10-118-127>
- Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. – 2015. – № 4. – С. 195–201.
- Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс // Современная Европа. – 2015. – № 5 (65). – С. 91–99.
- Харитонова Е.М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии (Обзор) // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 224–235.
- Харитонова Е.М. Политическая ситуация в Британии через призму общественного мнения // Современная Европа. – 2020. – № 1 (94). – С. 123–135. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020123134>
- Carey S. Undivided loyalties: Is national identity an obstacle to European integration? // European Union politics. – 2002. – Vol. 3, N 4. – P. 387–413. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116502003004001>
- Carl N. Lack of European identity and the failure of the Eurozone // The political quarterly. – 2018. – Vol. 89, N 1. – P. 165–165. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923x.12474>
- Carl N., Dennison J., Evans G. European, but not European enough: an explanation for Brexit // European Union politics. – 2018. – Vol. 20, N 2. – P. 282–304. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116518802361>
- Curtice J. Why leave won the UK's referendum // Journal of common market studies. – 2017. – Vol. 55, N 19. – P. 19–37. – DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12613>
- Heath A., Smith S. Varieties of nationalism in Scotland and England // Anglo-Scottish relations, from 1900 to devolution and beyond / W. Miller (ed). – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 132–152.
- Hobolt S.B. The Brexit vote: a divided nation, a divided continent // Journal of European public policy. – 2016. – Vol. 23, N 9. – P. 1259–1277. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1225785>
- Hooghe L., Marks G. Calculation, community and cues: public opinion on European integration // European Union politics. – 2005. – Vol. 6, N 4. – P. 419–443. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116505057816>

- How Brexit was made in England / A. Henderson, C. Jeffrey, D. Wincott, R.W. Jones // The British journal of politics and international relations. – 2017. – Vol. 19, N 4. – P. 631–646. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148117730542>
- Markers and rules of Scottish national identity / R. Kiely, F. Bechhofer, D. Stewart, D. McCrone // Sociological review. – 2001. – Vol. 49, N 1. – P. 53–69. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954x.00243>
- McCrone D., Bechhofer F. Understanding national identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 238 p.
- McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project // European journal of political research. – 2004. – Vol. 43, N 6. – P. 895–912. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0304-4130.2004.00179.x>
- Tatham M. Scotland and the European Union: Has devolution changed anything? // Scotland and Europe, Scotland in Europe / G. Leydier (ed). – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – P. 214–229.

M.V. Grabevnik*

European Identity of Scotland in the context of Brexit

Abstract. The withdrawal of the United Kingdom from the European Union focused the issue of cleavage of British statehood by European criteria. According to the results of sociological surveys and polls, the distribution of preferences of Brexit is correlated with the national identification matrix. Most Scots and Irish of United Kingdom support remaining the membership in the European Union, while the most English defend soft or hard Brexit. However, the depth of such cleavage underlines the uncertainty in the preferences of citizens who identify as British in general.

In the context of the United Kingdom's withdrawal from the European Union, the question of the European identity of Scots was also underlined by Scotland's regional political actors. This article is aimed to the analysis of the dynamics of the European identity of the Scottish community in 2016–2020 under Brexit conditions. The author concludes that the share of Scots with European identities increased after 2016, and Brexit was a key factor in the dynamics. At the same time, the actualization of European identity among the Scottish community is connected with the pragmatic strategy of the Scottish community and regional political actors to neutralize the negative economic and social effects of Brexit and plays an instrumental role in the national and European political arenas.

The article starts with an excursion to the issues of national identity in the modern United Kingdom in the studies of Western and Russian authors. Then, based on an analysis of sociological data, the question of the European identity of Scots was raised, as well as the role of the national identity of United Kingdom citizens in the issue of

* **Grabevnik Mikhail**, Perm state national research university (Perm, Russia),
e-mail: m.grabevnik@gmail.com

membership in the European Union. At the end of the article, author proposes the description of the position and strategy of the Scottish community on the issue of Brexit.

Keywords: European identity; national identity; United Kingdom: Scotland; Brexit; European Union.

For citation: Grabevnik M.V. European identity of Scotland in the context of Brexit. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 157–177. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.08>

References

- Ananieva E.V. The Unpredictable Brexit. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018, N 4 (4), P. 99–105. (In Russ.)
- Ananieva E.V. Divided Britain. *Contemporary Europe*. 2017, N 5 (77), P. 5–15. (In Russ.)
- Babynina L.O. Brexit: agreement is signed, problems remain. *The European Union: Facts and Comments*. 2018, N 94, P. 87–93. (In Russ.)
- Babynina L.O. The threat of increased violence in the Northern Ireland in the context of Brexit. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2019, N 2 (8), P. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220193337> (In Russ.)
- Carey S. Undivided loyalties: is national identity an obstacle to European integration? *European Union politics*. 2002, Vol. 3, N 4, P. 387–413. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116502003004001>
- Carl N. Lack of European identity and the failure of the Eurozone. *The political quarterly*. 2018, Vol. 89, N 1, P. 165–165. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923x.12474>
- Carl N., Dennison J., Evans G. European, but not European enough: An explanation for Brexit. *European Union politics*. 2018, Vol. 20, N 2, P. 282–304. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116518802361>
- Curtice J. Why leave won the UK's referendum. *Journal of common market studies*. 2017, Vol. 55, N 19, P. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12613>
- Eremina N.V. The roots of Brexit: conflict of identities in the United Kingdom. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017, Vol. 10, N 1, P. 87–105. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105> (In Russ.)
- Fadeeva L.A. Identity at the crossroads of the European integration and devolution in Scotland. *Contemporary Europe*. 2015, N 5 (65), P. 91–99. (In Russ.)
- Heath A., Smith S. Varieties of nationalism in Scotland and England. In: *Anglo-Scottish Relations, from 1900 to Devolution and Beyond*. Miller W. (ed). Oxford: Oxford University Press, 2005, P. 132–152.
- Henderson A., Jeffrey C., Wincott D., Jones, R.W. How Brexit was made in England. *The British journal of politics and international relations*. 2017, Vol. 19, N 4, P. 631–646. DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148117730542>
- Hobolt S.B. The Brexit vote: A divided nation, a divided continent. *Journal of European Public Policy*. 2016, Vol. 23, N 9, P. 1259–1277. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1225785>

- Hooghe L., Marks G. Calculation, community and cues: public opinion on European Integration. *European Union politics*. 2005, Vol. 6, N 4, P. 419–443. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116505057816>
- Kiely R., Bechhofer F., Stewart D., McCrone D. Markers and rules of Scottish national identity. *Sociological review*. 2001, Vol. 49, N 1, P. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954x.00243>
- Kharitonova E.M. Dynamics of national and ethnical identities in modern Britain. *Political Science (RU)*. 2016, N 1, P. 224–235. (In Russ.)
- Kharitonova E.M. Weariness and disillusion: political situation in Britain through the prism of Public Opinion. *Contemporary Europe*. 2020, N 1 (94), P. 123–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020123134> (In Russ.)
- McCrone D., Bechhofer F. *Understanding national identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 238 p.
- McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project. *European journal of political research*. 2004, Vol. 43, N 6, P. 895–912. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0304-4130.2004.00179.x>
- Tatham M. Scotland and the European Union: has devolution changed anything? In: *Scotland and Europe, Scotland in Europe*. Leydier G. (ed). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007, P. 214–229.
- Tyurin E.A. State and nation: teleological aspects of the political course of Scotland. *Administrative Consulting*. 2017, N 10 (106), P. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-10-118-127> (In Russ.)
- Tyurin E.A., Savinova E.N. National style of the development of the political process in modern Scotland: the problem of the Scottish identity. *The Power*. 2015, N 4, P. 195–201. (In Russ.)
- Turin E.A. Influence of the British imperial statehood on the Scottish national identity: to the question of independence of Scotland. *The Power*. 2017, Vol. 25, N 8, P. 178–182. (In Russ.)

М.Ю. МАРТЫНОВ, В.С. ПУРТОВА*

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСЬЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА)¹**

Аннотация. В статье предпринята попытка на примере такого многонационального субъекта Российской Федерации, имеющего повышенную миграционную привлекательность, как Ханты-Мансийский автономный округ, выявить корреляцию между состоянием межнационального согласия в регионе и концептуальными основаниями проводимой политики идентичности. Авторы исходят из того, что в этнополитической теории и реальной национальной политике сложились два подхода к трактовке политики идентичности. В первом случае она обозначает действия политических акторов, направленных на защиту особых групп, в том числе национальных меньшинств. Другой подход, основывающийся на концепте макрополитической идентичности, формируется в России с 2010-х годов и предполагает политику по формированию наднациональной макрополитической общности.

Использование того или иного подхода обусловлено как объективными обстоятельствами и политической ситуацией, так и результатами «борьбы за идентичность» между политическими акторами. В условиях усиливающейся социально-политической нестабильности стремление законсервировать пусть ранее и успешно функционировавшие институты может блокировать поиск инструментов

* **Мартынов Михаил Юрьевич**, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия), e-mail: martinov.mu@gmail.com; **Пуртова Виктория Сергеевна**, старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия), e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на научно-исследовательские работы от Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа.

достижения национальной консолидации. Поэтому столь важны сравнительные эмпирические исследования, посвященные динамике изучения ситуации в межнациональных отношениях в регионах.

Результаты такого исследования в Ханты-Мансийском автономном округе подтвердили гипотезу, что политика, основанная на национально-государственной (макрополитической) идентичности, реализация которой началась в регионе со второй половины 2010-х годов, в современной социально-политической ситуации оказалась более эффективной с точки зрения обеспечения межнационального согласия по сравнению с прежней политикой, основанной на концепте этнополитической толерантности.

Ключевые слова: политика идентичности; межнациональное согласие; политическая идентичность; межнациональные отношения; межэтническая конфликтность.

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Политика идентичности как основа межнационального согласия в полиэтничном регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 178–199. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.09>

Сохранение межнационального согласия выступает императивом национальной политики любого многонационального государства, включая современную Россию. Но средства его достижения определяют варианты реального политического курса, которые концептуально основаны на различиях в понимании сущности политики идентичности. Смысл данной дискуссии известный российский этнополитолог Л.М. Дробижева сформулировала следующим образом: является ли Российская Федерация многонациональным государством или она национальное государство (российская нация) с этническими меньшинствами? [Дробижева, 2018]. Концептуально сформулированный вопрос о теоретических основаниях политики идентичности по сохранению межнационального согласия требует как концептуального обсуждения, так и эмпирической апробации.

Дискуссия о концептуальных основаниях политики идентичности в формировании межнационального согласия

Использование в данном контексте термина «согласие», очевидно, восходит к понятию социальной солидарности Э. Дюркгейма, выступающему, как считают современные исследователи, в качестве

полного синонима «согласия» [Гофман, 2015, с. 32]. Необходимость преодоления последствий разделения труда неизбежно создает общность в виде нации, в солидарные связи которой человек попадает естественным образом по факту своего рождения, и это согласие «...вынужденно, так как в огромном большинстве случаев нам материально и нравственно невозможно отделаться от нашей национальности» [Дюркгейм, 1995, с. 121].

Но если французский социолог исходил из достаточности для достижения национальной солидарности существования объективных предпосылок, то последующее развитие науки показало, что на самом деле ее формирование отнюдь не носит столь уж автоматический характер. Оно предполагает активную социальную деятельность людей, представляющую, согласно современной конструктивистской фразеологии, «искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальную инженерию» [Хобсбаум, 2017, с. 20]. Соответственно, нация представляет собой «воображаемое сообщество» [Anderson, 1991], ценностные смыслы которого конструируют политические акторы, формируя тем самым «политику идентичности» [Семененко, 2011, с. 71; Caputi, 1996]. Политика идентичности рассматривается таким образом «как целенаправленная деятельность, акторами которой выступают государство, властная элита, а также другие субъекты – публичные интеллектуалы, гражданские активисты, политические партии и др.» [Фадеева, 2017, с. 73–74].

Но там, где сознательно действуют акторы, с неизбежным столкновением их интересов, и политические процессы, и придаваемые им смыслы носят вариативный характер. Не случайно столь органично в научный лексикон вошел предложенный пермскими учеными термин «борьба за идентичность».

Причем эта борьба характерна не только для России, но, например, и для стран Восточной Европы, в связи с непростыми процессами поиска новой идентичности [Kymlicka, Opalski, 2002; Hayes, McAllister, 2013; Zhurzhenko, 2014; Steiger, 2017]. Сохраняет она актуальность и для «устоявшихся демократий», столкнувшихся в XXI в. либо с новыми вызовами миграционных процессов, либо с перерождением старых проблем национальной идентичности, облаченных в новые политические одежды [Keating, 2004; Leith, Soule, 2011; Sollors, 2017; Pelletier, Couture, 2018]. Конечно, главным полем этой борьбы является реальная политика, но ее от-

правной точкой выступают теоретические дискуссии и конфликты концепций.

В изначальном смысле понятие «политика идентичности» использовалось для обозначения действий политических акторов, направленных на защиту особых групп, и, в том числе, национальных меньшинств [Aronwitz, 1992; Kenny, 2004; D'Cruz, 2008; Spinner-Halev, Theiss-Morse, 2003; Masella, 2013]. Это, ставшее классическим, представление о политике идентичности явилось частью реальной политики мультикультурализма [Kymlicka, 2010; Murphy, 2012]. Необходимым смысловым дополнением данного концепта становится требование соблюдения толерантности, разрешающее проблему сосуществования различных этносов в рамках макрообщности.

Возникающее на основе этой концепции (назовем ее «политика этнополитической идентичности») межнациональное согласие следует описать как формируемое на принципах толерантности состояние межнациональных отношений, образующих гражданскую нацию в виде совокупности составляющих ее этносов (перефразируя известное определение Э. Дюркгейма – в виде «механической» солидарности этих этносов).

В 1990–2000-е годы данный концепт этнополитической идентичности превалировал и в российской реальной политике, и в отечественной политической науке. Он нашел отражение в формуле «многонациональный народ Российской Федерации» в Конституции Российской Федерации 1993 г. Окончательно же идеи этнополитической идентичности оформились в «Концепции национальной политики Российской Федерации», подписанной Б.Н. Ельциным в 1996 г. Поскольку смысловую основу данного документа составила именно этнополитическая идентичность, то он изобилует отсылками к «национальной самобытности», «национальному самоопределению» и деятельности национально-культурных автономий¹.

Свою лепту в обоснование политики этнополитической идентичности и толерантности внесли и представители политической науки, настаивавшие, что общество постсоветской России

¹Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата посещения: 29.03.2020).

еще не «созрело» до состояния политической нации [Паин, 2008; Ясин, 2007].

Этот подход доминировал в течение последующих полутора десятилетий. Как пишет О.Ю. Малинова, «анализируя дискурс лояльной власти части политического класса в 2000-х годах, нетрудно обнаружить, что проект гражданской российской нации отнюдь не рассматривается ею в качестве однозначной и несомненной цели» [Малинова, 2010, с. 97].

Выступавший против такой трактовки известный российский ученый В.А. Тишков, всегда отстаивавший точку зрения о российском народе как реально существующей гражданской нации, объяснял позицию отрицавших это оппонентов их политическим и научным консерватизмом. «Именно это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть процесс “нациестроительства” или “формирования нации”», – отмечал В.А. Тишков [Тишков, 2007, с. 28].

Впрочем, дело, вероятно, было не только в консерватизме. В значительной мере политика этнополитической идентичности явилась наследием процессов первой половины 1990-х годов, в ходе которых политический успех Б. Ельцина был обеспечен поддержкой со стороны региональных элит в обмен на обещание им максимальной самостоятельности и свободы. Политика этнополитической идентичности стала основой обеспечения политических и экономических предпочтений этих элит.

Собственно, таковой она остается и сегодня. Как рассказывает Л.М. Дробижева, когда Научный совет по комплексным проблемам этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН, представляя в 2016–2017 гг. проект Стратегии государственной национальной политики, предложил трактовку российской нации как политической общности, это встретило активные возражения со стороны консервативно настроенных политиков, заблокировавших в конечном счете данное предложение. Причем в качестве аргумента вновь утверждалось, что к консолидации на политических принципах российское общество еще не готово, «и поэтому ожидать лояльности и патриотизма на основе Конституции, правовых норм, отношения граждан к судам, как это предполагает гражданская нация, нереально» [Дробижева, 2018, с. 103].

Другая трактовка политики идентичности сформировалась в 2010-х годах. Ее концептуальным основанием стало понятие макрополитической идентичности [Малинова, 2010].

Отличие этнополитической идентичности от макрополитической виделось в том, что «если первая основывается на широком круге этнических, культурных, исторических, этических и иных “схождений” и тождеств, то вторая по своей сути имеет одно главное измерение, а именно – политическое... Ее главное “назначение” – идейно-политическое сплочение всего совокупного социума, которое именуется страной или государством» [Перегудов, 2011, с. 142].

Таким образом, вместо идеи национального государства как суммы проживающих в нем народов была предложена концепция формирования наднациональной макрополитической общности, где *национально-государственная идентичность*, понимаемая как *устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью, поддерживается посредством института государства и политико-культурной традицией государственности* [Титов, 2017, с. 20].

Соответственно, под политикой идентичности в этом случае «понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [Семененко, 2017, с. 23].

Следует отметить, что подобный «макрополитический» подход к обоснованию концепта идентичности разделяют и ряд зарубежных авторов [Smith, 1992; Hayday, 2010; Manicom, 2013; Podoler, 2016].

Сигналом смены вектора в реальной политике идентичности стало принятие в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»¹, где была озвучена, хотя и весьма лаконично, идея первенства общенациональной общности.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (дата посещения: 29.03.2020).

Предпосылки смены парадигмы политики идентичности

На наш взгляд, некорректно было бы противопоставлять политики макрополитической идентичности и этнополитической идентичности на нормативных основаниях (как «правильную» против «неправильной»). Все зависит от конкретной ситуации. «Мультикультурализм» и идеи этнополитической идентичности, развиваемые, например, У. Кимликой, на основе теории Д. Роулза об условиях достижения общественной справедливости, были совершенно адекватны относительно стабильной ситуации конца XX в. Однако общий кризис социально-политической системы капитализма, несколько отсроченный использованием ресурсов распавшегося социалистического лагеря, дал о себе знать с 2000-х годов.

Сокращение материальных ресурсов в силу усиливающейся неэффективности производства и появление прекариата или «опасного класса» (Д. Стендинг) – групп людей, лишенных социальной перспективы, – не могли не вызвать кризис политических институтов. Более того, институт, ранее способствовавший сохранению стабильности, в условиях кризиса не только не работает, но может быть использован как инструмент дестабилизации. Это, в частности, произошло с политикой «мультикультурализма». Недавние социальные волнения в США быстро обретали форму этнических и расовых протестов, успешно «примеряя» наработанные прежней политикой концепты «ущемленных меньшинств».

В условиях социально-политической нестабильности стремление сохранить, пусть ранее и успешно функционировавшие, институты может лишь усугублять ситуацию.

В России ограниченность политики этнополитической идентичности проявилась уже в конце 1990-х годов, когда стало ясно, что региональные элиты, столь рьяно стремившиеся к самостоятельности, не только не могут противостоять «олигархизации» экономики, но нередко сами становятся ее участниками. Сознательно политизируемая этнополитическая идентичность превращается при этом лишь в прикрытие от контроля «сверху».

Новый порядок формирования Совета Федерации и появление федеральных округов стали первыми шагами к пересмотру прежней политики, основанной на концепте этнополитической идентичности. Но решающим фактором стало изменение настроений самой региональной элиты. Она столкнулась с многочислен-

ными спекуляциями на тему межнациональной конфликтности на местах. Показательными с этой точки зрения выглядят в большинстве регионов результаты деятельности национально-религиозных объединений. Задумывавшиеся как инструменты формирования толерантности и работы с мигрантами, они в большинстве случаев превращались в средство добывания преференций для руководства этих объединений. Политика этнополитической идентичности зачастую оказывалась не столько средством консолидации местных сообществ, сколько поводом их разобщения. Поэтому концепт макрополитической идентичности в качестве инструмента символической политики в сфере межнациональных отношений был воспринят региональным руководством весьма позитивно.

Однако и сегодня другая часть региональной элиты, представляющая этнические группы в регионах, по-прежнему делает совершенно недвусмысленный акцент в своей риторике на сохранение национального многообразия, а национальное согласие в полиэтничном государстве рассматривается как суммирование национальных идентичностей¹.

Свое слово в этой «борьбе за идентичность» могли бы сказать сравнительные эмпирические исследования, посвященные динамике изучения ситуации в межнациональных отношениях в регионах. И подобные исследования сегодня достаточно успешно ведутся [Дробижева, Кошарная, 2016; Дробижева, 2018; Дмитриев, Воронов, Михайлова, 2017]. Однако они носят главным образом кросс-региональный характер. Между тем в исследовании взаимосвязи между состоянием межнационального согласия и политикой идентичности особенно важны кросс-темпоральные сравнения. Ведь формирование двух подходов к концептуальным основаниям политики идентичности, с некоторой долей условности, предстает хронологически последовательно. Результаты такого исследования на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представлены ниже.

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – 2019. – 29 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата посещения: 29.03.2020).

Предмет и методы исследования

Югра относится к регионам – донорам России, формируя около 7,5% промышленного производства и 15,1% доходов государственного бюджета. Сохранение на территории Югры социальной и политической стабильности, в том числе межнационального мира и согласия, – задача стратегического характера. Между тем относительно высокий уровень жизни и заработной платы создает повышенную миграционную привлекательность региона. Миграционные процессы существенно изменяют этнонациональный состав населения. За последние десять лет в три раза увеличилось представительство народов Кавказа и в десять раз Средней Азии. Большинство, более 70% жителей ХМАО – Югры, имеют другое место рождения. Каждый шестой работник из числа занятых в экономике ХМАО не является его постоянным жителем. Настороженное отношение к людям другой национальности, подогреваемое притоком мигрантов из стран ближнего зарубежья, которых местное сообщество не успевает социально и культурно ассимилировать в свою среду, может являться благоприятным фоном для появления экстремизма и национализма.

Предметом исследования явилась корреляция между состоянием межнационального согласия в Югре и концептуальными основаниями проводимой политики идентичности. Согласно гипотезе, политика, основанная на национально-государственной (макрополитической) идентичности, реализация которой началась в регионе со второй половины 2010-х годов, оказалась более эффективной с точки зрения обеспечения межнационального согласия по сравнению с прежней политикой, основанной на концепте этнополитической толерантности.

В Ханты-Мансийском автономном округе начало изменений в данной политике можно датировать принятием в 2016 г. «Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2025 года», в основу которой была положена идея достижения межнационального согласия на основе формирования политической (гражданской) идентичности¹. Хронологиче-

¹ О Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период

ская граница 2016 г. между двумя подходами к концептуальным основам политики идентичности позволяет включить время в качестве переменной сравнительного анализа. Соответственно, темпоральными единицами, позволяющими проследить динамику изменения состояния межнационального согласия, выступают хронологически равные трехгодичные периоды 2014–2016 и 2017–2019 гг.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических опросов, проведенных под руководством авторов в 2018–2019 гг., вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных в 2014–2015 гг. в регионе, а также данные официальной статистики.

Основным понятием и зависимой переменной исследования выступало понятие «межнациональное согласие». Опираясь на концепт национальной солидарности Э. Дюркгейма, конструктивистские идеи и содержание программных документов, формулирующих цели национальной политики, авторы предлагают определение межнационального согласия как внутренне непротиворечивого состояния межнациональных отношений, возникающего в результате осуществления политики идентичности по интеграции национальных и этнических групп на основе их объективных интересов и макрополитической (национально-государственной) идентичности в гражданскую общность.

Соблюдение корректности сравнения этого состояния на двух хронологически различных этапах достигалось использованием единой методики исследования: использовался метод кластерного анализа данных, полученных в результате социологического опроса в муниципальных образованиях автономного округа. Группировка осуществлялась на основе совокупности показателей, выступающих предпосылками межнационального согласия в регионе. Эти показатели-индикаторы характеризовали три фактора, определяющих в качестве независимых переменных состояние межнационального согласия.

Во-первых, это общий социально-экономический фон, общая оценка ситуации, как благоприятной или неблагоприятной для межнационального согласия. Индикаторами в данном случае выступали оценки общего социально-экономического положения, уровня социальной напряженности, личного социально-экономического самочувствия. Во-вторых, это субъективная оценка (ощущение) гражданами характера актуальных межнациональных отношений. Индикаторами здесь являлись: оценка уровня межнациональной конфликтности; случаи дискриминации по национальному признаку; случаи «бытового» национализма. В-третьих, оценка усилий политических институтов, направленных на гармонизацию этих отношений (формирование политики идентичности). В качестве индикаторов в данном случае использовались: мнение о рисках возникновения конфликтов на национальной почве, оценки усилий власти по гармонизации межнациональных отношений и профилактике конфликтности, успешность формирования региональной идентичности и регионального патриотизма институтами гражданского общества.

Кластерный анализ ситуации по муниципальным образованиям заключался в оценке ситуации в районах и городских поселениях по этим трем уровням по шкале «межнационального согласия – конфликтности». Группировка осуществлялась на основе совокупности показателей, представляющих описанные выше независимые переменные. Значение индикатора по показателю «высокая – средняя – низкая доля» определялось путем сравнения по муниципальным образованиям. Попадание конкретной территории в ту или иную группу рассчитывалось количеством вышеперечисленных показателей, значения которых для данной территории соответствовали уровню межнационального согласия.

Результаты исследования

В основу оценки состояния межнационального согласия в регионе на этапе до 2016 г. были положены результаты вторичного анализа данных, полученных в ходе опроса 2014 г., проведенного учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр “Открытый регион”». В выборку осуществленного нами вторичного анализа попали восемь муниципальных образований (N=600).

Как выяснилось, менее половины опрошенных считали ситуацию в межнациональных отношениях мирной, спокойной. При этом почти половина респондентов в качестве причин существующей напряженности указала «массовый приток мигрантов», отметив также «вызывающее поведение представителей некоторых религий, игнорирование ими местных традиций, норм поведения и религиозных обычаев». Опрошенные респонденты из числа самих «мигрантов», в свою очередь, указывали на факты случающейся дискриминации в быту, при приеме на работу, в учреждениях бытового обслуживания и т.д. Не случайно значительная часть респондентов оценила риски возникновения конфликтов на национальной почве достаточно высоко, о чем заявил почти каждый четвертый опрошенный.

По результатам кластерного анализа составлена карта кластеров, или карта межэтнического согласия (табл. 1).

Таблица 1

Карта межэтнического согласия в Югре, 2014 г.*

	Лангепас	Нижневартовск	Федоровское	Лянтор, Сургутский р-н	Сургут	Ханты-Мансийск	Березовский р-н
Высокий уровень социальной напряженности					27%		
Низкий уровень социально-экономического самочувствия	21%	15%			11%		12%
Плохое общее социально-экономическое положение			15%		12%		
Высокий уровень межнациональной напряженности	32%	34%	38%				
Высокий уровень дискриминации по национальному признаку	18%				20%		
Высокий уровень «бытового» национализма		20%	22%	32%			
Высокая вероятность возникновения массовых конфликтов на национальной почве	13%	12%	9%			10%	
Низкий уровень гражданской идентичности (идентификация в первую очередь как представителя этноса, и во вторую – как «россиянина»)	36%				39%		
Неэффективные действия власти по формированию межнационального согласия		32%		36%		31%	
Количество признаков национального согласия в баллах	4	4	5	7	4	7	8
Кластер национального согласия	1	1	1	2	1	2	3

* Высокая интенсивность штриховки ячейки означает высокую степень выраженности признака, средняя интенсивность штриховки – среднюю, отсутствие штриховки озна-

чает низкую степень выраженности признака. Значения низкого уровня межнационального согласия для иллюстративности сопровождаются цифрами, обозначающими долю респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о высоком уровне указанного признака.

В целом результаты исследования свидетельствовали о недостаточно благополучной ситуации в отношении межнационального согласия. В 2015 и в 2016 гг. ситуация существенно не менялась, о чем свидетельствовали данные официальной государственной статистики¹.

Перемены начались со второй половины 2000-х годов. Об этом говорят, в частности, результаты сравнительного исследования, проведенного в 2018 г., в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе под эгидой Института социологии РАН. Если в целом по стране положительно оценивали состояние межнациональных отношений 78,9% респондентов, то в Югре их доля составила 86,7% (в 2017 г. показатель составлял 66,4%). Следующий этап мониторинга подтвердил положительную динамику².

Но важно было отметить не только это кардинальное улучшение ситуации, но и доказать его взаимосвязь с политикой идентичности, осуществляемой в автономном округе в последние годы. Это стало целью проведенного нами социологического опроса в сентябре-октябре 2019 г. в Ханты-Мансийском автономном округе. Он проводился по той же методике, что и исследование 2014 г., и проходил в виде формализованного интервью по стратифицированной, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу и возрасту (N=600).

¹ Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений // ЕМИСС. Государственная статистика. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/50996> (дата посещения: 29.03.2020).

² Доклад на совместном заседании Координационного совета по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности / Департамент внутренней политики ХМАО – Югры. – Режим доступа: <https://deppolitiki.admhmao.ru/upload/iblock/e4c/Doklad-Drobizhevoy-L.M.-prilozhenie-7.docx> (дата посещения: 29.03.2020).

Таблица 2

Карта межэтнического согласия в Югре, 2019 г.*

	Лангас	Нижневартовск	Федоровское	Лянтор, Сургутский р-н	Сургут	Ханты-Мансийск	Березовский р-н
Высокий уровень социальной напряженности				36%	27%		
Низкий уровень социально-экономического самочувствия	21%				11%	16%	12%
Плохое общее социально-экономическое положение			12%		11%		
Высокий уровень межнациональной напряженности	37%	33%	36%				
Уровень дискриминации по национальному признаку	18%				20%		
Уровень «бытового» национализма			18%	32%			
Вероятность возникновения массовых конфликтов на национальной почве			9%				
Низкий уровень гражданской идентичности (идентификация в первую очередь как представителя этноса, и во вторую – как «россиянина»)	35%				36%		
Эффективность действий власти по формированию межнационального согласия		32%					
Количество признаков рисков национального согласия в баллах	5	7	5	7	4	8	8
Кластер национального согласия	1	2	1	2	1	3	3

* Высокая интенсивность штриховки ячейки означает высокую степень выраженности признака, средняя интенсивность штриховки – среднюю, отсутствие штриховки означает низкую степень выраженности признака. Значения низкого уровня межнационального согласия для иллюстративности сопровождаются цифрами, обозначающими долю респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о высоком уровне указанного признака.

Как видно по результатам опроса, по сравнению с 2014 г. (табл. 1) произошло улучшение состояния межнационального согласия в целом. Более того, один из муниципалитетов (г. Ханты-Мансийск) за счет этого переместился в третий кластер – с высоким уровнем межнационального согласия, а другой (г. Нижневартовск) – из кластера с низким уровнем – в кластер со средним уровнем.

Но главное, результаты опроса позволяют установить зависимость между оценкой респондентами состояния межнациональных отношений и деятельностью политических акторов в сфере политики идентичности. Заметны улучшения ситуации в оценках

межнациональных отношений, снижении «бытового» национализма, возможностей предотвращения конфликтов на почве межнациональной конфликтности. При этом индикаторы социально-экономического положения не изменились, а в ряде случаев даже несколько ухудшились. Зато видна прямая зависимость улучшения ситуации в отношениях межнационального согласия с повышением доли гражданской идентичности и позитивной оценкой усилий институтов власти и гражданского общества по формированию этого согласия.

О том, что существенное изменение ситуации произошло в результате смены парадигмы политики идентичности с этнополитической на макрополитическую, свидетельствуют и результаты контент-анализа таких документов, как «Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2025 года», регионального стандарта этой политики и модельной муниципальной программы. Концептуально все эти документы основываются на политике макрополитической идентичности. В ходе углубленного интервьюирования эксперты также отмечали, в первую очередь, превалирование в символической политике идентичности роли общегражданских ценностей. Они действительно широко использовались, например, в ходе празднования в 2018 г. 900-летия первого упоминания Югры в русских исторических летописях¹.

В целом сравнение результатов двух проведенных в Югре опросов, разделенных шестилетним временным интервалом с условным темпоральным «экватором» 2016 г., позволяет сделать вывод об успешности политики идентичности, основывающейся на концепте макрополитической идентичности в сфере формирования межнационального согласия.

¹ Конкурсные мероприятия «Югре – 900» / Портал открытого Правительства Югры «Открытый регион – Югра». – Режим доступа: <https://myopenugra.ru/yugre-900/> (дата посещения: 29.03.2020).

Выводы

Политика в сфере межнациональных отношений неизбежно связана с борьбой за идентичность. И как любая деятельность символического характера, чтобы быть успешной, она должна иметь концептуальную основу, обеспечивающую когерентность ее дискурса. Причем релятивный характер современного мира предполагает и достаточную изменчивость этой концептуальной основы. Так, на первом этапе – в 1990–2000-е годы – в российском политическом поле доминировал концепт политики этнополитической идентичности. Он опирался на представления, сформулированные в зарубежной политической науке, где этим понятием обозначали действия политических акторов, направленные на защиту особых групп, и в том числе национальных меньшинств. Такая трактовка как нельзя лучше отвечала интересам ряда региональных элит того времени, рассчитывавших под флагом защиты интересов так называемых «титовых наций» на получение преференций по итогам политических процессов первой половины 1990-х годов.

Однако столкновение со сложными проблемами в сфере межнациональных отношений заставило руководство большинства субъектов Федерации примерно с 2010-х годов начать поиски концептуальных оснований эффективной символической политики в сфере формирования межнационального согласия. Таким основанием стала парадигма макрополитической (национально-государственной) идентичности, предложенная отечественной политической наукой. Помочь становлению этой парадигмы как основы национальной политики могут эмпирические исследования, демонстрирующие большую эффективность новой модели политики идентичности по сравнению с предыдущей. Результаты подобного исследования, проведенного в Ханты-Мансийском автономном округе, представлены в данной статье. Исследования в других регионах, в том числе по предложенной методике кластерного анализа ситуации в сфере межнациональных отношений и их взаимосвязи с гражданской идентичностью, будут служить обоснованием политики макрополитической идентичности как эффективного инструмента нациестроительства.

Список литературы

- Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 29–36.
- Дмитриев А.В., Воронов В.В., Михайлова Е.А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6. – С. 97–124. – DOI: <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06>
- Дробижнева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps.2018.05.09>
- Дробижнева Л.М., Кошарная Г.Б. Актуальная идентичность и межэтнические отношения в Поволжском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 106–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.21685/2072-3016-2016-4-12>
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. – 2008. – № 4. – С. 5–20.
- Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 141–163.
- Семененко И.С. Политика идентичности: Меняющаяся повестка дня // Символическая политика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 21–41.
- Семененко И.С. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – С. 71–76.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
- Тишков В.А. Что есть Россия и Российский народ? // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11, № 3. – С. 21–41.
- Фадеева Л.А. Идентичность как «состязательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. – Москва: Весь Мир, 2017. – С. 70–76.

- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 2017. – 309 с.
- Ясин Е.А. Фантомные боли ушедшей империи // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – С. 5–49.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism. – London; N.Y.: Verso, 1991. – 224 p.
- Aronwitz S. *The politics of identity: class, culture and social movements*. – London: Routledge, 1992. – 297 p.
- Caputi M. National identity in contemporary theory // *Political Psychology*. – 1996. – Vol. 17, N 4. – P. 683–694. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3792133>
- D'Cruz C. Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2008. – 127 p.
- Hayday M. Fireworks, folk-dancing, and fostering a national identity: The politics of Canada day // *The Canadian historical review*. – 2010. – Vol. 91, N 2. – P. 287–314. – DOI: <http://www.doi.org/10.3138/chr.91.2.287>
- Hayes B., McAllister I. Conflict to peace: politics and society in Northern Ireland over half a century. – Manchester: Manchester university press, 2013. – 280 p.
- Keating M. European integration and the nationalities question // *Politics & Society*. – 2004. – Vol. 32, N 3. – P. 367–388. – DOI: <http://www.doi.org/10.1177/0032329204267295>
- Kenny M. Politics of identity: liberal political theory and the dilemmas of difference. – Cambridge: Polity press, 2004. – 212 p.
- Kymlicka W. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies // *International social science journal*. – 2010. – N 61. – P. 97–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01750.x>
- Kymlicka W., Opalski M. Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe. – Oxford: Oxford university. press, 2002. – 439 p.
- Leith M.S., Soule D. Political discourse and national identity in Scotland. – Edinburgh: Edinburgh university press, 2011. – 192 p.
- Manicom J. Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? // *Geopolitics*. – 2013. – Vol. 18. – P. 60–76. – DOI: <http://www.doi.org/10.1080/14650045.2012.685790>
- Masella P. National identity and ethnic diversity // *Journal of population economics*. – 2013. – Vol. 26, N 2. – P. 437–454. – DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s00148-011-0398-0>
- Murphy M. Multiculturalism: a critical introduction. – London: Routledge, 2012. – 196 p.
- Pelletier R., Couture J. Identity and political trust in multinational democracies: the cases of Québec and Catalonia // *Trust, distrust, and mistrust in multinational democracies: comparative perspectives* / D. Karmis, F. Rocher (eds). – Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-queen's university press, 2018. – P. 300–330.
- Podoler G. Who was Park Chung-hee? The memorial landscape and National Identity Politics in South Korea // *East Asia*. – 2016. – Vol. 33. – P. 271–288. – DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s12140-016-9261-y>
- Smith A. National identity and idea of European unity // *International Affairs*. – 1992. – Vol. 68, N 1. – P. 55–76. – DOI: <http://www.doi.org/10.2307/2620461>

- Sollors W.* Challenges of diversity: essays on America. – London: Rutgers university press, 2017. – 214 p.
- Spinner-Halev J., Theiss-Morse E.* National identity and self-esteem // *Perspectives on Politics*. – 2003. – Vol. 1, N 3. – P. 515–532. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000379>
- Steiger P.* Slovakia as a good idea: the politics of nation branding and the making of competitive identities // *Neuer Nationalismus im östlichen Europa: Kulturwissenschaftliche Perspektiven* / ed. by I. Götz et al. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. – P. 205–226.
- Zhurzhenko T.* A divided nation? Reconsidering the role of identity politics in the Ukraine crisis // *Die Friedens-Warte*. – 2014. – Vol. 89, N 1/2. – P. 249–267.

M. Yu. Martynov, V.S. Purtova*

**Identity politics as the basis for interethnic accord in a multiethnic region
(on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)¹**

Abstract. The article attempts to identify the correlation between the state of interethnic accord in the region and the conceptual foundations of the identity policy on the example of such a multinational region of the Russian Federation with increased migration attractiveness as Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra. Bringing out the two main types of identities – ethnopolitical and macropolitical – the authors draw attention to the fact that in the justification of each type stand the interests of groups in real policy and the scientific tradition as well. Appealing to this or that concept is defined both by the conservatism of these traditions and by political circumstances. The definition of interethnic harmony is proposed in the article.

The empirical basis of the research are the results of sociological surveys conducted under the leadership of the authors in 2018–2019, secondary analysis of the results of sociological research conducted in 2014–2015 in the region, as well as data from official statistics. The method of cluster analysis of data obtained from the sociological survey on the territories of municipal entities of the autonomous okrug was applied.

The results of the sociological surveys make it possible to establish a correlation between the respondents' assessment of the state of interethnic relations and the activities of political actors in the sphere of identity policy. The cross-temporal comparison of identity policy conducted in the region in the 2010 s, showed that, the policy based on national-state (macropolitical) identity to ensure interethnic accord was more effective.

* **Martynov Mikhail**, Surgut state university (Surgut, Russia), e-mail: martynov.mu@gmail.com; **Purtova Viktoriya**, Surgut state university (Surgut, Russia), e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru.

¹The article is a part of the research budgeted by the Department of Education and Youth Policy of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug.

The Russian regions are multiethnic in composition. Therefore, the study of the conceptual foundations of the formation of interethnic accord by means of identity policy on the example of such a multiethnic region with high migration attractiveness, as Ugra, is relevant.

Keywords: identity politics; interethnic accord; political identity; interethnic relations; interethnic conflict.

For citation: Martynov M. Yu., Purtova V.S. Identity politics as the basis for interethnic accord in a multiethnic region (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 178–199. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.09>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism*. London; N.Y.: Verso, 1991, 224 p.
- Aronwitz S. *The politics of identity: class, culture and social movements*. London: Routledge, 1992, 297 p.
- Caputi M. National identity in contemporary theory. *Political Psychology*. 1996, Vol. 17, N 4, P. 683–694. DOI: <https://doi.org/10.2307/3792133>
- D'Cruz C. *Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2008, 127 p.
- Dmitriev A.V., Voronov V.V., Mikhaylova E.A. Predictive modelling of inter-ethnic relations in Russian regions based on the analysis of identity strategies of Diaspora and ethnic communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017, N 6, P. 97–124. DOI: <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06> (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Kosharnaya G.B. Actual identity and interethnic relations in Volga region. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2016, N 4 (40), P. 106–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.21685/2072-3016-2016-4-12> (In Russ.)
- Drobizheva L.M. Russian identity: discussions in the political space and dynamics of mass consciousness. *Polis. Political Studies*. 2018, N 5, P. 100–115. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09> (In Russ.)
- Durkheim E. *Sociology. It's subject, method, purpose*. Moscow: Kanon, 1995, 352 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. Identity as a “contentious concept” in political science. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identity: the individual, society, and politics. Encyclopedia*. Moscow: “Ves’ mir” Publ., 2017, P. 70–76. (In Russ.)
- Gofman A.B. Conceptual approaches to analysis of social unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015, N 11, P. 29–36. (In Russ.)
- Hayday M. Fireworks, folk-dancing, and fostering a national identity: The politics of Canada day. *The Canadian historical review*. 2010, Vol. 91, N 2, P. 287–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.3138/chr.91.2.287>
- Hayes B., McAllister I. *Conflict to peace: politics and society in Northern Ireland over half a century*. Manchester: Manchester University Press, 2013, 280 p.

- Hobsbawm E. *Nations and nationalism since 1780*. Saint Petersburg: Aleteia, 2017, 309 p. (In Russ.)
- Keating M. European integration and the nationalities question. *Politics & Society*. 2004, Vol. 32, N 3, P. 367–388. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/0032329204267295>
- Kenny M. *Politics of identity: liberal political theory and the dilemmas of difference*. Cambridge: Polity press, 2004, 212 p.
- Kymlicka W. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies. *International social science journal*. 2010, N 61, P. 97–112. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01750.x>
- Kymlicka W., Opalski M. *Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe*. Oxford: Oxford university press, 2002, 439 p.
- Leith M.S., Soule D. *Political discourse and national identity in Scotland*. Edinburgh: Edinburgh university press, 2011, 192 p.
- Malinova O. Yu. Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Manicom J. Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? *Geopolitics*. 2013, Vol. 18, P. 60–76. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/14650045.2012.685790>
- Masella P. National identity and ethnic diversity. *Journal of population economics*. 2013, Vol. 26, N. 2, P. 437–454. DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s00148-011-0398-0>
- Murphy M. *Multiculturalism: a critical introduction*. London: Routledge, 2012, 196 p.
- Pain E.A. On courses of cyclical failures of modernization process in Russia. *Social sciences and contemporary world*. 2008, N 4, P. 5–20. (In Russ.)
- Pelletier R., Couture J. Identity and political trust in multinational democracies: the cases of Québec and Catalonia. In: *Trust, distrust, and mistrust in multinational democracies: comparative perspectives*. Karmis D., Rocher F. (eds). Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-Queen's university press, 2018, P. 300–330.
- Peregudov S.P. National-state identity and the problems of the Russian state's consolidation. *Polis. Political Studies*. 2011, N 3, P. 141–163. (In Russ.)
- Podoler G. Who was Park Chung-hee? The memorial landscape and National Identity Politics in South Korea. *East Asia*. 2016, Vol. 33, P. 271–288. DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s12140-016-9261-y>
- Semenenko I.S. Identity politics: A changing agenda. In: *Symbolic politics. Issue 5: Identity politics*. Moscow: INION RAS, 2017, P. 21–41. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Political identity. In: Semenenko I.S. (ed). *Political identity and identity politics. In 2 vol.* Moscow: Rossiiskaia Politicheskaiia Entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, Vol. 1.: Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts, P. 71–76. (In Russ.)
- Smith A. National identity and idea of European unity. *International Affairs*. 1992, Vol. 68, N 1, P. 55–76. DOI: <http://www.doi.org/10.2307/2620461>
- Sollors W. *Challenges of diversity: essays on America*. London: Rutgers university press, 2017, 214 p.

- Spinner-Halev J., Theiss-Morse E. National identity and self-esteem. *Perspectives on Politics*. 2003, Vol. 1, N. 3, P. 515–532. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000379>
- Steiger P. Slovakia as a good idea: the politics of nation branding and the making of competitive identities. In: Götz I. et al. (eds). *Neuer Nationalismus Im Östlichen Europa: Kulturwissenschaftliche Perspektiven*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2017, P. 205–226.
- Tishkov V.A. What are Russia and the Russian people? *Pro et Contra*. 2007, Vol. 11, N 3, P. 21–41. (In Russ.)
- Titov V.V. *Politics of memory and forming of national and state identity in Russia: Russian experience and new tendencies*. Moscow: Tipografiia “Vash Format”, 2017, 184 p. (In Russ.)
- Yasin E.A. Phantom pains of the bygone empire. In: Klyamkin A.M. (ed). *After the empire*. Moscow: Fond “Liberal’naia Missiia”, 2007, P. 5–49. (In Russ.)
- Zhurzhenko T. A divided nation? Reconsidering the role of identity politics in the Ukraine crisis. *Die Friedens-Warte*. 2014, Vol. 89, N 1/2, P. 249–267.

М.В. НАЗУКИНА*

**ИДЕНТИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ
РЕГИОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА
ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИМВОЛИЧЕСКИХ КОНКУРСОВ¹**

Аннотация. В статье анализируется дискурс региональной идентичности в ходе проведения федеральных символических конкурсов, под которыми понимаются мероприятия, связанные с организацией проектов соревнований по выбору значимых для региональных сообществ символических атрибутов. В фокусе исследования пять проектов: «Семь чудес России» (2007), «Россия 10» (2013), «Аллея России» (2014), «Народная банкнота» (2016), «Великие имена России» (2018). На основе индикатора активности регионов (подсчет участия и интенсивности кампаний по продвижению региональных символов) выделяется группа регионов, для которых конкурсный инструмент интерпретируется как значимый ресурс в транслировании региональной уникальности. Определяются основные формы выраженности дискурса региональной идентичности при номинации и продвижении номинантов на победу в конкурсах. Анализируются возможные идентитарные конфликты в ходе конкурсов. На основе экспертных интервью в Казани, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске и Владивостоке, проведенных в 2019 г., конструируется матрица мотиваций и аргументаций в модели регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов. Показано, что употребление в данном дискурсе различного рода метафорических конструкций специфичности

* Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (Пермь, Россия), e-mail: nazukina@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

© Назукина М.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.10

региона, его символов и героев, амбиций территории позволяет региону транслировать свою субъектность.

Ключевые слова: регионализм; регионалистский дискурс; региональная идентичность; политика идентичности; символические конкурсы; Россия.

Для цитирования: Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. – 2020. № 4. – С. 200–220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Введение

Необходимым условием складывания любых политических сообществ, в том числе региональных, является оформление символического единства, ядром которого является его идентичность. Изучение идентичности в ее территориальном измерении давно уже сформировалось в отдельное направление исследований гуманитарного знания [Фадеева, Назукина, 2020, с. 208]. Академический интерес к указанной проблематике в настоящее время связан со смещением фокуса изучения с политико-культурных особенностей региональной самостийности к практическим возможностям, которые дает артикуляция уникальности территории. Безусловно, в условиях неравных стартовых условий (объективных преимуществ) разные регионы по-разному капитализируют ресурс региональной идентичности. Тем не менее запрос на материализацию идентитарных маркеров в регионах возрастает. С разной степенью это проявляется в запросе «на красоту, на комфорт, на досуг», «потребности в некой понятной стратегии развития», «в образе будущего»¹. В данном контексте возникает межрегиональная конкуренция, в том числе за человеческий капитал – жителей региона, а управление символической сферой становится значимым направлением политического курса регионов. Стимулирование к этому идет не только по линии снизу вверх, но и сверху вниз, посредством федеральных символических проектов и общественных инициатив.

Так, одной из последних в новостях июля 2020 г. стала информация о создании «Котокарты России» и конкуренции нескольких городов (Астрахани, Вологды, Зеленоградска, Самары,

¹ Интервью с экспертом № 1 от 05 декабря 2019 г. Екатеринбург. Архив автора.

Санкт-Петербурга, Ульяновска) за статус «Кошачьей столицы России»¹. Такого рода общественные практики (самыми яркими из которых являются проекты «Сказочной карты России», «Вкусной карты России»²) заполняют различные ниши символического измерения политики идентичности, позволяют регионам артикулировать неформальные символы в виде сказочных героев, гастрономических уникальностей территории и др.

Однако в рамках политики идентичности, которая включает в себя символическую составляющую [Малинова, 2017], на государственном уровне подобные конкурсы используются в качестве инструментария «работы» с символической сферой. Под федеральными символическими конкурсами понимаются мероприятия, связанные с организацией проектов соревнований по выбору значимых для региональных сообществ символических атрибутов. Наиболее крупными проектами такого рода за последние 15 лет в России были конкурсы: «Семь чудес России» (проект, целью которого стал поиск семи чудес России в 2007 г.), «Россия 10» (общенациональный проект – конкурс 2013 г., призванный путем всеобщего голосования отобрать 10 визуальных символов России), «Аллея России» (голосование за растения – символы регионов в 2014 г.), «Народная банкнота» (выбор изображения для банкнот 200 и 2000 рублей в 2016 г.) и «Великие имена России» (определение имен соотечественников для присвоения их крупным аэропортам страны в 2018 г.).

Подобные конкурсные практики создают ситуацию выбора, что стимулирует рефлекссию о региональной идентичности. Иными словами, выбирая ключевой символ или имя героя, актуализируется регионалистский дискурс. Формат федеральных конкурсов особо важен, поскольку в условиях такого рода конкурсов регионы конкурируют между собой, а также за внимание федерального Центра [Назукина, 2019. с. 532]. Гипотеза заключается в том, что наиболее активные регионы в конкурсных практиках используют регионалистский дискурс в отношениях с Центром. Иными слова-

¹ В Марий Эл создали кошачью карту России // Российская газета. – 2020. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/13/reg-pfo/v-marij-el-sozdali-koshachiu-kartu-rossii.html> (дата посещения: 12.07.2020).

² «Сказочная карта России». – Режим доступа: <https://vk.com/fairytalemapofrussia> (дата посещения: 12.07.2020), «Вкусная карта России». – Режим доступа: <https://vk.com/tastymapofrussia> (дата посещения: 12.07.2020).

ми, регионы используют возможности в виде конкурсов для демонстрации субъектности, трансляции регионального интереса. Этот региональный интерес приобретает оформление в виде символически выстроенной концепции региональной уникальности, конструируя и воссоздавая региональную идентичность, цементирующую регионализм как идентитарную систему.

Регионалистский дискурс: определение понятия и методы исследования

Пьер Бурдьё отмечает, что регионалистский дискурс имеет цель «навязать в качестве легитимного новое определение границ и заставить людей знать и признавать регион, который таким образом конструируется в оппозиции к доминантному определению региона» [Бурдьё, 2002]. Регионалистский дискурс связан с артикуляцией региональной идентичности [Киселев, 2006; Магомедов, 2000; Keating, 1995; Frisvoll, Fredrik, 2009, Takashi, 2005, Zimmerbauer, Paasi, 2013; и др.]. Бурдьё ее определяет как свойство группы, связанное с ее происхождением, которое определяется через географическую привязку к местности, а также с помощью такого маркера, как язык. По его мнению, борьба за региональную идентичность является частным случаем различных конфликтов по поводу классификаций или различий, борьбы за монополию на власть [Бурдьё, 2002, с. 50].

Поскольку эта борьба разворачивается в поле дискурса, она проявляется в смысловых конструкциях языка, определяющего различные деления социального мира. Не случайно поэтому, основываясь на лингвистическом подходе, О.А. Блинова исходит из следующего определения регионалистского дискурса – это «разновидность политического дискурса, процесс и результат использования языка для описания политической деятельности в конкретном регионе с целью утверждения политического, социального и культурного пространства региона как самостоятельного субъекта политической действительности» [Блинова, 2019, с. 40]. На примере анализа шотландского регионализма она выделяет ключевые механизмы репрезентации регионалистского дискурса: метафоризация и интертекстуальность (отсылка к аллюзиям и ключевым именам шотландской литературы), а также утверждения языкового своеобразия региона.

Регионалистский дискурс, следовательно, завязан на речевой актуализации идеи личности региона. В.А. Щипков рассматривает понятие «регионалистский дискурс» несколько шире: не только как объект лингвистики, но и в значении совокупности речевых действий (событий), в которых участвуют объекты и субъекты регионализма, – в том числе социокультурные, мифологические, научные, политико-идеологические, – а также совокупный контекст этого пространства [Щипков, 2016, с. 37].

Таким образом, если региональный дискурс – это «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в регионе» [Докучаев, 2012, с. 74], то регионалистский дискурс – это не только смысловые характеристики регионального своеобразия и самостийности, но также активно мотивированная деятельность по достижению целей и амбиций региона, проявляющаяся в языке. Причем цель активности может быть различной: «...получение автономии, получение экономической и политической выгоды в рамках борьбы за территорию и ее ресурсы, а может иметь вполне мирную политическую цель развития межрегионального сотрудничества в сфере безопасности, экономики или жизнедеятельности» [Докучаев, 2012, с. 74].

Проявление регионалистского дискурса можно фиксировать за счет интерпретации символов личности места, вербализации представлений о регионе как об уникальном для страны пространстве, номинирования регионального сообщества. Это находит проявление в употреблении смысловых клише о региональном характере, региональном духе, региональной истории и специфике «земли», конкретных брендов региона, имен «культурных героев» и др. Конкурсные практики также часто используются для определения персоналистских идентификаторов, которые определяются как имеющие «символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский / персонифицированный образ)» [Бедерсон, 2016, с. 34].

Употребление в дискурсе различного рода метафорических конструкций специфичности и самостийности, фиксирующих региональные амбиции, позволяет использовать их в символическом торге с федеральным Центром за дополнительные ресурсы. Иногда за этими словами, как указывает А.С. Макарычев, практически ничего не стоит: «"Региональные ценности" и "региональные идео-

логии” – это гипотезы, своего рода фантомы, необходимые политическим лидерам для реализации их проектов и для создания “знаков отличия” от других»¹. Однако очень часто эти ценности и символы имеют важное значение для регионального сообщества, которое готово их отстаивать как значимые выразители личности места.

Касательно предмета нашего изучения речь идет об артикуляции в ходе символических конкурсов атрибутов региональной идентичности (символов, героев, характеристик уникальности места). Это связано с конкурсным целеполаганием, которое направлено не только на стимулирование патриотизма, туристической привлекательности России в целом, но, прежде всего, на развитие идеи символического связывания пространства страны за счет проектной деятельности. Не случайно каждый конкурс направлялся в субъект РФ, который представлял в нем «все лучшее, интересное и достойное внимания»², «символизирующее эти регионы»³, подчеркивающее «историческую связь с данной территорией»⁴.

Изучение регионалистского дискурса связано с использованием количественных и качественных методов анализа текстов. При изучении конкурсных практик источниками анализа послужили материалы официальных сайтов проектов⁵. На первом этапе выделялись наиболее активные регионы в ходе проводимых кон-

¹ Макарычев А.С. Метафоры регионализма в международно-политическом дискурсе // IPF. – Режим доступа: <http://www.policy.hu/makarychev/rus17.htm> (дата посещения: 12.07.2020).

² Из документации проекта «Россия 10». – Режим доступа: <http://10russia.ru/about> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Из документации проекта «Аллея России». – Режим доступа: <https://vk.com/alleyarossii> (дата посещения: 12.07.2020).

⁴ Из документации проекта «Великие имена России». – URL: <https://xn--80adjaaqabpiqn.xn--p1ai/about> (дата посещения: 12.07.2020).

⁵ «Семь чудес России». – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20080410152107/http://www.ruschudo.ru/> (дата посещения: 12.07.2020), «Россия 10». – Режим доступа: <http://10russia.ru/> (дата посещения: 12.07.2020), «Аллея России». – Режим доступа: https://www.nexplorer.ru/news_13249.htm (дата посещения: 12.07.2020). – Режим доступа: <https://vk.com/alleyarossii> (дата посещения: 12.07.2020), «Народная банкнота». – Режим доступа: <http://xn----ctbtwbliaac6kg.xn--p1ai/> (дата посещения: 12.07.2020) и «Великие имена России». – Режим доступа: <https://xn--80adjaaqabpiqn.xn--p1ai/about> (дата посещения: 12.07.2020).

курсов. Замерить данный индикатор можно формальным количественным подсчетом регионального участия в конкурсных практиках. При этом важным оказывается не просто участие, а активность в голосовании и продвижении, выражаемая в прохождении номинированных символов от региона в этапы голосования, равные финалам и полуфиналам. По результатам подсчета данных, в число регионов, демонстрировавших высокую активность во всех или в четырех из пяти конкурсов («Семь чудес России», «Россия 10», «Аллея России», «Народная банкнота» и «Великие имена России»), стали: Астраханская область, Волгоградская область, Воронежская область, Иркутская область, Калининградская область, Камчатский край, Краснодарский край, Красноярский край, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Башкортостан, Республика Коми, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Свердловская область, Смоленская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область и Челябинская область.

Далее, для уточнения сущности и целей актуализации регионалистского дискурса в рамках конкурсов был задействован метод глубинных неформализованных интервью в регионах, в которых в 1990-е годы существовали ранее или существуют сейчас организации и движения регионалистского плана (регионализм как движение [Панов, 2020, с. 105]. В рамках интервьюирования экспертов и регионалистских акторов в числе прочих вопросов о состоянии и динамике регионализма в данных регионах затрагивались вопросы, связанные с возможностями артикуляции регионалистского дискурса и конкретно по федеральным символическим конкурсам. Полевые исследования и экспертные интервью проводились в 2019 г. в Республике Татарстан, Свердловской области, Новосибирской области, Хабаровском и Приморском краях.

Символические конкурсы в оценке экспертов и регионалистских акторов

Популярное в СМИ мнение о том, что организация и проведение символических конкурсов осуществляется с целью отвлечения общественного мнения от текущих социально-экономических

проблем, поднималось в ответах экспертов: «Просто информационная шумиха с целью занять общественное мнение»; «Если мы говорим о массовом сознании, это было искусственное. Надо было – придумали, поиграли в эту электронную демократию. Не более. В массовом сознании это что было, что не было»¹. Однако несмотря на наличие таких оценок, большинство фиксировало позитивное значение конкурсных практик.

Важность подобных проектов именно для регионов обусловлена несколькими моментами. Во-первых, конкурсы связаны с символизацией и неотделимы от эмоциональной составляющей, поэтому они вызывают большой интерес и вовлеченность: «Востребовано, конечно. Это очень важное, мне кажется. Именно с этого начинается все. С символов этих, с символичности этой начинается все. И вообще все восприятие. Поэтому, естественно, это важная составляющая. И очень чувствительная»². Следовательно, как символический ресурс он может использоваться региональными акторами и позволяет проводить символическую преференциальную политику. В этом смысле показателен пример Республики Татарстан, где выбрали имена для двух аэропортов в 2018 г. с учетом «межэтнического баланса» [см. подробнее: Назукина, 2020].

Во-вторых, через конкурсы можно решать проблемы позиционирования территории, создавать устойчивые ассоциации с местом: «Потому что – имидж. Допустим, название “аэропорт Казани имени Тукая”. Тукай для татарской литературы – то же самое, что Пушкин – для русской. Символика определенная, она, конечно, должна быть»³. Полезность конкурсных практик очевидна и в поиске новых символов-идентификаторов.

В качестве примеров можно обратиться к выбору символики для банкноты 200 и 2000 рублей, когда во Владивостоке в результате конкурса победу одержал мост на остров Русский, активно позиционирующийся сверху федеральным Центром как важный геополитический и стратегический символ: «Сейчас, действительно, стал символом, который узнают иностранцы, жители других регионов воспринимают Владивосток через мост, местные

¹ Интервью с экспертом 4 от 05 декабря 2019. Екатеринбург. Архив автора.

² Интервью с экспертом 4 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

³ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

стали себя с этим ассоциировать»¹. Другой случай – конкурс по наименованию аэропорта в Омске, когда долгое время лидировало имя Егора Летова, с которым сопоставляли ход конкурса в Новосибирской области, где победило имя А.И. Покрышкина: *«Аэропорт переименовали в честь А. Покрышкина. В городе шесть памятников Покрышкину, это имя уже затаскали. Пять было памятников Покрышкину, переименовали аэропорт и поставили шестой памятник. Поэтому инициативу с именем Е. Летова восприняли как глоток свежего воздуха»*².

Кроме того, конкурсы стимулируют участие равнодушных активистов, интеллектуалов, которых можно считать регионалистскими акторами³. К примеру, в том же Владивостоке в конкурсе на доименование аэропорта большое влияние в победе имени Арсеньева оказала активность творческой элиты региона: *«Я раскручивал эту тему, и в том, что назвали именем Арсеньева есть и мой вклад. Арсеньеву в 2022 г. будет 150 лет, и мне хотелось, чтобы эта дата была отмечена не на локальном, а на федеральном уровне. Я глубоко убежден в том, что он до сих пор актуален»*⁴.

Еще более яркий пример представляет помощь татарстанских активистов в оспаривании победителя по выбору названия аэропорта Горно-Алтайска в 2018 г., который едва не закончился открытым конфликтом: *«В переименовании аэропортов была настоящая битва взглядов. Это стимулировало дискуссию. Сейчас у Татарстана хорошие отношения с республикой Горный Алтай, и был проблемный момент, когда алтайцы увидели, что терпят поражение, они обратились к нам за помощью. Татары поддерживали их как братья по крови»*⁵.

Таким образом, эксперты сходятся во мнении, что, несмотря на политизацию и возможности политического манипулирования при проведении конкурсов, как и любых выборов, в конкурсном инструменте заложен стимул на актуализацию регионалистского дискурса. Особенно ярко это проявляется в ситуации конфликтов⁶.

¹ Интервью с экспертом 3 от 31 октября 2019. Владивосток. Архив автора.

² Интервью с экспертом 3 от 29 октября 2019. Новосибирск. Архив автора.

³ Подробнее о роли интеллектуалов в политике идентичности см.: [Фадеева, 2012].

⁴ Интервью с экспертом 3 от 31 октября 2019. Владивосток. Архив автора.

⁵ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

⁶ Интервью с экспертом 6 от 06 декабря 2019. Екатеринбург. Архив автора.

Наиболее ярко данная конфликтность была продемонстрирована в ходе последнего конкурса «Великие имена России». В Республике Алтай, о которой уже упоминалось выше, к примеру, имел место прецедентный случай, когда организатором – Общественной палатой РФ было принято решение вывести из проекта «Великие имена России» аэропорт Горно-Алтайска, поскольку в регионе на фоне потенциальной победы «варяга» Н. Рериха возникло острое напряжение. Презентация своего кандидата местного художника Чорос-Гуркина выстраивалась на основе землячества, на таких смысловых категориях, как «родной край», «наша земля», «земляки», «малая родина» и др. На практике это реализовывалось в таких аргументах: «Символ национального самосознания алтайцев»¹, «алтайский», «местный», «наш символ», «Чорос-Гуркин – наше все» и др. Указанная аргументация усиливалась фактом соперничества по линии «свой – чужой» и этноконфессиональной спецификой².

Примером символического конфликта можно также назвать ситуацию в ходе того же конкурса в Калининградской области, для населения региона которой характерна борьба не двух, а трех идентичностей – общероссийской, региональной и европейской [Ачкасов, 2005]. Естественно, что федеральные и, в немалой степени с их подачи, региональные власти при этом в наибольшей степени волнует «общероссийский» компонент.

Для развития региональной мифологии Калининградской области ярко выраженным культурным героем – монополистом региона стал великий философ Иммануил Кант, вся жизнь которого была связана с Кёнигсбергом. Именно это имя стало «камнем преткновения», вокруг которого разгорелся конфликт в ходе конкурса. Политолог Алексей Макаркин назвал его конфликтом «западников против патриотов»³. Имя Канта (и связанная с ним немецкая история) олицетворяло европейскую идентичность и изначально лидировало в голосовании. Однако против него началась антипропаганда с обвинительными сообщениями в СМИ и в Сети. К примеру, начальник штаба Балтийского флота вице-

¹ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

² Подробнее о этнокомпоненте в политике идентичности см.: [Семененко, 2017].

³ Макаркин А. «Великие имена России»: планы и конфликты // Политком. – 2018. – Режим доступа: <http://politcom.ru/23230.html> (дата посещения: 12.07.2020).

адмирала Игорь Мухаметшин назвал Канта «предателем родины», который «унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру в университете»¹. Печальным итогом противостояния стала акция вандализма: могила и памятник Канта были облиты краской. В результате мобилизации в лидеры вышло имя императрицы Елизаветы Петровны (патриотический дискурс), которое стало победителем.

Как показывают практика и опыт западных стран, нивелировать конфликтность можно за счет предмета выбора, а также с помощью проведения интегративных конкурсов, охватывающих все регионы, и где регионы не конкурируют между собой. Примером такого конкурса был проект «Аллея России»: он касался природных символов, и по его итогам победителем стал каждый регион. Тем не менее и в рамках данного конкурса актуализировался регионалистский дискурс.

Интегративные символические конкурсы (на примере проекта «Аллея России» по выбору «зеленых символов»)

Инициаторами конкурса – акции «Аллея России» – в 2014 г. выступили Министерство природных ресурсов и экологии РФ и Фонд содействия охране окружающей среды «Природа» при поддержке Русского географического общества, Министерства культуры РФ, органов власти субъектов и других. Цель конкурса заключалась в том, чтобы «природные символы стали такой же составной частью образа регионов России, какой сегодня являются архитектурные или исторические памятники»². Участие в конкурсе приняли все регионы, выдвинувшие более 400 растений (от трех до восьми в каждом регионе) на голосование (во всех формах голосования приняло участие около 3,5 миллиона человек). На уровне дискурсивных практик он имел важную символическую функцию, связанную с транслированием идеи единства России и Крыма, поскольку растения-символы – победители по итогам про-

¹ Начштаба Балтфлота: Все говорят Кант, а этот человек предал родину, унижался, на коленях ползал // КП – Калининград. – 2018. – Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26915/3962535/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Смольякова Т. Россия выбрала свои зеленые символы // РГ. – 2014. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/11/11/alleya-site.html> (дата посещения: 12.07.2020).

екта были высажены в виде парковой зоны Аллея России в Севастополе.

Анализ списка победителей проекта показывает выраженную тенденцию маркирования макрорегиональной сибирской идентичности в названиях победителей «зеленых символов» девяти регионов: ель сибирская голубая (Республика Бурятия), рябина сибирская (Иркутская область), липа сибирская (Кемеровская область), сосна сибирская кедровая (Красноярский край), яблоня сибирская (Омская область), рябина сибирская (Тюменская область), сосна кедровая сибирская (Томская область), сосна кедровая сибирская (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), лиственница сибирская (Ямало-Ненецкий автономный округ).

Из всех традиционно сибирских регионов только Новосибирская область не получила символа, в котором бы на уровне названия фигурировала «Сибирь». Тем не менее рябина обыкновенная является родственной рябине сибирской¹, а на уровне обсуждений аргумент неприхотливости и способность переносить морозы до минус 50 градусов был важным в дискуссии образа сибиряка. Тем не менее указанный символ был воспринят как не отражающий региональной специфики: *«Она связана с жизнью не только сибиряка, но и любого другого города в России и даже зарубежья. Так что, с нашей стороны было бы не очень-то патристично определить ее символом нашего города»*². Не случайно после объявления результатов многие в Новосибирске заговорили о необходимости провести массовые посадки рябиновых аллей: *«Иначе гости столицы Сибири не поймут, почему рябина, не тополь стал символом нашего региона»*³.

Второе место по значимости для регионов имеет макрорегиональная северокавказская идентичность: пихта кавказская (Карачаево-Черкесская Республика), груша кавказская (Кабардино-

¹ Калинкина М. Рябина сибирская стала зеленым символом Тюменской области // КП-Тюмень. – 2014. – Режим доступа: <https://www.tumen.kp.ru/online/news/1890338/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Выберите эмблему Новосибирска в Крыму // novosib-room. – 2014. – Режим доступа: <https://novosib-room.ru/vyberite-emblemu-novosibirsk-v-krymu-77719> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Рябина станет символом Новосибирской области // Город54. ру. – 2014. – Режим доступа: <http://novosibirsk.bezformata.com/listnews/ryabina-stanet-simvolom-novosibirskoj/25907286/> (дата посещения: 12.07.2020).

Балкарская Республика), подснежник кавказский (Республика Ингушетия).

Собственно региональная идентичность нашла свое проявление в нескольких моментах.

Во-первых, в названии победителя и в фиксировании сложившегося регионального символа, который уже институционализирован в региональных атрибутах уникальности места. Максимальное количество голосов, полученные в некоторых регионах, объясняются историческими причинами и природными особенностями территории. В Волгоградской области – Сталинградский тополь (73%), в Хабаровском крае – амурский бархат (67%), карельская береза в Карелии (67%) в названии фиксируют региональный маркер.

Например, в Волгоградской области безусловным лидером голосования с первых дней стал Сталинградский тополь – дерево-памятник, пережившее Сталинградскую битву: *«В Волгоградской области горожане, как истинные патриоты, проголосовали практически единогласно за Сталинградский тополь. Это дерево обогнало всех претендентов на несколько десятков процентов голосов»*¹. Через этот символ воспроизводится основной маркер региональной особенности региона и города-героя. У его основания установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит: *«Природно-исторический памятник. Тополь этот пронес жизнь свою через битву великую»*². В 2013 г. Сталинградский тополь был клонирован, и один из клонов был выбран для посадки на Аллее России в Севастополе³.

Поддержка уже сформировавшихся символов нашла проявление в Карелии (карельская береза), в Курской области (курская антоновка), в Амурской (лотос Комарова), Мордовии (мордовник обыкновенный), Республике Алтай (алтайский кедр), Калмыкия

¹ На «Аллее России» от Крыма лидирует можжевельник // КП. – Вологда. – 2014. – Режим доступа: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26302/3180580/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Экскурсионное бюро Волга-Volga. – Режим доступа: <https://excursion-volgograd.ru/article-stalingradskiy-topol-volgograd.php> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Клоны Сталинградского тополя появятся еще в 17 городах // Экология регионов. – 2017. – Режим доступа: <https://ekovolga.com/novosti-ekologii/4925-klony-stalingradskogo-topolya-poyavyatsya-eshche-v-17-gorodakh.html> (дата посещения: 12.07.2020).

(тюльпан Геснера). Липа сердцевидная в Самарской области преподносилась как символический выбор, «так как листья дерева в форме сердца напоминают очертания губернии на карте»¹.

Во-вторых, региональный аспект содержался в важности этнического маркера для «национальных» регионов. Так, большой результат продемонстрировал цветок италмас (купальница) в Удмуртии (71%). Он является традиционным, хоть и не официальным символом республики: *«Италмас – любимый цветок удмуртов, символ любви и печали, верности и разлуки, надежды и радости – золотой символ нашей республики»*². Интересно отметить, что в момент определения официальных символов этот цветок был представлен на нескольких проектах флага республики, которые в итоге приняты не были. Многие оппоненты сочли, что этот цветок не может олицетворять лишь удмуртскую государственность, поскольку растет не только в Удмуртии³. Тем не менее большинство сообщений о конкурсе фиксировали, что «италмас» – это удмуртское название купальницы европейской.

Аналогично в республиках победителями стали курай в Башкортостане и марьямоль в Коми. В обоих случаях формальное инкорпорирование этничности в дискурс шло за счет использования названий на национальных языках. В Коми, например, указывали, что про марьямоль «сложена замечательная песня на коми языке», а русское его название – марьян корень, или пион уклоняющийся. Портал FINUGOR.RU, к примеру, писал, что изображение пиона уклоняющегося в 2010 г. стало логотипом сайта информационного центра финно-угорских народов FINUGOR.RU: *«Марьямоль был выбран как логотип сайта FINUGOR.RU поскольку он символизирует общность корней всех этносов уральской языковой семьи. Кроме того, по мнению редакции инфоцен-*

¹ Зеленым символом Самарской области стала липа сердцевидная // Правительство Самарской области. – 2014. – Режим доступа: https://www.samregion.ru/press_center/news/zelenym-simvolom-samarskoj-oblasti-stala-lipa-serdtsevidnaya/ (дата посещения: 12.07.2020).

² Золотой символ Удмуртии – италмас // Красная книга Удмуртии. – Режим доступа: <http://www.udmrbdu.ru/god-ecologii-2017/udm-redbook/> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Из истории государственных символов Удмуртской Республики. – Режим доступа: <http://uralistica.com/m/blogpost?id=2161342%3ABlogPost%3A224214> (дата посещения: 12.07.2020).

тра, марьямоль также обозначает необходимость сохранения и развития традиций и культур этих народов»¹.

В Башкортостане наблюдалась большая конкуренция и отрыв в 7% курая от липы. Определяющей линией в позиционировании растения было продвижение цветка – «символа башкирского народа», изображенного на гербе и флаге Башкортостана: *«Цветок курая – символ дружбы, семь его лепестков, расположенных в центре белой полосы, символизируют семь родов, положивших начало единению народов, проживающих на территории Республики Башкортостан»².* Кроме того, курай – это музыкальный инструмент, отмечается праздник курая, открыта «Аллея кураистов» в регионе.

Этнический дискурс проявлялся и при поддержке значимых символов – растений. Так, в Алтайском крае региональное сообщество поддержало алтайский кедр. В повестке СМИ транслировалось, что коренные жители Алтая издревле почитают кедр и ежегодно проводят праздник кедр – Тюрюк Байрам. В Адыгее аналогично значимым оказался символ груши черкесский бергамот, сорт которой был выведен предками адыгов из дикорастущих форм.

Примером мифотворчества и конструирования идентичности является случай выбора победителя в Пермском крае, где было выдвинуто дерево гинкго, названное Чарльзом Дарвином «динозавровым деревом». Фактически использование данного символа соотносится с более широким мифом, связанным с пермским геологическим периодом. *«Мы, пермяки, должны гордиться своей малой родиной, поэтому и символ должен быть у нас ярким, оригинальным. Гинкго в этом отношении несомненный лидер. К сожалению, за рубежом Пермь сама по себе известна мало, а вот Пермский геологический период известен каждому образованному человеку. Это единственная эпоха в истории развития планеты, названная в честь одного из российских регионов. Именно с ним и*

¹ Логотип сайта FINUGOR.RU может стать зеленым символом Республики Коми // FINUGOR.RU. – 2014. – Режим доступа: <http://finugor.ru/logotip-saita-finugorru-mozhet-stat-zelenym-simvolom-respubliki-komi> (дата посещения: 12.07.2020).

² Государственные символы Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://gsrb.ru/ru/symbols/> (дата посещения: 12.07.2020).

ассоциируется Пермский край»¹, – отмечал директор Ботанического сада ПГНИУ Сергей Шумихин.

Стоит отметить, что чем выше был процент у победителя – тем более консолидированной позиция регионального сообщества о символе. Менее 25% набрали клен остролистный в Санкт-Петербурге и сосна лесная в Новгороде (21%), которая «стала самым неубедительным символом региона в России»². Межрегиональная конкуренция проявилась в номинировании и победе идентичных зеленых символов в нескольких регионах. Так, дуб черешчатый победил в четырех регионах (Воронежская область, г. Москва, Ростовская область, Саратовская область). Еще один дуб (дуб красный) стал символом Калининграда. Два региона выбрали своими символами грецкий орех (Дагестан, Краснодарский край).

Таким образом, в ходе данного конкурса удалось визуализировать природную карту символов-растений регионов, которые в ряде случаев стали значимым «неформальным» символом региона, который позиционируется так и до настоящего времени.

Заключение

Таким образом, символические конкурсы можно интерпретировать в качестве одного из инструментов политики идентичности. Вовлекая регионы в выбор значимых символических атрибутов, федеральный Центр стимулирует регионалистский дискурс. Во-первых, возникает рефлексия о региональной уникальности, объектах и именах, которые вызывают гордость у сообщества, создаются условия для культивирования региональной идентичности. Во-вторых, активизируются регионалистские акторы, которые берут на себя роль активных участников, продвигающих значимый, с их точки зрения, символ региона. Указанная активность формализуется в виде обращений, публикаций и призывов к коллективному действию. В-третьих, на уровне региональных элит данные конкурсы позволяют решать задачи позиционирования

¹ Символом Пермского края может стать растение из Ботанического сада ПГНИУ – Режим доступа: <http://perm.bezformata.com/listnews/simvolom-permskogo-kрая-mozhet/22894341/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Итоги голосования за «зеленые символы». – Режим доступа: https://www.nexplorer.ru/news__13249.htm (дата посещения: 12.07.2020).

территории в соответствии с тем видением будущего региона, который они продвигают. Регионалистский дискурс на данном уровне служит аргументом торга с федеральным Центром, в котором наиболее активные регионы пытаются отстаивать символически значимые для региона маркеры уникальности. Однако одновременно и федеральный Центр может «продвигать» нужные символы в целях решения задачи общенациональной политики идентичности. Случай Крыма, который символически является важной территорией, особость которой поддерживается извне федеральным Центром, более чем показательный. Об этом говорит, в частности, факт выбора региона как места для создания символической Аллеи России, победа изображения Симферополя на 200-рублевой банкноте по итогам конкурса изображений для банкнот, а также один из наиболее высоких процентов принявших участие в голосовании в конкурсе по доименованию аэропортов (277 170 человек)¹. В таком случае регионалистский дискурс интегрируется как частная составляющая общенационального идентитарного дискурса.

Наиболее перспективными с точки зрения унифицирующего подхода в выборе символов являются конкурсы по типу Аллеи России, в которых участвуют все регионы, и где каждый получает символ-победителя. Хотя это не означает абсолютной консолидации, поскольку всегда будут противники и сторонники того или иного маркера идентичности. Конкурсы вокруг персоналистских идентификаторов оказываются потенциально более конфликтными. События на Алтае и в Калининграде показывают, как регионалистский дискурс может не только цементировать единство, но и дезинтегрировать сообщество.

Список литературы

- Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: калининградский казус // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – 2005. – № 3. – С. 68–82.
- Бедерсон В.Д. Политика идентичности регионов современной России: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов // Научный еже-

¹ Победители голосования «Великие имена России» // Сайт конкурса «Великие имена России». – Режим доступа: <https://xn--80adjaaqabpiqn.xn--plai/results> (дата посещения: 12.07.2020).

- годник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Т. 16, вып. 1. – С. 33–91.
- Блинова О.А. Шотландский регионалистский дискурс в британских СМИ // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 39–55. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-39-55>
- Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 45–60.
- Докучаев Д.С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2012. – № 4. – С. 70–79.
- Киселев К.В. Дискурс региональной идентичности в современной России // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 122–128. – (Дискурсология).
- Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 224 с.
- Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 7–21.
- Назукина М.В. Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 532–550. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-532-550>
- Назукина М.В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. – 2020. – Т. 29, № 1. – С. 132–152. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152>
- Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2020. – № 1. – С. 102–115. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
- Семененко И.С. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 102–113.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>
- Фадеева Л.А. «Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность» – М.: Новый Хронограф, 2012. – 320 с.
- Щипков В.А. Мифологические основания современного регионалистского дискурса: дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГИМО, 2016. – 180 с. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/diss/2016/diss-Shchipkov.pdf> (дата посещения: 13.08.2020)
- Keating M. Regions and regionalism in the European community // International journal of public administration. – 1995. – Vol. 18, N 10. – P. 1491–1511. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>

- Frisvoll S., Fredrik Rye J. Elite discourses of regional identity in a new regionalism development scheme: The case of the 'Mountain Region' in Norway // *Norsk Geografisk Tidsskrift–Norwegian Journal of Geography*. – 2009. – Vol. 63, N 3. – P. 175–190. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00291950903238990>
- Takashi T. Regionalism in the new globalized economy: politics of scale and the discourse of regionalism. Comparative politics of two Japanese global city-regions. Electronic Theses and Dissertations. – 2005. – Paper 1463. – DOI: <https://doi.org/10.18297/etd/1463>
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // *Journal of Rural Studies*. – 2013. – Vol. 30. – P. 31–40. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

M.V. Nazukina*

**Identity aspects of the regionalist discourse
of federal symbolic competitions**

Abstract. The article analyzes the discourse of regional identity in the course of Federal symbolic competitions, which are understood as events related to the organization of competition projects for the selection of significant symbolic attributes for regional communities. The research focuses on five projects: Seven wonders of Russia (2007), Russia 10 (2013), Alley of Russia (2014), people's banknote (2016), Great names of Russia (2018). Based on indicators of regional activity (counting participation and intensity of campaigns to promote regional symbols), a group of regions is identified for which the competition tool is interpreted as a significant resource in broadcasting regional uniqueness. The main forms of expression of regional identity discourse in the nomination and promotion of nominations for winning competitions are determined. Possible identity conflicts in the course of competitions are analyzed. Based on expert interviews conducted in Kazan, Yekaterinburg, Novosibirsk, Khabarovsk and Vladivostok in 2019, a matrix of motivations and arguments is constructed in the model of the regionalist discourse of Federal symbolic competitions. It is shown that the use of various types of metaphorical constructions in the regionalist discourse of the specificity of the region, its symbols and heroes, and the ambitions of the territory allows the region to broadcast its subjectivity.

Keywords: regionalism; regionalist discourse; regional identity; identity politics; symbolic competitions; Russia.

For citation: Nazukina M.V. Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 200–220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

* **Nazukina Mariya**, Perm federal research center, Urals branch of Russian academy of sciences (Perm, Russia), e-mail: nazukina@mail.ru

References

- Achkasov V.A. Regional identity in the Russian political space: Kaliningrad incident. *Political Expertise: POLITEX*. 2005, N 3, P. 68–82. (In Russ.)
- Bederson V. Identity policy of regions in contemporary Russia: comparative characteristics of personalistic identifiers. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016, N 16, P. 33–91. (In Russ.)
- Blinova O.A. Scottish Regionalist Discourse in British Press. *Nauchnyi dialog*. 2019, N 7, P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-39-55> (In Russ.)
- Bourdieu P. Identity and representation: elements of critical reflection on the idea of a "region". *Ab Imperio*. 2002, N 3, P. 45–60. (In Russ.)
- Dokuchaev D.S. Regionalism as a political discourse: methodology of interpretation. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2012, N 4, P. 70–79. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. *Who are we? Intelligentsia in the struggle for identity*. Novyyi hronograf, Moscow, 2012, 320 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russ.)
- Frisvoll S., Fredrik Rye J. Elite discourses of regional identity in a new regionalism development scheme: The case of the 'Mountain Region' in Norway. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*. 2009, Vol. 63, N 3, P. 175–190. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/00291950903238990>
- Keating M. Regions and regionalism in the European community. *International Journal of Public Administration*. 1995, Vol. 18, N 10, P. 1491–1511. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>
- Kiselev K.V. Discourse of regional identity in modern Russia. In: *Modern theories of discourse: multidisciplinary analyses (a series of «discourse studies»)*. Yekaterinburg: Discourse-PI Publishing House. 2006, P. 122–128. (In Russ.)
- Magomedov A.K. *The mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction «from below»*. Moscow: Moscow public scientific found, 2000, 221 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Identity politics as a struggle for meanings: The challenge of conceptualization. In: *Symbolic politics*. Issue 5: Identity politics. Moscow: INION RAS, 2017, P. 7–21. (In Russ.)
- Nazukina M.V. "The Great Names of Russia" in Russian Republics: Ethnic discourse on identity politics. *Mir Rossii*. 2020, Vol. 29, N 1, P. 132–152. DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152> (In Russ.)
- Nazukina M.V. Symbolic aspects of Russian subnational regionalism: the example of competitive practices". *Ars Administrandi*. 2019, Vol. 11, N 4, P. 532–550. DOI: [10.17072/2218-9173-2019-4-532-550](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-532-550). (In Russ.)
- Panov P.V. Many faces of regionalism. *Bulletin of the Perm University Political Science Series*. 2020, N 1, P. 102–115. DOI: <http://www.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115> (In Russ.)

- Semenenko I.S. Identity politics in the context of ethnic and cultural diversity: a new agenda. In: *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. I.S. Semenenko (ed.). Moscow: Ves Mir Publishers, P. 102–113. (In Russ.)
- Shchipkov V.A. *Mythological foundations of modern regionalist discourse*. Dissertation for the degree of candidate of philosophy. Moscow, 2016, 180 p. Mode of access: <https://mgimo.ru/upload/diss/2016/diss-Shchipkov.pdf> (accessed: 01.07.2020) (In Russ.)
- Takashi T. *Regionalism in the new globalized economy: politics of scale and the discourse of regionalism. Comparative politics of two Japanese global city-regions*. Electronic Theses and Dissertations. 2005, Paper 1463. DOI: <https://doi.org/10.18297/etd/1463>
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*. 2013, Vol. 30, P. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

КОНТЕКСТ

И.В. ФОМИН*

НАРРАТИВЫ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО)¹

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса российского оппозиционера Алексея Навального. Цель исследования состоит в том, чтобы понять, каким образом в дискурсе одного из лидеров российской внепарламентской оппозиции используются нарративы о советском прошлом. Проведенный анализ показывает, что арсенал сюжетов такого рода, которыми оперирует Навальный, довольно широк и включает в себя отсылки к спектру событий, акторов и реалий, относящихся ко всем основным периодам советской истории. Всё разнообразие способов использования нарративов о советском прошлом в дискурсе Навального можно свести к четырем типовым дискурсивным шаблонам: (1) «аналогия с советским», (2) «преемственность от советского», (3) «похищение советского», (4) «(мис)коммеморация советского». По шаблону «аналогия с советским» устроены используемые Навальным стратегии негативной репрезентации ряда современных российских политических событий, акторов и практик (особенно репрессивных и пропагандистских). Шаблон «преемственность от советского» применяется Навальным главным образом для негативной репрезентации отдельных персоналий из числа российских чиновников и некоторых государственных институций. Применение шаблона «похищение советского» почти полностью ограничивается текстами о российских «олигархах». К случаям использования

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00709.

© Фомин И.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.11

шаблона «(мис)коммеморации» можно отнести все высказывания Навального о (не)одобряемых практиках в сфере исторической политики. В целом Навальному удастся задействовать набор дискурсивных стратегий, которые позволяют ему успешно использовать существующие активы нарративов о советском прошлом, однако сам спикер в конструировании таких нарративов принимает весьма ограниченное участие.

Ключевые слова: российский политический дискурс; образ СССР; историческая политика; Навальный; внепарламентская оппозиция; Сталин; Ленин; политические репрессии; Великая Отечественная война; диссидентское движение; номенклатура; советская идеология; Вторая мировая война.

Для цитирования: Фомин И.В. Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 221–245. –DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

Одна из главных тенденций в развитии официального российского политического дискурса 2000–2010-х годов – всевозрастающая роль позитивных отсылок к советскому прошлому, используемых властвующими элитами в качестве инструмента легитимации режима и конструирования национальной идентичности. В частности, именно по этой линии во многом проходит содержательный водораздел между символической политикой ельцинского и путинского периодов [Малинова, 2016, с. 148]. Первое знаковое решение, ознаменовавшее поворот в этом направлении, было принято уже в 2000 г., когда при выборе мелодии для нового государственного гимна России таковая была позаимствована из гимна СССР. Через пять лет после этого, в 2005 г., выступая с ежегодным посланием к Федеральному собранию, президент назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века»¹.

Еще более важным идеологическим элементом во властном дискурсе советская ностальгия стала в период третьего президентского срока Путина, когда, столкнувшись с массовыми акциями протеста, прокатившимися по стране зимой 2011–2012 гг., Кремль сделал ставку на мобилизацию своих более консервативных сторонников [Chaisty, Whitefield, 2016, p. 161]. Двумя годами позже, в 2014 г., фокальной точкой советского реваншизма российских властей стала Крымская речь Владимира Путина, в которой он, фор-

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2005. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата посещения: 18.05.2020).

мулируя обоснование для пересмотра постсоветских границ России и Украины, ссылаясь на «вопиющую историческую несправедливость» событий 1991 г.¹ Наконец, жестом совсем уж официального закрепления исторической преемственности между путинской Россией и Советским Союзом стала принятая в 2020 г. конституционная поправка, декларирующая, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории»².

В научной литературе вопрос о роли советского компонента в официальном политическом дискурсе современной России исследован сегодня уже достаточно хорошо. Так, например, на тенденцию путинского режима к ресоветизации и даже ресталинизации нарративов исторической памяти и национальной идентичности указывают Тарас Кузьо [Kuzio, 2018] и Дина Хапаева [Khapaeva, 2016]. Кроме того, о «советизме» как об одном из ключевых легитимирующих концептов, которыми пользуется Владимир Путин, пишет Лилия Шевцова, анализируя обращение Кремля к «военно-патриотической» риторике и другие изменения, произошедшие в российской внешней и внутренней политике в 2014 г. [Shevtsova, 2015, p. 25]. Наконец, Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди обращают внимание на то, что президент Путин сформулировал оригинальную идеологическую рамку российского государственничества, синтезировав советские идеологические конструкты и наследие российского самодержавия [Hill, Gaddy, 2012, p. 26]. Аналогично Мария Энгстрём обращает внимание на некоторые нарративы о мессианской роли СССР, инкорпорированные в идеологию современного российского внешнеполитического «неоконсерватизма» [Engström, 2014, p. 366].

Одни из наиболее интересных и глубоких исследований, посвященных анализу способов использования исторических отсылок в актуальной российской политике, были проведены Ольгой Малиновой [Малинова, 2016; 2017; 2019; Malinova, 2017; 2018], в работах которой анализируется символическая политика российских властей, связанная с конструированием официальных исторических нарративов. В частности, анализируя тематический репертуар выступлений президента РФ, Малинова отмечает, что

¹ Обращение Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата посещения: 18.05.2020).

² Полный текст поправок в Конституцию: что меняется? – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата посещения: 19.05.2020).

советское прошлое является в путинской России «наиболее востребованным символическим ресурсом», а самым «используемым» событием выступает Великая Отечественная война. В целом советское наследие при этом используется в официальных нарративах крайне избирательно – из него оказалось по большей части исключено обсуждение «трудных вопросов», связанных с коммеморацией тоталитарных практик и репрессий советского периода.

При всем интересе исследователей к тому, какое место советское прошлое занимает в политическом дискурсе современной России, большая часть существующих работ по этой теме фокусируется главным образом на том, какие стратегии в этом плане используются правящей элитой. При этом альтернативные дискурсы о советской истории и советском наследии, формулируемые оппозиционными политическими силами, исследуются гораздо реже. Именно эту лакуну призвано, отчасти, заполнить исследование, представленное в настоящей статье. Мы планируем хотя бы частично реконструировать те политические дискурсы, которые претендуют на то, чтобы конкурировать с теми нарративами о советском прошлом России, которое воспроизводится властвующей политической элитой. Именно исходя из этого мы поставили своей целью понять, каким образом отсылки к советскому прошлому используются в дискурсе одного из самых известных лидеров российской внепарламентской оппозиции.

Вообще настоящая статья задумана как первая публикация в серии работ, посвященных тому, как различные оппозиционные политические силы в России используют отсылки к советскому прошлому в своих дискурсах. Мы, однако, не случайно решили начать эту серию именно с Алексея Навального. Отчасти это связано с тем, что Навальный – единственный представитель внепарламентской оппозиции, который входит в пятерку оппозиционных политиков с наиболее высокими рейтингами доверия¹. Это, однако, не главная причина. Дискурс Навального представляет интерес еще и в связи с тем, что его позиция по вопросу об отношении к советскому наследию неочевидна. Общая склонность Навального к конструированию достаточно эклектичных идеологических кон-

¹ Одобрение органов власти и доверие политикам // Левада-Центр. – 2020. – 29 июля. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/07/29/odobrenie-organov-vlasti-i-doverie-politikam/> (дата посещения: 19.08.2020).

струкций давала нам основание для того, чтобы ожидать от дискурса этого спикера не отчетливо идеологизированных (и в этом плане весьма предсказуемых) исторических нарративов, вроде тех, которые транслируются, например, Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ), а таких, которые были бы сходны с доминантным дискурсом о советском прошлом в плане своего популистского характера, но при этом претендовали бы на то, чтобы выступать альтернативой в отношении этого дискурса. Кроме того, в целом наш интерес именно к внепарламентской оппозиции был продиктован тем обстоятельством, что в силу авторитарного характера современного российского политического режима парламентские партии выполняют, по большей части, фасадные функции и потому их тексты лишь с определенными оговорками можно рассматривать как альтернативу дискурсу власти.

Материалы и методы

Выбирая материалы для анализа, мы стремились, по возможности, проанализировать политический дискурс¹ Алексея Навального во всей его полноте, поэтому ориентировались не на отдельные тексты, посвященные историческим сюжетам, а на весь набор высказываний, тем или иным образом отсылающих к советскому прошлому. В связи с этим эмпирическую базу для нашего исследования составил корпус текстов, в который вошли все записи в блоге Алексея Навального, опубликованные в период с начала 2014 г. по середину 2020 г.², а также все его интервью, выходившие в этот же период на радиостанции «Эхо Москвы» и телеканале «Дождь».

¹ Под *дискурсом* мы здесь понимаем социально суженный лангаж, т.е. язык и речь в том их аспекте, в котором они связаны с конкретными общественными обстоятельствами [Беседа ..., 2012, с. 387; Фомин, 2015, с. 16]. Исходя из такого понимания дискурса, *дискурс-анализ* можно определить как исследование, ориентированное на социально-семиотическую реконструкцию «логономических правил» [Hodge, Kress, 1988, p. 4–5], характерных для того или иного дискурса.

² При выборе темпоральных рамок мы руководствовались главным образом той логикой, что именно 2014 и 2020 гг. очерчены границы относительно целостного периода в истории развития российского политического режима, которые можно отследить даже на уровне изменения его конституционных положений. 2014 год был переломным в плане изменения границ государства, а 2020-й – в плане внесения целого ряда других поправок в Основной закон.

Дополнительно в корпус был также включен текст предвыборной программы Алексея Навального на президентских выборах 2018 г.

Анализ собранных материалов проводился в четыре этапа. На первом этапе из всего корпуса на основе списка ключевых слов были автоматически отобраны тексты, которые могли иметь отношение к истории советского периода¹. На втором этапе все отобранные таким образом материалы² были проанализированы вручную и сформирован корпус из 237 текстов, которые действительно содержали отсылки к фактам, реалиям и персоналиям, связанным с советским периодом. Все релевантные тексты при этом были тематически кодированы на основе двух открытых перечней топиков³. В первый из перечней вошли топики, связанные с советским прошлым, во второй – связанные с постсоветской современностью. При этом процедура анализа предполагала, что каждый из релевантных текстов должен быть закодирован как минимум одной категорией из каждого перечня. После завершения кодирования всех текстов некоторые топики были объединены в более крупные тематические категории⁴. Наконец, на третьем этапе на основе результатов такого кодирования был проведен описательный статистический анализ, который позволил проследить, как часто каждый из «советских» топиков возникал совместно с тем или иным «современным» топиком.

Четвертый этап анализа подразумевал качественное исследование некоторых наиболее часто встречающихся вариантов сопряжения «советских» топиков с «современными». Главной задачей этого этапа стало определение того, в рамках каких дискурсивных стратегий задействуются те или иные отсылки к

¹ Полный список ключевых слов приведен в: Fomin I. Приложение 1. Ключевые слова в поисковых запросах. tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

² Некоторые из отобранных текстов представляли собой описания к видеороликам. В таких случаях на втором исследовании анализировалось содержание соответствующих видео.

³ Минимальной единицей кодирования служил абзац. В случаях, когда несколько абзацев, относящихся к одному топик, следовали непосредственно друг за другом, они кодировались как одна единица.

⁴ Fomin I. Приложение 2. Перечни топиков. tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

советскому прошлому. При этом использовались категории, вырабатанные в рамках дискурс-исторического подхода, позволяющие вычленять типичные для того или иного дискурса *дискурсивные стратегии* [Reisigl, Wodak, 2001, p. 44–46]: *референциальные стратегии* (практики дискурсивного конструирования социальных акторов, объектов, явлений, событий, процессов и действий через различные способы их именования), *стратегии предикации* (практики атрибутирования позитивных или негативных характеристик социальным акторам, объектам, явлениям, событиям, процессам и действиям) и *аргументативные стратегии* (практики обоснования тех или иных тезисов, связанные с использованием типовых доводов, принимаемых как не нуждающиеся в обосновании). Иными словами, задачей этого этапа анализа был ответ на вопрос о том, каких целей позволяет достигать использование отсылок к советскому прошлому в анализируемом дискурсе.

Результаты

Общую картину того, каким образом в дискурсе Алексея Навального используются отсылки к советскому прошлому, можно составить на основе результатов третьего этапа анализа, в рамках которого было получено количественное описание тематического содержания проанализированных текстов¹. Эти данные позволяют зафиксировать, какие топики, касающиеся советского прошлого, наиболее часто возникают в текстах Навального и с какими именно топики из современной повестки они при этом сопрягаются. Так, можно заметить, что чаще всего в анализируемых текстах советский период истории упоминается в связи с политическими репрессиями. При этом в основном такие упоминания возникают в контексте репрессий в современной России. Похожим образом топики, связанные с поддержкой советского режима населением, с идеологическими конструктами советской власти и ее пропагандистскими усилиями, часто возникают в контексте сюжетов о поддержке режима в путинской России. Наконец, еще одна

¹ См. табл.: Fomin I. Приложение 3. Количество пересечений между парами топиков (полная таблица). tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

похожим образом контекстуализируемая тема, особенно часто возникающая в анализируемом дискурсе, – это распад СССР: об этих событиях Алексей Навальный, как правило, упоминает в связи с возможной сменой власти в современной России.

Таблица
¹

Количество пересечений между парами топикиов

СОВЕТСКОЕ	СОВРЕМЕННОЕ																				
	Акции протеста				ВПК				Выборы				Историческая политика				Образование по истории				
	Кино				Коррупция				Ложь элит				Ментальность				О себе				
	Обвинения в оскорблении памяти и оправдании нацизма в РФ				Олигархи				Оппозиция				Поддержка режима				Политический режим				
	Право				Приватизация				Репрессии в РФ				Русские				Смена власти				
	СМИ				Страны бывшего СССР				Чиновники в РФ				Экономика				ВСЕГО				
ВОВ	0	0	1	17	2	0	5	1	0	1	4	1	2	3	1	3	0	3	1	0	30
Брежнев	0	0	1	0	0	0	2	0	0	0	0	1	0	3	3	1	0	1	0	8	11
Диссиденты	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0	2	2	1	1	7
Идеология	0	0	1	2	1	0	2	1	0	3	1	0	0	4	3	3	0	2	2	3	10
Комсомол	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	2	1	1	1	0	2	2	0	3	11
Горбачев	0	0	2	1	0	1	2	1	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	3	0	11
КПСС и номенклатура	2	0	1	4	1	1	13	0	0	2	2	4	1	4	3	2	1	4	0	2	35
Ленин	1	0	1	7	1	2	1	0	0	2	1	1	2	1	0	0	0	1	1	0	15
Революция	0	0	1	6	2	3	1	0	0	2	2	0	1	2	0	0	0	1	0	2	9
Поддержка режима	0	0	2	2	1	1	2	0	0	1	1	0	0	9	4	1	0	2	0	1	10
Политический режим	0	0	3	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	5	10	2	0	2	0	3	11
Промышленность	0	2	0	0	0	0	3	0	0	0	0	14	0	0	0	0	7	0	0	5	19
Пропаганда	0	0	1	3	1	1	1	2	0	2	0	0	1	3	2	0	0	2	0	1	10
Распад СССР	0	0	2	2	1	1	0	3	0	3	0	3	2	2	2	0	1	3	1	8	22
Репрессии	1	0	3	7	2	2	4	0	0	2	2	2	3	2	3	1	0	18	0	6	36
Сталин	0	0	17	5	1	2	9	1	0	0	0	2	19	2	0	0	0	2	1	1	45
Хрущев	0	0	0	2	0	1	3	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	0	1	1	8
Экономика	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	0	12
ВСЕГО	8	6	30	31	6	8	55	6	6	17	6	30	35	15	20	6	8	28	9	20	122

¹ Приведены наиболее часто встречающиеся топики. Полный вариант таблицы представлен в: Fomin I. Приложение 3. Количество пересечений между парами топикиов (полная таблица). tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

Другой сюжет, упоминания о котором возникают в текстах Навального почти так же часто, как упоминания о политических репрессиях советского периода, – это события Великой Отечественной войны. О них речь заходит по большей части в связи с дискуссиями из сферы исторической политики. Другое событие, о котором часто говорится в похожем контексте, – это Октябрьская революция. По частоте отсылок, правда, революция существенно отстает от Великой Отечественной войны.

Еще одна тема, имеющая отношение к советским политическим реалиям, к которой часто обращается в своих текстах Навальный, – это советская партхозноменклатура и КПСС. Эти темы чаще всего контекстуализированы сюжетами, связанными с чиновниками в современной России и с коррупционными обвинениями в их адрес. Также в плане частотности упоминаний выделяется на общем фоне тема советской промышленности, которая обычно возникает в текстах в связи с рассказами о российских «олигархах».

Ленин и революция

В контексте проблем исторической политики Алексей Навальный высказывается о советском периоде истории достаточно редко, и такие тексты по большей части ограничиваются тремя сюжетами: это Октябрьская революция, сталинские репрессии и Великая Отечественная война. Хотя революция существенно уступает по частоте упоминаний двум другим событиям, рассмотреть высказывания Навального по этому поводу представляется важным в связи с тем, что в них комбинируются две дискурсивные стратегии, которые находятся между собой в заметном напряжении.

Наиболее подробные высказывания Навального по поводу Октябрьской революции относятся к 2017 г., на который пришлась ее столетняя годовщина, и именно в этих текстах можно заметить сочетание двух таких стратегий¹. Первая из них – это стратегия предикации негативных действий политическим оппонентам из

¹ Напр.: О чем вчера говорил. – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5605/> (дата посещения: 21.08.2020.); Алексей Навальный – 2017. – 7 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5609/> (дата посещения: 21.08.2020).

числа правящей элиты, которая в данном случае реализуется через предикцию президенту России и власти в целом недопустимого игнорирования годовщины важного исторического события. Вторая же стратегия, которая задействуется в тех же самых текстах, – это реализуемое уже самим Навальным уклонение от конструирования какого-либо детального и однозначно оценочно окрашенного нарратива о революции. В частности, достаточно показательны в этом плане референциальные стратегии исключения, которые использует Навальный, говоря о революции: в его собственном дискурсе фактически отсутствуют какие-либо упоминания о конкретных исторических фактах.

Сходную комбинацию стратегий можно найти и в тех текстах, где Навальный высказывается по вопросу о захоронении тела Ленина. В них тоже происходит совмещение негативной репрезентации оппонентов, которые забывают о важных исторических событиях, с частичным исключением из собственного дискурса развернутых оценок того самого события. Именно такой набор стратегий реализовывался Навальным в период острых общественных дискуссий по поводу фильма «Матильда» Алексея Учителя. В тот момент Алексей Навальный несколько раз формулировал тезисы с критикой в адрес тех, кто выступал против демонстрации фильма, предъявляя в качестве одного из основных аргументов непоследовательность их позиции, так как они выступают против фильма, якобы порочащего образ Николая II, но не протестуют против того, что на главной площади страны в мавзолее находится тело человека, ответственного за убийство последнего коронованного российского самодержца¹.

При этом, хотя во всем корпусе проанализированных текстов Навального почти единственное действие, которое последовательно предикцируется Ленину, это именно ответственность за расстрел царской семьи, акцент при этом спикер всякий раз делает именно на непоследовательности позиции по этому вопросу, занимаемой политическими оппонентами, но не на своей собственной позиции. Сам Навальный несколько раз высказывался в пользу решения о захоронении Ленина, однако последовательно не делал это важным

¹ Напр.: Алексей Навальный – Оскорбленная Россия, секретные тюрьмы ФСБ, Саакашвили, Милов, Мовчан и стратегия бойкота. – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5474/> (дата посещения: 21.05.2020).

пунктом своей политической программы, указывая на то, что решение по этому вопросу должно быть принято на референдуме¹.

В целом анализ даже всего корпуса собранных высказываний Навального о революции не позволяет с достаточной отчетливостью реконструировать сколько-нибудь подробный и ясным образом оценочно окрашенный нарратив. В текстах Навального определенно нет попытки сконструировать восторженное повествование о революции, однако спикер последовательно уклоняется и от развернутых негативных оценок. Нарратив о революции, который угадывается в высказываниях самого Навального, при этом скорее тяготеет к повествованию об ужасном трагическом событии, однако защита именно такой его трактовки едва ли может рассматриваться как приоритетная цель соответствующего субдискурса.

Сталин и репрессии

Другой исторический сюжет из советского периода, о котором часто говорит Навальный, – это политические репрессии. Более того, как уже отмечалось выше, упоминания о репрессиях встречаются в текстах Алексея Навального чаще других сюжетов. При этом существенная часть высказываний Навального по этому поводу возникает из различных сопоставлений практик преследования неугодных в современной России с аналогичными практиками в СССР. В таких отсылках к советскому прошлому иногда речь идет о сталинских репрессиях, однако ими такого рода рассуждения не ограничиваются. Более того, в ряде случаев сталинским репрессиям эксплицитно предидируется отличность от современных политических гонений, прежде всего в силу особенно массового характера первых².

Гораздо более прямым образом Навальный проводит параллели между российскими репрессивными практиками и преследованием неугодных в более поздние периоды советской истории.

¹ О Русском марше и Русском мире – Алексей Навальный – Интервью // Эхо Москвы, 16.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1419224-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Алексей Навальный – Разворот (утренний) // Эхо Москвы. 13.04.2017. – 2017. – 13 апреля. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/1962342-echo/> (дата посещения: 19.08.2020).

Так, например, эксплицитно репрезентуются как сходные между собой факты преследования по политическим мотивам в современной России и события, связанные с репрессиями в отношении советских диссидентов¹. Также о репрессиях позднесоветского периода Навальный вспоминает в контексте темы люстраций и необходимости привлечения к ответственности тех, кто был замешан в ведении политически мотивированных дел². Таким образом, соотнесение политических репрессий в современной России с репрессиями советского периода по большей части ориентировано на то, чтобы посредством аргументативной стратегии сопоставления (топос сходства) сконструировать негативный образ российской власти и позитивный образ тех, кто страдает от преследований с ее стороны.

Когда Алексей Навальный все же говорит именно о репрессиях эпохи сталинизма, то обычно это происходит не в форме соотнесения современных репрессивных кампаний с «большим террором», а в виде акцентирования самого факта исторической преемственности между российской пенитенциарной системой и ГУЛАГом³ или же в контексте обсуждения общего обвинительного уклона в практике современных российских судов⁴. В обоих этих случаях соотнесение со сталинским наследием функционирует как аргументативная стратегия, используемая для обоснования тезиса о необходимости реформирования соответствующих институций.

Надо также добавить, что вообще параллели с сегодняшним днем – это отнюдь не единственный контекст, в котором в дискурсе Алексея Навального возникает тема репрессий в СССР. Часто к этим сюжетам спикер обращается в текстах, посвященных проблемам исторической политики. В частности, в дискурсе Наваль-

¹ Напр.: Алексей Навальный – Чёрный блокнот и реестр злодеев. – 2016. – 4 февраля. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4708/> (дата посещения: 19.08.2020).

² Напр.: Алексей Навальный – 2019 // Эхо Москвы. 15.11.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/year2019/2536153-echo/> (дата посещения: 19.08.2020).

³ Напр.: Алексей Навальный – И снова читайте, представляя себя на месте этого человека. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5127/> (дата посещения: 19.08.2020).

⁴ Напр.: Алексей Навальный: [«Базовые принципы» Путина как программа объединенной оппозиции]. – 2014. – 22 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com> (дата посещения: 21.05.2020).

ного позитивно репрезентуются общественные инициативы, связанные с коммеморацией жертв сталинских репрессий¹. Помимо этого, сюжеты, связанные с репрессиями, активно используются в текстах Навального, конструирующих образы Ленина и Сталина. При этом и в случае Ленина (об этом уже шла речь выше), и в случае Сталина предиктирование ответственности за репрессии оказывается одной из ключевых стратегий репрезентации этих политических фигур.

Вообще образ Сталина в текстах Навального имеет отчетливо выраженную негативную окраску. При этом особенно интересно обратить внимание на номинацию «палач русского народа»², которую Навальный последовательно использует в отношении Сталина. Притом что в целом комментарии Навального о Сталине достаточно скудны, эта формулировка позволяет реконструировать некоторые важные особенности нарратива о сталинских репрессиях, к которому отсылает Навальный. Фактически формула «палач русского народа» конструирует нарратив о сталинских репрессиях, который сфокусирован на том, в какой мере от сталинского террора пострадали именно русские. Это интересно, поскольку для транслируемого официально дискурса о сталинских репрессиях выделение нарратива о русском народе как о жертве репрессий характерно гораздо в меньшей степени³.

Впрочем, даже в том, что касается образа Сталина, в текстах Навального есть некоторая амбивалентность. Связана она опять же

¹ Напр.: Алексей Навальный: [Возвращать имена]. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/t/705/> (дата посещения: 21.05.2020); О Русском марше и Русском мире – Алексей Навальный: интервью // Эхо Москвы. 16.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1419224-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Напр.: Алексей Навальный: интервью // Эхо Москвы. 01.02.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2363189-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

³ Обычно в официальном нарративе о репрессиях речь идет либо о народе вообще – без указания отдельных национальностей (напр.: [Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби». – 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата посещения: 19.08.2020)]). Или же когда русский народ все же упоминается, то возникает он в ряду с другими народами, пострадавшими от репрессий (напр.: [Обращение Президента Российской Федерации. – 2014. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата посещения: 19.08.2020)]).

с попытками Навального увязать в рамках одного дискурса две дискурсивные стратегии, которые проблематично сочетаются между собой. Первая из них связана с негативной репрезентацией образа Сталина, а вторая – с попытками защитить тезис о том, что в некоторых случаях допустимо поддерживать на выборах в современной России политиков-сталинистов из КПРФ¹. Интересно, что тема сталинизма в дискурсе Навального чаще всего возникает именно в контексте темы современных выборов и тактической поддержки кандидатов-коммунистов, а вовсе не в контексте коммеморации жертв сталинских репрессий (табл. 1).

Великая Отечественная война

Перейдем теперь к теме Великой Отечественной войны. В субдискурсе Алексея Навального о проблемах исторической политики это топик встречается чаще всех других. Однако даже в этом случае, как и в ситуациях с сюжетами, которые обсуждались выше, отсылки к историческим нарративам по большей части используются Навальным как способ негативной репрезентации политических оппонентов во власти, – о собственно конструировании или воспроизводстве альтернативных исторических нарративов речи при этом практически не идет. Во всем массиве высказываний, которые были проанализированы в настоящем исследовании, удалось выявить только три текста, которые можно было бы рассматривать как попытки конструирования Навальным какого-то самостоятельного варианта нарратива о Великой Отечественной войне. В одном случае речь шла о необходимости открыто говорить о фактах коллаборационизма в период войны (главным образом речь шла о коллаборационистах из числа чеченцев, однако Навальный упоминал и о том, что такие случаи были также среди «украинцев, русских, жителей Прибалтики»)². Второй текст был посвящен сюжетам о неготовности СССР к войне и о поведении Сталина в первые дни после

¹ Напр.: Алексей Навальный – Особое мнение // Эхо Москвы. 29.03.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2397387-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Там же.

нападения гитлеровских войск¹. Наконец, в третьем случае, говоря об акции «Возвращение имен», Навальный предпринял попытку конструирования некоторого подобия нарратива о «двойной жертве»², увязывая в одном повествовании сюжеты о погубленных в годы репрессий и о павших на полях Великой Отечественной³.

В том, что касается других высказываний Навального, связанных с памятью о войне, существенная часть из них посвящена обсуждению различных спорных форм коммеморации, – главным образом в контексте конструирования негативного образа властей. Так, в 2020 г. было опубликовано несколько текстов Навального, которые были посвящены параду Победы (из-за карантина проводившемуся в июне) и главным образом ориентированы на конструирование негативной репрезентации Владимира Путина: президенту предсказывалось проведение ненужного и дорогостоящего мероприятия в период пандемии коронавируса⁴.

Кроме того, несколько раз Навальный высказывался по поводу георгиевской ленточки как символа победы в ВОВ⁵. Заявления эти имели амбивалентный характер в том плане, что Навальный в целом позитивно высказывался об этом символе, но негативно отзывался о тех своих оппонентах во власти, которые превратили ленточку в «какой-то непонятный фетиш», «опошлили и извратили этот символ»⁶.

Другой сюжет, о котором говорит Навальный в контексте коммеморации событий Великой Отечественной войны, – это проблема поиска и захоронения погибших советских солдат. В этом контексте Навальный конструирует негативный образ власти, предсказывая невнимание к этой проблеме, и говорит о необходимости

¹ Алексей Навальный – Мастринд к 9-му мая. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4208/> (дата посещения: 21.05.2020).

² О нарративах «двойной жертвы» см.: [Malinova, 2017, p. 45; Malinova, 2019, p. 96; Касьянов, 2018; Фадеева, 2017, с. 217–219].

³ Алексей Навальный: [Возвращать имена]. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/t/705/> (дата посещения: 21.05.2020).

⁴ Алексей Навальный – Парад для одного зрителя. Сколько это стоит? – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6386/> (дата посещения: 23.06.2020).

⁵ Алексей Навальный – Цвет победы и ленточки. – 2014. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/3573/> (дата посещения: 23.06.2020).

⁶ Алексей Навальный – Сбитый фокус // Эхо Москвы. 15.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/focus/1417522-echo/> (дата посещения: 23.06.2020).

«общенационального проекта», который ставил бы своей задачей «найти и похоронить всех солдат Великой Отечественной»¹. Можно упомянуть другой проект Навального, также связанный с памятью о войне, – его кампанию с требованием поднять пенсии ветеранам².

В целом можно отметить, что высказывания Навального, связанные с нарративом о Великой Отечественной войне, носят, как и в случае с упоминаниями революции, во многом инструментальный характер. Зачастую эта тема возникает именно как элемент стратегий, направленных на создание негативного образа власти через предикацию ей злоупотребления инструментами исторической политики. Вместе с тем нельзя не отметить, что в случае с памятью о Великой Отечественной Навальный в некоторых случаях играет достаточно проактивно и на поле исторической политики – им предпринимаются попытки продвижения некоторых альтернативных вариантов нарративов в войне, а также (пусть и не слишком настойчиво) предлагаются формы коммеморации, отличающиеся от официальных.

Советская идеология и номенклатура

Выше, обсуждая тему репрессий, мы уже отмечали, что часто Навальный использует риторические возможности исторических параллелей между современной российской политической системой и советским режимом. Похожим образом в дискурсе Навального задействуются и сюжеты, связанные с советской идеологией и партхозноменклатурой. По большей части они используются для конструирования негативных образов современной российской власти, которым предсказывается сходство или преемственность по отношению к КПСС и советскому правящему классу. Когда речь идет о такого рода аналогиях, то они конструируются с целью репрезентации нынешнего российского режима как сходного с советским в плане его ломкости и конечности, вопреки внешнему образу устойчивости и незыблемости. При этом в ряде случаев параллели включают в себя указание

¹ Алексей Навальный – Матрида к 9-му мая. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4208/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Алексей Навальный – Путин: немецкий вермахт или наши ветераны? – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6382/> (дата посещения: 21.06.2020).

на сходство двух систем в плане зависимости от государственной пропаганды и преходящего характера массовой поддержки¹.

В том же, что касается нарративов не только о подобии, но о преемственности современной российской власти по отношению к советской, то по большей части такие инструменты используются для негативной репрезентации современных российских чиновников. Им предиктируется членство в КПСС или ВЛКСМ, занятие должностей в советских органах власти или другие связи с советскими властными структурами². Похожим образом репрезентуются и современные журналисты, работавшие ранее в советских СМИ³. Такого рода предикации, как правило, используются чтобы репрезентовать этих акторов как тех, кто готов обслуживать любую власть, лицемерно переходя от службы советским идеалам к защите православных «духовных скреп». Логичным продолжением этих сюжетов становятся нарративы о распаде СССР, который репрезентуется как мирная смена режима, который казался вечным, но в итоге пришел к распаду, так как сохранял устойчивость только благодаря лжи, пропаганде и цензуре⁴.

Важно обратить внимание, что такого рода рассуждения Навального о советском режиме, как правило, отсылают к брежневским временами или к более поздним периодам советской истории. И именно в отношении нарративов об этих периодах Навального можно рассматривать как достаточно активного мнемонического актора. Нарративы о позднем СССР, которыми он

¹ Алексей Навальный – Главные 2 минуты 54 секунды из фильма Владимира Соловьёва «Президент». Посмотрите. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4220/> (дата посещения: 21.06.2020).

² Напр.: Требуем уволить Симоньян, или Как RT накручивает просмотры. – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6325/> (дата посещения: 21.06.2020); Алексей Навальный – Оба ребята смышленные, оба создали бизнес. С нуля! – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5221/> (дата посещения: 21.06.2020); Про Финляндию и комсомольцев. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4150/> (дата посещения: 21.06.2020).

³ Напр.: 5 шагов для России – Алексей Навальный – Разворот (утренний) // Эхо Москвы. 27.04.2020. – 2020. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2631218-echo/> (дата посещения: 21.06.2020).

⁴ Напр.: Алексей Навальный – Главные 2 минуты 54 секунды из фильма Владимира Соловьёва «Президент». Посмотрите. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4220/> (дата посещения: 21.06.2020).

оперирует, используются им очень активно и последовательно, будучи при этом сравнительно хорошо детализированы.

Советская промышленность

Последний исторический сюжет из числа активно используемых Алексеем Навальным, который мы имеем возможность обсудить в этой статье, – это тема советской промышленности. Однако, строго говоря, сами сюжеты, к которым апеллирует Навальный, касаясь этой темы, вообще по большей части относятся не советскому, а к постсоветскому периоду истории. Дело в том, что типичная для Навального стратегия использования отсылок к советской промышленности связана с решением задач конструирования негативного образа крупных околоставных бизнесменов в современной России.

Эту задачу Навальный решает в том числе и через предикацию «олигархам» участия в несправедливом присвоении крупных предприятий (зачастую в результате приватизации¹) – именно в этой части и появляются отсылки к советской промышленности. Использование такого рода стратегий предикации позволяет Навальному репрезентовать «олигархов» как тех, кто обогатился, присвоив советские промышленные предприятия².

Зачастую такого рода стратегии используются совместно с другими стратегиями предикации, также ориентированными на создание негативного образа крупного околоставного бизнеса. В частности, они могут указывать на плохие условия труда на принадлежащих «олигархам» предприятиях³ или на низкую заработную плату работников⁴.

¹ Напр.: Алексей Навальный – Олигарх Усманов будет платить налог на доходы с российских недр в Швейцарии. – 2016. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5102/> (дата посещения: 21.06.2020).

² Напр.: Алексей Навальный – У него мечта – яхта, а у меня – уехать отсюда подальше. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4471/> (дата посещения: 21.06.2020).

³ Там же.

⁴ Напр.: Алексей Навальный – Олигарх Усманов будет платить налог на доходы с российских недр в Швейцарии. – 2016. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5102/> (дата посещения: 21.06.2020).

Заключение

К сожалению, ограничения, накладываемые форматом статьи, не позволяют нам рассмотреть все типичные способы использования советского прошлого, к которым прибегает Алексей Навальный. Так, например, за рамками обсуждения здесь остается ряд высказываний спикера о советской ностальгии, советском народе, советской ментальности, а также отсылки к советскому кинематографу, музыке, анекдотам и т.п. При этом, однако, все ключевые моменты, касающиеся наиболее часто встречающихся практик использования советского прошлого, в статью все же удалось вместить.

Проведенный анализ показывает, что арсенал сюжетов из советского прошлого, которыми оперирует Алексей Навальный, довольно широк и включает в себя отсылки к спектру событий, акторов и реалий, относящихся ко всем основным периодам советской истории. Если попытаться обобщить все разнообразие способов использования нарративов о советском прошлом в дискурсе Навального, то их можно свести к четырем типовым дискурсивным шаблонам (макстратегиям). Первый такой шаблон – АНАЛОГИЯ С СОВЕТСКИМ, второй шаблон – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТ СОВЕТСКОГО, третий – ПОХИЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО, четвертый – (МИС)КОММЕМОРАЦИЯ СОВЕТСКОГО.

По шаблону АНАЛОГИИ С СОВЕТСКИМ организованы используемые Навальным стратегии негативной репрезентации ряда современных российских политических событий, акторов и практик (особенно репрессивных и пропагандистских). Шаблон ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОТ СОВЕТСКОГО применяется Навальным главным образом для негативной репрезентации отдельных персоналий из числа российских чиновников и некоторых государственных институций. (Иногда шаблоны аналогии и преемственности могут использоваться совместно.) Что касается поля применения шаблона ПОХИЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО, то оно почти полностью ограничивается текстами о российских «олигархах». Наконец, к случаям использования шаблона (МИС)КОММЕМОРАЦИИ можно отнести все высказывания Навального о «правильных» и «неправильных» практиках в исторической политике. Сюда относятся, например, его упреки в адрес власти о невнимании к юбилею революции, об опошлении

георгиевской ленты или о предложении захоронить всех павших солдат Великой Отечественной.

В целом, как мы показали, Навальный использует в своем дискурсе отсылки к советскому прошлому достаточно активно, однако круг задач, которые он пытается с их помощью решать, весьма ограничен. В частности, такие отсылки редко имеют задачей конструирование какого-то определенного нарратива о прошлом в качестве своей главной цели. Они обычно оказываются скорее еще одним способом атрибутировать негативные черты политическим оппонентам. В результате отсылки к советскому наследию активно задействуются в дискурсе Навального для решения риторических задач, связанных с политической борьбой в контексте актуальной повестки дня, но лишь в редких случаях содержат в себе попытки отреагировать на сложные вопросы исторической политики, особенно важные для конструирования национальной идентичности (от ответа на которые уклоняется и власть). Иными словами, Навальному удастся задействовать набор дискурсивных стратегий, которые позволяют ему эффективно *использовать* нарративы о советском прошлом, но сам он в *конструировании* таких нарративов практически не участвует.

Исключения из этой общей тенденции есть, и о них будет справедливо еще раз здесь упомянуть. Как активный мнемонический агент Навальный действует в нескольких ситуациях, когда действительно привносит в политический дискурс элементы нарративов, которые в официальном дискурсе почти не присутствуют. Таковы его попытки конструирования «русского» прочтения нарратива о сталинских репрессиях, а также общего нарратива о жертвах сталинских репрессий и о жертвах войны («двойная жертва»). Также оригинальны и значимы с точки зрения исторической политики попытки Навального привнести в политическую дискуссию негативные нарративы о связи между советской партхозноменклатурой и современным составом российских элит, а также о поздесоветском («застойном») периоде истории, в частности – о борьбе с диссидентами.

В целом, хотя кейс Навального является интересным сам по себе, продуктивно осмыслить полученные в результате проведенного анализа выводы можно, лишь соотнеся их со стратегиями использования советского прошлого, которые задействуются властью. В этом плане важно отметить, что хотя высказывания

Навального в целом ориентированы по большей части на сильную поляризацию политического дискурса и на резко негативную репрезентацию властвующих элит во всех их проявлениях, – в том, что касается использования советского прошлого, дискурс Навального едва ли можно трактовать как некую инверсию нарративов, формируемых государственной исторической политикой. Отношения между этими двумя дискурсами более сложны и представить их можно скорее как пересечение двух полей внимания, каждое из которых имеет свои фокусы и свои «слепые зоны», – притом что отчасти и фокусы, и слепые зоны двух полей совпадают. Так, Великая Отечественная война в такой схеме оказывается тем событием, которое располагается в фокусе обоих дискурсов, а, например, Октябрьская революция (хоть Навальный немного о ней и упоминает), по сути, оказывается в слепой зоне и дискурса действующей власти, и дискурса Навального. Есть, как мы уже отмечали, и такие нарративы, которые Навальный использует активно, а во властном дискурсе они почти полностью отсутствуют. Таковы, например, нарративы о диссидентском движении в СССР.

Хотя Навальный и привносит в российский политический дискурс некоторые исторические сюжеты, активного обсуждения которых избегает власть, нельзя еще раз не отметить, что и он сам зачастую от роли мнемонического агента уклоняется – даже в тех случаях, когда сам призывает активнее обсуждать какой-либо исторический сюжет (именно такая ситуация сложилась в связи со столетием революции). Кроме того, некоторые конструируемые Навальным исторические нарративы, касающиеся советской истории первой половины XX в., несколько амбивалентны и в оценочном плане сопровождаются рядом оговорок.

Разумеется, те выводы, которые были получены по итогам анализа текстов Алексея Навального, не могут быть полностью перенесены на всю российскую внепарламентскую оппозицию. Однако в анализируемый период Навальный, безусловно, являлся центральным для нее спикером и без анализа его текстов дискурс уличной оппозиции уж точно не может быть реконструирован. В дальнейших исследованиях представленные в настоящей статье результаты было бы полезно дополнить анализом текстов других значимых оппозиционных фигур из разных частей политического спектра.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Список литературы

- Беседа с Ю.С. Степановым 2002 года / [Беседовали Ю.С. Степанов, М.В. Ильин] // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2012. – Вып. 3. – С. 379–396.
- Касьянов Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы // Carnegie Moscow Center. – 2018. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (дата посещения: 20.08.2020).
- Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
- Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 13–40.
- Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2019. – № 3(94). – С. 103–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126>
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС, Ближний Восток. – М.: Научный консультант. – С. 213–238.
- Фомин И.В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 8–25.
- Chaisty P., Whitefield S. Putin's Nationalism Problem // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives / A. Pikulicka-Wilczewska, R. Sakwa (eds.). – Bristol: E-International Relations Publishing, 2016. – P. 157–163.
- Engström M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy // Contemporary Security Policy. – 2014. – N 3 (35). – P. 356–379. – DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
- Hill F., Gaddy C. Putin and the Uses of History // The National Interest. – 2012. – N 117. – P. 21–31.
- Hodge B., Kress G.R. Social semiotics. – Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, 1988. – 285 p.

¹ Электронное приложение доступно по ссылке: Fomin I. Supplementary Materials for: Narratives about the Soviet Past in the Discourse of the Russian Non-Parliamentary Opposition (Example of Alexei Navalny's Texts) // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP> (дата посещения: 30.08.2020).

- Khapaeva D.* Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2016. – Vol. 1, N 49. – P. 61–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.007>
- Kuzio T.* Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2018. – Vol. 51, N 4. – P. 337–347. – DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>
- Malinova O.* Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan Memory Studies. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 43–70. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8_2
- Malinova O.* Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // *Cultural and political imaginaries in Putin's Russia* / N. Bernsand, B. Törnquist Plewa (eds). – Leiden; Boston: Brill, 2018. – P. 85–104. – (Eurasian studies library: history, societies & cultures in Eurasia; Vol. 11).
- Reisigl M., Wodak R.* Discourse and discrimination. – London; New York: Routledge, 2001. – 298 p.
- Shevtsova L.* Forward to the Past in Russia // *Journal of Democracy*. – 2015. – Vol. 26, N 2. – P. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0028>

I.V. Fomin*

Narratives about the Soviet past in the discourse of the Russian non-parliamentary opposition (example of Alexei Navalny's texts)¹

Abstract. The article is devoted to the analysis of the discourse of the Russian oppositionist Alexei Navalny. The purpose of the study is to understand how one of the leaders of the Russian non-parliamentary opposition uses narratives about the Soviet past. The analysis shows that the arsenal of such narratives in Navalny's discourse is quite broad and includes references to events, actors, and realia from all main periods of the Soviet history. The whole variety of ways of using the narratives about the Soviet past in Navalny's discourse can be generalized to four typical discursive templates: (1) “analogy with the Soviet”, (2) “inheriting the Soviet”, (3) “stealing the Soviet”, (4) “(mis)commemorating the Soviet”. The “analogy with the Soviet” and “inheriting the Soviet” templates are used by Navalny in his strategies of negative representation of certain contemporary Russian political events, actors, institutions, and practices (in particular the ones having to do with political repressions and state propaganda). The application of the “stealing the Soviet” template is almost entirely limited to the texts that negatively represent Russian “oligarchs”. The “(mis)commemorating the Soviet” template is applied in the texts that promote (or condemn) certain commemorative prac-

* **Ivan Fomin**, National Research University Higher School of Economics; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00709.

tices. In general, in his discourse Navalny often effectively applies the discursive strategies that allow him to use the narratives about the Soviet past, but, at the same time, he is rarely seeks to actively construct such narratives himself.

Keywords: Russian political discourse; image of the USSR; historical politics; Navalny; non-parliamentary opposition; Stalin; Lenin; political repressions; Great Patriotic War; dissident movement; nomenclature; Soviet ideology; World War II.

For citation: Fomin I.V. Narratives about the Soviet Past in the Discourse of the Russian Non-Parliamentary Opposition (Example of Alexei Navalny's Texts). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 221–245. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

References

- Chaisty P., Whitefield S. Putin's Nationalism Problem. In: Pikulicka-Wilczewska A., Sakwa R. (eds), *Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives*. Bristol: E-International Relations Publishing, 2016, P. 157–163.
- Engström M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*. 2014, N 3 (35), P. 356–379. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
- Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. The experience of world wars in identity politics and security strategy building. In: Akul'shina A.V. (ed.). *Regional Strategies of International Security: Russia, EU, Middle East*. Moscow: Nauchnyi konsultant, P. 213–238. (In Russ.)
- Fomin I.V. Transdisciplinary perspectives in political studies: The potential of semiotics. *Political science (RU)*. 2015, N 2, P. 8–25. (In Russ.)
- Hill F., Gaddy C. Putin and the Uses of History. *The National Interest*. 2012, N 117, P. 21–31.
- Hodge B., Kress G.R. *Social semiotics*. Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, 1988, 285 p.
- Interview with Yu.S. Stepanov, 2002. *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*, 2012, N 3, P. 379–396. (In Russ.)
- Kasyanov G. Uniform textbook of EU history and Eastern Europe's own truth, 2018. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (accessed: 20.08.2020) (In Russ.)
- Khapaeva D. Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization. *Communist and Post-Communist Studies*. 2016, Vol. 1, N 49, P. 61–73. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.007>
- Kuzio T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*. 2018, Vol. 51, N 4, P. 337–347. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>
- Malinova O. Yu. Who forms official historical narrative and how? analysis of russian practices. *Politeia – journal of political theory political philosophy and sociology of politics*. 2019, № 3(94), P. 103–126. DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126> (In Russ.)

- Malinova O. Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. In: Bernsand N., Törnquist Plewa B. (eds). *Cultural and political imaginaries in Putin's Russia*. Leiden□; Boston: Brill, 2018, P. 85–104.
- Malinova O. Yu. Uncomfortable centenary: preliminary results of reconsidering “the founding myth” of the USSR in the Russian official historical narrative. *Political science (RU)*. 2017. N 3, P. 13–40. (In Russ.)
- Malinova O. Political uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin. In: Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J., Zhurzhenko T. (eds). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan Memory Studies. Cham: Springer International Publishing, 2017, P. 43–70. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8_2
- Malinova O. Yu. The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: from the 1990 s to the 2000 s. *Polis. Political Studies*. 2016, N 6, P. 139–158. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russ.)
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and discrimination*. London; New York: Routledge, 2001, 298 p.
- Shevtsova L. Forward to the Past in Russia. *Journal of Democracy*. 2015, Vol. 26, N 2, P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0028>

Д.А. МИХАЙЛОВ, Н.М. ТЕРНОВ*

**«СВЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ»:
ИСЛАМ В КАЗАХСТАНСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. В статье исследуется концепт «казахский ислам» в общественно-политической риторике современного Казахстана. Отмечается изменение политики государства в отношении ислама, который постепенно приобретает новые смыслы в меняющихся контекстах национального строительства. Исходя из этого выделяются и анализируются четыре стратегии конструирования «казахского ислама» – государственная, оппозиционная, теологическая, научно-публицистическая, каждая из которых обладает собственным языком и логикой аргументации. Государственная стратегия ориентирована на элиминацию религиозной темы из публичного дискурса, политическая актуализируется в период выборов и служит основой для дискуссии о казахской идентичности, теологическая ориентирована на включение нового концепта в широкий идеологический исламский контекст, научно-публицистическая стремится наполнить традиционную форму казахского ислама модернизационными смыслами. Разделение религиозной и светской областей в повседневной, рутинной деятельности государства и церкви вполне соответствует концепции секуляризации. Однако существующее положение дел меняется, когда речь заходит о максимально обобщенных политических категориях, прежде всего – нации. В пространстве национализма секуля-

* **Михайлов Дмитрий Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия), e-mail: damihan@yandex.ru; **Тернов Николай Максимович**, научный сотрудник Центра китайского языка, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия), e-mail: ternovnm@yandex.ru

© Михайлов Д.А., Тернов Н.М., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.12

ризация утрачивает силу, порождая смысловые конструкции, которые выглядят абсурдно как с позиций религии, так и с точки зрения государства. Охарактеризованные определения «казахского ислама» показывают, что в рамках нациестроительных практик невозможно рассматривать религиозную и светскую идеологию как конкурентов, преследующих диаметрально противоположные цели. Идеология «казахского ислама» не может быть строго зафиксирована, поскольку таким образом она теряет весь свой консолидирующий потенциал. В результате мы имеем дело с набором противоречивых риторик, которые объединены легитимирующей силой «нации» и «бога». Органичная взаимодополняемость и взаимозаменяемость этих концептов выявляет сложную и динамичную связь религии и национализма в продвижении и легитимации смысла существования казахстанского государства.

Ключевые слова: Казахстан; ислам; казахский ислам; национальное строительство; национальная идентичность; секуляризм; секулярный ислам.

Для цитирования: Михайлов Д.А., Тернов Н.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 246–268. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.12>

Введение

Социальные изменения, последовавшие за распадом Советского Союза, стали вызовом для сообщества гуманитариев и обществоведов и открыли новые горизонты исследований социальных и политических процессов. Одним из активно разрабатываемых направлений стала проблема государственного строительства и формирования национальной идентичности. Появление новых независимых государств сопровождалось активным нациестроительством. При этом политическая идеология должна была работать с особенной силой не только для того, чтобы утвердить новые сообщества в новых границах, но и для того, чтобы сформулировать новые принципы социальной солидарности в новых социальных и экономических реалиях. Национальные интеллектуалы разрабатывали различные проекты нового сообщества, которые позволили бы сформировать чувство национального единства, усилить легитимность новой политической единицы, гармонично позиционируя ее в международном контексте.

Для обеспечения легитимности государствам, возникшим на постсоветском пространстве, было явно недостаточно просто провести физическую границу с Россией. Утверждение суверенитета развернулось прежде всего вокруг символического разграничения. «Почему мы не Россия» становится ключевой темой идеологического становления новых государств еще и потому, что им было

необходимо завоевать сердца и умы значительного русскоязычного населения.

Естественным следствием политики идеологического противопоставления советскому наследию в постсоветских республиках стал интерес к дореволюционной культуре. Центральной темой национального строительства, чьи истоки легко прослеживаются еще в годы перестройки, становится идея «духовного возрождения». Чаще всего под этим подразумевалось обращение к традиционным формам культуры, прежде всего религии. Это обстоятельство, наряду с разочарованием в «демократическом транзите», стало поводом для обсуждения «демодернизации» постсоветских стран, которая в том числе обозначает и возврат к «домодерновым» формам коллективной идентичности [Минаков, 2014; Эткинд, Минаков, 2018].

Ислам быстро занял центральное место в дискурсе казахстанского возрождения и стал важной частью национального идентифицирования. Однако канонический образ ислама со временем стал играть против казахстанского суверенитета, размывать национальную идентичность, ограничивая тем самым консолидирующий и мобилизационный потенциал государственной идеологии. В связи с этим наметилась стратегия национализации ислама, ключевым механизмом реализации этой стратегии стало формирование образа «другого» ислама.

Проблема соотношения религии и национального строительства активно обсуждается в современной литературе. На протяжении большей части своей истории общественные науки считали секуляризм естественной предпосылкой современного государства. Секуляризм как процесс урегулирования отношений между религией и политикой подразумевал аналитическое и нормативное отделение одного от другого. Однако современное изучение практик национального строительства заставляет трактовать взаимоотношения религии и политики как дискурсивно взаимопроникающие [Baumgart-Ochse, 2014; Sturm, 2017].

Все разнообразие подходов к анализу взаимосвязи между религией и национализмом Роджерс Брубейкер объединил в четыре типа [Brubaker, 2012]. Первый, исходя из структурного и функционального сходства религии и национализма, рассматривает их как явления одного порядка, наряду с этнической или расовой принадлежностью. Второй подход анализирует религию как пред-

посылку национализма. Третий рассматривает национализм и религию как общее и частное, соответственно религиозный национализм понимается как один из типов национализма. Четвертый подход рассматривает религиозный и светский национализм в глубокой взаимосвязи, которая проявляется как в полном совпадении религиозных и национальных границ, так и в снабжении религией национализма языком и образами, которые являются центральными для дискурсивного и иконического представления нации. При этом, как отмечает Брубейкер, сама метафора переплетения подразумевает различие между переплетенными нитями. Даже когда языки религии и национализма переплетаются, фундаментальные онтологии и структурные основания могут принципиально различаться, поэтому исследовательский поиск может быть в равной степени продуктивен как в отношении дискурсивного переплетения, так и в отношении их фундаментальных различий [Brubaker, 2012, p. 16].

В центре внимания данной статьи находится проблема политического обоснования локального сообщества – нации – средствами глобальной идеологии – ислама. Ведь с позиций национализма политическое сообщество всегда будет воображаться «принципиально ограниченным» [Anderson, 2006, p. 6], в то время как одной из ключевых характеристик ислама является прозелитизм. Цель нашей работы – на основе точек зрения лидеров общественного мнения Казахстана, которые декларировались в материалах СМИ, социальных сетях и научных работах, проанализировать способы совмещения религиозной и национальной стратегий репрезентации казахстанской нации в процессе конструирования концепта «казахский ислам». В связи с этим нами рассматриваются четыре ключевых пути легитимации «казахского ислама»: во-первых, государственная политика; во-вторых, политическая риторика оппозиции; в-третьих, теологические обоснования Духовного управления мусульман Казахстана; в-четвертых, научно-популярное творчество казахстанских интеллектуалов.

Эволюция государственной политики в отношении ислама

По разным оценкам, мусульмане составляют более половины всех верующих в Казахстане [Ценности казахстанского обще-

ства ..., 2019, с. 21]. Стоит отметить, что большая часть отождествляющих себя с исламом не выполняют обрядов, предписанных каноническим исламом [там же, с. 22]. По сравнению с другими государствами, в которых распространен ислам, верующие Казахстана отличаются тем, что противостоят политическим проявлениям религии и слабо поддерживают законы шариата, смертную казнь за вероотступничество и телесные наказания [Cornell, Starr, Tucker, 2018, p. 8–9]. Религиозность казахстанцев проявляется в участии в ритуалах жизненного цикла, приверженности ценностям и социальным нравам казахских общин, а также в участии в общинных праздниках [Omeličeva, 2011, p. 243]. Хотя главные политические лидеры не замечены в активном участии в религиозных церемониях, целенаправленная государственная политика отчетливо проявляется в популяризации этических принципов ислама, строительстве мечетей [ibid., p. 244], культивировании национальных героев, в частности одним из общенациональных объектов почитания стал «проповедник ислама в степи» Ахмед Ясави [Халид, 2010, с. 189].

Как уже отмечалось, с самого образования независимого Казахстана «исламское возрождение» институционализировалось посредством не только религиозных, но и экономических и политических институтов, и его социальная функция в общественном пространстве после провозглашения независимости только усиливалась [Malik, 2019].

Однако уже к середине 1990-х годов становится очевидно, что размещение ислама в центре культурной идентичности автоматически превращает Казахстан в периферию мусульманской уммы. Центр лояльности исповедующих ислам, в том числе иногда и политической, оказывается далеко за пределами государства. Прозелитический характер ислама и, прежде всего, арабский язык как основа богослужений влияют на то, что верующие легко попадают под авторитет проповедников из признанных центров мусульманского мира. Другим следствием политики «возрождения» стало усиление влияния со стороны хорошо финансируемого «иностранный ислама», который, в частности, проникал из Турции в виде организации учений Саид Нурси и Фетхуллага Гюлена, чья пропагандистская деятельность до недавнего времени осуществлялась через турецкие лица и газеты Zaman [Omeličeva, 2011, p. 248].

Это не могло не вызывать у казахстанских властей беспокойство, которое усилилось в связи с обострением в мировой политике угроз терроризма. Для Казахстана образцом политики в отношении экстремизма стал столкнувшийся с этой проблемой ранее и в большей степени Узбекистан. С этим связано появление в 1993 г. Закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который запрещает «образование партий и иных политических формирований религиозного характера, а также участие религиозных объединений в деятельности политических партий или оказание им финансовой помощи».

В полный рост проблема экстремизма обозначилась с появлением в Казахстане в конце 1990-х годов представителей Хизб ут-Тахрир – международного исламского движения, целью которого является объединение мусульман по всему миру в единый халифат. Ее деятельность обладала серьезным потенциалом интегративных коллективных действий [Karagiannis, 2007]. Хотя организация была официально запрещена только в октябре 2004 г., она все время находилась под жестким контролем и регулярно подвергалась преследованиям. Параллельно правительство стремилось установить контроль над религиозным образованием и мечетями. В частности, в создании Египетского университета исламской культуры Нур-Мубарак – единственного института исламского образования в стране – отчетливо прослеживается попытка установления государственного контроля за содержанием исламского образования в стране [Халид, 2010, с. 189]. Политика сдерживания развития различных течений ислама, и в первую очередь экстремистского толка, также проявляется в действовавшем (до 2017 г.) запрете на моленные комнаты и на ношение атрибутов, характерных для деструктивных религиозных течений.

Поскольку в сознании значительной части населения ислам стал неотъемлемой частью национальной идентификации, перед государством возникла задача отделить от него неудобные идеологические элементы, сохранив в содержании общие черты религии. В смысловом плане дистанцирование было необходимо в отношении трех идеологических элементов: ортодоксального ислама, что подразумевало включение Казахстана в круг арабской культуры; влияния иностранных государств; экстремистских проявлений, которые угрожают гражданам непосредственно. Во всех этих контекстах образ ислама играл против казахстанского суверенитета, размы-

вал национальную идентичность, ограничивал консолидирующий и мобилизационный потенциал государственной идеологии. Именно это послужило причиной возникновения в общественно-политическом дискурсе Казахстана идеологемы «казахский ислам».

Таким образом, для взаимоотношений государства и ислама в Казахстане характерна очевидная двойственность: с одной стороны, всемерная поддержка и признание, с другой – преследования и попытки взять под полный контроль [Yemelianova, 2013; Malik, 2019]. Различая в секулярной политике пять форм – от слияния политических и духовных сфер до их резкого разделения, как это было в СССР, авторы исследования «Религия и секулярное государство в Казахстане» считают, что Казахстан принял французскую – скептически-изоляционистскую модель государственной политики в отношении религии, задействуя при этом модель «доминирующей религии» [Cornell, Starr, Tucker, 2018, p. 90]. В целом мы можем выделить следующую последовательность в развитии государственной политики в отношении ислама: сначала активная пропаганда и распространение, затем резкое отторжение и репрессии и, наконец, на современном этапе контроль и осторожная идеологическая трансформация, которая, в частности, нашла выражение в конструировании концепта «казахский ислам».

«Казахский ислам» в дискурсе безопасности

В силу особенностей политического режима в современном Казахстане политическое пространство сильно ограничено, а стратегическая государственная политика в основном артикулируется первыми лицами. Изучение публикаций и выступлений бывшего президента Н.А. Назарбаева дает основание утверждать, что в целом тема религии является для него периферийной. В программном труде «Эра независимости» он дистанцируется от конкретной религии и подчеркивает принципиальность выбора светского развития Казахстана: «В стране вырабатывается особая казахстанская модель государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, основанная на историко-культурном наследии, укреплении светских устоев государства, межконфессиональном

согласии и неприятию экстремизма»¹. При этом светское определяется Назарбаевым как «прогрессивное, миролюбивое, толерантное, открытое»².

Эти характеристики Н.А. Назарбаев распространяет на понятие «казахский ислам». В интервью для телефильма «Глава государства» он трактует национальную религию в актуальных политических категориях «толерантность», «терпимость» и, желая подчеркнуть разрыв с одиозными формами религиозности, даже характеризует ее как «светскую». С содержательной точки зрения Назарбаев в качестве отличия казахского ислама упоминает культ предков: «Да, Коран говорит, что поклоняться нужно только Аллаху. Но мы, будучи мусульманами, поклоняемся духам, помня семь поколений своих предков»³.

Вне зависимости от того, как определяются национальные религиозные практики, ключевым средством идентификации является различие «казахского ислама» и традиционного. Комментируя проблему ношения хиджаба, Назарбаев ссылается на «нашу религию», которая традиционно свойственна казахстанцам и которая противопоставит «навязанной» внешними силами: «У нас никогда такого не было в истории, наша религия не имела такой традиции. Нужно уметь отличать истинную религию от навязанной нам»⁴.

Именно в контексте безопасности находящаяся на периферии политической риторики Казахстана тема религии возникает в период выборов. Оппозиционные деятели, рассуждая в рамках противопоставления «традиционный ислам – ислам», фактически воспроизводят официальную идею о синкретизме ислама и традиций казахов и противопоставляют ее радикальным религиозным практикам. Однако в контексте политического противостояния разворачивают эту оппозицию против власти.

¹ Назарбаев Н.А. Эра независимости. – Астана, 2017. – С. 427–429. – Режим доступа: <https://presidentlibrary.kz/ru/content/nazarbaev-n-era-nezavisimosti> (дата посещения: 13.08.2020).

² Там же. С. 427.

³ Назарбаев заявил о существовании «казахского ислама» // IslamToday – all about muslim world. – 2016. – Режим доступа: <https://islam-today.ru/novosti/2016/06/30/nazarbaev-zaavil-o-susestvovanii-kazahskogo-islama> (дата посещения: 20.04.2020).

⁴ У Назарбаева своя «версия» Ислама // АНКАР. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/rfsng/u-nazarbaeva-svoya-versiya-islama> (дата посещения: 20.04.2020).

В частности, кандидат в президенты Амиржан Косанов соглашается с практикой ужесточения законодательства в религиозной сфере, связывая выход из ситуации с появлением цивилизованного духовенства, мусульманских лидеров, «которые будут президента или даже премьер-министра ставить выше Корана», Косанов фактически секуляризирует центральный объект религии – место Корана занимает государство¹.

Схожую идею подмены божественного национальным можно разглядеть и в высказываниях политолога Расул Жумалы. Его беспокоит, что в обществе утверждается мнение, что «казахстанский исторический ислам менее значим, менее истинен и менее оригинален, чем в других мусульманских странах»². Соответственно Жумалы стремится показать, что у «казахского ислама» есть целый ряд преимуществ, где главное – принятие во внимание вековых традиций казахского народа.

Тему безопасности развивает доктор исторических наук, сотрудник КазНУ им. Аль-Фараби Азимбай Гали, который также подчеркивает опасность внешнего влияния: «Традиционные казахские представления об исламе заменяются иными представлениями... на его место (“казахской” версии ислама) приходит арабомусульманский ислам. Ислам у нас в Казахстане арабизируется»³. Известный общественник Мухтар Тайжан, бывший сотрудник агентства по стратегическому планированию РК и Администрации президента, акцентирует внимание на том, что излишний догматизм в вопросе определения веры казахов является попыткой их архаизации⁴. Если исламисты будут вмешиваться в политику, отмечает Тайжан, то они превратят Казахстан в Халифат. Он приводит в

¹ Центральная Азия: исламизация неизбежна? // Центр-1: Новости, аналитика и мнения из Центральной Азии. – 2017. – Режим доступа: <https://centre1.com/kazakhstan/tsentralnaya-aziya-islamizatsiya-neizbezhna/> (дата посещения: 20.04.2020).

² Адамова Г. Расул Жумалы: Роль религии в Казахстане, особенно ислама, будет усиливаться // Медина: Издательский дом, 2013. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/medina/?5599> (дата посещения: 20.04.2020).

³ Гали А. Нужно канонизировать и кодифицировать казахский ислам // Алтынорда. – 2014. – Режим доступа: <https://www.altyn-orda.kz/azimbaj-gali-nuzhno-kanonizirovat-i-kodifitsirovat-kazaxskij-islam/> (дата посещения: 20.04.2020).

⁴ Тайжан М. Почему бы суры из Корана не читать на казахском? // Тотал. – 2019. – Режим доступа: https://total.kz/ru/news/zhizn/muhtar_taizhan_pochemu_bi_suri_iz_korana_ne_chitat_na_kazahskom_date_2019_11_19_12_59_16 (дата посещения: 20.04.2020).

пример такие государства, как Саудовская Аравия, Афганистан, Сирия, и задает вопрос: «Готовы ли мы к этому?»¹. Еще более широко ставит вопрос известный казахстанский политолог Айдос Сарым: «Исламизм становится глобальной альтернативой, как в свое время фашизм, как либерализм. И когда нас, условно говоря, будут жечь на кострах, мы будем думать: почему мы тогда не реагировали?»²

Можно сделать вывод, что власти Казахстана не ставят целью акцентировать внимание общественности на этом вопросе, очевидно сомневаясь в достаточности символических ресурсов для его полного контроля. Однако в политической сфере вопрос регулярно возникает в контексте проблемы безопасности. Представителями оппозиции идея внешней угрозы, утраты национальной идентичности используется для подспудной критики правительства и мобилизации протестного электората. При этом для того, чтобы сделать религию инструментом национальной консолидации, из ислама изымается его прозелитическая сущность путем замены божественного на национальное.

Теологические обоснования «казахского ислама»

Хотя в современных условиях исламские организации проявляют известную гибкость, для характеристики которой даже используется понятие «исламистский плюрализм» [см.: Кудряшова, 2017, с. 355], идея «казахского ислама» как отличного от ортодоксального была неоднозначно воспринята Духовным управлением мусульман Казахстана (далее – ДУМК). Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК) является муфтиятом. В начале 1990-х годов Мусульманское Духовное управление Центральной Азии и Казахстана было разделено на отдельные советы. Каждый из них находится под контролем своего правительства и выполняет важные функции: назначение и регистрация имамов, регистрация мечетей и мониторинг рели-

¹ Вы готовы стать халифатским государством – Мухтар Тайжан о выступлениях Мухамеджана Тазабека // Ужгород TOP. – 2019. – Режим доступа: <https://cutt.ly/Fr7s8lh> (дата посещения: 20.04.2020).

² Центральная Азия: исламизация неизбежна? // Центр-1: Новости, аналитика и мнения из Центральной Азии. – 2017. – Режим доступа: <https://centre1.com/kazakhstan/tsentralnaya-aziya-islamizatsiya-neizbezhna> / (дата посещения: 20.04.2020).

гиозных практик. ДУМК ответственен за интеграцию мусульманского духовенства, а также за интеграцию его учреждений.

Несмотря на отрицание «казахского ислама», ДУМК, которое подчиняется Министерству информации и общественного развития РК, целиком ориентируется на установки государства: соблюдение местных традиций, веротерпимость, толерантность. На официальном веб-портале об истории Казахстана «e-history», поддерживаемом Министерством информации и коммуникации РК, даны следующие характеристики ДУМК: «ДУМК следует установлениям суннизма ханафитского мазхаба. Эта правовая система в исламе отличается своей толерантностью»¹. Таким образом, по сути, «казахский ислам» на языке ДУМК совпадает с «суннизмом ханафитского мазхаба».

По мнению ДУМК, идея «казахского ислама» должна стать отпором экстремистским течениям и террористической пропаганде, благоприятной почвой для которой является традиционный ислам: «Агитация казахов за классический ислам – путь к ваххабизму»². Схожих взглядов придерживается и занимавший пост верховного муфтия до 7 февраля 2020 г. Серикбай кажы Ораз. Примечательно, что здесь казахская версия ислама находится в единении не с уммой как таковой, а с мусульманами Евразии, причем основой для этого единения должен быть именно суннизм ханафитского мазхаба: «Для достойного ответа современным вызовам, профилактики и предупреждения религиозного экстремизма, исходя из суннизма ханафитского мазхаба на евразийском пространстве, предлагаем разработать концепцию духовного единения мусульман Евразии на следующей основе: наладить широкий диалог по выработке новых методов безопасности и развития, в основе которых должны быть принципы терпения и толерантности, сотрудничества и взаимопонимания»³. Эксперты пресс-клуба «Со-

¹ Ислам в Казахстане // Qazaqstan tarihy. – 2013. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/contents/view/485> (дата посещения: 20.04.2020).

² Алёхова А. Казахский ислам не нравится многим даже внутри Казахстана // 365 INFO.KZ. – 2016. – Режим доступа: <https://365info.kz/2016/11/kazahipropoveduyut-neklassicheskij-islam-religioved> (дата посещения: 20.04.2020).

³ Шайхинов Б. Верховный муфтий Казахстана рассказал, как противостоять экстремизму // Sputnik Kazakhstan. – 2018. – Режим доступа: <https://ru.sputniknews.kz/society/20180302/4775507/muftiy-kazakhstan-extremizm-protivostoyaniye.html> (дата посещения: 20.04.2020).

дружество» в интервью популярному информационному агентству «365 info» круг неконфликтотенных мусульман заметно сужают, выделяя уже не весь Евразийский континент, а лишь часть постсоветского пространства, в частности тюркоязычные народы. При этом догматико-философские составляющие ислама разделяются на тахавитское вероучение и матуридитское, первое описывается как «другое» – агрессивное, в то время как матуридитское является более нейтральным и приемлемым. Негативные характеристики «другого ислама» проецируются во внешнюю политику и артикулируются в геополитических терминах: «Большинство тюркоязычных народов – казахи, кыргызы, узбеки, татары – все матуридиты. А вот на юг от Центральной Азии находятся также ханафиты, но уже тахавиты. Это и Пакистан, и Саудовская Аравия»¹.

Важным направлением идеологической работы ДУМК стала реабилитация средневекового суфийского поэта и мистика Ахмада Ясави и названного в его честь суфийского ордена Ясавийя. Как уже отмечалось, в постсоветском Казахстане интерпретации трудов Ахмада Ясави легли в основу модели идеального современного гражданина [Louw, 2007, p. 49–50]. При этом мистическая составляющая учения преуменьшается, а на первый план выдвигаются светскость, толерантность и гуманизм.

В свою очередь, «другой ислам» в риторике ДУМК не только выступает как почва для радикализации, но и как несвойственный для казахов набор религиозных практик, отрицающий культурное наследие, культы и обряды. В риторике религиозных деятелей, так же, как и в риторике политиков, происходит секуляризация религиозного центра лояльности, который заменяется государством. В частности, отмечается, что в отличие от традиционного, казахская версия ислама не оказывает влияния на процесс принятия политических решений, ей свойственна лояльность государству. Если в классическом исламе одна из главенствующих ролей в контексте взаимодействия человека и общества отводится умме, то в «казахском исламе» она передается государству. «Самое главное, будьте детьми не одной семьи, а всего государства. Будь полезным сначала себе, потом своим родным и своей Роди-

¹ Салафиты не дремлют: Казахстану нужно срочно готовить духовников // 365 INFO.KZ. – 2018. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/08/salafity-ne-dremlyut-kazahstanu-nuzhno-srochno-gotovit-duhovnikov> (дата посещения: 20.04.2020).

не», – говорит председатель ДУМК, верховный муфтий Серикбай кажы Ораз¹.

Еще одна важная светская составляющая «казахского ислама» – апелляция к гуманизму – также упоминается в контексте государственной политики: «Сегодня перед мусульманской уммой стоит задача не только сохранения, но и духовного возрождения гуманистических традиций прошлого, избавления от догматизма, радикализма и тем более – экстремизма в любых их проявлениях», – сказал Верховный муфтий Казахстана². Следует отметить, что идея гармоничного сочетания в системе управления демократических ценностей и религиозных принципов характерна для государств с преобладающим мусульманским населением в целом [Esposito, 1998, p. 20].

Однако проблема в том, что идея «казахского ислама» оказывается неэффективной в диалоге с радикально настроенными верующими, т.е. с людьми, глубоко вовлеченными в теологические тонкости. Сотни лекторов ДУМК ежегодно проводят коллективные и личные встречи, в которые вовлечены тысячи человек. Если идея «казахского ислама» подразумевает противопоставление ортодоксальному как связанному с экстремизмом и иностранным влиянием, то в наставлениях радикалов ставка делается на отличия радикального ислама от традиционного. Для многих мусульман секуляризм имеет негативные коннотации, поскольку трактуется как эквивалент нерелигии или антирелигии [Saeed, 2017]. Ссылка на глубокую традицию в глазах сильно вовлеченных в религиозные практики граждан обладает куда большим авторитетом, чем прогосударственные теологические новеллы. Это противоречие не проходит мимо простых казахстанцев. Показателен вопрос пользователя в обсуждении статьи о деятельности

¹ Верховный муфтий: Лучшие из молодежи – наиболее полезные обществу // KAZISLAM.KZ. – 2019. – Режим доступа: <https://cutt.ly/Dr7Vryv> (дата посещения: 20.04.2020).

² Пресс-служба СМР. В столице Республики Казахстан состоялась Международная научно-богословская конференция «Духовный Шелковый путь. Ислам и молодежь: вызовы современности» // Совет муфтиев России. – 2019. – Режим доступа: <https://www.muslim.ru/articles/279/23680/> (дата посещения: 20.04.2020).

ДУМК: «Как понять традиционный ислам?! У каждой нации есть свои традиции и это значит: у каждой нации свой ислам?»¹.

«Казахский ислам» и модернизация

Роль традиции в модернизационных процессах подробно рассмотрена этносимволистами Энтони Смитом и Джоном Хатчинсоном. В частности, ими подчеркивается роль интеллектуалов в формулировании новой для общества повестки на привычном для широких масс языке [см.: Михайлов, 2014, с. 70–71]. Начало осмысления идей прогресса и национального государства в Центральной Азии связано с творчеством группы интеллектуалов начала XX в. под названием *джадиды*, которые стремились реформировать ислам и мусульманские традиции в духе нового времени [Khalid, 2003, p. 575]. Идея прогресса занимает важное место и в концептуальных идеологических построениях казахстанских властей, однако необходимость вовлечения в этот процесс населения республики заставляет постоянно обращаться к теме традиций. Тема модернизации актуализируется во многих аспектах религиозной политики: от строительства в Астане современной, оснащенной солнечными батареями экомечети до попыток применить к религиозному образованию стандарты непрерывного образования – «мектеб – медресе – университет», «магистр – PhD – докторантура – постдокторантура», неформальное образование «через всю жизнь» [Модели исламского образования ..., с. 5].

Сочетание модернизационной и традиционалистской риторики – характерная черта нациестроительной риторики Н.А. Назарбаева: «Первое условие модернизации нового типа – это сохранение своей культуры, собственного национального кода... История и национальные традиции должны быть обязательно учтены. Это

¹ Ашимов А. Духовное управление мусульман Казахстана отчиталось о своих достижениях 2018 года // Каравансарай. – 2019. – Режим доступа: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/09/feature-01 (дата посещения: 20.04.2020).

платформа, соединяющая горизонты прошлого, настоящего и будущего»¹.

Проблема модернизации автоматически актуализирует диалог Запад – Восток, в которой «казахский ислам» рассматривается как фактор вестернизации, а традиционный ислам соответственно ориентализируется.

К уже приведенным примерам трактовок традиционного ислама, как орудия стран Востока, можно привести рассуждения известного политолога Азимбай Гали, который конструирует образ «другого ислама» как религии, несущей деструктивный характер для общества и государства в целом, а примат национального языка, традиций и культуры над религиозными постулатами считает характерной чертой казахстанской идентичности: «Казахи с негодованием относятся к идее отказа от своего национального языка, традиций и культуры в угоду ваххабитским постулатам». В интерпретации Гали «другой ислам» и его колыбель – арабский мир – отождествляются с отсталостью и конфликтностью: «А какая нам польза от такого радикального ваххабизма? И что вообще нового и передового несет в себе арабский мир, раздираемый сегодня на куски тысячами противоречий, народу Казахстана?»².

Аналогичные ассоциации присутствуют и в выступлениях президента Касым-Жомарт Токаева: «Сегодня многие мусульманские государства испытывают трудности, связанные с нищетой, неграмотностью населения, отсталостью здравоохранения, сложной демографической ситуацией, террористическими угрозами, незаконным оборотом наркотиков и коррупцией». Этому он противопоставляет идею «просвещенного ислама»³.

В этом отношении показательны попытки описывать религиозные практики «казахского ислама» языком актуальной политики,

¹ Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2017. – Режим доступа: <https://cutt.ly/pr735Xb> (дата посещения: 20.04.2020).

² Русский ислам. Куда исчезли в Казахстане ваххабиты? // Алтынорда. – 2018. – Режим доступа: <https://www.altyn-orda.kz/russkij-islam-kuda-ischezli-v-kazakhstan-vahhabity> (дата посещения: 20.04.2020).

³ *Сатаева А.* «Мы хотим иметь просвещенный ислам». Токаев обратился к мусульманским ученым // Tengrinews. – 2018. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/myi-hotim-imet-prosveschennyiy-islam-tokaev-obratilsya-338950/ (дата посещения: 20.04.2020).

противопоставляя либеральность и патриотизм «своего ислама» до-модерновым формам «другого ислама». Ключевыми критериями для создания системы различий и эквивалентности становятся такие параметры, как «терпимость», «адаптация к традициям», и, как мы уже отмечали, даже «светскость».

Например, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Еркин Байдаров считает, что если в исламе экстремистского толка на первый план выдвигаются идеи защиты своей веры, халифата, то в казахском исламе верховенство отдается моральной жизни «по совести», «защите страны». С его точки зрения, такой ислам формируется на «основе либеральных ценностей»¹.

Большую работу по теоретическому обоснованию модернизированного ислама ведет академическое сообщество Казахстана. Одним из направлений творчества казахстанских гуманитариев стала разработка концепции «евроислама», которая, в том числе, направлена на осмысление «со-творческого бытия мусульманского и западного жизненно-культурных миров» [Евроислам, 2013, с. 4]. Коллектив авторов Института философии, политологии и религиоведения комитета науки министерства образования и науки Республики Казахстан конструирует и преодолевает сразу два барьера: скепсис Запада в отношении ислама и чуждость самой повестки ислама казахстанской культуре.

С одной стороны, их не устраивает политизация исламского фактора, его алармистские характеристики на Западе. Для того чтобы включить «казахский ислам» в европейский контекст, авторы используют понятия «диалога»: «Взаимодействие и взаимодополнительность Ислама и Запада представляется весьма актуальной для определения феномена “казахстанский ислам”, в связи с чем, необходима интерпретация “казахского ислама” и “казахстанского евразийства” с позиций современных диалогических установок» [там же, с. 23].

С другой стороны, критикуются «попытки деконструировать толерантную религиозную атмосферу общества» за счет продвижения «чуждых религиозных доктрин». Характеристика причин этих

¹ Жанузаков А. Традиционный ислам – преграда радикализму – эксперт // 365 INFO.KZ. – 2018. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/12/traditsionnyj-islam-pregrada-radikalizmu-ekspert> (дата посещения: 20.04.2020).

чуждых «вторжений» в религиозное сознание казахстанцев позволяет составить представление о его содержании. Во-первых, это уже не раз упомянутые иностранные миссионеры. Во-вторых, советское наследие, которое целенаправленно разрушало религиозные традиции. В-третьих, «этнические трактовки» ислама [Евроислам, 2013, с. 7]. Последняя причина указывает на еще одно противоречие, с которым сталкивается национальная идеология. По сути, это попытка изъять этническую составляющую из концепции «казахского ислама», который изначально трактуется как продукт традиций казахов. Причина таких противоречий, очевидно, связана с тем, что включение религиозной доктрины в национальное строительство в поликультурном сообществе провоцирует внутренний конфликт: популяризация «казахского ислама» на фоне усиливающейся языковой казахизации общественной сферы вызывает недовольство меньшинств, прежде всего, русскоязычного. В связи с этим авторы пытаются провести жесткую границу между «духовно-нравственным» и политическим дискурсами: «Ислам – это религия, а политика – это политика» [там же, с. 14]. Это утверждение распространено в концепции «секулярного ислама», в рамках которой, в частности, отрицается идея противопоставления ислама и светскости, поскольку Коран обращается к мусульманам как к личностям и сообществам, не упоминая идею государства, не говоря уже о том, чтобы предписывать ему конкретную форму. Более того, отсюда следует, что светское государство более соответствует сущности шариата и истории исламских сообществ, чем ложная и контрпродуктивная идея «Исламского государства» или попытки применения законов шариата в качестве законов государства [Abdullahi, 2008, p. 267–268].

Таким образом, мы видим, что попытки вести диалог «на равных» с европейской культурой, отгородиться от стереотипизированного образа «отсталого Востока» и в то же время обеспечить национальный проект традиционалистской идеологической основой строятся на совмещении религиозного и светского языков, которые при артикуляции национальной идеологии переплетаются до неразличимости.

Заключение

В моделировании национального строительства на постсоветском пространстве особенно важными оказались внешние факторы. В начале 1990-х годов бывшие советские республики в одно мгновение оказались в новой геополитической реальности, конфигурация которой во многом определила траектории их идеологической самоорганизации. Однако национальное строительство – это перманентный процесс, который не исчерпывается актом манифестации нового субъекта. Идеологическое позиционирование государств представляет собою непрерывающийся процесс конструирования образа нации, отвечающего вызовам политической конъюнктуры. За почти 30 лет независимости стремительно изменялись как региональный, так и глобальный контексты. Быстрые трансформации творчески перерабатывались, порождая новые идеологические концепты, сталкивая и синтезируя нациестроительные нарративы.

Поскольку таким образом национальная идеология не может быть ни окончательно сформулирована, ни завершена, единство сообщества будет обеспечиваться текущей политической риторикой, которая оперативно реагирует на внешнеполитическую и внутриполитическую конъюнктуру, зачастую порождая взаимоисключающие положения. Противоречивость охарактеризованных нами идеологических стратегий продвижения «казахского ислама» компенсируется тем, что они направлены на разные аудитории и функционируют в различных спектрах и горизонтах казахстанского общества.

Казахстанские государственные служащие, выполняя бюрократические функции, не используют язык ислама и не руководствуются религиозными догмами, так же, как и мулла в ходе богослужения обычно не апеллирует к светским нормам. Разделение религиозной и светской областей в повседневной, рутинной деятельности государства и церкви вполне соответствует концепции секуляризации. Все меняется, когда речь заходит о максимально обобщенных политических категориях, прежде всего – нации. В пространстве национализма секуляризация утрачивает силу, порождая смысловые конструкции, которые выглядят абсурдно как с позиций религии, так и с точки зрения государства.

Как замечает Брубейкер, выделенные им способы изучения отношений религии и национализма не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими: это скорее разные вопросы, чем разные ответы [Brubaker, 2012, p. 16]. Светский уклон в изучении национализма как секулярный уклон обществоведения в целом зачастую скрывает от наблюдения сложные взаимоотношения между религией и национализмом. Охарактеризованные определения «казахского ислама» показывают, что в рамках нациестроительных практик невозможно рассматривать религиозную и светскую идеологии как конкурентов, преследующих диаметрально противоположные цели. При этом идеология «казахского ислама» не может быть строго зафиксирована, поскольку таким образом она теряет весь свой консолидирующий потенциал. В результате мы имеем дело с набором противоречивых риторик, которые объединены легитимирующей силой «нации» и «бога». Органичная взаимодополняемость и взаимозаменяемость этих концептов выявляет сложную и динамичную связь религии и национализма в продвижении и легитимации смысла существования казахстанского государства.

Список литературы

- Евроислам как диалогическая стратегия современности (к философскому вопросу о диалоге культур): философская монография / Н.Л. Сейтахметова, Ш.М. Жандосова, Г.К. Курмангалиева [и др.]; под ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 162 с.
- Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 349–365. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365>
- Минаков М. Постсоветская демодернизация: период нового околдования? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 6. – С. 68–84.
- Михайлов Д.А. Роль интеллектуалов в национальном процессе: подходы и интерпретации // Федерализм. – 2014. – № 4 (76). – С. 61–74.
- Модели исламского образования в постсекулярном обществе: евразийские и европейские тренды / А.Х. Бижанова (сост.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2017. – 432 с.
- Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / Г. Исмуханова, Д. Шарипова, Б. Туреханова [и др.]; под ред. Л. Гуревича. – Алматы: TOO «DELUXE Printery», 2019. – 140 с.

- Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.
- Эткинд А., Минаксов М. Постсоветский транзит и демодернизация // Идеология и политика. – 2018. – № 1 (9). – С. 4–15.
- Abdullahi Ahmed An-Naim. Islam and the secular state: negotiating the future of Sharia. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 336 p.
- Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 2006. – 256 p.
- Baumgart-Ochse C. Opposed or intertwined? Religious and secular conceptions of national identity in Israel and the Israeli-Palestinian conflict // Politics, religion & ideology. – 2014. – Vol. 15, N 3. – P. 401–420. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2014.948531>
- Brubaker R. Religion and nationalism: four approaches // Nations and nationalism. – 2012. – Vol. 18, N 1. – P. 2–20. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00486.x>
- Cornell S.E., Starr S.F., Tucker J. Religion and the secular state in Kazakhstan. – Stockholm-Nacka: Institute for security and development policy, 2018. – 98 p.
- Esposito J. Rethinking Islam and secularism. – Pennsylvania: Association of religion data archives, 1998. – 26 p.
- Karagiannis E. The rise of political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir al Islami // Nationalism and ethnic politics. – 2007. – Vol. 13. – P. 297–322. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110701293567>
- Khalid A. A secular Islam: nation, state and religion in Uzbekistan // International journal of Middle East studies. – 2003. – Vol. 35, N 4. – P. 573–598. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743803000242>
- Louw M.E. Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia. – New York: Routledge, 2007. – 219 P.
- Malik B.A. Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing public revival of Islam through institutionalisation // Asian journal of Middle Eastern and Islamic studies. – 2019. – Vol. 13, N 3. – P. 351–369. – DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630576>
- Omelicheva M.Y. Islam in Kazakhstan: a survey of contemporary trends and sources of securitization // Central Asian survey. – 2011. – Vol. 30, N 2. – P. 243–256. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2011.567069>
- Sturm T. Religion as nationalism: the religious nationalism of American christian zionists // National identities. – 2017. – Vol. 20, N 3. – P. 299–319. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1255187>
- Yemelianova G.M. Islam, national identity and politics in contemporary Kazakhstan // Asian ethnicity. – 2013. – Vol. 15, N 3. – P. 286–301. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2013.847643>
- Saeed A. Secularism, State Neutrality, and Islam // The Oxford Handbook of Secularism / P. Zuckerman, J.R. Shook (eds.). – New York, 2017. – 968 p.

D.A. Mikhailov, N.M. Ternov*
“Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s nation-building

Abstract. The article explores the concept of “Kazakh Islam” in the socio-political rhetoric of modern Kazakhstan. The change in the state’s policy regarding Islam, which is gradually acquiring new meanings in the changing contexts of national construction is noticed. Four strategies for the construction of “Kazakh Islam” are identified and analyzed: state, political, theological, scientific-journalistic, each of which has its own language and logic of argumentation. The state strategy is focused on the elimination of religious topics from public discourse. The political one is actualized during the election period and serves as the basis for discussion of Kazakh identity. The theological one is focused on including a new concept in a wide ideological Islamic context. The scientific-journalistic one seeks to fill the traditional form of Kazakh Islam with modernization meanings. The separation of religious and secular areas in the daily, routine activities of the state and the church is fully consistent with the concept of secularization. But everything changes when it comes to the most generalized political categories, especially the nation. In the space of nationalism, secularization is losing its power, giving rise to semantic constructions that look absurd, both from the standpoint of religion and from the point of view of the state. The described definitions of “Kazakh Islam” show that it is impossible to consider religious and secular ideology as competitors pursuing diametrically opposite goals within the framework of national building practices. The ideology of “Kazakh Islam” cannot be strictly fixed, since in this way it would lose all of its consolidating potential. As a result, we are dealing with a set of contradictory rhetoric, which is united by the legitimizing force of “nation” and “god”. The organic complementarity and interchangeability of these concepts reveals the complex and dynamic connection of religion and nationalism in promoting and legitimizing the meaning of the existence of the Kazakh state.

Keywords: Kazakhstan; Islam; Kazakh Islam; national construction; nation building; secularism; secular Islam.

For citation: Mikhailov D.A., Ternov N.M. “Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s nation-building. *Political Science (RU)*. 2020, N 4, P. 246–268. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.12>

* **Mikhailov Dmitrii**, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia), e-mail: damihan@yandex.ru; **Ternov Nikolai**, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia), e-mail: ternovnm@yandex.ru

References

- Abdullahi Ahmed An-Naim. *Islam and the secular state: negotiating the future of Sharia*. Cambridge: Harvard University Press, 2008, 336 p.
- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 256 p.
- Baumgart-Ochse C. Opposed or intertwined? Religious and secular conceptions of national identity in Israel and the Israeli-Palestinian conflict. *Politics, religion & ideology*. 2014, Vol. 15, N 3, P. 401–420. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2014.948531>
- Brubaker R. Religion and nationalism: four approaches. *Nations and nationalism*. 2012, Vol. 18, N 1, P. 2–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00486.x>
- Cornell S.E., Starr S.F., Tucker J. *Religion and the secular state in Kazakhstan*. Stockholm-Nacka: Institute for security and development policy, 2018, 98 p.
- Euroislam as a dialogical strategy of modernity (on the philosophical question of the dialogue of cultures): a philosophical monograph* / N.L. Seytakhmetova [et al], Z.K. Shaukenova (eds.). Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK, 2013. – 162 p. (In Russ.)
- Esposito J. *Rethinking Islam and secularism*. Pennsylvania: Association of religion data archives, 1998, 26 p.
- Etkind A., Minakov M. Post-Soviet transit and demodernisation. *The Ideology and Politics Journal*. 2018, N 1 (9), P. 4–15. (In Russ.)
- Halid A. *Islam after communism: religion and policy in Central Asia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 304 p. (In Russ.)
- Karagiannis E. The rise of political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir al Islami. *Nationalism and ethnic politics*. 2007, Vol. 13, P. 297–322. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110701293567>
- Khalid A. A secular Islam: nation, state and religion in Uzbekistan. *International journal of Middle East studies*. 2003, Vol. 35, N 4, P. 573–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743803000242>
- Kurdryashova I.V. Contemporary Muslim political identity: the sacred text and social experience. *RUDN Journal of Political Science*. 2017, Vol. 6 (4), P. 349–365. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365> (In Russ.)
- Louw M.E. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*. New-York: Routledge, 2007, 219 p.
- Malik B.A. Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing public revival of Islam through institutionalisation. *Asian journal of Middle Eastern and Islamic studies*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 351–369. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630576>
- Mikhailov D.A. Intellectual's role in national process: approaches and interpretations. *Federalism*. 2014, N 4 (76), P. 61–74. (In Russ.)
- Minakov M. Post-Soviet demodernization: a period of new enchantment. *Neprikosnovennyi zapas*. 2014, N 6, P. 68–84. (In Russ.)
- Models of Islamic Education in Post-Secular Society: Eurasian and European Trends* / A.H. Bizhanova. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK, 2017. – 432 p. (In Russ.)

- Omeliicheva M.Y. Islam in Kazakhstan: a survey of contemporary trends and sources of securitization. *Central Asian survey*. 2011, Vol. 30, N 2, P. 243–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2011.567069>
- Saeed A. Secularism, State Neutrality, and Islam // *The Oxford Handbook of Secularism* / P. Zuckerman, J.R. Shook (eds.). – New-York, 2017. – 968 P.
- Sturm T. Religion as nationalism: the religious nationalism of American christian zionists. *National identities*. 2017, Vol. 20, N 3, P. 299–319. DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1255187>
- Values of Kazakhstani society in sociological dimension / G. Ismukhanova [et al]; L. Gurevich (eds.). Almaty: TOO "DELUXE Printery", 2019. – 140 p. (In Russ.)
- Yemelianova G.M. Islam, national identity and politics in contemporary Kazakhstan. *Asian Ethnicity*. 2013, Vol. 15, N 3, P. 286–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2013.847643>

А.А. МИХАЛЁВА*

ЯЗЫК КЛАНОВ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ¹

Аннотация. В данной статье рассматривается набирающее популярность явление – описание политических событий языком трайбализма. В основе исследования лежит критический дискурс-анализ, что дает возможность сопоставить множество текстов, упоминающих в том или ином виде трайбализм, с дискурсивными и социальными практиками на примере Дальневосточного региона. Исследование предлагает типологизацию трайбалистских политических дискурсов и их анализ применительно к национальным республикам региона. Анализ показывает, что трайбализм в описании политики слабо связан с реальными политическими группами, а используется как инструмент для описания политических событий и их объяснения удобным автору способом посредством связи с традиционностью и укорененностью. Обращение к такому дискурсу позволяет ставить вопрос об идентичности политических акторов и легитимности их действий.

Ключевые слова: трайбализм; дискурс; идентичность; группа, клан, племя.

Для цитирования: Михалёва А.А. Язык кланов: политическое воображение и идентичность на Дальнем Востоке России // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 269–289. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>

На фоне политических протестов на Дальнем Востоке появляются множественные интерпретации текущих событий. Они опираются на корпус текстов (в том числе в так называемых новых медиа), описывающих властные отношения в регионе, их специфику и

* **Михалёва Анастасия Анатольевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: afan-project@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00081

© Михалева А.А., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.13

характерные особенности трансформации. Новые медиа как пространство социальных и политических взаимодействий становятся площадкой борьбы, в том числе за идентичность [Фадеева, 2016, с. 177]. Данная статья фокусируется лишь на одном аспекте проблемы: на существующем в регионе дискурсе, в рамках которого политическая действительность описывается с помощью языка трайбализма. Язык трайбализма – это дискурс-строй, устанавливающий картину мира, в основе которой искусственно архаизированные отношения (родо-племенные, клановые и т.п.) и соответствующие им идентичности. Определение идентичности и связанный с этим конфликт сегодня становится основой политики, вытесняя экономические вопросы [Фукуяма, 2019, с. 29]. Суждения, базирующиеся на приписывании политическим акторам групповых идентичностей, могут влиять на политические решения. Наряду с расовой, этнической или гендерной принадлежностью в контексте процессов институциональной трансформации [Семененко, 2011, с. 8] в обсуждении политического популярность приобретают категории клана и племени. Понятие кланового капитализма было введено для описания российской политической действительности еще в первой половине 2000-х годов [Либман, 2004; Косалс, 2006]. В данной статье фокус сделан не столько на реальных, сколько на воображаемых клановых чертах российской политической системы. Поскольку описание политических идентичностей позволяет создавать определенные смыслы, объяснять властные отношения и действия политиков, трайбалистский дискурс становится удобным инструментом для формирования и трансляции политических смыслов, часто противоречащих друг другу. В центре внимания – не элементы трайбализма в современном обществе, а нарративы, приписывающие ему наличие таких элементов. Вопросы существования отношений, основанных на родо-племенных и клановых связях, были намеренно исключены из предмета исследования.

Дискурс «клановой идентичности» политиков тесно переплетается с «традиционализмом», что актуализирует этничность и автохтонность. Отсылки к укорененности как дискурсивная практика, с помощью которой обосновывается существование трайбалистских групповых идентичностей, приводят к тому, что в большей степени язык трайбализма популярен не для характеристики политиков и политических групп вообще, а для представителей местных, «коренных народов».

Именно поэтому территориальными рамками исследования был выбран Дальний Восток России в его современных границах. С одной стороны, с точки зрения политики это единый регион, с другой – он презентуется как мозаика из множества населяющих его этнических групп, в том числе коренных. При этом дискурсы, представляющие интерес для данного исследования, распространены по всему региону и в то же время имеют свои особенности. Всё это позволило взглянуть на проблему в целом, не ограничиваясь рамками национальных субъектов, традиционных для подобных исследований [Ламажаа, 2007], выяснить, существует ли некая общая тенденция, классифицировать то, как используется язык трайбализма, выявить не только наиболее популярные сюжеты, но и понять, какие из них могут оказать наибольшее влияние на политическую действительность в регионе.

Представленное исследование опирается на методологию дискурс-анализа [Фуко, 1996; 2004], а конкретнее – критического дискурс-анализа Нормана Фэркло [Fairclough, 1992]. Он позволяет не только изучить лингвистические особенности текста, но также дискурсивные практики (воспроизводство и потребление), и вписывать его в социальную практику. Это дает возможность оперировать понятием дискурс-строя, типологизировать дискурсы внутри него, анализировать воспроизводство и реструктуризацию порядка дискурса. Таким образом предполагается хотя бы на первый взгляд оценить не только то, как дискурсивные практики отражают существующую политическую реальность, но и то, как они сами могут влиять на нее.

В российской исследовательской традиции наибольший интерес вызывает понятие клана и клановой структуры российских политических элит. Они рассматривались с разных точек зрения: экономических отношений, клиентелизма, групп интересов, элитизма, эволюции политической системы [Лукин, 1999; Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Афанасьев, 2000; Крыштановская, 2005; Гаман-Голутвина, 2003]. Интересные исследования политической архаизации и укрепления клановости и родо-племенных групп в политике делает Ч.К.О. Ламажаа [Ламажаа, 2010; 2011]. Для данной работы важны исследования неотрадиционализма, в том числе и в интересующем нас регионе [Неотрадиционализм ..., 2019], обобщения о традиционности во власти Н.Н. Крадина [Крадин, 2004], разбор влияния этнокультурных факторов на власть В.А. Тишкова [Тиш-

ков, 2003]. Западные исследователи больше интересуются незападным пониманием родства и трансформацией постсоветской территории [Atkin, 1997; Eickelman, 1998; Humphrey, Sneath, 1999; Collins, 2006]. Таким образом, объектом анализа обычно становятся клановые, родо-племенные отношения во власти, а не язык их описания.

Анализ текстов был сопряжен с определенными трудностями: упоминание трайбализма необязательно подразумевает наличие слов-маркеров, например, «племя», «родо-племенной», «род», «клан». Возможна лишь отсылка к интересующим нас образам или использование терминов не на русском языке. В итоге спектр изученных материалов оказался достаточно широк.

Во-первых, были проанализированы материалы средств массовой информации по политической тематике за последние 15 лет. В каждом субъекте Российской Федерации Дальнего Востока (в его современных границах) были исследованы сайты десяти самых популярных СМИ (ежегодным ранжированием) с открытыми данными о статистике посещаемости. Во-вторых, рассмотрены ссылки на другие информационные ресурсы, размещенные на этих сайтах в публикациях, привлечших наше внимание. В-третьих, были изучены сайты просветительского характера, на которых размещены публикации-справки, характеризующие интересующий нас регион. Сюда включены как ресурсы, созданные при поддержке органов государственной власти, так и популярные авторские блоги. В-четвертых, был проанализирован архив открытых политических каналов в приложении Telegram. Приложение WhatsApp, несмотря на свою популярность на Дальнем Востоке не только для личного общения, но и как средство распространения информации, было исключено из выборки, поскольку в нем ограничены массовые рассылки, а групповые чаты закрыты. В любом случае пользующиеся популярностью тексты, которые распространяются с его помощью, дублируются на других интернет-ресурсах, что касается и популярных постов в социальных сетях, создаваемых специально с целью распространения определенной информации, поэтому они также были исключены из выборки.

Три трайбалистских дискурса

Трайбалистский дискурс-строй можно определить как конфигурацию трех типов дискурсов, посредством которых политикам приписываются групповые идентичности. Они объявляются важнейшим фактором, влияющим на внутривнутриполитические отношения, что, в свою очередь, воздействует на политические решения и является причиной сложившейся политической ситуации. В итоге трайбализм становится удобным инструментом описания и популярной темой. На этом фоне чувство привязанности или осознание политиком членства в такой группе неинтересно, поскольку только мешает созданию соответствующих текстов, т.е. субъективный социальный статус [Jackman, Jackman, 1973] как проблема практически не поднимается. Авторам в большинстве случаев неважно то, как себя идентифицирует политик, мыслит ли он вообще в категориях трайбализма и руководствуется ли он им в своей политической деятельности. При этом приписываемая ему «племенная» или «клановая» идентичность может стать как положительной, так и отрицательной характеристикой. В итоге условно можно выделить три трайбалистских дискурса.

Во-первых, речь идет о коренных и малочисленных народах, которых на Дальнем Востоке проживает большое количество¹ и которые давно имеют юридически прописанный статус. Законодательство Российской Федерации закрепило традиционность и трайбализм их характеристиками. «Кровнородственный признак» и «традиционный образ жизни» – понятия, утвержденные еще законом 2000 г.², прочно вошли в повседневный дискурс. Трайбализм и традиционность сплелись с понятием «коренной», и тексты о коренных жителях Дальнего Востока часто содержат отсылки к трайбализму. Чаще всего это тексты о культуре: о необходимости со-

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (дата посещения: 31.05.2020).

² Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Справочная система Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/182356/> (дата посещения: 31.05.2020).

хранения или возрождения ее уникальных черт и действиях политиков в этом отношении. Здесь коренные и малочисленные народы выступают как объект политических действий, часто акцент ставится на их противопоставлении современности. «Традиции – основа их жизни» – вот один из главных мотивов, появляющийся даже тогда, когда авторы идентифицируют себя с коренным населением¹.

Во-вторых, существуют описания политики, где трайбализм используется как метафора. Здесь обычно подчеркивается контраст между традиционным коренным населением и остальными, и метафоры используются в отношении последних. Чаще всего речь идет о коррупции и фаворитизме². Авторы не считают, что в таких случаях можно говорить о реально существующем трайбализме, о чем сообщают напрямую, а наиболее популярным является понятие «клана». Язык трайбализма помогает сделать акцент на отсталости описываемых феноменов³, в то время как в отношении коренных народов язык трайбализма в большинстве своем не придает негативной окраски.

В-третьих, на общем фоне выделяются тексты о Бурятии и Якутии. Они также полны отсылок к укорененности, но не к малочисленности, когда речь идет о якутах и бурятах. Языком трайбализма этнолидерам могут приписывать идентичности, используя это для объяснения политической ситуации. Распространение этого явления связано с общей популярностью трайбализма. Обращение к прошлому на фоне постсоветской критики или отрицания советской модели понимания национальных вопросов сыграло значительную роль в этом процессе. Тема возрождения местного общества, родо-племенных групп, что существовали в досоветский период, популярна в текстах разного характера, в том числе в официальных публикациях органов власти, нормативных документах и научных работах. Например, многие тексты описывают клано-

¹ См., например: «До пяти лет я жил в тайге с оленями». Эвены, юкагир и корячка о таежном образе жизни, сложностях с адаптацией и духах // ТАСС Дальний Восток. – Режим доступа: <https://dv.land/spec/korennye-zhiteli> (дата посещения: 31.05.2020).

² См., например: Губернатор вторчермета. Новый клан на карте России // «Life.ru». – Режим доступа: <https://life.ru/p/1254212> (дата посещения: 31.05.2020).

³ Большая муниципальная семья Северо-Курильска // Дебри-ДВ. – Режим доступа: http://www.debri-dv.ru/article/22287/bolshaya_municipalnaya_semya_severo-kurilskaya (дата посещения: 31.05.2020).

вые связи и родо-племенные отношения как основу дореволюционной организации бурятского общества, которая сейчас возрождается [Хэмфри, 2010, с. 52 и др.]. Стереотипно клановая и племенная социальная структура до советизации считается своего рода историческим подлинным состоянием бурятской общины, встроенной в российскую царскую администрацию России [Zhanaev, 2019, с. 74]. Исторических исследований родо-племенных групп бурят и якутов становится все больше, а опубликованные данные часто служат основой для текстов ненаучного характера, размещаемых на различных интернет-ресурсах, в том числе затрагивающих и тему политики. Особенно популярны визуальные материалы, в том числе карты – карта военно-потестарных образований начала XVII в., опубликованная Б. Нанзатовым [Нанзатов, 2011, с. 34], дублируется на множестве ресурсов, иллюстрируя тексты о бурятских племенах и землях, которые им принадлежат (asiarussia.ru, blogrb.ru, pikabu.ru и многие другие). Отсылки к важности культурного наследия и истории бурят и якутов в официальных документах также вносят свой вклад в укрепление трайбализма как языка описания отношений в этих национальных группах, что тут же проявляется в описаниях политических событий и процессов.

Акцент на трайбализме как политическом явлении больше характерен для рейтинговых публикаций, ориентированных на отклик аудитории. Такие тексты могут даже быть удалены оригинальным источником, но дублироваться другими¹, например, как новость о том, что федеральные органы власти руководствуются представлениями о клановой организации якутского общества, основанной на *«древней кочевнической традиции объединения усилий для решения тактических или стратегических задач»*, и о прогнозируемых реакциях кланов на политические перестановки². Такого вида публикации характерны и для популярных в регионе политических telegram-каналов, которые превращают термины трайбализма в повседневный язык описания политических событий. С одной стороны, это вызвано относительной анонимностью

¹ О якутских кланах в московских коридорах власти // Дебри-ДВ. – Режим доступа: <http://debri-dv.ru/article/2832> (дата посещения: 31.05.2020).

² О якутских кланах в московских коридорах власти // Web Archive (оригинал Sakhalin.info). – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20111110194900/http://sakhallife.ru/news/24270.html> (дата посещения: 31.05.2020).

их авторов, с другой – тем, что они стали площадкой для политической борьбы между конкретными политиками, особенно в предвыборный период – их активно используют политтехнологи.

Трем способам говорить о трайбализме в политике соответствуют три дискурсивные практики. Тексты о коренных и малочисленных народах редко затрагивают тему политики. В текстах, где обсуждают политиков и не фокусируются на их укорененности, трайбализм подчеркнуто метафоричен, он становится синонимом коррупции, и процесс воспроизводства этого дискурса мало меняется от текста к тексту. Но третья группа текстов, которая схожа с первыми двумя отсылками к коренному и традиционному и одновременно разговорами о политических отношениях и идентичностях, не просто воспроизводит соответствующий дискурс, но может и изменять его. Авторы творчески используют язык трайбализма, описывая социальные практики. Судя по обсуждениям в комментариях и социальных сетях, получатели текстов при их интерпретации воспроизводят дискурс о родо-племенных отношениях в политике. Автохтонность становится его ключевым понятием – так говорят о тех, кого объявили местными в противоположность всем остальным. В итоге именно этот дискурс, характерный для Якутии и Бурятии, стал основой для более подробного анализа.

Порядок дискурса

В текстах, описывающих политику в Якутии и Бурятии, язык трайбализма используется довольно беспорядочно. Точнее, его употребление зависит от конкретной ситуации: от описываемых событий, от цели статьи, от контекста. Не существует одинаково понимаемых большинством понятий и терминов. Из-за этого трайбализм стал удобным инструментом для формирования смыслов, нужных авторам в конкретный момент. Он позволяет рассуждать о коррупции, фаворитизме, закрытости от общества процесса принятия политических решений, но одновременно и об историческом наследии, ценности традиций, политическом представительстве общественных групп. С его помощью можно легитимировать разного рода суждения о политике. Но для дискурса трайбализма существуют и единые нормы: концентрация на общей теме идентичностей политиков и их отношений, которые от этого зависят.

Племенная идентичность не становится поводом для обсуждения репрезентации политиками в органах власти интересов своего племени. Она лишь объявляется причиной действий политиков и сложившейся политической ситуации.

Дискурс трайбализма актуален, когда он помогает обосновать практики неформального распределения ресурсов. Тексты, поднимающие эту проблему, могут быть посвящены самым разным темам: социальным проблемам, коррупции, экономическому росту, отношениям с федеральным центром, итогам нахождения у власти конкретного политика, обоснованию его претензий на власть и многим другим. Но все они описывают воображаемые модели, которые, однако, заключены в рамки единичного текста. Нет более-менее устоявшихся сюжетов, описывающих одни и те же неформальные сети, потому что они не отсылают к реально существующим неформальным институтам распределения ресурсов, которые компенсируют недостаток структуры и хорошо организованных формальных институтов [Шахназарян, Шахназарян, 2010, с. 70].

Использование трайбалистского дискурса для воображения этого множества моделей распределения власти, ресурсов и их легитимации приводит к существованию множественности терминов и формулировок даже в рамках одного текста. Профессиональные журналистские обзоры, посвященные именно этой теме – наличию или отсутствию трайбализма в политике, – обычно стараются использовать неоднозначные определения. Так появляются родственно-территориальные связи, которые рассматриваются как проявление трайбализма, но в то же время дают возможность писать об отсутствии в политике родо-племенных отношений. То есть обсуждение проблемы существует, но закреплять за конкретными терминами трайбализма реальные группы и социальные структуры авторы чаще всего не стремятся. И даже в рамках одного текста они избегают давать описываемым явлениям однозначные названия.

«Многие у нас плакали: почему я не из Чурапчи, или хотя бы у меня нет родни или друзей оттуда?» – полушутя говорит Федот Тумусов о кадровой политике Егора Борисова. Попытки выстроить систему власти по родственно-территориальному принципу жителям региона не нравились, хотя один из работавших в республике политтехнологов и местный эксперт, пожелав-

*шие остаться анонимными, полагают, что клановые отношения для нее характерны*¹.

Эта размытость формулировок приводит также и к тому, что существует группа текстов, где есть отсылки к трайбализму, но напрямую о нем речь не идет. В них также обсуждается групповая идентичность политиков, то, как распределена между ними власть, какие ресурсы у них в наличии. На первый взгляд, такие нарративы похожи на тексты, где язык трайбализма используют как метафору с негативным подтекстом, т.е. распространенные вне Якутии и Бурятии. Но есть важное отличие – выстраивается взаимосвязь между политическими силами и определенными территориями. Политик может не жить в этой местности, не представлять интересы ее жителей в органах власти, политических объединениях, но его классифицируют как члена политической группы, к ней привязанной, например, через место рождения, не только личное, но и родителей или более дальних предков. Карта Якутии², которая разделена на разноцветные районы-улусы, с отмеченными группами чиновников и глав крупных компаний, распределенных по этим районам, не использует напрямую язык трайбализма, но в контексте других публикаций на эту тему неизбежно отсылает к нему, что и находит свое выражение в комментариях и ссылках на нее. Таким образом, эти тексты используются в рамках трайбалистского дискурса.

Использование трайбализма как способа описания политических отношений в данной ситуации не означает существования каких-либо реальных групп и отношений подобного характера, впрочем, как и их отсутствия. Трайбализм ограничивает то, о чем можно говорить, и одновременно с этим выступает инструментом, который помогает описывать политическую ситуацию удобным авторам текстов способом, используя его по-новому. Авторы подчеркивают неоднозначность ситуации и отсутствие устоявшихся определений и понятий, отражающих политическую реальность,

¹ «Мы выжили там, где вымерли мамонты». Как национальный вопрос повлиял на смену власти в Якутии // Коммерсант. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3766947> (дата посещения: 31.05.2020).

² Место силы. Откуда родом якутские чиновники и главы крупных компаний // News.Ykt.Ru. – Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/90922> (дата посещения: 31.05.2020).

для того чтобы пользоваться преимуществами изменения существующего дискурса.

Идеей фикс правительства РБ и общебурятских организаций всегда было стирание племенных особенностей. Одновременно по какой-то удивительной логике районные землячества (опора бурятской клановщины) всячески поддерживались. Но несмотря ни на что племенной уровень идентичности у хори (ранее в тексте их определили как племя. – А. М.) в целом восстановился к 2010 году. При этом ни в советские годы, ни в 90-х у хори не появилось политического клана. Хотя политика того времени благоприятствовала подобному развитию. В 90-х начался процесс консолидации хонгодоров. Появлялись политические группировки «семейских» и «северных». Но крупнейшие бурятские общности республики – хоринцы и селенгинцы – оказались вне тренда¹.

Правило автохтонности во всех этих текстах – определяющее. Трайбализм в политике обсуждают тогда, когда речь идет о коренном населении. Иные ситуации редки и лишь подчеркивают правило – их вписывают в модель «трайбализм у коренного населения». Способы для этого выбираются разные, но все они приписывают местную идентичность тем политикам, действия которых описываются в рамках трайбалистского дискурса. Существование связи трайбализма и коренного населения как нормы для изученных нарративов приводит к тому, что часто в них поднимается тема границ. Но границы обсуждаются в определенном ключе: как границы, разделяющие или объединяющие политиков, которых называют представителями коренных этнических групп, что становится инструментом для легитимации.

Не случайно глава бурятских коммунистов В. Мархаев в большом интервью журналисту федерального интернет-портала обосновывает свои претензии на власть в терминах трайбализма:

...я поехал в Бурятию и поступил в педагогический институт. Это сейчас мои враги говорят, что я тут чужой и там чужой. А какой я чужой? Мой род – булагаты – кочевал с западного

¹ Кому принадлежит Бурятия: Народ одиннадцати отцов. Часть 6 // Информ Полис. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/103988-komu-prinadlezhit-buryatiya-narod-odinnadtsati-ottsov-chast-6/> (дата посещения: 31.05.2020).

*берега Байкала на восточный и обратно и до сих пор живет по обе стороны*¹.

А журналист выносит эту идентичность в подзаголовок статьи «Строптивый булагат», подчеркивает ее важность в местной политике:

Род его, булагаты, крупный и уважаемый, что крайне важно в Бурятии.

При этом булагатов в статье называют то родом, то племенем. Здесь это одна из характеристик политика наряду с учителем, солдатом, милиционером, героем. Она нужна для того, чтобы обосновать легитимность его личных претензий на власть как представителя части бурятского населения. И трайбализм становится самым удобным для этого способом.

Социальная практика разграничения

Характер большинства текстов о политике, воспроизводящих дискурс о трайбализме, свидетельствует о том, что формируемые в них смыслы становятся способом структурировать политическое пространство и одновременно актуализировать этническую идентичность политиков. Племенная идентичность упоминается как ее составляющая. Это дает возможность объяснять действия политиков, ссылаясь на то, что в соответствии с этнической идентичностью человек организует и направляет свое поведение [Ачкасов, 1999]. Трайбализм в данной ситуации все так же является инструментом легитимации суждений авторов о распределении ресурсов и власти, в центре внимания оказываются границы, упорядочивающие политическое пространство, разделяя его. Важнейшим становится вопрос о том, к какой группе принадлежит политик. Можно ли его отнести к коренному населению, т.е. можно ли говорить о нем и его деятельности в категориях трайбализма, – речь идет о внешних границах. Какую идентичность, описанную языком трайбализма, внутри этнической группы ему приписать – речь идет о внутренних границах. Для этого авторы текстов формулируют свое видение нации [Förster, 2013] в разной степени подроб-

¹ «Шаманист-коммунист» // Такие дела. – 2019. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/2019/10/shamanist-kommunist/> (дата посещения: 31.05.2020).

ности. Каждый из них презентует свою концепцию и / или опровергает концепции своих оппонентов.

Внешние этнические границы чаще всего актуализируются в двух ситуациях. Во-первых, когда необходимо обосновывать претензии на власть конкретных политиков. Статус Бурятии и Якутии как национальных республик и существование в них титульных наций способствует появлению такой необходимости. Возможна не только легитимация действий политика, но и его эксклюзия, обоснование отсутствия прав на какие-либо политические действия через отсутствие трайбалистской идентичности. Во-вторых, когда речь идет об особенностях местной политики. Трайбализм описывается как часть национальных черт, а они в свою очередь становятся синонимичны политической культуре [Малинова, 2006, с. 119].

Почти всегда в национальных республиках система власти основывается на балансе интересов различных кланов и группировок – территориальных, родо-племенных и, скажем так, олигархических. Поэтому бурятская политика значительно отличается от соседних регионов, где основная политическая борьба происходит между экономическими конкурентами¹.

Авторы оценивают политические события, утверждают, что необходимо действовать определенным образом при помощи описываемых концепций этнической принадлежности, культуры, внутренней национальной структуры. Выделяются специальные характеристики: тот, кто ассоциируется с этнической группой, описывается обладателем национальных черт наряду с характеристиками, приписываемыми трайбалистской группе, а они, в свою очередь, преподносятся как составляющие национальных черт.

Сюжеты, акцентирующие внимание на внешних границах, особенно популярны в текстах, негативно характеризующих действия федерального центра. Появляется возможность описать противопоставление, обосновать неподчинение, не сообщая напрямую сепаратистские идеи. Такие отсылки к «маргинальному» трайба-

¹ Противоядие для Бурятии. Почему приход Цыденова во власть оздоравливает политику // ARD. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/17162/> (дата посещения: 31.05.2020). Перепечатано на нескольких ресурсах, в том числе на «Новая Бурятия». – Режим доступа: <https://newbur.ru/n/49337/> (дата посещения: 31.05.2020), телеграм-канале «Таёжный привал». – Режим доступа: t.me/taugarprivat (дата посещения: 31.05.2020) и других.

лизму [Скотт, 2017, с. 60; Gellner, 1969, p. 13] понятны и аудитории, что фиксируется в обсуждении подобных текстов. Аргументация с помощью обращения к истории, подчеркивания наличия внешних границ актуализирует вопросы о собственной государственности, особенностях политического устройства как неотъемлемой части местных традиций, что в итоге позволяет обосновать авторские идеи.

Проживание в пределах определенных границ важно и при обсуждении внутренней структуры этнической группы. Идентичность, описываемая языком трайбализма, становится основой объединения и разделения. Границы групп населения, которые можно связать с политическими объединениями, удобно очерчиваются таким способом. Так создаются значимые группы, маркируются отличия в их поведении [Этнические группы ..., 2006, с. 18]. Родоплеменные идентичности, привязанные к определенной территории, – довольно популярная модель обсуждения столкновения политических групп влияния. Главным здесь становится принцип территориальности. Политики ассоциируются с конкретной территорией, поскольку объявляются членами племени, клана, рода, которые исторически на ней сложились и стали составляющей для сформировавшейся этнической группы. Часто акцент ставится на том, что описываемый человек либо является членом племени и, следовательно, этнической группы, либо не является [Нойманн, 2004, с. 247–248].

Практика воображения нации как единства, составленного из элементов, описанных языком трайбализма, все так же играет на конкретную ситуацию. Ее использование не означает наличия в тексте ясной отсылки к реальным публичным группам, к конкурирующим видениям нации, которые существуют вне определенной статьи или записи. В одном и том же тексте могут присутствовать описания разного рода идентичностей: родо-племенных, этнических, земляческих и других. Единственное, что их объединяет, – значимость в контексте политики, поэтому эта смесь вызывает удивление только тогда, когда описывается ситуация, в которой политический актор использует множество таких политических идентичностей или связей с подобными группами. Одна из публикаций, в основном посвященная проблеме существования политического клана на основе одного из бурятских племен и принадлежности к этому клану конкретного политика, в заключение

содержала рассуждения о возможности использования политиком разных групп и соответствующих идентичностей в своих целях, важны были лишь их политические измерения.

Что интересно, он сумел привлечь под свои знамена и часть русского населения, представители которого в том числе и выдвинули его кандидатуру на президентские выборы 2002 года. Таким образом, мухоришибирец (территориальная идентичность. – А. М.), попавший в республиканскую политику от Закамны (территориальная идентичность. – А. М.), временами друживший с «семейскими» (клановая идентичность. – А. М.), был выдвинут русскими (этническая идентичность. – А. М.). И это еще не весь «интернационал»¹.

При этом наличие клановой системы в Бурятии не отрицается. Она лишь объявляется уникальной: наряду с внутренними границами, описываемыми в большей части текста, подчеркиваются и внешние. Нарушение политической идентичности, описываемой в рамках дискурса трайбализма, может осуждаться, но не отрицается, потому что все эти группы характеризуются как политические.

Дискурс трайбализма подразумевает описание политических идей и повесток дня в ситуации, когда речь идет о столкновении крупных групп политиков, причисляемых к единой коренной этнической группе. Это позволяет объяснять описываемые политические ситуации через выстраивание внешних и внутренних границ. Внешние границы связаны с процедурой инклюзии или эксклюзии политических акторов: являются ли они местными, входят ли они в коренную этническую группу, могут ли они представлять интересы местного населения? Внутренние границы связаны с легитимацией распределения власти и ресурсов на основе иерархических моделей внутринациональных трайбалистских групп. Взаимоотношения между ними обычно обосновываются историческими отсылками. Тексты описывают политическую ситуацию по-своему, а разные силы пытаются представить свой национализм: традиционные группы, исторически привязанные к конкретной территории, составляющие нацию и внутреннюю иерархию этих групп. Однако эти концепции формулируются не с

¹ Кому принадлежит Бурятия: Народ одиннадцати отцов. Часть 6 // Информ Полис. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/103988-komu-prinadlezhit-buryatiya-narod-odinnadtsati-ottsov-chast-6/> (дата посещения: 31.05.2020).

долгосрочными целями создания новой национальной идеи, напротив, они скорее отвечают временным запросам интерпретации происходящих политических событий, перестают быть актуальными через некоторое время, а на их смену приходят новые тексты такого же характера. Меняется конфигурация политического пространства (новые назначения, крупные политические события и т.п.) – меняются описания групп и их взаимоотношений.

* * *

Дискурс трайбализма стал эффективным инструментом для создания смыслов, которые авторы публикаций о политике стремятся сформировать у своего читателя. Это способ описания групп, имеющих значение в поле политики, их границ, взаимосвязей, набора ценностных характеристик, присущих их членам. Кроме того, трайбализм дает возможность идентифицировать политиков с этими группами. Это структурирует представления о том, у кого и почему должна быть власть. Большая часть текстов о трайбализме посвящена проблеме распределения ресурсов и политической борьбе. Часто повторяются рассуждения о родо-племенных отношениях, клановости и их местных особенностях.

Язык трайбализма используется беспорядочно. В одном и том же тексте могут употребляться разные термины, которые будут называть одно и то же явление. Тексты не образуют единую совокупность нарративов с общими сюжетами. Каждый из них предлагает свою концепцию трайбализма как политического явления: с собственной системой терминов, основных понятий, с собственным пониманием трайбализма как такового. Трайбализм становится инструментом описания политической ситуации, а сформулированная модель отношений перестает быть актуальной, когда меняется политическая повестка дня. Но общая норма существует – схожие цели создания, структура текстов, использование одних и тех же терминов (хоть и в разной интерпретации), групповая идентичность политиков как центральная тема.

Связь трайбализма с идеями укорененности и традиционности приводит к тому, что он используется как язык для описания этнических групп, их внешних границ и внутренних составляющих. Всё это, в свою очередь, помогает обосновать претензии по-

литиков на власть и ресурсы или, напротив, аргументировать их нелегитимность. Таким образом, трайбализм как язык описания политики становится инструментом объяснения политических событий. С помощью этих дискурсов тех или иных акторов распределяют по значимым с политической точки зрения группам. Так появляются категоризации о сходствах и различиях, о границах и последствиях их существования, об их естественности и укорененности, о «своих» и «чужих». Воспроизводство трайбалистского дискурса в регионе становится способом описания политического, одновременно упорядочивая и категоризируя его. Несмотря на то что информация легко меняется от текста к тексту, дискурсивный порядок остается стабильным. Приписывание политическим акторам принадлежности к группам, воображаемым в категориях трайбализма, не подразумевает, что они будут вести себя определенным образом или иметь набор политических идей. Но тексты сами влияют на дискурсивные практики, а значит, в будущем сформулированные модели родо-племенной идентичности могут стать более устойчивыми и политически значимыми.

Список литературы

- Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2, № 1. – С. 48–58.
- Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – М.: МОНФ, 2000. – 320 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Власть и элиты в современной России. – СПб.: Интерсоцис, 2003. – С. 118–132.
- Косалс Л.Я. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/klanovyyj-kapitalizm-v-rossii.html> (дата посещения: 31.05.2020).
- Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 381 с.
- Ламажсаа Ч.К.О. Клановость в политической жизни регионов России // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3. – С. 133–147.
- Ламажсаа Ч.К.О. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. – СПб.: Алетей, 2010. – 208 с.
- Ламажсаа Ч.К.О. Проблема политической архаизации Тувы // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 108–115.

- Либман А.М. Между «клановым капитализмом» и «управляемой демократией»: взаимосвязь экономической и политической систем в современной России // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 6. – С. 97–111.
- Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 2. – С. 134–154.
- Малинова О.Ю. Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 5. – С. 106–128.
- Нанзатов Б.З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 2. – С. 32–37.
- Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. – СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. – 320 с.
- Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
- Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.
- Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5–24.
- Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным: анархическая история высокого-рий Юго-Восточной Азии. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.
- Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России: (антрополог. очерки). – М.: Наталис, 2010. – 384 с.
- Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить отблагодарить»: дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2010. – № 1. – С. 50–72.
- Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
- Atkin M. Thwarted democratization in Tajikistan // Conflict, cleavage, and change in Central Asia and the Caucasus / K. Dawisha, B. Parrott (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 277–311.
- Collins K. Clan politics and regime transition in Central Asia. – Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2006. – 376 p.

- Eickelman D.* The Middle East and Central Asia: an anthropological approach. – Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998. – 388 p.
- Fairclough N.* Discourse and social change. – Cambridge: Polity, 1992. – vii + 259 p.
- Förster T.* Insurgent nationalism: political imagination and rupture in Côte d'Ivoire // *Africa Spectrum*. – 2013. – Vol. 48, N 3. – P. 3–31. – DOI: <https://doi.org/10.1177/000203971304800301>
- Gellner E.* Saints of the Atlas. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – xxiii + 317 p.
- Humphrey C., Sneath D.* The end of nomadism? – Durham, NC: Duke University Press, 1999. – 368 p.
- Jackman M.R., Jackman R.W.* An interpretation of the relation between objective and subjective social status // *American sociological review*. – 1973. – Vol. 38, N 5. – P. 569–582. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2094408>
- Zhanaev A.* The human being in social and cosmic orders. Categories of traditional culture and the problems of contemporary Buryat identity. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. – 274 c.

A.A. Mikhaleva*

Clan language:

political imagination and identity in the Russian Far East

Abstract. This article discusses a phenomenon that is gaining popularity – a description of political events in the Russian Far East in the language of tribalism. The study is based on critical discourse analysis, which makes it possible to compare many texts mentioning tribalism in one form or another with the discursive and social practices in the region. The study offers a typology of tribalist political discourses, and also examines in detail one of the options common in national republics. The analysis shows that tribalism in the description of politics has little in common with real political groups; it is rather used as a tool to describe political events and explain them in a way convenient for the author. It is closely related to tradition and rooting (autochthonism). This allows us to discuss the identities of political actors and make judgments about the legitimacy of their actions.

Keywords: tribalism; discourse; identity; group; clan; tribe.

For citation: Mikhaleva A.A. Clan language: political imagination and identity in the Russian Far East. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 269–289. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.13>

* **Mikhaleva Anastasia**, Center of Political Transformations Studies, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: afan-project@mail.ru

References

- Achkasov V.A. Ethnic identity in situations of social choice. *The journal of sociology and social anthropology*. 1999, Vol. 2, N 1, P. 48–58. (In Russ.)
- Afanasyev M. *Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia*. Moscow: MONF, 2000, 320 p. (In Russ.)
- Atkin M. Thwarted democratization in Tajikistan. In: K. Dawisha, B. Parrott (eds). *Conflict, cleavage, and change in Central Asia and the Caucasus*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, P. 277–311.
- Barth F. (eds.) *Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural difference*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 200 p. (In Russ.)
- Collins K. *Clan politics and regime transition in Central Asia*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2006, 376 p.
- Eickelman D. *The Middle East and Central Asia: An anthropological approach*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998, 388 p.
- Fadeeva L.A. Identity as political science term: research area and cognitive resource. *Political Science (RU)*. 2016, N 2, P. 164–180. (In Russ.)
- Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge: Polity, 1992, vii + 259 p.
- Förster T. Insurgent nationalism: political imagination and rupture in Côte d'Ivoire. *Africa Spectrum*. 2013, Vol. 48, N 3, P. 3–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/000203971304800301>
- Foucault M. *The archaeology of knowledge*. Saint Petersburg: IC “Gumanitarnaja Akademija”; Universitetskaja kniga, 2004, 416 p. (In Russ.)
- Foucault M. *The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality*. Moscow: Kastal', 1996, 448 p. (In Russ.)
- Fukuyama F. *Identity: The demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O. Political and financial clans in the processes of parliamentary representation of contemporary Russia. In: Duka A. (eds). *Power and elites in modern Russia*. Saint Petersburg: Intersocis, 2003. P. 118–132. (In Russ.)
- Gellner E. *Saints of the Atlas*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969, xxiii + 317 p.
- Humphrey C. *Post-Soviet transformations in Asiatic Russia (anthropological sketches)*. Moscow: Natalis, 2010, 384 p. (In Russ.)
- Humphrey C., Sneath D. *The end of nomadism?* Durham; NC: Duke University Press, 1999, 368 p.
- Jackman M.R., Jackman R.W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American Sociological Review*. 1973, Vol. 38, N 5, P. 569–582. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094408>
- Kosals L. Clan capitalism in Russia. *Neprikosnovennyi zapas*. 2006, N 6. – Mode of access: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/klanovyyj-kapitalizm-v-rossii.html> (accessed: 31.05.2020). (In Russ.)
- Kradin N.N. *Political anthropology*. Moscow: Logos, 2004, 272 p. (In Russ.)

- Kryshtanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov, 2005, 381 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. Clanship in the political life of regions in Russia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2007, N 3, P. 133–147. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. *Clannishness in the politics of Russian regions. Tuvan rulers*. Saint Petersburg: Aletheia, 2010, 208 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. The problem of the political archaization of Tuva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011, N 2, P. 108–115. (In Russ.)
- Libman A.M. Between “clan capitalism” and “managed democracy”: the relationship of economic and political systems in modern Russia. *Svobodnaia mysl' – XXI*. 2004, N 6, P. 97–111. (In Russ.)
- Lukin A. The transition period in Russia: democratization and liberal reforms. *Polis. Political Studies*. 1999, N 2, P. 134–154. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. “Political culture” in Russian scientific and public discourse. *Polis. Political Studies*. 2006, N 5, P. 106–128. (In Russ.)
- Nanzatov B.Z. The settlement of the Buryats and their neighbors in the late 16 th – first half of the 17 th centuries. *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra Sibirskogo ot-delenija Rossijskoj akademii nauk*. 2011, N 2, P. 32–37. (In Russ.)
- Neotraditionalism: archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes. Saint Petersburg: Centr informatizacii obrazovanija «KIO», 2019, 320 p. (In Russ.)
- Neumann I. *Uses of the other: “The East” in European identity formation*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 336 p. (In Russ.)
- Peregudov S., Lapina N., Semenenko I. *Interest groups and the Russian state*. Moscow: Editorial URSS, 1999, 352 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Political identity and identity politics. *Political expertise: POLITEX*. 2011, Vol. 7, N 2, P. 5–24. (In Russ.)
- Scott J.C. *The art of not being governed*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2017, 568 p. (In Russ.)
- Shahnazarian N., Shahnazarian R. “Show me respect”. Discourses about the parallel economy, kinship, and corruption in Caucasian communities. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2010, Vol. 2, N 1, P. 50–72. (In Russ.)
- Tishkov V.A. *Requiem for ethnicity: studies in socio-cultural anthropology*. Moscow: Nauka, 2003, 544 p. (In Russ.)
- Zhanaev A. *The human being in social and cosmic orders. Categories of traditional culture and the problems of contemporary Buryat identity*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019, 274 p.

РЕТРОСПЕКТИВА

О.И. ЗАЗНАЕВ, В.В. СИДОРОВ*

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЛИ ПАРЛАМЕНТСКАЯ СИСТЕМА: ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ ЭТНИЧЕСКОМУ КОНФЛИКТУ?¹

Аннотация. Управление этническими конфликтами включает в себя комплекс мер институционального и неинституционального порядка, направленных на предотвращение, урегулирование и разрешение конфликтов на этнической почве. Среди большого числа мер, к которым прибегают государства и другие политические акторы, можно особо выделить оптимальную организацию власти, способную «погасить» и «затушить» этнически окрашенные конфликты, вплоть до насилия, вооруженных столкновений и войн.

В статье анализируется малоизученная в научной литературе проблема взаимосвязи между формой правления и этническими конфликтами. Авторы отвечают на вопрос о том, какая из форм правления – президентская или парламентская – создает риски возникновения конфликтов на этнической почве. Цель статьи – определить институциональные элементы, представляющие угрозу для этнического мира и согласия, а также показать позитивные черты президентизма и парламентаризма, которые смягчают этнические конфликты.

В качестве основного методологического подхода авторы выбрали неоинституционализм, определяющий центральное место политических институтов в объяснении природы этнических конфликтов. Выводы авторов основываются на

* **Зазнаев Олег Иванович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru; **Сидоров Виктор Владимирович**, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), e-mail: Viktor.Sidorov86@icloud.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00102

© Зазнаев О.И., Сидоров В.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.14

проведенном сравнительном анализе теоретических и эмпирических результатов исследований этнических конфликтов.

Авторы приходят к выводу, что президентская система создает более благоприятные условия для урегулирования этнических конфликтов по сравнению с парламентской. Для того чтобы «сгладить» негативные последствия президентской и парламентской систем, государства прибегают к институциональным «экспериментам», модернизируя классические модели. В статье рассматриваются атипичные системы и атипичные элементы систем, помогающие решить проблемы, свойственные «чистой» президентской и «чистой» парламентской системе. Также дается оценка эмпирическим исследованиям, в которых на основе большого массива данных выявляются взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами.

Ключевые слова: этнический конфликт; форма правления; президентская система; парламентская система; политические институты; управление конфликтом; урегулирование конфликта; разрешение конфликта.

Для цитирования: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 290–308. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.14>

Для предотвращения этнических конфликтов применяется система мер, среди которых особо выделяются институциональные меры. Меняя форму политико-территориального устройства, избирательную систему и форму правления, государство стремится предупредить этнические конфликты и способствовать их смягчению и урегулированию. Во многих государствах этническая идентичность выступает одним из главных побудителей для политической мобилизации людей [Фарукшин, Зазнаев, 2009]. Политизация этничности таит в себе опасности для целостности и стабильности многих государств. Ослабление гражданской и наднациональной идентичностей ведет к росту вероятности этнических конфликтов. Противодействие этим тенденциям видится одним из важнейших направлений государственной политики. Глубже понять механизмы взаимодействия государственных институтов и этнических конфликтов позволит изучение влияния формы правления на этнические конфликты. Таким образом, актуальность исследования роли формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов заключается в значимости решаемой проблемы как на теоретическом, так и на практическом уровне государственной политики.

Президентская и парламентская системы в условиях полиэтнического общества: аргументы «за» и «против»

В современной сравнительной политологии распространено мнение, что для этнически разнородных обществ лучше подходит парламентская, а не президентская система, поскольку в ней существует коллегиальный механизм принятия решений [Лейпхарт, 1997; Lijphart, 1991, p. 72–84; Linz, 1990, p. 51–60], а президентская система создает опасность возникновения этнических конфликтов в силу того, что «победитель получает все» [Theuerkauf, 2013, p. 72]. Другие авторы, напротив, ратуют за президентскую систему, указывая в качестве ее плюсов в условиях полиэтнического общества обеспечение президентом группового согласия и примирения [Horowitz, 2004; Roeder, Rothchild, 2005].

На наш взгляд, президентская система по сравнению с парламентской системой имеет ряд преимуществ, которые позволяют более эффективно управлять этническими конфликтами.

Во-первых, президентская система предполагает, что президент обладает значительными полномочиями, которые дают возможность принимать властные решения по преодолению политического кризиса во взаимоотношениях между противоборствующими этническими группами. Эти решения часто связаны с непопулярными мерами, требующими четких однозначных решений. Например, в Шри-Ланке в 1978 г. была изменена форма правления на президентскую, что позволило закрыть экстремистам доступ к власти и способствовать умеренности и компромиссам в расколотом обществе [Horowitz, 1990, p. 77]. Иной пример дает Первая республика Нигерии, где в 1960-е годы существовала парламентская система, при которой весьма слабый президент не мог справиться с этническими конфликтами, переросшими в гражданскую войну. Понимая, что «гражданская война за Биафру была вызвана тем, что у одной этнической группы был контроль над парламентом, тем самым совершенно исключая другие группы из власти» [Horowitz, 1991, p. 210], Нигерия перешла к президентской системе с избираемым народом президентом.

Во-вторых, Д. Горовиц справедливо отмечает, что всенародно избираемый президент, имеющий широкую поддержку, обладает возможностью смягчения конфликтов [Horowitz, 1991, p. 206]. Он избирается электоратом всей страны, а не отдельного округа (как

депутат парламента), и потому является символом национального единства [Suberu, Diamond, 2002]. Если у этнических групп нет большинства в парламенте, избранный на прямых выборах президент дает им возможность получить доступ к исполнительной власти [Horowitz, 1991, p. 206], поскольку президент, понимая необходимость достижения согласия в обществе, может назначить на правительственные и министерские должности представителей разных этнических групп. Президенты в президентской системе выступают, скорее всего, как «социальные объединители, а не разъединители» [Sisk, 2013]. Они акцентируют свое внимание не на интересах одной этнической группы, а на всеобщих интересах, на согласии между разными этническими группами, поэтому президентские системы стимулируют предвыборные межэтнические коалиции [Sisk, 1996, p. 54], способствуют внедрению переговорных правил и включению групп во власть [Horowitz, 1991, p. 205].

В-третьих, президентская система характеризуется разделением властей и системой сдержек и противовесов. Последняя важна для предотвращения ситуации, когда «победитель получает все», а таким победителем может выступать этническая группа. Парламентские партии могут оппонировать этнической политике президента, предотвращая принятие решений, идущих вразрез с интересами этнических групп. Важно подчеркнуть, что президентская система может создать так называемое разделенное правление, когда президент и конгресс различаются по своей партийной принадлежности, а значит, парламентское большинство будет эффективно противостоять президенту. Партии, представляющие интересы этнических групп, могут контролировать голосование в конгрессе, устраняя тем самым основу конфликта [Shugart, Carey, 1992]. В президентской системе у этнических групп больше мест, где они могут препятствовать нежелательным действиям со стороны властей. В противном случае они «склонны к насильственным действиям, когда они не могут блокировать политику, которая может нанести им ущерб» [Democratization, political institutions, and ethnic conflict ..., 2002, p. 110–111]. В парламентской системе партия большинства в парламенте, за которой стоит этническая группа, доминирует в парламенте и правительстве, принимая решения вразрез с интересами других этнических групп, провоцируя их на негативную реакцию.

Несмотря на эти достоинства, президентская система ведет к снижению политического представительства этнических меньшинств [Theuerkauf, 2010, p. 117–139]. Принято считать, что в президентской системе действует принцип «победитель получает все», а именно исполнительная власть достается выигравшему президентские выборы кандидату, который, став президентом, контролирует кабинет, министерства и ведомства. Как писал Х. Линц, в президентской системе неизбежна «игра с нулевой суммой» [Linz, 1990, p. 55–56]. Это означает, что проигравшие кандидаты, представляющие этнические группы, не имеют возможности получить долю исполнительной власти. «Опасность того, что президентские выборы превратятся в игру с нулевой суммой, усугубляется жесткостью срока полномочий президента в должности, – продолжает Х. Линц. – Победители и проигравшие четко определены на весь период президентского мандата» [Linz, 1990, p. 56]. Жесткость президентской системы означает, что до окончания срока полномочий президента его нельзя отправить в отставку¹. Отсюда возможны поляризация в обществе и недовольство этнических групп.

Доминирование одной этнической группы обладает большим конфликтогенным потенциалом. Так, после получения независимости Нигерия избрала для себя парламентскую систему, при которой северные этнические группы захватили власть в парламенте, что привело к конфликтам и военным переворотам [Horowitz, 1990]. Для смягчения ситуации страна перешла к президентской системе, обеспечившей разделение власти. Однако, на наш взгляд, сама по себе форма правления не ведет к этническому доминированию, а мажоритаризм может создать условия для господства одной этнической группы. При этом и президентская, и парламентская системы обладают такой чертой.

В парламентской системе одна партия, опирающаяся на одну этническую группу, может получить абсолютное большинство мест в парламенте, сформировать кабинет и полностью контролировать повестку дня. При этом все иные группы будут отстранены

¹ О других недостатках президенциализма, описанных Х. Линцем, и их воплощении в политической практике постсоветских стран см.: [Зазнаев, Сидоров, 2018].

от принятия решений. Тем самым торжество большинства становится предпосылкой для этнократии.

Что касается президентской системы, то, несмотря на разделение властей, здесь возможна ситуация, когда одна группа имеет пост президента и большинство в конгрессе, тем самым возникают условия для доминирования во власти одной этнической группы. Ситуация разделенного правления (президент и большинство в конгрессе принадлежат к разным группам) блокирует появление этнократии. Кроме того, система сдержек и противовесов президентизма является гарантией против этнического доминирования.

Итак, благодаря ряду институциональных черт президентская система лучше справляется с этническими конфликтами, а парламентская система создает более благоприятные условия для этнического представительства. Однако любая форма правления, будь то президентская или парламентская, сама по себе не может гарантировать бесконфликтности. Кроме того, среди институциональных факторов разрешения конфликтов важны избирательная система и форма государственного устройства [Theuerkauf, 2013, p. 72], в частности, справедливо отмечено, что федерализм обладает потенциалом разрешения этнических конфликтов [Ильиченко, 2011, с. 170] и играет позитивную роль в устранении угрозы дезинтеграции государства [Фарукшин, 2013, с. 325]. Что касается формы правления, то, «несмотря на некоторые важные предположения о влиянии парламентаризма, президентизма и полупрезидентизма на перспективы этнополитической (не)стабильности, она редко рассматривается как ключевой фактор в конституционной структуре этнически разнообразных обществ» [Theuerkauf, 2013, p. 72].

В поисках лучшей формы правления

Президентская и парламентская системы не являются единственными альтернативами. Для того чтобы «сгладить» недостатки «чистой» президентской и «чистой» парламентской систем, создаются атипичные формы правления и атипичные элементы типичных форм правления, призванные отразить основные интересы этнических групп, сформировать механизмы бесконфликтного существования [Зазнаев, 2014]. Можно выделить несколько атипичных институ-

тов, которые существенно трансформируют президентскую и парламентскую системы.

А) Коллективное президентство. Правительство Швейцарии является коллегиальным органом исполнительной власти (коллективным «президентом»), которое, будучи избранным, не может быть отправлено в отставку. Правительство Швейцарии состоит из семи членов и называется Федеральный совет. В его полномочия входит реализация общенационального бюджета, вопросы обороны, внешняя политика и т.д. Принцип коллегиальности правительства зафиксирован конституционно, все члены правительства равны между собой и по очереди каждый из них возглавляет кабинет. Швейцария характеризуется высоким уровнем межэтнического согласия и отсутствием конфликтов.

Другой пример коллективного президентства – это Босния и Герцеговина, где высший орган исполнительной власти (Президиум) состоит из трех человек – мусульманина, серба и хорвата, каждый из которых избирается на два года населением на прямых выборах (избиратели Федерации Боснии и Герцеговины голосуют за хорвата и мусульманина, а избиратели Республики Сербской – за серба). Во главе Президиума стоит председательствующий, занимающий эту должность восемь месяцев, затем он меняется по ротации. Многие аналитики считают, что общественная система Боснии и Герцеговины, включая коллективное президентство, внесла вклад в прекращение насилия в стране [Кудряшова, 2010; Touquet, Vermeersch, 2008].

Приведем еще два случая коллективного президентства. Один из них – гипотетический – предложен для Кипра Организацией Объединенных Наций в плане Кофи Аннана в 2004 г. Другой случай – Северная Ирландия, где с 1999 г. исполнительную власть возглавляют первый министр и заместитель первого министра, которые формально равны и не могут быть смещены простым большинством голосов легислатуры.

Мы можем прийти к выводу, что такие проблемы президентской системы, как нулевой (*zero-sum*) характер президентских выборов, неколлегиальная природа исполнительной власти и относительно низкая вероятность создания коалиций, «могут быть разрешены путем коллективного (или консоциального) президентизма или полупрезидентизма» [McGarry, 2013].

Б) Президентство с независимым и сильным вице-президентом (вице-президентами). Конституцию Кипра 1960 г. можно определить как президентскую, однако наряду с должностью президента, которую должен был занимать грек-киприот, была предусмотрена должность вице-президента, зарезервированная для турка-киприота. Как президент, так и вице-президент могли назначать министров кабинета, и каждый из них обладал правом вето на определенные решения исполнительной власти и на решения законодательной власти. В литературе этот режим называли «вице-президентским» [McGarry, 2013]. Необычность кипрской конструкции заключалась в праве каждого из двух политиков блокировать действия другого, что приводило к тупиковым ситуациям. Кипрскую форму правления по Конституции 1960 г. нельзя назвать коллективным президентством, так как решения не принимаются коллегиально. Обострение конфликта между греками и турками в декабре 1963 г. поставило крест на этих идеях. Попытка урегулировать конфликт с помощью институциональных механизмов провалилась. Конституция 1960 г. де-юре действует, однако де-факто турецкая община живет отдельно от греческой части острова и не участвует в распределении государственных должностей согласно механизмам, заложенным в конституции 1960 г.

Временный административный закон Ирака действовал с 2003 по 2005 г. Этот закон предусматривал наряду с президентом создание должностей двух вице-президентов, обладавших правом вето на законы. Закон не устанавливал этнических квот при занятии должностей вице-президента, однако сам факт избрания президента и вице-президента парламентом указывал на возможность создания межэтнических коалиций. В 2005 г. была принята Конституция Ирака, утвердившая иную систему власти – парламентскую республику. Сложно оценивать успешность институционального способа разрешения межэтнических противоречий в Ираке, поскольку продолжающаяся гражданская война и война с терроризмом сводят на нет все усилия по достижению гражданского мира в Ираке.

В рамках всеобъемлющего мирного соглашения 2005 г. Судан провел эксперимент с учреждением должностей президента, первого вице-президента и вице-президента, однако он не увенчался успехом.

Таким образом, институт президентства с независимым и сильным вице-президентом (вице-президентами) не работает на практике. Возможность блокирования решений президента со стороны вице-президентов в условиях эскалации этических конфликтов создает предпосылки для системного кризиса, не формирует стимулов для взаимных уступок и создания атмосферы доверия.

В) Сильное президентство в условиях парламентской системы. В Ливане сформирована система с сильным президентом (эту должность может занимать только христианин-маронит, в то время как премьер-министр должен быть суннитом, а спикер парламента – шиитом), который не избирается народом (как обычно избирается сильный президент), а получает свою должность путем избрания в парламенте или голосования по продлению полномочий. Поэтому Ливан не является ни парламентской республикой (как определяет его конституция), ни квазипрезидентской системой [Lijphart, 1994; Лейпхарт, 1997, с. 185]. Скорее всего, Ливан представляет собой промежуточный режим [Shugart, Carey, 1992, p. 80]. Наличие сильного президентства в условиях функционирующего во многом по законам парламентаризма режима создает атипичную систему, стремящуюся отразить во власти интересы разных конфессий и этнических групп.

Итак, атипичные институты в условиях президентской и парламентской системы, в которых представители этнических групп занимают высшие государственные должности, разнообразны и направлены на расширение этнического представительства и сокращение рисков конфликтов на этнической почве. Проведенный анализ показывает, что среди необычных вариантов институционального устройства именно коллективное президентство и сильное президентство в условиях парламентской республики являются предпочтительными вариантами, в то время как иные конструкции, построенные по принципу блокирования решений представителей этнических групп, не прошли проверку временем во время эскалации этнических конфликтов.

Эмпирическая проверка гипотезы о влиянии форм правления на этнические конфликты

Гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты требует эмпирической проверки, что было сделано в зарубежной политической науке рядом авторов. В исследовании С. Сайдемана и его коллег была проанализирована база данных по этническим группам «Меньшинства в ситуации риска»¹ за 1985–1998 гг. С помощью статистического метода анализа временных рядов авторами было изучено 275 этнических групп в 116 странах. Каждая этническая группа за каждый год анализа была включена в выборку как отдельная единица анализа. Итоговое количество таких единиц составило 3696. Результаты статистического анализа показали незначительную связь между парламентской или президентской системами, с одной стороны, и этническими конфликтами – с другой. В то же время избирательная система оказалась значимой переменной. Однако полученные результаты требуют дальнейшей эмпирической проверки на большом числе случаев [Democratization, political institutions, and ethnic conflict ..., 2002, p. 124].

Д. Бранкати [Brancati, 2006] подверг статистическому анализу 30 демократий с 1985 по 2000 г. Его исследование также было основано на базе данных «Меньшинства в ситуации риска» и других базах данных по институциональному устройству государств. Результаты его анализа показали, что президентская форма правления несколько уменьшает вероятность возникновения этнических конфликтов, однако данный вывод не относится, по мнению автора, к сепаратистским конфликтам [Brancati, 2006]. В итоге Д. Бранкати делает категоричный вывод, что взаимосвязь президентской формы правления и этнических конфликтов статистически незначима [Brancati, 2006, p. 679].

Г. Шнайдер и Н. Вайсхомайер провели эмпирический анализ 87 демократий и 34 случаев гражданской войны за период с 1950 по 2000 г. Их интересовал вопрос, какое институциональное устройство снижает риски возникновения гражданских войн в государствах с общественными расколами по этническим линиям [Schneider, Wiesehomeier, 2008]. В своем исследовании они опира-

¹ The Minorities at risk // MAR. – Mode of access: <http://www.mar.umd.edu/> (accessed 31.03.2020).

лись на данные по вооруженным конфликтам Упсальского университета¹. Результаты показали, что в целом президентская форма правления увеличивает риск гражданской войны, однако эта взаимосвязь нивелируется при введении в анализ различных форм этнического разнообразия – фракционирования, поляризации, доминирования [Schneider, Wiesehomeier, 2008].

У. Тойеркауф поставила вопрос о влиянии формальных институтов на риск возникновения гражданских войн. Ее исследование основывалось на двоичном анализе временных рядов и методе поперечных срезов за период 1955–2007 гг. [Theuerkauf, 2013]. У. Тойеркауф использовала базу данных «Целевой группы по политической нестабильности» Университета Джорджа Мейсона². В ее исследованиях были представлены статистические доказательства того, что высокий уровень коррупции и сочетание президентской формы правления, мажоритарной избирательной системы и унитарной формы государственного устройства увеличивают риск широкомасштабного этнического насилия.

По мнению У. Тойеркауф, президентская форма правления содержит элементы, при которых этнические группы исключаются из процессов распределения власти: характер президентских выборов с нулевой суммой, временная жесткость сроков президентских полномочий, неколлегиальный характер исполнительной власти и сравнительно низкая возможность создания коалиций [Theuerkauf, 2012, p. 89–90]. Она подчеркивает, что эта форма правления повышает риск этнического насилия по сравнению с парламентской и смешанной системами, однако, по мнению автора, это лишь теоретическое упрощение. Результаты говорят о том, что воздействие президентской власти на риск этнической гражданской войны статистически значимо лишь в трех из восьми моделей [Theuerkauf, 2013]. Очевидно, что проблемы, возникающие при измерении переменных и «анализ большего числа случаев N просто не в состоянии должным образом учесть значимость различия между странами и сложность контекстов», – справедливо отмечает У. Тойеркауф [Theuerkauf. 2013].

¹UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset // PRIO. – Mode of access: <https://www.prio.org/Data/Armed-Conflict/UCDP-PRIO/> (accessed 31.03.2020).

²Political Instability Task Force // SCIP. – Mode of access: <https://scip.gmu.edu/political-instability-task-force/> (accessed 31.03.2020).

Противоречивость глобальных сравнительных исследований этнических конфликтов отразилась в сужении политологами исследовательского фокуса. Изучение региональных причин этнических конфликтов существенно продвинуло политическую науку как в понимании конкретных случаев, так и в создании теорий среднего уровня, которые можно применить при анализе конфликтов в разных регионах мира. Попытки проведения глобальных сравнительных исследований этнических конфликтов обречены на столкновение с проблемой «мало случаев – много переменных», поскольку региональная специфика часто доминирует над универсальной логикой развертывания этнических конфликтов. В тех или иных вариациях форма правления включается в качестве независимой переменной в региональные исследования этнических конфликтов.

Американский исследователь Ф. Ресслер сфокусировался на объяснении гражданских войн и государственных переворотов в государствах Африки к югу от Сахары в постколониальный период [Roessler, 2011]. Автор указывает, что этнические конфликты не возникают в тех государствах, где институционализированы механизмы распределения власти среди этнических групп. Лидеры африканских государств часто подрывают такого рода механизмы и устанавливают этнократию или режим доминирования одной этнической группы. Эмпирический анализ Ф. Ресслера показал, что исключение некоторых групп из политики и отчуждение их представителей от политической власти приводят к увеличению шансов гражданской войны. Лидеры выбирают политику исключения этнических групп из власти в том случае, когда эти группы несут угрозу.

Ф. Ресслер не отвечает на вопрос, какая из форм правления способствует лучшему и справедливому распределению власти между этническими группами, ограничиваясь лишь замечанием, что создание межэтнических коалиций во власти помогает снизить вероятность гражданской войны и переворота. В рамках нашего анализа этот вывод можно интерпретировать следующим образом: форма правления, создающая наилучшие условия и стимулы для создания межэтнических коалиций, снижает вероятность возникновения этнических конфликтов.

Увлеченность исследователей внутренними факторами возникновения этнических конфликтов подверглась критике в неко-

торых исследованиях. Американский исследователь Д. Лейтин, основываясь на базе данных «Меньшинства в ситуации риска», подсчитал количество и среднее значение этнических восстаний в различных регионах мира с 1980 г. [Laitin, 2001]. Различия между регионами мира значительны. Его эмпирический анализ показал, что этнические восстания чаще всего происходят в государствах Северной Африки и Ближнего Востока. Изучая сецессионистские конфликты на постсоветском пространстве, Д. Лейтин пришел к выводу, что для данного региона ключевым является внешний фактор. Поддержка этнических групп со стороны родного для них в этническом смысле государства серьезно увеличивает вероятность сецессионистского конфликта, который является частным случаем этнического конфликта.

Таким образом, «остается эмпирически неясным, – справедливо пишет один из авторов, – в какой степени и при каких обстоятельствах – или, действительно, независимо от того или нет, – форма правления имеет значение для (этнического) насилия» [Basedau, 2013, p. 90]. Поэтому необходимо провести как тщательное кросс-национальное сравнительное исследование, так и региональные сравнительные исследования, ибо, как верно заметил Д. Горовиц, «постижение этнического конфликта и способов его смягчения является амбициозной задачей» [Horowitz, 1985, xiii].

Выводы

Анализ преимуществ и недостатков президентской и парламентской систем в условиях полиэтнического общества и эмпирические исследования других авторов позволили прийти к выводу, что форма правления создает условия для урегулирования этнических конфликтов. Во-первых, следуя постулату неоинституционализма «институты важны», можно заключить, что президентская и парламентская системы оказывают воздействие на появление, протекание и «затухание» этнических конфликтов в разделенных обществах. Причем форма правления является одной из переменных наряду с другими институциональными переменными (форма политико-территориального устройства, избирательная система), значимость которых в урегулировании этнических конфликтов еще предстоит установить в последующих исследованиях.

Во-вторых, не следует преувеличивать роль той или иной формы правления в урегулировании этнических конфликтов, поскольку причины конфликтов лежат в плоскости исторических, социальных и культурных противоречий в обществе. В-третьих, президентская система создает больше возможностей для урегулирования этнических конфликтов, чем парламентская система, благодаря целому ряду институциональных черт (сильный президент, прямые выборы президента, разделение властей, система сдержек и противовесов и др.). В-четвертых, для снижения рисков этнических конфликтов ряд стран отходят от классических президентских и парламентских форм, создавая нетипичные институциональные конструкции, среди которых «испытание» прошли коллективное президентство и сильное президентство в условиях парламентской республики, в то время как принцип взаимного блокирования решений представителями разных этнических групп оказался неработающим. В-пятых, проведенные в зарубежной политической науке эмпирические исследования влияния форм правления на этнические конфликты дали противоречивые результаты. Изучая этническое насилие и этнические конфликты в разных регионах мира, исследователи пришли к выводу, что форма правления влияет на возможность возникновения этнического конфликта только в сочетании с другими институциональными и неинституциональными факторами. Изучение подобных взаимосвязей требует дальнейшей эмпирической проверки на кросс-национальной выборке.

Список литературы

- Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 10–33.
- Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 1. – С. 24–35. – DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-4-24-35>
- Ильченко М.С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 170–190.
- Кудряшова И.В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово // Политическая наука: Формирование государства в условиях этнокультурной разнородности. – 2010. – № 1. – С. 100–137.

- Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Фарукиин М.Х., Зазнаев О.И.* Политическая идентичность в контексте политической культуры. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 44 с.
- Фарукиин М.Х.* Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 348 с.
- Basedau M.* A context-sensitive approach to the study of presidentialism and ethnic violence // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12, N 1. – P. 89–92. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746011>
- Brancati D.* Decentralization: fueling the fire or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? // *International organization*. – 2006. – Vol. 60, N 3. – P. 651–685. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830606019X>
- Democratization, political institutions, and ethnic conflict: a pooled time-series analysis, 1985–1998 / *S. Saideman, D. Lanoue D., M. Campenni, S. Stanton* // *Comparative political studies*. – 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 103–129. – DOI: <https://doi.org/10.1177/001041400203500108>
- Horowitz D.* The alternative vote and interethnic moderation. A reply to Fraenkel and Grofman // *Public choice*. – 2004. – Vol. 121, N 3–4. – P. 507–517. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11127-004-2488-y>
- Horowitz D.* A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. – Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. – 304 p.
- Horowitz D.* Presidents vs. parliaments: comparing democratic systems // *Journal of democracy*. – 1990. – Vol. 1, N 4. – P. 73–79. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1990.0056>
- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985. – 712 p.
- Laitin D.* Secessionist rebellion in the former Soviet Union // *Comparative political studies*. – 2001. – Vol. 34, N 8. – P. 839–861. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414001034008001>
- Lijphart A.* Presidentialism and majoritarian democracy: theoretical observations // *The failure of presidential democracy* / J.J. Linz, A. Valenzuela (eds). – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 3–87.
- Lijphart A.* Constitutional choices for new democracies // *Journal of democracy*. – 1991. – Vol. 2, N 1. – P. 72–84. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0011>
- Linz J.* The perils of presidentialism // *Journal of democracy*. – 1990. – Vol. 1, N 1. – P. 51–69.
- McGarry J.* Is presidentialism necessarily noncollegial? // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12, N 1. – P. 93–97. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746014>
- Roeder P.G., Rothchild D.* Dilemmas of state-building in divided societies // *Sustainable peace: power and democracy after civil wars* / P.G. Roeder, D. Rothchild (eds). – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – P. 1–25.
- Roessler F.* The enemy within: personal rule, coups, and civil war in africa // *World politics*. – 2011. – Vol. 63, N 2. – P. 300–346. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887111000049>

- Sartori G.* Comparative constitutional engineering: an inquiry into structures, incentives and outcomes. – L.: Macmillan Press, 1997. – 217 p.
- Schneider G., Wiesehomeier N.* Rules that matter: political institutions and the diversity-conflict nexus // *Journal of peace research*. – 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 183–203. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343307087176>
- Shugart M., Carey J.* Presidents and assemblies. Constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 332 p.
- Sisk T.* Presidentialism, ethnic violence and the risk of overgeneralization // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12, N 1. – P. 86–88. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746010>
- Sisk T.* Power Sharing and international mediation in ethnic conflicts. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996. – 143 p.
- Suberu R.T., Diamond L.* Institutional design, ethnic conflict management, and democracy in Nigeria // *The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy* / A. Reynolds (ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 400–428.
- Theuerkauf U.* Presidentialism and the risk of ethnic violence // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12, N 1. – P. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746007>
- Touquet H., Vermeersch P.* Bosnia and Herzegovina: thinking beyond institution-building // *Nationalism and ethnic politics*. – 2008. – Vol. 14, N 2. – P. 266–288. – DOI: [10.1080/13537110801985120](https://doi.org/10.1080/13537110801985120)
- Theuerkauf U.* Ethno-embedded institutionalism: the impact of institutional repertoires on ethnic violence: PhD thesis / The London School of Economics and Political Science (LSE). – 2012. – 393 p.
- Theuerkauf U.* Institutional design and ethnic violence: do grievances help to explain ethnopolitical instability? // *Civil wars*. – 2010. – Vol. 12, N 1/2. – P. 117–139. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13698249.2010.486121>

O.I. Zaznaev, V.V. Sidorov*
Presidential or parliamentary system:
what hinds an ethnic conflict?¹

Abstract. Ethnic conflict management includes a set of institutional and non-institutional features for preventing and resolving ethnic conflicts. Among the large number of measures of national states and other political actors, one can especially figure out – the optimal organization of government system, which can calm ethnically colored conflicts, up to violence, armed warfare and civil wars.

* **Zaznaev Oleg**, Kazan (Volga Region) federal university (Kazan, Russia), e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru; **Sidorov Viktor**, Kazan (Volga Region) federal university (Kazan, Russia), e-mail: Viktor.Sidorov86@icloud.com

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00102.

This article discusses the problem of the relationship between forms of government, on the one hand, and ethnic conflicts, on the other. That causation received small attention in political science. The authors answer the question of which form of government – presidential or parliamentary – creates risks of ethnic conflict. The purpose of the article is to identify institutional elements that pose a threat to ethnic peace and harmony, as well as show the positive features of presidentialism and parliamentarism that to calm ethnic conflicts.

The authors chose neoinstitutionalism as the main methodological approach, which determines the central place of political institutions in explaining the nature of ethnic conflicts. The authors' conclusions are based on a comparative analysis of the theoretical and empirical results of studies of ethnic conflicts.

The authors conclude that the presidential system creates more favorable conditions for calming ethnic conflicts that the parliamentary system do. In order to “smooth out” the negative consequences of the presidential and parliamentary systems, national governments conduct institutional “experiments” to modernize classical institutional models. The article discusses atypical systems and atypical elements of systems that help solve problems inherent in a “pure” presidential and “pure” parliamentary system. The article also assesses empirical studies that providing research on causation between government and ethnic conflicts.

Keywords: ethnic conflict; form of government; presidential system; parliamentary system; political institution; conflict management; conflict resolution.

For citation: Zaznaev O.I., Sidorov V.V. Presidential or parliamentary system: what hinders an ethnic conflict. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 290–308. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.14>

References

- Basedau M.A. Context-sensitive approach to the study of presidentialism and ethnic violence. *Ethnopolitics*. 2013, Vol. 12, N 1, P. 89–92. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746011>
- Brancati D. Decentralization: fueling the fire or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? *International organization*. 2006, Vol. 60, N 3, P. 651–685. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830606019X>
- Farukshin M. Kh. *Ethnicity and federalism*. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2013, 348 p. (In Russ.)
- Farukshin M. Kh., Zaznaev O.I. *Political identity in the context of political culture*. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2009, 44 p. (In Russ.)
- Horowitz D. The alternative vote and interethnic moderation. A reply to Fraenkel and Grofman. *Public choice*. 2004, Vol. 121, No 3–4, P. 507–517. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11127-004-2488-y>
- Horowitz D.A. *Democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991, 304 p.
- Horowitz D. Presidents vs. parliaments: comparing democratic systems. *Journal of democracy*. 1990. Vol. 1, N 4, P. 73–79. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1990.0056>

- Horowitz D. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985, 712 p.
- Kudryashova I.V. Ethnopolitical homogenization under international control: Bosnia and Herzegovina and Kosovo. *Political science (RU)*. 2010, N 1, P. 100–137. (In Russ.)
- Ilyichenko M.S. Federative mechanisms in resolving ethnic conflicts: the negotiation process beyond formal rules. *Political Science (RU)*. 2011, N 1, P. 170–190. (In Russ.)
- Laitin D. Secessionist rebellion in the former Soviet Union. *Comparative political studies*. 2001, Vol. 34, N 8, P. 839–861. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414001034008001>
- Lijphart A. *Democracy in plural societies. A comparative exploration*. M.: Aspect Press, 1997, 287 p. (In Russ.)
- Lijphart A. Presidentialism and majoritarian democracy: theoretical observations. In: *The Failure of Presidential Democracy*. Ed. by J.J. Linz, A. Valenzuela. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994, P. 3–87.
- Lijphart A. Constitutional choices for new democracies. *Journal of democracy*. 1991, Vol. 2, N 1. P. 72–84. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0011>
- Linz J. The perils of presidentialism. *Journal of democracy*. 1990, Vol. 1, N 1, P. 51–69.
- McGarry J. Is presidentialism necessarily noncollegial? *Ethnopolitics*. 2013, Vol. 12, N 1, P. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746014>
- Roeder P.G., Rothchild D. Dilemmas of state-building in divided societies. In: *Sustainable peace: power and democracy after civil wars*. Ed. by P.G. Roeder, D. Rothchild. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, P. 1–25.
- Roessler F. The enemy within: personal rule, coups, and civil war in Africa. *World politics*. 2011, Vol. 63, N 2, P. 300–346. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887111000049>
- Saideman S., Lanoue D., Campenni M., Stanton S. Democratization, political institutions, and ethnic conflict: a pooled time-series analysis, 1985–1998. *Comparative political studies*. 2002, Vol. 35, N 1, P. 103–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041400203500108>
- Sartori G. *Comparative constitutional engineering: an inquiry into structures, incentives and outcomes*. L.: Macmillan Press, 1997, 217 p.
- Schneider G., Wiesehomeier N. Rules that matter: political institutions and the diversity–conflict nexus. *Journal of peace research*. 2008, Vol. 45, N 2, P. 183–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343307087176>
- Shugart M., Carey J. *Presidents and assemblies. Constitutional design and electoral dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 332 p.
- Sisk T. presidentialism, ethnic violence and the risk of overgeneralization. *Ethnopolitics*. 2013, Vol. 12, N 1, P. 86–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746010>
- Sisk T. *Power sharing and international mediation in ethnic conflicts*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996, 143 p.
- Suberu R.T., Diamond L. Institutional design, ethnic conflict management, and democracy in Nigeria. In: *The Architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy*. Ed. by A. Reynolds. Oxford: Oxford University Press, 2002, P. 400–428.
- Theuerkauf U. Presidentialism and the risk of ethnic violence. *Ethnopolitics*. 2013, Vol. 12, N 1, P. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746007>

- Theuerkauf U. *Ethno-embedded institutionalism: the impact of institutional repertoires on ethnic violence*. PhD thesis, The London School of Economics and Political Science (LSE), 2012, 393 p.
- Theuerkauf U. Institutional design and ethnic violence: do grievances help to explain ethnopolitical instability? *Civil wars*. 2010, Vol. 12, N 1–2, P. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/13698249.2010.486121>
- Touquet H., Vermeersch P. Bosnia and Herzegovina: thinking beyond institution-building. *Nationalism and ethnic politics*. 2008, Vol. 14, N 2, 266–288. DOI: 10.1080/13537110801985120
- Zaznaev O.I. Understanding the forms of government in foreign political science: the latest debate. *Political Science (RU)*. 2014, N 1, P. 10–33. (In Russ.)
- Zaznaev O.I., Sidorov V.V. Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct? *RSUH/RGGU Bulletin. Series «Political Science. History. International Relations»*. 2018, N 1 (14), P. 24–35. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-4-24-35> (In Russ.)

ФЭЙ ХАЙТИН*

РАЗРУШЕНИЕ РЕЖИМА, ГОСУДАРСТВА И РАСПАД СССР

Аннотация. Механизм причинности между разрушением режима и распадом государства является важной темой в политологии. Распад СССР представляет собой типичный пример для изучения данной проблемы. Целью перестройки как проекта стало преобразование политического режима путем обновления высшей элиты и включения массовых групп в систему государственного управления. Инициаторы реформы планировали достигнуть своих целей через общую реконструкцию взаимоотношений между КПСС и советским государством, перераспределение власти от партийной элиты к советской, сосредоточенной в Советах народных депутатов разных уровней. На практике проведение сразу двух реформ – дистанцирование партии от властных полномочий и оптимизация государственного аппарата управления – привели к расколу всей политической элиты. Борьба противоположных элитных групп за доминирование привела к параличу государственной власти, утрате ею контроля за происходящим в стране. В результате групповые интересы элит начинают превалировать над общегосударственными интересами и ведут в конечном счете к разрушению государства.

В данной статье автор обосновывает тезис о том, что дестабилизация режима в результате межэлитной борьбы приводит к разрушению государства. Главным становится вопрос: как обновить элиту, не разобщая, а консолидируя ее, передать полномочия от партийной элиты к государственной во имя решения общегосударственных задач.

Ключевые слова: режим; государство; партия-государство; политическая элита; СССР; перестройка.

* **Фэй Хайтин**, кандидат исторических наук, доцент, Центр политических исследований Китая, Школа государственного управления, Пекинский университет (Пекин, Китай), e-mail: feihaiting@outlook.com

Для цитирования: Фэй Хайтин. Разрушение режима, государства и распад СССР // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 309–332. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.15>

Введение

С точки зрения политической науки распад СССР стал последовательным сочетанием двух процессов – коллапса политического режима и разрушения государства. По мнению Валери Бюнс, режимный коллапс означает дезорганизацию политической власти, а разрушение государства – утрату монополии государства на принуждение [Bunce, 1999, p.11]. Если применить это утверждение к Советскому Союзу, то крушение режима означало потерю власти коммунистической партией, а разрушение государства – распад страны как федеративного объединения. И хотя для разрушения государства нужны еще и другие факторы, но именно этот фактор, пожалуй, является в процессе распада главным и решающим. В связи с этим при выяснении причин распада СССР неизбежно приходится отвечать на вопрос: почему и как это произошло?

Распаду государственного образования обычно предшествуют и сопутствуют осложнения во взаимоотношениях между политическими лидерами и основными элитными группами [Ertman, 1997, p. 4–5; Goldstone, 1991, p. 8]. Вместе с тем само определение «элиты» до сих пор вызывает споры. На Западе политическую элиту чаще определяют как полуавтономное сообщество, являющееся как партнером, так и соперником структур государственного управления. Оба субъекта сотрудничают в процессе установления контроля над ресурсами и конкурируют в процессе их распределения. Но в сильно идеологизированных обществах – как, например, в советском – политическая элита играла гораздо более важную роль, нежели представители структур государственного управления в западноевропейских странах. В таких обществах она обычно обладает собственной независимой позицией, а также волей, достаточной для ее отстаивания. Поэтому анализ такого рода элиты в рамках традиционной западной трактовки этого феномена может быть не вполне корректным. В настоящей статье распад СССР увязывается с трансформацией советской политической элиты: перемены, происходившие в этом слое, рассматриваются как при-

чины кризиса власти, завершившегося разрушением советской государственности.

Проект перестройки

После XXVII съезда КПСС (1986) обсуждение политических реформ в СССР сосредоточилось на реформе партийного руководства всех уровней – от ЦК до первичной организации. Ее главный смысл заключался в обновлении кадрового состава КПСС на основе демократизации. В партийную жизнь начинают активно внедряться два принципа – отныне выборы руководителей всех уровней должны были стать альтернативными и открытыми, в том числе и для беспартийных работников при выборах руководителей производства. Реформа на этом этапе фактически не затронула саму структуру партийной элиты. Первоначально ставилась другая задача – активизировать партийную элиту, превратить ее из пассивного исполнителя исходивших сверху директив в деятельного партнера верховного руководства. Как Горбачев сам отметил в 1987 г.: «Вот почему неотложной задачей партии становится дальнейшая демократизация советского общества. В этом, собственно, и состоит суть курса апрельского Пленума, XXVII съезда КПСС на углубление социалистического самоуправления народа. Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы»¹.

Теоретически такой замысел позволял наделить партийную элиту более широкими полномочиями в результате ее прохождения через процедуру выборов, сделать ее более устойчивой к влияниям со стороны различных групп внутри КПСС и обеспечить ей непосредственное руководство процессом реформ на всех уровнях исполнительной власти. Как отмечалось выше, этот процесс можно было бы охарактеризовать как переход власти от одной элитной группы к другой в результате изменений внутри высшего партийно-государственного руководства. Согласно теории партии-государства (party-state), через систему «приводных ремней» пар-

¹ Из доклада генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева «О перестройке и кадровой политике партии» на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС (см.: История современной России: документы и материалы (1985–1999) : [в 2 ч.]. – М. : Издательство Московского университета, 2011. – Ч. 1. – С. 81).

тия обеспечивает контроль над всеми административными инстанциями. В условиях высокой идеологизации общества, подобного советскому, это обычно означает, что партия контролирует все сферы общественной жизни. Именно потому, что руководящие структуры КПСС представляли собой вершину, в которой сходились все нити управления, они контролировали все социальные блага и ресурсы советского государства. Перестройка как трансформация верховной партийно-политической элиты означала перемещение центра контроля над системой «приводных ремней», ресурсами и общественными благами от партии к государственным структурам, в том числе к Верховному Совету и органам исполнительной власти.

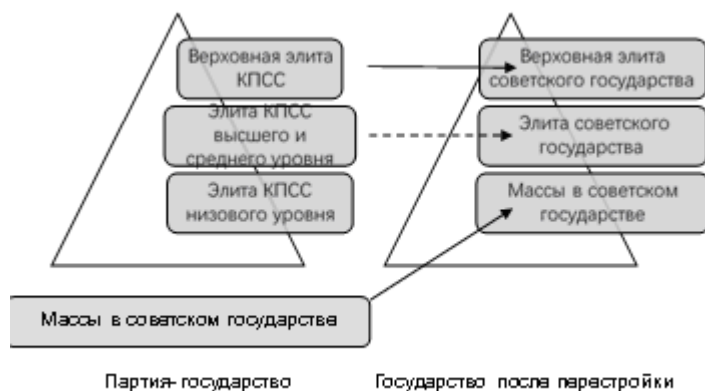

Рис. 1.
Проект политической реформы в СССР

«Элита» в СССР

Основным критерием классификации режимов является ответ на вопрос: кто является субъектом политической власти. Согласно существовавшей в СССР практике, режим в стране представлял собой конгломерат «партия-государство», функционирование которого означало, что власть принадлежит политической партии, осуществляющей свои властные полномочия через государственную (или административную) систему.

В такого рода системе партии-государства политическую элиту, как правило, можно разделить на две группы – партийная и государственная (или административная) элита. Несмотря на то что их статус и объем полномочий часто представляются равновеликими, между ними все еще сохраняются функциональные различия. В системе «партия-государство» эти элитные группы отличаются различными типами политической рациональности и логики действий. Следует отметить, что уровень контроля партии над государственными институтами в разных странах неодинаков. Наиболее типичным примером является Советский Союз. Там, по сравнению с Китаем и Венгрией, контроль партии над государственными институтами был более жестким, в силу чего весьма непросто дифференцировать партийную и советскую элиты. Соответственно, очень трудной задачей было проведение реформы путем четкого функционального разграничения партийной и государственной систем. Тем более что пространство для маневра в рамках программы реформ было еще меньшим. Как отмечает А.А. Яник, «Структура отдела ЦК КПСС обычно точно соответствовала структуре отрасли... фактически аппарат Центрального Комитета КПСС заменял собой органы государственного управления» [Яник, 2012, с. 122]. Вплоть до политической реформы в 1988 г. практически вся политическая элита СССР состояла из членов КПСС.

После реформы, несмотря на сохраняющиеся трудности в четком разграничении групп элиты, заметно усилилась специфика, связанная с принадлежностью к общесоюзным структурам и к структурам власти на уровне республик. Первая из этих групп разворачивает свою деятельность преимущественно в рамках партийной системы, а вторая – главным образом на базе государственных органов республик и их представительств на общесоюзном уровне (например, в составе Верховного Совета СССР). Поэтому с известными оговорками можно считать, что после 1988 г. основу первой группы составляла партийная элита, а вторую группу образовывали представители административной (советской) элиты, получившие более высокую степень автономии от первой группы. Однако ни до, ни после реформы советская административная элита не получила полностью независимого статуса. Основными критериями различения элитных групп позднесоветского периода являются наличие легитимных оснований обладания политической властью и ее осуществление через административную систему.

Следует учитывать, что фактически процесс дифференциации элиты восходит еще к брежневскому периоду. Как показывает О.В. Гаман-Голутвина, «дробление политической элиты происходило по различным основаниям (группы интересов, клиентелы) и затрагивало практически все уровни руководства, включая высший». Она замечает: «...основания консолидации субэлитных структур, доминировавших в различных отраслях управления, были различными: если в сфере государственного управления доминировала общность ведомственных интересов, в процессе образования региональных клиентел – местные интересы и отношения личной преданности первому лицу региона, то в аппарате ЦК КПСС наряду с указанными линиями разделов демаркационная линия пролегла по идеологическому признаку» [Гаман-Голутвина, 2006, с. 305]. Об этом же пишут в мемуарах А. Черняев и Г. Арбатов [Черняев, 2008; Арбатов, 2002]. Но до проведения реформы различные течения внутри КПСС и республиканские элиты еще могли сохранять формальное единство, тогда как после 1988 г. взаимодействие между ними стало носить все более конфронтационный характер.

Как известно, внутри групп элиты, органов центрального и республиканского управления действовала номенклатурная система, существовали уровни «высшего руководства» и «субэлитных структур». До реформы 1988 г. к высшему руководству обычно относили членов Политбюро ЦК КПСС, наделенных правом принятия решений на всех уровнях управления партией и государством. К элите высшего эшелона относились функционеры, способные оказать влияние на общее решение, например, секретари ЦК КПСС, республиканские и местные партийные лидеры, руководители министерств и ведомств и др. (см: [Пихоя, 2000, с. 7]). В элиту среднего уровня входили те, кто мог оказывать влияние на политику только в конкретной области, как, например, кадры среднего звена в министерствах и государственных комитетах, директора заводов и др. После 1988 г. происходила быстрая эмансипация республиканских элит от общесоюзной партийной элиты. Положение внутри партийной элиты определялось главным образом статусом в партийной иерархии: члены Политбюро ЦК КПСС (высшее руководство); члены и кандидаты в члены ЦК КПСС и в ревизионной комиссии КПСС (верхний уровень); руководители министерств и государственных комитетов, не входившие в состав членов или кандидатов в члены ЦК КПСС (средний уровень).

В отличие от партийной элиты, структурирование республиканских элит было менее четким. Обычно оно проявлялось в формировании групп интересов вокруг руководителей на местах, обладавших реальной властью.

В целом почти полное совпадение партийной и государственной элит до реформы 1988 г. и существование многочисленных кланов и группировок затрудняли реализацию программы политических преобразований Горбачева, включая трансформацию режима из «партии-государства» в «государство-партию».

Внутриэлитная реформа

Одним из ключевых результатов перестройки стало изменение ролей КПСС и Верховного Совета СССР в политической системе государства: первая лишилась прямого контроля над государственными структурами, а второй превратился в реальный институт управления страной. При этом Верховный Совет не был парламентом в западном понимании. По сути, он представлял собой площадку для согласования интересов советской элиты. Поэтому перестройка может быть охарактеризована как процесс перетекания власти от одной группы элиты к другой.

До перестройки партийная элита полностью контролировала государственную власть. Как считает Мария Ксанádi, этот контроль осуществлялся четырьмя способами. Во-первых, через соблюдение партийной дисциплины членами КПСС – руководителями всех уровней независимо от места их работы. Во-вторых, для занятия руководящих должностей в любой без исключения сфере необходимо было состоять в партии (система кадровой ответственности). В-третьих, вся вертикаль партийных органов контролировала членов КПСС в соответствии с «территориально-производственным принципом» (командная система). В-четвертых, на производстве, в организациях и учреждениях непроизводственной сферы местные партийные организации фактически руководили всей деятельностью (система ответственности субъекта) [Csanadi, 2006, p. 21]. В результате перестройки монополия на власть партийной элиты была ликвидирована, и вся полнота управленческой субъектности перешла Верховному Совету СССР и всей системе Советов. Эта субъектность реализовывалась также четырьмя путями. Во-первых, Верховный Совет осуществлял

прямой контроль над административными структурами всех уровней, в том числе и над союзным Советом министров. Во-вторых, Совет министров, в свою очередь, давал директивы региональным и местным исполнительным структурам. В-третьих, Верховный Совет направлял деятельность региональных и местных Советов. В-четвертых, региональные и местные Советы реализовывали свои решения через органы исполнительной власти на соответствующем уровне. При этом многие руководители исполнительных органов регионального и местного уровней, особенно руководящие кадры союзных республик, обладали мандатами и в Советах. В результате их двойной или даже тройной статус (руководящий работник исполнительного органа, депутат или председатель Совета того или иного уровня, депутат или председатель вышестоящего Совета) привел к тому, что политическая власть стала концентрироваться в их руках.

С одной стороны, местные руководители в силу своего положения в вышестоящем Совете имели возможность непосредственно влиять на решения этого Совета, а значит, могли сопротивляться распоряжениям вышестоящих административных инстанций. С другой стороны, местные руководители часто укрепляли собственное положение в «своих» Советах. При этом благодаря своему административному положению и роли в Совете они получали возможности для противостояния решениям вышестоящего Совета. К тому же местные руководители контролировали структуры исполнительной власти и, следовательно, в значительной степени держали под своим контролем всю политику на местном уровне. Если же принять во внимание, что Верховный Совет СССР не обладал достаточными рычагами и необходимыми возможностями эффективно воздействовать на них, то становится понятным, почему руководители на местах достигали такой степени самостоятельности. Многие из них могли создавать коалиции для коллективных действий, обретая тем самым сильное влияние в Советах разных уровней, где происходило согласование интересов различных группировок элиты. Это вело к отрыву союзной власти от властей республиканского, регионального и местного уровней.

Инициаторы перестройки полагали, что задуманная ими политическая реформа приведет к переходу власти от КПСС к государственным органам путем пересаживания на новые места представителей высшего руководства, что, в свою очередь, будет означать преобразование политического режима (рис. 1). Этот

план должен был осуществляться поэтапно, через многократные выборы разных уровней. Как подчеркнул К. Мацузато, верхушка советской политической элиты столкнулась с тремя вызовами в процессе перехода от бинарной системы «партия-государство» к президентско-парламентской системе: 1) генеральный секретарь партии избирается председателем Верховного Совета путем выборов в соответствии с определенной процедурой; 2) председатель Верховного Совета избирается парламентом президентом страны; 3) избранный парламентом президент переизбирается путем все-народных выборов [Matsuzato, 2010, p. 40].

Основной замысел сводился к тому, чтобы выборы обеспечили устойчивую связь между высшим политическим руководством (верховой элитой) и народными массами. Это позволило бы верховной элите восстановить доверие к себе со стороны широких слоев советского общества и одновременно не допустить значительного влияния на исход выборов других групп партийной элиты. К тому же такая замена власти КПСС на власть государства освободила бы управленцев от изнурительного контроля со стороны партийных органов, дала бы им возможность проводить политику не в интересах партии в целом, а лишь в интересах высшего партийного руководства. Проект реформы должен был создать условия для воспроизводства цикла: поддержка со стороны широких масс – реформа – выяснение общественной реакции на реформу – корректировка реформы – еще большая народная поддержка.

Изменение структуры элиты

Ситуация качественно изменилась после XIX партконференции (1988), когда Михаил Горбачев начал процесс трансформации элитной структуры, что должно было привести к фундаментальным изменениям политического режима. Стали одновременно осуществляться два процесса: с одной стороны, выведение из руководящих партийных органов людей, не разделявших ценностей «нового мышления», с другой – расширение возможностей советской системы для создания новой элитной структуры. Иными словами, целью теперь объявлялась общая реконструкция взаимоотношений между КПСС и советским государством путем перемещения власти от элиты КПСС к элите, сосредоточенной в

Советах разных уровней. Как считал Горбачев, коренная реформа, по меньшей мере, должна была включать в себя задачи по семи направлениям: 1) включить трудящихся в управление страной на деле; 2) открыть простор процессам саморегулирования и самоуправления общества; 3) отладить механизм свободного формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации; 4) обеспечить условия для свободного развития наций и народностей; 5) укрепить социалистическую законность и правопорядок; 6) разграничить функции партийных и государственных органов; 7) создать эффективный механизм, который обеспечивал бы своевременное самообновление политической системы¹.

Однако для осуществления задуманной трансляции власти от партийных к советским органам требовалось соблюдение двух необходимых условий: верховная элита должна была сохранить способность удерживать свою власть, а обществу необходима была реальная возможность получить доступ к власти. Чтобы оба этих условия оказались выполнимыми, высшему политическому руководству надлежало поддерживать, принимать или, по крайней мере, молчаливо соглашаться со сценарием преобразования политического режима и его элитной структуры. Ему было необходимо обеспечить реальную поддержку со стороны всей элитной вертикали, часть которой к тому же должна была добровольно передать свои полномочия избираемым на прямых выборах народным депутатам. Важно было также добиться того, чтобы избранные населением представители оказались способными использовать вновь обретенные полномочия. Вместе с тем интересам политической элиты не должен был наноситься какой-либо ущерб, а ей самой надлежало сохранить свое влияние на протяжении переходного периода. Только в таком случае высшее руководство страны и реформаторы могли рассчитывать на поддержку или хотя бы молчаливое согласие со своими действиями со стороны этой политической элиты. И наоборот, если бы интересы политической элиты

¹ Доклад Генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» на XIX Всесоюзной конференции КПСС (28 июня 1988 г.) // XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года, Стенографический отчет. – М. : Издательство политической литературы, 1988. – Т. 1. – С. 19–92.

оказались подорванными или же ей было отказано в праве и возможности сохранить или повысить свой статус, то тогда она могла бы начать руководствоваться исключительно собственными представлениями о должном и необходимом, исходя из присущей ей корпоративной рациональности. В последнем случае высшее руководство СССР неизбежно столкнулось бы с утратой поддержки политической элиты.

С одновременным проведением сразу двух реформ – освобождения партии от властных полномочий и оптимизации ее аппарата – были связаны три существенных недостатка.

Во-первых, невозможно было разом изменить все элитные группы. Если еще можно было рассчитывать на то, чтобы перераспределить властные полномочия в пользу государственных институтов и отстранить от прямого политического руководства высший слой элиты КПСС, то значительные сегменты партийной элиты более низкого уровня при такой комбинации все равно оставались на своих местах. Реформаторы надеялись решить эту проблему элементарными кадровыми сокращениями, однако на самом деле подобные шаги были чреваты несбалансированными последствиями для всей партийной вертикали: если высшее руководство еще сохраняло свои позиции при перераспределении властных полномочий от партии к Советам, то по мере продвижения вниз по должностной лестнице руководящие партийные кадры рисковали потерять значительно больше.

Во-вторых, не было шансов провести одинаково эффективные преобразования на разных уровнях партийной и советской элиты. В существовавшей на тот момент структуре элиты не только сама власть, но и связанные с ней ресурсы были распределены неравномерно между разными стратами этого сообщества. Чем выше был элитный слой, тем больше он сохранял возможностей решать собственные проблемы неформальным путем. Соответственно, чем ниже в вертикали власти находилась та или иная группа элиты, тем сильнее она зависела от каналов официальных коммуникаций внутри своего сообщества. А значит, в процессе политического реформирования такие группы должны были испытывать известные трудности, что оказывало сильное влияние и на их мотивацию содействовать перестройке.

В-третьих, все эти изменения неминуемо должны были растянуться на продолжительное время. В противном случае одномомент-

ное и быстрое отстранение КПСС от власти и сокращение ее аппарата обернулось бы утратой контроля над партией со стороны верховной элиты и привело бы к тому, что руководящие партийные работники стали бы любой ценой препятствовать высшему политическому руководству в осуществлении его намерений и изо всех сил цепляться за власть. В результате партия из некогда абсолютно управляемого организма превратилась бы в конгломерат сообществ, отстаивающих наподобие осажденных крепостей свои прежние права и привилегии. Такое развитие событий было бы опасно не только тем, что политическая реформа затянулась бы на неопределенное время, но и тем, что она вообще могла быть свернута, а между новой и старой элитами развернулось бы мощное противостояние.

Реальный процесс перестройки

На практике осуществление проекта перестройки было сопряжено с серьезнейшими трудностями. С точки зрения элитологии несмотря на то что политическая элита «обладает» властью, механизм «реализации» политической власти отнюдь не ограничивается внутриэлитными взаимодействиями. Для этого также нужны признание и поддержка массовых групп. Еще Г. Моска указывал на то, что условием обеспечения устойчивого обладания правящими классами (the ruling class) политической властью является формирование моральной и правовой основы власти в их соответствии с определенной политической формулой (political formula) [Mosca, 1939, p. 70], способной убедить массы в правоте тех, кто принадлежит к правящей элите. В рамках того или иного режима элита, даже будучи правящей, нуждается в признании и поддержке со стороны масс. Из этого вытекает необходимость решения двух взаимосвязанных задач: 1) создать эффективное взаимодействие между государством и обществом, обеспечить удовлетворение основных требований общества и участие в определенных пределах его представителей в политическом процессе, например в выборах, консультациях, принятии решений и контроле; 2) создать моральную и легальную основу политической власти в целях обеспечения легитимности правящего класса. Соответствующие моральные и правовые основания обычно являются составляющей официальной идеологии. Тем не менее ослабление поддержки со стороны раз-

ных элитных групп из-за изменения структуры элиты привело к тому, что проект горбачевской реформы не был в состоянии существенно изменить отношения между государством и обществом. Более того, поскольку проект реформы вел к усилению внутри-элитной борьбы, он также способствовал подрыву идеологической основы легитимности власти. Логика поведения политической элиты в позднем СССР изменилась, происходили резкое ослабление ее идеологических устоев и переориентация на достижение экономических выгод.

Фактическая реализация политики перестройки в корне отличалась от первоначального замысла ее проектировщиков. Рубежным событием в этом отношении следует считать XIX партконференцию 1988 г. Именно после нее стало понятно, что желаемого перераспределения власти не происходит, но, напротив, партийно-политическая элита даже укрепляет свои позиции. Одним из результатов такой непредвиденной динамики стал раскол элиты, начало конфронтации между партийной и советской системами.

Рис. 2.
Реальный результат политической реформы в СССР

Раскол государственной власти

После XIX конференции КПСС советская элитная система шла к своему расколу на партийную и советскую элиты. Конфронтация между двумя элитными группами отразила новые тенденции идеологической борьбы, а также стремление представителей обеих групп сохранить старые и обрести новые властные полномочия.

С одной стороны, элита КПСС в целях сохранения своей власти стала нагнетать алармистские настроения, угрожая и высшему политическому руководству, и обществу возможными опасностями радикализации проводимой политической реформы. Проводниками таких настроений стали в основном партийные руководители регионального и местного уровней. Институциональным выразителем интересов этой группы стало созданное в декабре 1990 г. Всесоюзное объединение народных депутатов «Союз» на IV Съезде народных депутатов СССР. Ко времени V Съезда народных депутатов в марте 1991 г. эта организация объединяла в своих рядах более 700 депутатов. Это объединение пользовалось поддержкой председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова.

Противовесом этому объединению стала Межрегиональная депутатская группа, сформированная в ходе работы I Съезда в конце весны – начале лета 1989 г. и насчитывавшая на тот момент около 400 человек. Ее лидерами стали А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов. Депутаты, входившие в эту группу, придерживались радикальных реформаторских взглядов, выступали за то, чтобы Советы превратились в реальную власть в стране – вместо КПСС. С этой целью межрегионалы требовали отмены 6 статьи Конституции СССР, которая закрепляла за партией руководящую роль в государстве.

Однако первоначальному замыслу идеологов перестройки – чтобы власть плавно и постепенно перетекла от КПСС к Советам – не суждено было сбыться. Это произошло во многом из-за того, что депутатами Советов различных уровней становились представители руководящих партийных кадров – республиканских, региональных, местных, – но никак не выдвиженцы из неноменклатурного сообщества. Советы превратились фактически в площадки, на которых собирались все те же управленцы, – партийные, из исполнительных органов, – инкорпорированные в организации КПСС

разных уровней. Чтобы остаться в обойме лиц, принимающих решения, и вместе с тем тонко чувствуя главный тренд изменения конъюнктуры – выведение КПСС «за скобки» реального политического процесса, они стали работать на усиление вертикали Советов, используя для этого все свои связи и возможности, наработанные в рамках прежней советской системы. То есть становясь новой властью и обладая компетенциями власти прежней, они действовали сообща и притом довольно эффективно против высшего государственного руководства. Некогда единая и отлаженная вертикаль принятия и реализации управленческих решений начала на своих разных «этажах» существовать в несовпадающей – подчас критически несовпадающей – логике. Неизбежным следствием такого конфликта внутри власти явилась конфронтация между центром и местными управленческими структурами.

В итоге верховная элита стремительно утрачивала поддержку со стороны как партийной вертикали, так и вертикали Советов. Элита КПСС, в свою очередь, «окукливалась», консолидировала имевшиеся в ее распоряжении ресурсы для противостояния как высшему политическому руководству страны, так и новым лидерам Советов союзного и республиканских уровней. Новая элита из числа функционеров Советов – преимущественно республиканских – постепенно из опоры государственной власти и верховной элиты превратилась в их основного антагониста и принялась действовать исключительно в собственных интересах. Получился своеобразный властный треугольник, в котором каждая из вершин конфликтовала с двумя другими (рис. 2).

О.В. Гаман-Голутвина так характеризует эту тенденцию: «Процесс консолидации групп интересов приобрел особо масштабный характер в 1989–1990 гг. Итогом этого процесса стало то, что государство фактически утратило способность эффективно выполнять функции административного управления. Примечательной чертой произошедшей трансформации было то, что в отличие от демократической модели западного типа, в рамках которой государство, располагая значительными материальными ресурсами, сохраняет значительную степень автономии и является одним из ведущих политических акторов, государство периода перестройки было низведено до роли простого диспетчера в процессе взаимодействия групп интересов» [Гаман-Голутвина, 2006, р. 341].

Утрата контроля со стороны государственной власти над ресурсами и национальным богатством

В СССР руководящие функции власти сводились не только к фискальным обязанностям, но и к осуществлению контроля над всем производственным процессом – от добычи сырья до его переработки, от производства продукции до ее распределения в рамках единой экономической системы страны. В таких условиях отдельные производственные структуры не обладали никакой самостоятельностью – они выполняли спущенный им сверху план, при этом подчас на свой страх и риск изыскивая дополнительные ресурсы для того, чтобы успешно справиться с часто завышенными и не учитывавшими реальные возможности промышленных предприятий нормативами. Политическая элита СССР являлась единственным и монопольным распорядителем в этой экономической системе. Поэтому именно она осуществляла контроль над всеми имевшимися у государства ресурсами – как собственно экономическими, так и человеческими, посредством которых и создавалось национальное богатство государства. Политическая элита была институализирована в КПСС, выступала главным и единственным регулятором производства и распределения национального богатства. Рыночные механизмы были совершенно неприемлемы для КПСС, отдельные эксперименты по их внедрению, как правило, заканчивались неудачей из-за незаинтересованности номенклатуры в их развитии и внедрении.

Как отмечалось выше, план перестройки сводился к замене партии системой Советов. Соответственно Советам должна была быть передана руководящая роль в управлении экономической системой. Но поскольку в ходе деконструкции монопольной власти КПСС сложилась вовсе не монополия Советов, а сразу несколько центров власти, которые вступили в противоборство друг с другом, появилось несколько претендентов на экономическое наследство прежней политической системы, что сделало неизбежным решительный поворот в направлении рыночных форм хозяйствования. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, на завершающем этапе существования СССР многочисленные субгруппы политической элиты стали стремиться к тому, чтобы трансформировать накопленные ими экономические и политические ресурсы в финансовый капитал, и «модель олигархической элиты постепенно

заменяла бюрократическую модель». Ключевые характеристики данной модели заключаются в отделении государственных интересов от корпоративных интересов и «приватизации» государственных институтов через каналы, которые заменяют государство и его функции [Gaman-Golutvina, 2008].

Освоение наследия доперестроечного Советского Союза осуществлялось по четырем моделям, которые можно определить как перемещение, бегство, отчуждение и независимость.

Перемещение означало фактический перехват ресурсов новой вертикалью Советов. Это произошло прежде всего в отраслях, связанных с обеспечением национальной безопасности. Если до начала перестройки такие отрасли контролировались непосредственно верховной элитой, то затем распоряжение ими перешло в ведение государственных органов и Советов, союзных и республиканских.

Бегством можно считать переход контроля над ресурсами от партийной элиты СССР к руководству союзных республик. Это привело к конфликту между центром и республиканскими властными органами, по преимуществу обновленными после начала работы Съездов народных депутатов. Обе стороны претендовали на контроль над государственными предприятиями, которые, в свою очередь, стали отдавать предпочтение именно республиканским органам власти – как более готовым внедрять рыночные формы управления производством. Но вместе с тем директорский корпус предпочитал не рвать отношений с союзными ведомствами, рассчитывая получать и от них те или иные дивиденды.

Отчуждение представляло собой итог уже практически открытой борьбы за советские ресурсы. С одной стороны, оппозиция в лице межрегионалов и других сторонников радикальных политических и экономических реформ пыталась лишить КПСС возможности как-то влиять на дальнейшую судьбу фондов. С другой стороны, партия тоже не дремала. В июле 1991 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений», в котором партийным организациям разных уровней предоставлялось право самостоятельно решать вопросы производственно-хозяйственной деятельности на местах и в случаях необходимости создавать

предприятия и иные производственные мощности¹. В результате партийные руководители стали участвовать в акционировании предприятий, переводя их в частную или коллективную собственность.

Наконец, модель независимости означала трансформацию прежде государственного предприятия в независимую экономическую единицу, способную выступать в качестве самостоятельного актора, причем не только экономического, но и общественно-политического. Типичными примерами подобных единиц стали крупные коммерческие банки и другие кредитно-финансовые организации. Несмотря на свою обособленность, такие экономические субъекты практически сразу же оказывались не просто интегрированными в советскую экономику, входившую в состояние все более глубокого кризиса, но и брали на себя функции главных проводников политики приватизации, которая до распада СССР проводилась завуалированно, преимущественно в форме так называемого разгосударствления, то есть акционирования. В свою очередь, государственные предприятия посредством тесного сотрудничества с такими финансовыми организациями рассчитывали оставаться на плаву и сохранять рентабельность. Через выстраивание отношений с независимыми экономическими структурами директорский корпус государственных предприятий также политизировался, обретал собственную субъектность в ситуации противостояния элит и все более склонялся к поддержке именно новой элиты, складывавшейся на республиканском уровне.

Функционирование всех четырех моделей – каждой по-своему – однозначно свидетельствовало о стремительной утрате государственной властью способности контролировать ресурсы и национальное богатство. Ее прежние контрольные функции и прерогативы переходили в руки новой республиканской элиты, новой партийной элиты и директорского корпуса государственных предприятий с относительной независимостью. Этот процесс сводился вовсе не к созданию новых – рыночных – правил хозяйствования, поскольку построение рынка неосуществимо за короткий период времени, а к элементарному переделу собственности, приватизации

¹ Постановление Политбюро ЦК КПСС «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений» (11 июля 1991 г.) // Исторический архив. – 1992. – № 2. – С. 7–8.

общегосударственных активов и перераспределению – часто криминальному или силовому – мощностей, уже выведенных из государственного фонда. К концу перестройки государственная власть полностью утратила контроль над государственной – «общенародной» – собственностью. Лишившись возможности распоряжаться ресурсами и национальным богатством, государство перестало быть мотором экономических реформ и оказалось неспособным поддерживать функционирование даже собственных институтов.

Переход государственной власти от одной элитной группы к другой

Выше отмечалось, что XIX партконференция явилась рубежным событием в развитии перестройки, поскольку после нее конфликт между элитами, который до того лишь намечался и сводился к дискурсивным противостояниям, стал политической реальностью. Началось открытое противоборство между верховной элитой КПСС, перешедшей на новые должности в системе Советов общесоюзного уровня, и партийной элитой высшего, среднего и низового уровней, которая ради собственного выживания как политического субъекта вынуждена была начать руководствоваться своими корпоративными интересами, а не спускаемыми сверху инструкциями. Как отмечает Н.Ю. Лапина, представители этой элиты КПСС в 1988 г. «впервые почувствовали себя независимым субъектами и предприняли попытку самостоятельного выхода из кризисной ситуации», такое их решение «привело к возникновению центробежных тенденций внутри партийного аппарата» [Лапина, 2004]. Иными словами, элита КПСС высшего, среднего и низового уровней начала руководствоваться исключительно соображениями собственной групповой безопасности и обеспечения своих групповых интересов.

Между тем при проектировании политической реформы ее авторы были абсолютно убеждены в том, что партийная элита окажется неспособной действовать самостоятельно, без директив сверху. Отсюда делался вывод, что сокращение руководящих кадров КПСС пройдет быстро и просто – последние по команде «самоликвидируются», и верховная элита сможет беспрепятственно решать дальнейшую политическую судьбу партии. Эта убежденность не

учитывала того, что партийная номенклатура располагает колоссальными политическими ресурсами и не захочет добровольно с ними расстаться. Поэтому верховная элита оказалась неготовой к тому, что ее бывшие и настоящие подчиненные превратятся в решительных оппонентов, вместо того чтобы послушно переходить в Советы и иные исполнительные или ведомственные структуры.

Впрочем, полномочия государственных органов в рамках проектировавшегося политического режима в действительности не были расширены, что создавало непреодолимое препятствие для перехода в них элиты КПСС в полном составе. Довольно значительному сегменту бывших руководящих партийных работников предстояло остаться если не без работы вовсе, то, во всяком случае, утратить прежние возможности и привилегии. В то же самое время органы власти в союзных республиках остро нуждались в компетентных кадрах, способных грамотно выстраивать и обеспечивать самостоятельность этих территорий в рамках обновленного союзного государства. До перестройки республиканские органы власти являлись в значительной степени бутафорскими и всего лишь исполняли приходявшие из Москвы директивы – вся основная работа по управлению страной была сосредоточена на союзном уровне. С началом же перестройки республиканские элиты сначала аккуратно и неуверенно, а затем все настойчивее и решительнее стали переключать на себя функции, находившиеся прежде в ведении союзного центра. Для этого им требовалось усложнить структуру органов республиканской власти и усилить местную элитную группу. Это и было успешно осуществлено, а переход из союзных партийных структур в республиканские административные органы и Советы стал эффективным решением проблемы «трудоустройства» элиты КПСС. Значительная часть представителей партийной элиты, контролировавших административные органы СССР, перешла в органы власти республик, тем более что их квалификация управленцев была там крайне востребована. Фактически вместе с этими кадрами из центра в республики вместе с их профессиональными компетенциями перетекали и наиболее эффективные управленческие технологии, которые к тому же на ходу совершенствовались, адаптируясь к складывавшемуся рынку. Таким образом, союзная власть ослаблялась, а власть, абсорбированная и явочным порядком воспринятая республиками, усиливалась. Этот процесс предопределил поражение центра в его

противостоянии с республиканскими властями. После нарушения баланса между Москвой и столицами республик Кремль так и не сумел найти хотя бы паллиативные способы сохранения союзной государственности. По мнению Валери Бюнс и Теды Скочпол, утрата государством монополии на принуждение привела к его разрушению.

Заключение

Перестройка в СССР может наглядно проиллюстрировать процесс и причинно-следственный механизм «разрушение режима – разрушение государства». Разрушение режима представляло собой триединый процесс – трансформацию элитной структуры, раскол элитной группы и утрату элитой государственной власти. По сути, политическая реформа в Советском Союзе в основе своей стала видоизменением элитной структуры страны. Однако такое видоизменение также означало новации во взаимоотношениях между элитной группой и государством. Так как в ходе этого процесса не были должным образом учтены интересы и требования элиты, то это неизбежно привело к ее расколу, после чего отдельные элитные группы стремились защитить и сохранить собственные власть и статус, исходя из свойственной им политической рациональности. В условиях конфронтации между различными элитными группами их усилия по защите и сохранению власти и статуса постепенно перерастали в расширение власти и полномочий, а значит – в узурпацию и перехват изначально нейтральной и относительно самостоятельной государственной власти. Из-за этого государству не оставалось ничего иного, как начать все больше сближаться с радикальными представителями элиты, а впоследствии – сдать на милость последних.

Таким образом, в условиях борьбы за власть между различными элитными группами возникает целый ряд явлений (раскол государственной власти, утрата ее контроля над ресурсами, перемещение государственной власти от одной элитной группы к другой), приведших в итоге к разрушению и распаду государства. Для бывших социалистических государств определенным маркером их устойчивости при транзите политического режима является степень интеграции элитного консенсуса и воли государства. И ключ

к такой интеграции – стабильные отношения между элитами и государством. Если применять эту теорию к практике, то, как отмечает Юй Кэпин, инкрементная политическая реформа – главный путь к преобразованию политического режима [Yu Keping, 2002]. Такая реформа может стать более или менее плавной, если в процессе реформы коллективные интересы элиты будут сохранены или расширены, но при этом в максимальной степени окажутся соответствующими воле и интересам государства. И наоборот, в случае утраты элитного консенсуса неизбежен раскол элиты, противоборствующие элитные группы станут руководствоваться собственными интересами, использовать, перехватывать и узурпировать государственную власть. В результате воля государства будет все больше совпадать с волей самой сильной элитной группы, а интересы государства окажутся на деле коллективными интересами этой группы. И тогда реформа может привести к распаду государства (рис. 3).

1 этап	2 этап	3 этап	4 этап
Трансформация элитной структуры	Раскол элитной группы	Утрата государственной власти	Распад государства
Отказ от власти, сокращение КПСС	Партийная элита, республиканская (местная) элита	Раскол государственной власти, утрата ею контроля над ресурсами и национальным богатством, перетекание государственной власти от одной элитной группы к другой	Неспособность государственной власти, несостоятельность и разрушение государства

Рис. 3.
**Причинно-следственный механизм распада
советского государства**

Список литературы

- Арбатов Г.А.* Человек системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада. – М.: Вагриус, 2002. – 459 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 446 с.
- Лапина Н.Ю.* Механизм трансформации советской политической элиты. Номенклатура и номенклатурная организация власти в России // Материалы интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества». – Пермь:

- Элис-Центр, 2004. – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=31&pod3_id=117 (дата посещения: 04.10.2020).
- Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти (1945–1991). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
- Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1047 с.
- Яник А.А., История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). – М.: Фонд современной истории; Издательство МГУ, 2012. – 760 с.
- Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 206 p.
- Csanadi M. Self-consuming evolutions: a model on the structure, self-reproduction, self-destruction and transformation of party-state systems tested in Romania, Hungary and China. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006. – 334 p.
- Ertman T. Birth of Leviathan: building states and regimes in Medieval and Early Modern Europe. – London: Cambridge Press, 1997. – 363 p.
- Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the Early Modern World. – Berkeley: University of California Press, 1991. – 608 p.
- Gaman-Golutvina O. Changes in elite patterns // Europe-Asia Studies. – 2008. – Vol. 60, N 6. – P. 1033–1050.
- Matsuzato K. Logics of semi-presidentialism and post-communist politics // Russian Studies. – 2010. – N 5. – P. 36–50.
- Mosca G. The ruling class (Elementi di scienza politica) / Transl. by H.D. Kahn. – New York, London: McGraw-Hill Book Company, 1939. – 514 p.
- Yu Keping. Toward an incremental democracy and governance: Chinese theories and assessment criteria // New Political Science. – 2002. – Vol. 24, N 2. – P. 181–199.

Fei Haiting*

Regime and state breakdown: dissolution of the Soviet Union

Abstract. The mechanism of causality between the breakdown of political regime and the disintegration of a state is an important topic in political science. The dissolution of the Soviet Union is a typical example. The aim of perestroika was the transformation of the political regime by renewing the top elite and inclusion of mass groups in the system of government. The initiators of the reform planned to achieve their goals through the general reconstruction of relations between the CPSU and the Soviet state, the redistribution of power from the party elite to the Soviet one concentrated in the Councils of People's Deputies at various levels. In practice, the implementation of two reforms at once (distancing the party from the authorities and optimizing governance) led to the split of the entire political elite. The struggle of opposing elite groups for dominance led to the paralysis of state power, the loss of control over what was happening in the country. As a

* Fei Haiting, School of government, Peking university (Peking, China),
e-mail: feihaiting@outlook.com

result, the interests of elite groups began to prevail over the national interests and ultimately led to the destruction of the state. Thus the authors substantiates the thesis that the destabilization of a regime as a result of the inter-elite struggle leads to the destruction of a state. The problem of elite renewal and consolidation and the transfer powers from the party elite to the state one becomes important.

Keywords: political regime; state; party-state; political elite; Soviet Union; perestroika.

For citation: Fei H. Regime and state breakdown: dissolution of the Soviet Union. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 309–332. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.15>

References

- Arbatov G.A. *Man of the system: observations and reflections of an eyewitness of its decay*. Moscow: Vagrius, 2002, 459 p. (In Russ.)
- Bunce V. *Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 206 p.
- Csanadi M. *Self-Consuming Evolutions: a model on the structure, self-reproduction, self-destruction and transformation of party-state systems tested in Romania, Hungary and China*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006, 334 p.
- Chernyaev A.S. *Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 1047 p. (In Russ.)
- Ertman T. *Birth of Leviathan: building states and regimes in Medieval and Early Modern Europe*. London: Cambridge Press, 1997, 363 p.
- Gaman-Golutvina O.V. *Political elites of Russia: stages of historical evolution*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 446 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O. Changes in elite patterns. *Europe-Asia Studies*. 2008, Vol. 60, N 6, P. 1033–1050.
- Goldstone J.A. *Revolution and rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991, 608 p.
- Lapina N.Yu. The transformation mechanism of the Soviet political elite. Nomenclature and nomenclature organization of power in Russia. In: *Materials of the Internet conference "Nomenclature in the history of Soviet society"*. Perm: Elis-Center, 2004. Mode of access: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=31&pod3_id=117 (accessed: 04.10.2020)
- Matsuzato K. Logics of semi-presidentialism and post-communist politics. *Russian Studies*. 2010, N 5, P. 36–50.
- Mosca G. *The ruling class (Elementi di scienza politica)*. Trans by H.D. Kahn. New York, London: McGraw-Hill Book Company, 1939, 514 p.
- Pikhoya R.G. *Soviet Union: A history of power (1945–1991)*. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000, 684 p. (In Russ.)
- Yanik A.A. *History of modern Russia: sources and lessons of the last russian modernization (1985–1999)*. Moscow: Foundation for Contemporary History, MSU, 2012, 760 p. (In Russ.)
- Yu Keping. Toward an incremental democracy and governance: Chinese theories and assessment criteria. *New Political Science*. 2002, Vol. 24, N 2, P. 181–199.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5.–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt., pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Сияикова
Корректор М.П. Крыжановская

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ №ФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 17 / XI – 2020 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 123

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У